

Ю. В. БРОМЛЕЙ

ЭТНОС
И ЭТНОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1973

002.7
583

В книге всесторонне рассматриваются задачи этнографии — науки о народах мира (этнусах), анализируются ее традиции, ее соотношение со смежными науками — историей, археологией, социологией, фольклористикой, антропологией, географией и др. В связи с определением предмета этнографии автор уделяет особое внимание таким недостаточно разработанным аспектам теории этноса, как отличие этнических от других человеческих общностей, узкое и широкое понимание этноса, иерархичность этнических общностей и их типологизация, этнические функции культуры и психики, типы этнических процессов и др. Монографическое исследование очерченного круга проблем предпринимается в советской научной литературе впервые. Книга рассчитана на ученых-обществоведов, преподавателей, студентов и всех, интересующихся историческим прошлым народов мира и современными этническими процессами.

The book contains a multi-faceted consideration of the tasks of ethnography as a scientific discipline, analyses traditions of ethnography, its correlations with adjacent disciplines, such as history, archaeology, sociology, folk-lore studies, physical anthropology, geography and so on. With the aim of defining the object and the subject of ethnography the author deals in details with the theory of ethnos, paying a special attention to such problems as the difference between ethnos and other forms of human communities, a restricted and a broader understanding of ethnos, hierarchic structures of ethnic entities and their typology, ethnic functions of culture and psychic phenomena, typology of ethnic processes, etc. For the first time a monographic study of the above mentioned circle of problems is undertaken in the Soviet scientific literature. The book is addressed to the scholars of human area disciplines, university students, school teachers and other persons interested in the historical past of the peoples of the world and modern ethnic processes.

585339

**ИСТОРИЧСКА ОБЛАСНА
НАУКОВА БИБЛИОТЕКА
им. Желтиной революції**

0162-0032
Б 042(02)—73 БЗ-27-6-73

ПРЕДИСЛОВИЕ

Формирование предметной области любой науки, а соответственно и представления относительно ее основных задач — исторически непрерывный процесс, вызываемый общественными потребностями. Предметная область научных дисциплин складывается прежде всего в силу научных традиций, реального опыта науки. Вместе с тем изменение предметной области конкретных дисциплин происходит в настоящее время также путем системно-логического анализа. В этом анализе существенная роль принадлежит выявлению из всей совокупности познавательных задач, выдвигаемых практикой, именно тех, решение которых составляет специфику данной науки в отличие от других.

Процесс изменения представлений о предметной области прослеживается в любой отрасли научных знаний. Но интенсивность его проявления у различных дисциплин далеко не одинакова. В данном отношении среди гуманитарных дисциплин, пожалуй, особенно показательна этнография. Это, в частности, весьма отчетливо проявилось в период становления советской этнографической науки. Тогда, как известно, с одной стороны, имела место тенденция ограничить задачи этнографии лишь изучением архаических, пережиточных явлений, с другой — рассматривать этнографию, точнее говоря этнологию, как некую супердисциплину, претендующую на изучение чуть ли не всех компонентов деятельности общества.

Подобные расхождения в определении предметной области этнографии в известной мере дают себя знать до сих пор. Одним из примеров этого может служить еще довольно часто встречающееся представление, будто характерное для современности быстрое угасание архаики свидетельствует о прогрессирующем исчезновении предмета этнографии. Диаметрально противоположной является тенденция охвата этнографическим изучением всех сторон жизни современных развитых обществ.

Противоречивость во взглядах на предмет этнографических исследований не случайна. Долгое время она была обусловлена прежде

всего расхождением в определении объекта этнографии. Одни исследователи считали таковым народ, другие — культуру, третьи — человека и т. д. В наши дни, когда большинство специалистов сходится в том, что таким объектом является народ-этнос, главные трудности в определении предмета этнографии связаны с чрезвычайной сложностью и многогранностью этого феномена.

Следовательно, непременным предварительным условием определения предметной области этнографии является уточнение и углубление наших представлений об этносе. Именно этим и объясняется то особое внимание, которое сейчас уделяется в советской этнографической науке разработке понятия «этнос». Различные аспекты теории этноса за последние годы неоднократно обсуждались на страницах специальных периодических изданий, прежде всего в журнале «Советская этнография».

В ходе этих дискуссий и сформировались те представления об этносе, которые излагаются в предлагаемой вниманию читателей книге, главным образом в ее первой части. Исходя из понимания этноса как динамической системы, автор видел свою задачу не столько в том, чтобы дать обобщенную его характеристику, сколько в привлечении внимания к тем аспектам изучения этой системы, которые либо вообще находятся в тени, либо хотя и затрагиваются отдельными исследователями, однако все еще остаются недостаточно изученными. На обсуждение, в частности, выносятся такие вопросы, как отличие этноса от других человеческих общностей, узкое и широкое понимание этноса, иерархичность этнических общностей и их типологизация, этнические функции культуры и психики, роль эндогамии в функционировании этноса, этнос и популяция, типы этнических процессов и т. д.

Как известно, «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные исторические рамки*»*. В соответствии с этим основополагающим принципом автор стремился исследовать природу этноса, этнические системы и процессы с позиций историзма, в тесной связи с социально-экономическими факторами, составляющими основу общественного развития.

Опираясь на проделанный в первых главах книги анализ этноса, автор во второй ее части пытался установить критерии определения предметной области этнографии. Исходя из этих критериев, представ-

лялось необходимым, не претендуя на исчерпывающее профилирование этнографических исследований, наметить общие контуры их основных направлений. При этом учитывались как традиции науки об этносах, так и ее отношение к смежным дисциплинам.

Правда, до сих пор можно встретить мнение, что определение предметной области соответствующей науки, ее места в системе наук не имеет существенного значения. Однако, как показывает опыт, невнимание к этому важному теоретическому вопросу нередко приводит к серьезным просчетам в планировании научных исследований, затрудняет разделение и кооперацию труда, ведет как к ненужному дублированию, так и к образованию пробелов в изучении отдельных важных проблем. Этот опыт имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемому случаю, ибо этнос в той или иной мере изучается не только этнографией, но и многими другими научными дисциплинами.

Представляется также важным подчеркнуть, что само выдвижение задачи уточнения предмета этнографии — свидетельство ее определенной зрелости. Ведь это стало возможным лишь благодаря интенсивному развитию этнографических исследований во многих странах мира. Значительный вклад в эти исследования связан с качественно новым этапом в истории этнографии — возникновением и развитием советской этнографической школы, опирающейся на гранитный фундамент диалектико-материалистической методологии, на марксистско-ленинские принципы научного анализа. Советскими этнографами, как и этнографами-марксистами братских социалистических стран, проделана большая работа по изучению самых различных конкретно-исторических форм существования этносов.

Соответствующий фактический материал, в том числе аккумулированный в серии «Народы мира»**, в значительной мере и составляет ту базу, на которую в этой книге опираются многие положения обобщающего характера. Учитывая вместе с тем необходимость в наш перегруженный информацией век предельно краткого изложения рассматриваемых сюжетов, мы стремились по возможности избежать иллюстративности, ограничиваясь в необходимых случаях ссылками на исследования по отдельным конкретным вопросам.

Появление этой работы во многом обязано повседневной практике этнографических исследований в нашей стране и прежде всего науч-

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263.

** Эта серия, содержащая 13 томов (18 книг), была выпущена Институтом этнографии АН СССР в 1954—1966 гг.

ной деятельности Института этнографии Академии наук СССР. Именно эта практика убедила автора в необходимости уточнения и углубления существующих представлений как относительно объекта этнографии, так и ее предмета. Во многом помогли автору и дискуссии, развертывавшиеся на институтских теоретических семинарах и заседаниях Ученого совета. В этом смысле к созданию настоящей книги в определенной мере причастен весь научный коллектив Института этнографии. Отдельные же его сотрудники своими советами и замечаниями непосредственно содействовали ее подготовке, за что автор выражает им свою искреннюю признательность.

Часть первая

ЭТНОС
КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА

О МЕСТЕ ЭТНОСА В СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ (предварительные замечания)

Человечество едино и многолико. Представляя единое целое в биологическом отношении¹, развиваясь по общим социологическим законам, оно вместе с тем распадается на многочисленные группы. На земном шаре существовало и существует необозримое число общностей самой различной величины: от двух человек до всего человечества.

Бывают общности временные и устойчивые. Первые объединяют людей на сравнительно короткий срок, охватывающий часть их жизни (организации молодежи, учащиеся и т. п.); более того, каждый человек может временно оказаться членом общности, которая, строго говоря, является случайной (пассажиры в поезде, в самолете и т. п.). Устойчивые же формы общности людей объединяют их на протяжении не только всей жизни, но и многих поколений, в рамках одной или нескольких общественно-экономических формаций.

Объединения могут охватывать людей и на очень большой, и на очень малой территории, а также быть экстерриториальными. Общности могут быть более плотными и более дисперсными, т. е. члены общности могут жить вместе или быть рассеяны среди других людей².

Отличаются объединения людей также и тем, что одни из них сложились естественноисторически, помимо воли и сознания отдельных индивидуумов, другие же были созданы по желанию вошедших в них людей. Общности людей могут быть разграничены и в зависимости от того, сознают их члены такую общность или не сознают; при этом одна и та же общность в зависимости от конкретных условий может обладать или не обладать самосознанием (например, «класс в себе» и «класс для себя»)³. Следует вместе с тем учитывать, что в

¹ Об этом особенно убедительно свидетельствуют, в частности, данные генетики. Все люди на Земле, как известно, «имеют генетическую информацию, записанную в молекулах ДНК, обеспечивающую биологическую основу их существования как людей. Количество ДНК у всех людей одинаково, каждый из них обладает одинаковым числом генов. Нормальное число хромосом у всех людей равно 23 парам, т. е. 46. В отличие от многих подвидов животных, у человека по отдельным популяциям нет таксономических различий в структуре хромосом». (Н. П. Дубинин. Расовый вопрос и современная генетика. — «Успехи современной биологии», т. 73, вып. 2, 1972, стр. 209—210).

² Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966, стр. 84—85.

³ Правда, по мнению В. И. Козлова, социальными общностями являются только те, которые обладают самосознанием. (В. И. Козлов. О понятии этнической общности. СЭ, 1967, № 2, стр. 103, прим. 9). Он полагает, что указанный

одних случаях термином «общность» может быть обозначена просто одинаковость людей по какому-то признаку (например, одинаковая группа крови), в других — их единство, неразрывная связь⁴. Необходимо также различать общности людей по одной строго определенной, отдельной сфере общественной жизни (например, языковая общность) и общности, охватывающие сразу несколько таких сфер (например, племя, семья и т. п.).

Реальным основанием для существования подавляющего большинства всех этих общностей является целенаправленная деятельность людей, составляющая их главное свойство. Подчеркивая сущность людей как деятелей, как субъектов исторического процесса, В. И. Ленин отмечал, что «...история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»⁵. Иначе говоря, общественная жизнь людей есть не что иное, как непрерывающийся процесс деятельности. Этот процесс представляет собой чрезвычайно сложный комплекс взаимосвязанных, взаимопроникающих координированных человеческих усилий, направленных на решение различных проблем, встающих в ходе социальной жизни. При этом следует различать: а) направленность деятельности — сферы приложения активности человеческих индивидов, или виды деятельности; б) взаимоотношения, которые возникают между людьми в процессе деятельности; в) способ деятельности, средства и механизмы ее осуществления⁶.

Основоположниками марксизма неопровержимо доказано, что определяющей для общественного развития сферой человеческой деятельности является производство материальных благ. Оно имеет, как известно, две диалектически взаимосвязанные стороны: производительные силы, выражающие отношения людей к природе, и производственные отношения — отношения между людьми в процессе производства. «Чтобы производить, — писал К. Маркс, — люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»⁷. Характером производственных отношений в конечном счете и определяется тип общества, его классовая структура.

Производственно-экономической деятельностью, играющей важнейшую роль в жизни общества, деятельность людей, однако, не ограни-

тезис «ограждает нас от рассмотрения всех тех встречающихся в научной литературе группировок людей (например, в антропологии — долихоцефалы и брахицефалы, в психологии — холерики и сангвиники и т. п.), которые выделяются в тех или иных целях исследователями» (там же, стр. 103). Но при этом явно упускается из виду, что в таком случае за пределами социальных оказываются, например, такие общности, как экономическая общность, общности по некоторым сферам культуры и т. д.

⁴ См.: «Словарь современного русского литературного языка», т. 8. М.—Л., 1958, столб. 1.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 159.

⁶ Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, стр. 212—213.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 441.

чивается. Она включает, например, и такие виды деятельности, как общественно-политическая, научно-теоретическая, художественно-эстетическая. Во всех видах деятельности осуществляется общение между людьми, без которого, собственно, невозможна общественная практика⁸. Совокупность же складывающихся при этом общественных отношений⁹ вместе с базирующимися на них институтами и представляет содержание каждой конкретной социальной системы как реально функционирующей и развивающейся целостности. При макротипологизации таких систем возможны два качественно различных подхода. Один из них выполняет обобщающую функцию, абстрагируясь от непосредственно данных пространственно-временных условий существования объектов типологизации, другой фиксирует общность и единство явлений в определенном пространственно-временном континууме¹⁰.

Обобщающий типологический подход к социальным явлениям наиболее яркое и законченное воплощение получил в марксистском учении о социально-экономических формациях, критерием выделения которых и служат, как известно, определенные производственные отношения. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что исторический материализм Маркса «дал вполне объективный критерий, выделив производственные отношения, как структуру общества, и дав возможность... обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественной формации»¹¹. Что касается типологической характеристики отдельных макросоциальных единиц, то в нашей научной литературе не до конца преодолены трудности терминологического порядка, связанные с обозначением основных из этих единиц, т. е. тех, что выступают в качестве самостоятельных ячеек социального развития.

Обычно для обозначений такого рода единиц применяется слово «общество». Однако это слово многозначно. Одно из его значений — совокупность всех людей. Употребляется оно и в смысле, близком к понятию «социально-экономическая формация» (феодалное общество, капиталистическое общество и т. д.). К тому же это слово довольно плохо принимает множественное число¹².

Не бесспорно и предложение употреблять в интересующей нас связи термин «страна». Явно доминирующая роль пространственно-территориального значения делает этот термин, на наш взгляд, малопригодным для обозначения единиц самостоятельного социального разви-

тия¹³. К тому же он довольно неопределенен. Не случайно его иногда характеризуют как завуалированный синоним государства¹⁴. Что касается самого термина «государство», то он тоже не однозначен. Его основное значение в марксистской литературе — это «машина для поддержания господства одного класса над другим»¹⁵. Но в таком значении данный термин, естественно, не может выступать в роли символа, обозначающего макроединицу социального развития. Правда, более приемлемо использование для этой цели второго значения слова «государство», когда под ним подразумевают конкретную территориальную общность людей, на которую простирается власть определенной политической организации экономически господствующего класса¹⁶. Однако не следует забывать, что при первобытнообщинном строе государства как особого органа власти, отдельного от народа, не существовало. В силу этого слово «государство» (и во втором своем значении) имеет исторически ограниченный характер.

В свете всего сказанного привлекает внимание сравнительно недавняя попытка Ю. И. Семенова ввести общий для всех исторических эпох термин, специально обозначающий самостоятельные единицы социального развития. Он предложил именовать такого рода единицы «социальными организмами». При этом социальные организмы родового общества характеризуются им как социально-бытовые, а классового — как социально-политические¹⁷.

Предложение Ю. И. Семенова не осталось незамеченным. Понятие «социальный организм» постепенно стало появляться на страницах наших научных изданий¹⁸. Но вместе с тем обнаружилась и другая тенденция: несколько настороженное отношение к этому понятию¹⁹. В известной мере, очевидно, сказывается как «биологическое» происхождение слова «организм», так и то, что понятие «социальный организм» было широко использовано философами-позитивистами. Однако, несмотря на все это, В. И. Ленин, как известно, считал возможным употреблять это понятие²⁰.

¹³ Например, Польшу после разделов, разумеется, нельзя характеризовать как самостоятельную единицу социального развития, хотя, очевидно, не будет большой ошибкой говорить о Польше как о стране.

¹⁴ Б. Ф. Поршнев. Мыслима ли история одной страны?, стр. 306.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73.

¹⁶ Это, в частности, фиксируют нормативные словари русского языка, в которых обычно указывается, что одно из значений слова «государство» — «страна и ее население, находящееся под властью определенного правительства» («Словарь современного русского литературного языка», т. 3. М.—Л., 1954, стр. 338. Ср.: «Толковый словарь русского языка», т. 1. М., 1935, стр. 609).

¹⁷ Ю. И. Семенов. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— ВИ, 1966, № 8, стр. 88—106. См. также Ю. К. Плетников. О природе социальной формы движения. М., 1971, стр. 57—62.

¹⁸ В том числе в работах по этнической проблематике: В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 23; Ю. В. Бромлей. Этнос и этносоциальный организм.—Вестник АН СССР, 1970, № 8, стр. 48—54; В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, стр. 9.

¹⁹ Б. Ф. Поршнев. Мыслима ли история одной страны?, стр. 305, прим. 4.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 429.

⁸ Л. П. Буева. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, стр. 57—59.

⁹ Характеризуя структуру общественных отношений, В. И. Ленин отмечал, что они «делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 149).

¹⁰ Э. С. Маркьян. Очерки теории культуры, стр. 110.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

¹² Б. Ф. Поршнев. Мыслима ли история одной страны? «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., 1969, стр. 305.

Разумеется, используя категорию «социальный организм», следует учитывать принципиальные отличия социального уровня системной организованности от уровня развития биологических систем²¹. В интересующей нас связи особенно важно подчеркнуть, что в иерархии биологических систем организменной является только одна ступень²². Между тем в социальной сфере в силу условности употребления в ней понятия «организм»²³ этим понятием может быть, очевидно, названа каждая система, в большей или меньшей степени отвечающая представлению о самовоспроизводящейся целостности. В этом смысле организмом является и семья, и община, и город и т. д. Поэтому очень существенно условиться о критериях выделения во всей иерархии социальных систем организменного уровня. Ю. И. Семенов определяет такой критерий лишь в самой общей форме, говоря о социальном организме «как самостоятельной единице социального развития»²⁴. Уточняя этот тезис, В. И. Козлов отмечает, что данный «термин следует прилагать лишь к тем социальным образованиям, которые могут существовать и развиваться независимо от других. Это условие связано прежде всего с определенными размерами социальных образований»²⁵. Действительно, как правило, наибольшей степенью независимости обладают макроединицы социального развития. И все же на этом основании, на наш взгляд, было бы поспешно заключать, что в иерархии социальных общностей организмами непременно являются единицы самого высшего уровня. Представляется очевидным, что для функционирования социальной общности как организма необходимы не только его «внешняя» независимость, но и внутреннее единство. Между тем самые «высшие» по своему уровню социальные единицы далеко не всегда обладают достаточно устойчивым единством. Подобные макросоциальные общности фактически представляют собой всего лишь систему социальных общностей²⁶.

Каковы же конкретные типы «социальных организмов»? Очевидно, что для разных этапов всемирно-исторического процесса они не оставались неизменными.

²¹ Следует, например, учитывать, что социальные системы превосходят биологические, в частности, по способности усиливать самоорганизацию на основе прогнозирования (А. А. Малиновский. Общие вопросы строения систем и их значение для биологии.— «Проблемы методологии системного исследования». М., 1970, стр. 182).

²² Одним из общепринятых является следующее членение живой природы: 1) клетка и субклеточные структуры; 2) организм; 3) популяция; 4) биогеоценозы (А. А. Лягунов. О рассмотрении биологии с позиций изучения живой природы как большой системы.— «Проблемы методологии системного исследования». М., 1970, стр. 187—188).

²³ Эта условность в значительной мере связана с тем, что в отличие от биологических организмов любое социальное образование является пропиаемым для других подобных общностей.

²⁴ Ю. И. Семенов. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, стр. 94.

²⁵ В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 23.

²⁶ Ср.: Ю. И. Семенов. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, стр. 94.

Первое объединение людей — первобытное стадо — еще не представляло подлинного социального организма. Будучи формой, переходной между зоологическим объединением, с одной стороны, и «готовым» человеческим обществом — с другой, оно представляло собой биосоциальное образование²⁷. На рубеже между ранним и поздним палеолитом первобытное стадо превратилось в первобытный род. При этом основной производственной ячейкой становится родовая община (или родовая коммуна)²⁸, которая вместе с родом на ранней стадии первобытного строя была главной социальной единицей²⁹. На поздней же стадии первобытного строя (а по мнению некоторых исследователей, лишь на стадии его разложения)³⁰ высшей единицей социального развития становится племя, объединявшее несколько экзогамных родов и обладавшее общими органами власти. Такое племя, очевидно, и следует рассматривать в качестве социального организма, ибо для него характерна не только значительная независимость, но и внутреннее единство. Правда, с момента возникновения союзов племен отдельное племя перестает быть высшей социальной макроединицей. Однако и в этом случае племя, судя по всему, продолжало играть роль социального организма, так как союзы племен обычно не обладали достаточно устойчивым внутренним единством.

Характеризуя племя как социальный организм первобытности, следует особо подчеркнуть, что его целостность в значительной мере обеспечивалась определенными органами власти. Но эта власть еще не имела политического характера. Для удобства такого рода общности, на наш взгляд, могут быть определены как «потестарные» (от лат. «potestas» — власть). Соответственно племена, обладающие органами власти, можно условно именовать «социально-потестарными организмами».

Что касается социальных организмов классовых формаций, то предложение Ю. И. Семенова определять их как социально-политические общности представляется в общем приемлемым. Необходимо лишь одно уточнение. Дело в том, что Ю. И. Семенов под социально-политическим организмом понимает не только государственные образования, но и народы. Между тем если представление, что государство — политическая общность, бесспорно, то причисление к таковым и народов представляется неправомерным. Ведь если государственные границы пересекают территорию расселения народа на части, то народ, естественно, не представляет целого «организма». Но, как известно, народы далеко не всегда полностью «вписываются» в границы одного государства. Поэтому понятие «социально-политический орга-

²⁷ Там же.

²⁸ Вопрос о соотношении рода и родовой общины остается дискуссионным (подробнее об этом см.: Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории. В кн.: «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972, стр. 16—24).

²⁹ А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. М., 1968, стр. 98—99; Ю. И. Семенов. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, стр. 94.

³⁰ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, стр. 89.

низм», на наш взгляд, следует употреблять лишь для обозначения государственных образований.

Итак, социальный организм имеет два основных стадийных типа: один из них — «социально-потестарный» — характерен для первобытнообщинного строя, другой — «социально-политический», или «государственный», — присущ классовым формациям.

Наряду с социальными организмами в качестве общественных макроединиц выступают и культурные общности. При этом имеется в виду культура в широком смысле слова³¹, т. е. понимаемая как совокупность специфически человеческих способов целенаправленной³² деятельности и ее результатов. Иначе говоря, в культуру включается не только объективированный труд (в предметной форме и в форме фиксированного в сознании людей опыта), но и непосредственные проявления самой направленной активности людей, выраженной в их действиях и поступках.

Такое широкое понимание культуры в последнее время получает все большее признание у наших культурологов³³. Правда, при этом имеют место и определенные расхождения. Основное из них касается аксиологического и дезаксиологического подхода к понятию «культура». Аксиологический подход, восходящий к философско-историческим воззрениям XVIII—XIX вв., связан с приданием термину «культура» оценочного смысла. Это наиболее характерно для обыденной речи. Так, говоря о человеке, что он культурен или некультурен, ему дают положительную или отрицательную оценку. Однако оценочное

³¹ Как известно, понятие «культура» отличается чрезвычайной многозначностью. В одном из обзоров употребления этого понятия в западной «культуроведческой» литературе приводится свыше 150 определений, даваемых ему различными авторами (А. Kroeber and Kluckhohn. Culture Critical Review of Concepts and Definitions. New York, 1964). Краткую характеристику основных из этих определений см.: Е. М. Штаерман. Проблемы культуры в западной социологии. — ВФ, 1967, № 1, стр. 163—164.

³² Целенаправленность — одна из непреходящих черт собственно человеческой деятельности. Это обстоятельство получило яркое выражение в известном замечании К. Маркса о том, что даже самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что уже в начале своего труда представляет в своей голове его результаты (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 189).

³³ Г. Францев. Культура. — Философская энциклопедия, т. 3, М., 1964; А. А. Зворыкин. Определение культуры и место материальной культуры в общей культуре. — Труды VII МКАЭН, т. 4, М., 1967; Э. С. Маркьян. Очерки теории культуры, стр. 61 и сл.; Л. П. Коган. Духовное производство и культура. — «Вопросы духовной культуры советских рабочих», вып. 1, Свердловск, 1969, стр. 3 и сл.; Э. С. Маркьян. Место и роль исследования культуры в современном обществознании. — ВФ, 1970, № 5, стр. 101—111; В. М. Междев. Марксистский историзм и понятие культуры. Автореф. канд. дисс. М., 1971; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1971, стр. 164; Э. С. Маркьян. Вопросы системного исследования общества. М., 1972; А. И. Арнольд. Социалистическая культура: теория и жизнь. — «Идеологическая борьба и современная культура». М., 1972, стр. 57, и др.

Впрочем, одновременно можно встретить и тенденцию свести культуру только к духовной сфере. Однако такая трактовка культуры волюн или неволюн ведет к недооценке производственной деятельности трудящихся — создателей материальных благ (см.: Э. Ион. Проблемы культуры и культурная деятельность. М., 1969, стр. 49).

понимание культуры вошло и в общественные науки, что наиболее четко отразилось в дефинициях культуры как совокупности ценностей, т. е. только положительных результатов человеческой деятельности. Между тем аксиологическая трактовка понятия культуры во многом уязвима для критики. Во-первых, она недостаточно учитывает диалектический характер развития как культуры в целом, так и ее отдельных компонентов (ведь новое побеждает в борьбе со старым и то, что вчера было прогрессивно, со временем может стать консервативным и даже реакционным). Во-вторых, само различие положительного и отрицательного зависит от ценностных ориентаций эпохи, общества, класса и поэтому исторически обусловленно. В-третьих, нельзя забывать, что с аксиологическим пониманием культуры тесно сопряжено противопоставление «культурных» народов «некультурным». Именно последнее обстоятельство еще во второй половине XIX в. сыграло существенную роль в критике ценностной трактовки понятия «культура»³⁴. Поэтому в настоящее время многие советские культурологи и культурологи других социалистических стран считают более правомерным дезаксиологическое понимание культуры³⁵.

В свою очередь по поводу такого подхода к культуре высказываются опасения, что он может привести к недооценке значения исторически различающихся уровней культурного развития человечества³⁶. Но это опасение вряд ли основательно. В марксистской культурологии дезаксиологическая трактовка культуры отнюдь не ведет, как это наблюдается в позитивистской буржуазной социологии, к отказу от идеи культурного прогресса как таковой. Видимо, просто не следует смешивать две различные проблемы: проблему рассмотрения культуры как общего понятия общественной науки и проблему неравноценности ее исторически различающихся уровней. Иначе говоря, общий подход к понятию культура предполагает одновременное выражение определенного (прежде всего классового) отношения к каждому конкретному проявлению этого феномена.

Как и «собственно социальные» компоненты общественной жизни, культура, несомненно, должна рассматриваться и в историко-стадиальном плане и в плане фиксации конкретной общности в определенном пространственно-временном континууме.

В первом случае, например, в соответствии с делением истории человечества на социально-экономические формации выделяются «формационные» типы культуры (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая). Внутри каждого из этих типов при историко-стадиальном подходе в свою очередь могут быть выделены подтипы (например, раннекапиталистическая культура).

³⁴ См.: Л. А. Орнатская. К вопросу о происхождении и формировании понятия «культура». — Сб.: «Проблемы философии и социологии». Л., 1968, стр. 34.

³⁵ Одно из последних обоснований такого подхода см. в кн.: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, стр. 242—246.

³⁶ В. М. Междев. Марксистский историзм и понятие культуры. Автореф. канд. дисс., стр. 6.

Региональный же подход позволяет выделить локальные общности культуры (локальные культуры). Такой подход обнаруживает, однако, чрезвычайное многообразие пространственно ограниченных систем. Это обусловлено тем, что системообразующую роль может выполнять почти каждый из огромного множества компонентов, входящих в существующую в данный момент культуру. Такую роль, например, одновременно могут играть и язык, и архитектурный стиль, и определенный вид пахотного орудия и т. д. При этом в пределах определенного пространства создается обширная сеть взаимопересекающихся и к тому же неравновеликих культурных общностей. Вместе с тем системообразующую функцию выполняют и целые внутренне связанные блоки компонентов культуры — культурные комплексы. На их основе могут быть выделены исторически сложившиеся пространственно-определенные макроструктурные единицы культуры. Эти общности, разумеется, должны рассматриваться в соответствующем социально-историческом контексте. Любая их абсолютизация чревата произвольными построениями, подобными тем, что столь характерны, например, для представителей «диффузионистского» направления в культурологии (Л. Фробениус, Ф. Гребнер, Э. Смит) или «циклических» теорий развития общества (О. Шпенглер, А. Тойнби)³⁷.

Рассмотрение культурных ареалов как исторических категорий позволило советским этнографам М. Г. Левину и Н. Н. Чебоксарову выделить две своеобразные разновидности таких общностей: хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. В первом случае имеются в виду «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»³⁸. Под историко-этнографическими областями понимаются части эйкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния сложились сходные культурно-бытовые особенности³⁹. Одну из специфических разновидностей исторически сложившихся культурных комплексов представляют, как мы увидим, и этнические общности, но об этом ниже. Здесь же лишь отметим необходимость учитывать наличие

³⁷ Критический анализ этих концепций см., например: С. Н. Артановский. О сравнительно-историческом и структурном методах в этнографии. — «Методологические вопросы общественных наук». Л., 1968, стр. 218—221; Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. Критический очерк американских и английских теорий. М., 1965, стр. 7—94.

³⁸ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса). СЭ, 1965, № 4, стр. 4; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, стр. 169 и сл.

³⁹ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, стр. 4—10; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, стр. 215 и сл.

разномасштабных уровней типологизации культурных общностей⁴⁰, в результате чего создается их своеобразная иерархия.

Характеризуя общности людей, мы, очевидно, не вправе ограничиться рассмотрением лишь их социальных объединений в широком смысле этого слова. Ведь человек подчиняется не только законам общественного развития, но и биологическим законам. Он представляет собой единство двух начал — социального и биологического. Хотя определяющим является социальное начало, значение которого в процессе поступательного развития человечества непрерывно возрастает, однако человек «не выпрыгивает» из природы, остается ее частью. И это неизбежно накладывает свою печать на всю жизнь людей.

Одним из основных типов биологических (антропологических) общностей людей являются, как известно, расы, на которые распадается все ныне живущее человечество, представляющее с биологической точки зрения один вид — *Homo sapiens*. Расы отличаются друг от друга физическими признаками — цветом кожи, волос, глаз, формой волос, чертами лица, ростом, формой черепа и др. Эти признаки наследственны и сравнительно мало изменяются в результате непосредственного влияния среды, хотя своим происхождением в значительной степени обязаны воздействию на ряд поколений географических условий в глубокой древности⁴¹.

При антропологической классификации населения мира принято выделять так называемые большие расы (их обычно насчитывают не менее трех: негроидная, европеоидная, монголоидная), просто расы или малые расы (их насчитывают обычно более двух десятков), а также антропологические типы, представляющие низшую в таксономическом отношении единицу⁴².

Особую разновидность биологических (антропологических) общностей людей представляет «популяция». Правда, термином этим, имея в виду совокупность людей, пользуются не только в биологическом, но и в демографическом, географическом и экономическом контекстах, говоря о популяции как о населении некоего города, местности, среды обитания. Но в антропологии, как и в биологии, под популяцией понимают генетическую единицу. Поэтому первоочередное значение придается родственным связям, а не пространственной близости. Принято различать популяции в зависимости от распространения тех или иных генов: генетические популяции определяют как относительно замкнутые группы, внутри которых скрещивание особей осуществляется с большей частотой, чем за их пределами⁴³.

⁴⁰ См.: Л. М. Баткин. Тип культуры как историческая целостность (Методологические заметки в связи с итальянским Возрождением). — ВФ, 1969, № 9, стр. 107.

⁴¹ В определенных условиях раса может выступать в качестве не только биологической, но и социальной категории (А. В. Ефимов. Социальный аспект биологической категории «раса». «Против расизма». М., 1966, стр. 27—46).

⁴² Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Антропология. М., 1963, стр. 347—429.

⁴³ Это определение принадлежит одному из основателей популяционной генетики С. С. Четверикову (см.: Н. П. Дубинин. Эволюция популяций и раса. М., 1966). Ср. определение генетической популяции в кн.: Дж. Хар-

В советской антропологической литературе элементарная человеческая популяционная единица — «дем» — определяется как наименьшая группа людей, заключающих браки на протяжении нескольких поколений преимущественно между собой⁴⁴. Однако необходимо учитывать, что практически, особенно в современных условиях, брачные связи за исключением отдельных изолятов, не ограничиваются только рамками дема. В результате соседние демы нередко частично перекрывают друг друга. В силу этого образуется своеобразная брачная непрерывность, что в свою очередь приводит к созданию более крупных популяций, объединяющих несколько демов.

Вообще следует иметь в виду, что популяция — явление иерархичное. При этом перед нами иерархия, построенная не только по принципу концентрических, но и пересекающихся, частично совпадающих кругов. Основание этой иерархии составляет дем, а ее высший уровень — в известном смысле все человечество, которое является в конечном счете тоже популяцией. Между ними расположено огромное количество различных по своим основаниям популяций, отличающихся друг от друга прежде всего степенью проницаемости ограничивающих их генетических барьеров⁴⁵.

Одним из важнейших и вместе с тем достаточно сложных является вопрос о соотношении между популяцией и расой. Каждая популяция, несомненно, характеризуется тенденцией к усилению однородности генетического фонда, т. е. стремлением к превращению в расовое подразделение. Именно это свойство популяции, как полагают сторонники популяционной концепции, и привело к образованию рас. И все же совпадение популяции с расой или даже с расовым подразделением совершенно не обязательно. Дело в том, что, несмотря на отмеченную выше тенденцию, для достижения сравнительно крупной популяцией генетической однородности требуется смена многих и многих десятков поколений. Правда, подчас расовые группы в результате заключения лишь внутригрупповых браков сами становятся своеобразными популяциями. Но это уже явление «вторичное», не имеющее прямого отношения к вопросу о роли популяций в расогенезе.

Рассматривая различные типы человеческих объединений, следует учитывать, что одна и та же группа людей может одновременно входить в несколько самых различных общностей, в той или иной мере сопряженных друг с другом⁴⁶. При этом нередко имеет место полное

рисон, Дж. Уайнер, Дж. Таннер, Н. Барникот. Биология человека. М., 1968, стр. 131.

⁴⁴ См.: V. V. Bunak. The evolution of the elementary unit of population and its anthropological significance. М., 1968, p. 1; С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. «Расы и народы», 2, 1972, стр. 18.

⁴⁵ Мысль о том, что вид является высшей единицей в иерархии популяций, была высказана еще С. С. Четвериковым (С. С. Четвериков. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики.— «Журнал экспериментальной биологии», 1926, т. 2, № 1, стр. 34—35, 49).

⁴⁶ «Лишь в некоторых видах общностей тот же человек не может состоять одновременно: в разных антагонистических классах или в антагонистических

или почти полное совпадение нескольких «простейших» общностей, их своеобразный симбиоз. Среди рассмотренных выше общностей наиболее показательны в этом отношении социальные макроорганизмы, каждый из которых может быть представлен в виде совокупности таких общностей, как территориальная, экономическая, социальная и (в классовых формациях) политическая. Подобные сложные образования могут быть также результатом сочетания социальных и биологических общностей. Примером тому может служить могонамная семья, несомненно представляющая собой не только социальную, но и биологическую единицу, поскольку одна из ее основных функций — биологическое воспроизводство людей.

Одним словом, различные человеческие общности, как и лежащие в основании большинства их отдельные виды деятельности, находятся в постоянном взаимодействии, в той или иной степени переплетаясь друг с другом.

Особое место среди всей этой чрезвычайно сложной иерархии человеческих объединений занимают общности, именуемые в специальной научной литературе «этносамы».

Впрочем, долгое время использование древнегреческого слова «*ἔθνος*» в международной практике ограничивалось преимущественно двумя производными от него терминами — «этнография» и «этнология»⁴⁷, обозначающими по существу одну и ту же отрасль знаний⁴⁸. Для наименования же самого объекта этнографо-этнологического изучения при этом обычно довольствовались либо такими, почерпнутыми из обыденного языка общими, так сказать, «родовыми» понятиями, как русск. «народ», нем. «Volk», англ. «people», фр. «peuple» и т. д., либо «видовыми», дифференцированными в стадильном отношении терминами (таковы, например, в литературе на русском языке термины «нация», «народность», «племя»). Однако в последнее время для обозначения всей совокупности подобных общностей людей все чаще стало употребляться слово «этнос»⁴⁹, а также генетически связанные с ним наимено-

социальных системах и др.» (Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, стр. 85).

⁴⁷ Эти термины получили широкое распространение уже в середине XIX в. (см. часть II, гл. 1). Вообще следует иметь в виду, что все западные языки, начиная от латинского, заимствовали корень «этно» или «эти» из древнегреческого для образования лишь прилагательных, но их словари не содержат субстантивной формы этого корня (G. de Rohan-Csermak. Le problème de l'«ethnie» et la notion de «complexe ethnique européen» (Mimeographed. Ms., 1965).

⁴⁸ Правда, иногда в западноевропейской литературе этнографии отводится роль описательной, а этнологии — теоретической дисциплины. Однако, как уже не раз отмечалось в нашей литературе, такое противопоставление весьма условно (см. ниже).

⁴⁹ Существующие словари древнегреческого языка дают под словом «*ἔθνος*» около десяти значений, среди которых: народ, племя, толпа, группа людей, класс людей, иноземное племя, язычники, стадо, род. Этимологический анализ этого слова позволяет увидеть в нем указание на всякую совокупность одинаковых живых существ, имеющих некие общие свойства (обычай, повадки, внешний вид и т. п.). Последовательное рассмотрение употребления слова «*ἔθνος*»

вания, включающие в качестве неременной составной части прилагательное «этнический» (например, «этническая общность»).

В научной литературе на русском языке эпизодическое употребление термина «этнос» для обозначения объекта этнографических исследований относится еще к началу XX в.⁵⁰ Не случайно введение в международный научный обиход термина «этнос» обычно связывается с русской наукой, в частности с именем С. М. Широкогорова (1887—1939 гг.)⁵¹. Еще в курсе лекций, прочитанных в 1921—1922 гг. в Дальневосточном университете, он попытался наметить типологические признаки этноса⁵². Вслед за тем им была посвящена этой теме специальная монография⁵³. Впрочем, взгляды С. М. Широкогорова по этому вопросу долгое время оставались незамеченными, хотя в 1935 г. в Лондоне и вышла на английском языке работа, частично излагающая его представления об этносе⁵⁴. В западноевропейской науке, насколько нам известно, впервые начинают обозначать объект этнографических исследований словом «этнос» лишь в конце 30-х годов⁵⁵. С этого времени термины «ethnos» или «ethnie» и производные от них термины «этническая группа», «этническое образование» постепенно начинают все чаще использоваться в работах зарубежных авторов для обозначения объекта этнографо-этнологических исследований⁵⁶.

в древнегреческой литературе от Гомера до Аристотеля показывает, что на архаической стадии существования этого слова преобладало значение «стая, рой, группа». Однако уже существует значение «племя, народ». В исторической литературе V—IV вв. до н. э. это значение становится доминирующим. При этом еще слабо различаются два оттенка: «греческое племя» и «негреческое племя». В последующие века (вплоть до первых веков нашей эры) наблюдается тенденция употребления термина «этнос» в значении «негреческое племя» (Ю. К. Поллинский. Термин «этнос» в древнегреческой литературе классического периода. «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР». Л., 1970, стр. 77—78). На протяжении средневековья библии используют это слово во множественном числе — «ἔθνη», переводя его как «люди», потом латинизируют и превращают в прилагательное «ethnicus» (этнический), которое становится термином, использовавшимся в еклезиастических текстах обычно в смысле «идолопоклоннический», «языческий». G. de Rohan-Csermak. Le problème de l'«ethnie» et la notion de «complexe ethnique européen» (Mimeographed. Ms., 1965).

⁵⁰ См., например: М. М. Могиланский. Этнография и ее задачи.— «Ежегодник Русского антропологического общества», III, 1908, стр. 102—105.

⁵¹ См.: W. E. Mühlmann. Rassen, Ethnien, Kulturen. Berlin, 1964, S. 58.

⁵² С. М. Широкогородов. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922.

⁵³ С. М. Широкогородов. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

⁵⁴ S. M. Shirokogoroff. Psychomental Complex of the Tungus. London, 1935.

⁵⁵ Этому в известной мере способствовала публикация в 1937 г. одной из значительных частей введения к упомянутой работе С. М. Широкогорова (S. M. Shirokogoroff. Ethnographie und Ethnologie) в периодическом издании «Archiv für Anthropologie und Völkerforschung», XXIV, 1937.

⁵⁶ См., например: R. M. Williams. The Reduction of Intergroup Tension. A Survey of research of Problems of Ethnic, Racial and Religious Group Relations.— «Social Science Research Council Bulletin», 57, New York, 1947; K. Moszyński. Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii. Wrocław. Kraków.

Во внедрении этнической терминологии в нашу современную научную (в первую очередь этнографическую) литературу немалую роль сыграли работы П. И. Кушнера, написанные им на рубеже 40—50-х годов⁵⁷. Существенно содействовала распространению терминов «этнос» и «этническая общность» подготовка многотомной серии «Народы мира», написание которой настоятельно потребовало использования терминов, обозначающих в обобщенной форме все многообразие этнической структуры мира⁵⁸. Не могло не сказаться и общее усиление внимания советских этнографов к проблемам этногенеза и этнической истории⁵⁹, в частности, к современным этническим процессам⁶⁰. В результате появился ряд специальных статей, посвященных разработке понятий «этническая общность» и «этнос», а также их типологизации⁶¹.

Warszawa, 1958; E. Francis. Ethnos und Demos (Sociologische Beiträge zur Volks-theorie). Berlin, 1961; W. E. Mühlmann. Rassen, Ethnien, Kulturen; R. Naroll. On Ethnic unit classification.— «Current Anthropology», vol. 5, Oct. 1964, N 4; T. Shibutani, K. M. Kwan. Ethnic stratification. A Comparative approach. New York — London, 1968; J. Poirier. Le programme de l'ethnologie.— «Ethnologie générale». Paris, 1968; F. Barth (ed.). Ethnic groups and boundaries. The Social Organisation of Culture Difference. Bergen, 1970; R. Shermehorn. Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory and Research. New York, 1970; G. de Rohan-Csermak. La notion de «complexe européen».— «Ethnologia Europaea», Paris, 1967, vol. I, N 1; S. Tax. The municipalities of the Midwestern Highlands of Guatemala.— «American Anthropologist», July — September, 1937.

⁵⁷ П. И. Кушнер. Национальное самосознание как этнический определитель.— КСИЭ, вып. 8, 1949; он же. Этнические территории и этнические границы.— ТИЭ, нов. серия, т. 15, М., 1951, стр. 6.

⁵⁸ «Народы мира. Этнографические очерки». М., 1954—1966.

⁵⁹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XII в. ТИЭ, нов. серия, т. 55, М., 1960; А. И. Першиц. Племя, народность и нация в Саудовской Аравии.— СЭ, 1961, № 5; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме VII МКАЭН). М., 1964; С. И. Брук. Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964; И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири.— ТИЭ, нов. серия, т. 89, 1966; К. И. Козлова. Специфика этнической общности марицев в период присоединения к России.— СЭ, 1968, № 6, и др.

⁶⁰ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Современный этап национального развития народов Азии и Африки.— СЭ, 1961, № 4; Т. А. Жданко. Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР.— СЭ, 1964, № 6; И. Р. Григулевич, А. В. Ефимов. К вопросу о возникновении и развитии наций в Латинской Америке.— В сб.: «Нации Латинской Америки». М., 1964; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике.— СЭ, 1965, № 5; Г. П. Васильева. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане.— СЭ, 1968, № 1; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.— СЭ, 1970, № 1; «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера». М., 1971; С. И. Брук. Этнодемографические процессы в СССР (по материалам переписи 1970 г.).— СЭ, 1971, № 4; Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования).— СЭ, 1972, № 3; «Национальные проблемы в Канаде». М., 1972, и др.

⁶¹ С. А. Токарева. Проблема типов этнических общностей.— ВФ, 1964, № 11; В. И. Козлов. О понятии этнической общности.— СЭ, 1967, № 2; Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей.— ВИ, 1967, № 4; Н. Н. Чебокс-

Введение в научный обиход слова «этнос» и производных от него терминов для обозначения интересующей нас категории человеческих общностей представляется вполне оправданным, хотя бы уже потому, что ее общее обыденное наименование в большинстве европейских языков многозначно⁶². Правда, в нашей философской литературе в этих целях нередко применяется такое «родовое» понятие, как «историческая общность». Однако оно значительно шире рассматриваемой категории и поэтому практически не позволяет отграничить ее от других многочисленных разновидностей исторически сложившихся социальных общностей (например, государства, общины, семьи и т. д.)⁶³.

В то же время в пользу специальной «этнической» терминологии⁶⁴ говорит и связанная с ней перспектива международной унификации основной номенклатуры⁶⁵ в области этнографо-этнологических исследований⁶⁶. А это, надо надеяться, в свою очередь будет способствовать сближению представлений о предмете такого рода исследований.

саров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4; *Л. Н. Гумилев.* О термине «этнос». — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л., 1967, вып. 3; *Л. И. Лашук.* Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов.— СЭ, 1968, № 1; *Г. В. Шелепов.* Общность происхождения — признак этнической общности.— СЭ, 1968, № 4; *Ю. В. Бромлей.* Этнос и эндогамия.— СЭ, 1968, № 6; *Л. В. Хомич.* О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5; *Ю. В. Бромлей.* К вопросу о сущности «этноса». — «Природа», 1970, № 2; *он же.* Этнос и этносоциальный организм. — «Вестник АН СССР», 1970, № 8; *В. И. Козлов.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общность.— СЭ, 1970, № 6; *Ю. В. Бромлей.* К характеристике понятия «этнос». — «Расы и народы», 1, М., 1971; *В. И. Козлов.* Что же такое этнос? — «Природа», 1971, № 2; *К. В. Чистов.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 3. См. также: *В. И. Козлов.* Динамика численности народов; *Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова.* Народы, расы, культуры.

⁶² В русском языке, например, слово «народ» иногда теряет этнический смысл и означает «трудящиеся массы» или просто группу людей; в немецком «Volk» тоже употребляется в значении не только «народ», «нация», но и «простонародье», «толпа»; аналогичным образом обстоит дело и с английским словом «people» и т. д. Многозначность характерна в известной мере и термину «нация», появившемуся значительно раньше, чем общность людей, которую принято сейчас обозначать данным термином (см.: *В. И. Козлов.* Динамика численности народов, стр. 19—20).

⁶³ *В. И. Козлов.* Динамика численности народов, стр. 18.

⁶⁴ Весьма показательно проникновение этой терминологии со страниц специальных журналов и монографий в массовые издания (см., например: *Э. А. Баграмов.* Развитие и сближение социалистических наций. — «Правда», 16 июля 1971 г.; «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1972, стр. 10, 11, 24 и сл.).

⁶⁵ При введении такой номенклатуры, несомненно, предпочтение следует отдавать терминам, почерпнутым из «мертвых» языков. Любое слово, взятое для этих целей из «живых» языков, неизбежно помимо приданного ему специального научного смысла будет сохранять и свои обыденные значения.

⁶⁶ Слово «ethnos» («ethnie») в последнее время все чаще и чаще используется в работах зарубежных авторов для обозначения объекта этнографо-этнологических исследований (см. прим. 56).

С введением специальных терминов, однако, возник ряд новых трудностей. Это прежде всего обусловлено тем, что сами они стали употребляться далеко не в одинаковых значениях. Чаще всего встречается употребление понятий «этническая общность» и «этнос» в значении слова «народ»; при этом обычно подразумеваются все виды этнических общностей — нации, народности, племена (или группы родственных племен)⁶⁷. Иногда, впрочем, проскальзывает и мнение, что термин «этнические общности» следует применять лишь к донациональным образованиям⁶⁸. Однако такого рода мнение становится в нашей литературе сравнительно редким явлением. И это не случайно. Как мы увидим ниже, нации хотя и далеко не идентичные, но однопорядковые явления с такими донациональными этническими общностями, как племя и народность. В частности, в этом отношении весьма показательным, что народность и складывающаяся на ее основе нация обычно обозначаются одним и тем же этнонимом. (Например, армянской именуется и народность и нация, сербской — народность и нация, японской — и народность и нация).

Особо следует отметить трактовку «этнической общности» как понятия более широкого, чем «этнос» — «народ»⁶⁹. Такая трактовка предполагает существование этнических общностей разных таксономических уровней и порядков. Этноты, или народы, — «это как бы основные единицы этнической классификации человечества, наряду с которыми можно выделять этнические общности, таксономически более высокого и более низкого порядка»⁷⁰. К одному уровню, например, относятся донские казаки, к другому — русские, к третьему — восточные славяне, к четвертому — славяне вообще. При этом, как мы видим, одна и та же совокупность людей (в рассмотренном случае донские казаки) может одновременно входить в состав нескольких этнических общностей разного таксономического уровня, в результате чего создается своеобразная иерархия⁷¹.

⁶⁷ *С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров.* Современный этап национального развития народов Азии и Африки, стр. 76; «Численность и расселение народов мира». М., 1962, стр. 29; *С. А. Токарев.* Проблема типов этнических общностей, стр. 53; *В. И. Козлов.* О понятии этнической общности, стр. 102.

⁶⁸ Можно встретить и утверждение, что «термин «этнический» за пределами этнографии в значении «национальный» не употребляется» (*А. А. Саггыбалов.* Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей. — «Методологические вопросы общественных наук». Л., 1968, стр. 154). Однако весьма показательно, что это утверждение не помешало его автору широко употреблять формулу «этнические (национальные) общности» (там же, стр. 153—169), тем самым явно приравнивая «национальное» и «этническое».

⁶⁹ *М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров.* Общие сведения (языки, расы, народы). — В кн.: «Очерки общей этнографии. Австралия и Океания, Америка, Африка». М., 1957, стр. 10—11; *Н. Н. Чебоксаров.* Проблемы происхождения древних и современных народов, стр. 5; *он же.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, стр. 100.

⁷⁰ *Н. Н. Чебоксаров.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, стр. 96.

⁷¹ *Ю. В. Бромлей.* Наука о народах мира. — «Наука и жизнь», 1968, № 8, стр. 42.

Совершенно очевидно, однако, что амплитуда семантических расхождений в рассмотренных случаях значительно меньше, чем при обыденном употреблении слова «народ». И это лишний раз подтверждает целесообразность специальной «этнической» номенклатуры.

Определение места этнических общностей среди различных человеческих объединений — задача чрезвычайно сложная, о чем наглядно свидетельствуют значительные расхождения в существующих дефинициях этноса. Одни авторы, например, в качестве главных признаков этноса называют язык и культуру⁷²; другие добавляют к этому территории и этническое самосознание⁷³; некоторые указывают, кроме того, на особенности психического склада⁷⁴; иные включают также в число этнических признаков общность происхождения и государственную принадлежность⁷⁵. В зарубежной литературе можно встретить мнение, что этнос — «единство, самоосознаваемое людьми»⁷⁶. Рассматривается этнос и как «совокупность физических лиц, которые коллективно и бессознательно приписывают себе определенные ценностные характеристики»⁷⁷. Среди значительного числа определений «этноса» привлекает внимание дефиниция, принадлежащая С. М. Широкогорову. По его мнению, «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других»⁷⁸. Однако такое понимание этноса у С. М. Широкогорова удивительным образом сочетается с причислением этой общности к биологическим⁷⁹. Впрочем, подобные представления довольно живучи.

В частности, сравнительно недавно в нашей литературе было высказано мнение, что этнос представляет собой биологическую единицу — популяцию⁸⁰.

Наконец, особо следует отметить довольно распространенное в зарубежной литературе употребление термина «этнос» исключительно для обозначения отдельных частей народа⁸¹.

⁷² П. И. Кушнер. Этнические территории и этнические границы, стр. 6; J. Héraud. Die Völker als die Träger Europas.— «Ethnos». Wien — Stuttgart, Bd. IV, 1967, S. 5.

⁷³ Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, стр. 99.

⁷⁴ В. И. Козлов. О понятии этнической общности, стр. 107—108, 111.

⁷⁵ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). ВФ, 1964, № 11, стр. 44; Г. В. Шеленов. Общность происхождения — признак этнической общности, стр. 65—73.

⁷⁶ W. Mühlmann. Rassen, Ethnien, Kulturen, S. 57.

⁷⁷ M. Maget. Problèmes d'ethnographie européenne.— «Ethnologie générale», Paris, 1968, p. 1326.

⁷⁸ С. М. Широкогоров. Этнос, стр. 13, 122.

⁷⁹ Там же, стр. 28.

⁸⁰ Л. Н. Гумилев. О термине «этнос», стр. 14—15.

⁸¹ См., например: Ch. Winick. Dictionary of Anthropology. New York, 1956, p. 193.

Однако, как уже отмечалось выше, гораздо более важным представляется употребление данного термина в качестве своего рода эквивалента слову «народ» или, точнее говоря, для общего наименования таких образований, как «племя», «народность», «национальность», «нация». Поэтому неперенным предварительным условием введения в научный обиход самого понятия «этнос» является выяснение того типичного, что позволяет объединять под одним названием все указанные разновидности исторических общностей. Иными словами, задача состоит в определении их наиболее характерных, притом «сквозных», свойств.

При решении этой задачи прежде всего необходимо подчеркнуть, что среди всего многообразия человеческих общностей этносы, несомненно, должны быть отнесены к тем, что возникают не по воле людей, а в результате исторического процесса. Вместе с тем этносы представляют собой сложные образования, каждое из которых, с одной стороны, обладает общими свойствами, с другой — имеет специфические черты, отличающие его от всех образований того же типа. При этом особую роль играет взаимное различие, антитеза «мы» — «они». Примечательно, что само представление (в том числе обыденное) о существовании такой особой категории человеческих общностей, как этнические (под каким бы названием они ни выступали: народ, этнос, народность, нация и т. д.), неизбежно предполагает такое различие. И когда, например, идет речь о французском этносе — народе (национальности, народности, нации), то всегда само собой разумеется, что он обладает определенными чертами, отличающими его от всех других народов. Иногда, правда, можно встретить мнение, что отличие этносов друг от друга — вопрос второстепенный при выяснении сущности этнических общностей. Однако при этом упускается из виду, что этническая общность без отграничения от других таких же общностей — фикция.

Конечно, само единство внешних отграничительных особенностей этноса представляет собой выражение его определенной внутренней целостности. Но все же характерная особенность этнических общностей как раз и состоит в том, что их неперенным свойством, имеющим важнейшее типологическое значение, является взаимное различие.

Это в свою очередь предопределяет тот факт, что типичной чертой дифференцирующих признаков этноса является их отчетливое внешнее проявление. Ведь выяснение подобных особенностей путем сопоставления этносов базируется прежде всего на данных непосредственных наблюдений, которые осуществляются при личных контактах людей, принадлежащих к различным этническим общностям.

Но, разумеется, далеко не все общности, характеризующиеся внешне достаточно отчетливо выраженной оппозицией «мы» — «они», могут быть определены как этнические. К таковым, в частности, не имеют никакого отношения случаи хотя и наглядного, но

временного противопоставления различных групп людей⁸². Недаром, согласно существующим представлениям об этносе, характерной его чертой является значительная устойчивость⁸³. И такое представление обычно относится не только к этносу в целом, но и к его основным отличительным признакам.

Итак, среди множества свойств, присущих различным общностям людей, к этническим, очевидно, должны быть отнесены в первую очередь те, отчетливо выраженные отличительные дифференцирующие свойства которых обладают устойчивостью. Но такое общее определение, конечно, отнюдь не избавляет от необходимости конкретизировать те сферы, в которых наиболее отчетливо проявляются эти свойства.

Всем приведенным выше критериям, казалось бы, отвечают внешние отличительные особенности физического типа людей, т. е. расовые признаки. Характерно, что в житейской практике эти внешние весьма наглядные, устойчивые и дифференцирующие признаки нередко служат отправным, начальным показателем при решении вопроса об этнической принадлежности того или иного человека или группы людей.

Что касается научной трактовки этой проблемы, то обращает на себя внимание следующее, не лишнее определенное противоречивости обстоятельство. В работах советских этнографов последних лет подчас специально отмечается, что большинство народов мира имеют сравнительно однородный расовый состав⁸⁴. Для работ же наших антропологов, напротив, характерно подчеркивание того, что физический тип отдельных этнических общностей, как правило, неоднороден; соответственно говорится о необходимости строго разграничивать расы и этнические общности⁸⁵.

Диаметральная противоположность этих суждений во многом объясняется тем, что в них за основу взяты антропологические единицы разных таксономических уровней. В первом случае главным образом имеются в виду большие расы (а лишь иногда и так называемые малые расы), во втором — преимущественно самая малая классификационная единица — антропологический тип.

Для наблюдателя, не обладающего специальными знаниями, различия между близкими антропологическими типами практически неуловимы. Поэтому он обычно воспринимает этносы-народы как

⁸² Например, спортивные команды, обладающие различными формами одежды.

⁸³ Показательно, в частности, что этносы-народы, как правило, сохраняются на протяжении нескольких социально-экономических формаций.

⁸⁴ См.: С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), стр. 44; В. И. Козлов. О понятии этнической общности, стр. 110.

⁸⁵ При этом делаются, например, ссылки на то, что северные итальянцы выше ростом, более брахикефальны, менее темноглазы и менее темноволосы, чем уроженцы Южной Италии; северные французы обладают более высоким ростом, более светлыми волосами, чем южные, и т. д. (Я. Я. Рогинский, М. Г. Лежин. Антропология, М., 1963, стр. 321).

нечто целостное в антропологическом отношении. Но несмотря на то что в повседневной практике иногда такие наблюдения и определяют этническую оппозицию «мы» — «они», в преобладающем числе случаев расовые черты не являются сколько-нибудь существенными этническими признаками. И не столько потому, что вообще не существует «чистых», не смешанных в расовом отношении этносов, сколько из-за отсутствия четких антропологических границ между смежными народами-этносами, принадлежащими к одной из больших рас⁸⁶. А такая принадлежность довольно характерна для соседних этнических общностей, ибо каждая из больших рас имеет весьма обширные ареалы своего преимущественного распространения, охватывающие обычно большое число этносов. Именно поэтому встречающиеся в повседневной практике попытки определения этнической принадлежности людей на основе одних только внешних антропологических показателей обычно имеют весьма приблизительный характер. Этим же объясняется и тот факт, что случаи, когда расовые показатели выступают основным этническим определителем, буквально единичны. Такие случаи относятся лишь к этносам, все соседи которых принадлежат к другим большим или малым расам⁸⁷. Это преимущественно так называемые изоляты, оказавшиеся в окружении народов другого расового типа⁸⁸.

Судя по всему, не чаще антропологические особенности выступают и в качестве одного из главных этнических признаков (наряду, например, с языком)⁸⁹. Хотя и заметную, но все же явно вспомогательную роль играют антропологические признаки для отграничения тех этнических общностей, которые сравнительно резко отличаются в данном отношении от некоторых (но не всех) смежных общностей (это преимущественно имеет место на границах основных ареалов больших рас)⁹⁰.

⁸⁶ По наблюдениям антропологов, внутри больших рас между соседними этническими общностями нередко существует своеобразная антропологическая непрерывность.

⁸⁷ Правда, подобная ситуация нередко складывается в результате перемещения части этноса, в том числе его отдельных представителей, в другое расовое окружение. Например, русского от бурята в Забайкалье или англичанина от зулуса в Южной Африке можно без труда отличить по их расовым признакам (Г. Ф. Дебец. Расы, языки, культуры. — «Наука о расах и расизм». М. — Л., 1938, стр. 117). Однако такого рода разграничения в интересующем нас отношении мало показательны, поскольку практически неприменимы ко всему этносу (в рассматриваемых примерах и к русским, и к англичанам) в целом.

⁸⁸ Так, все негритосы Юго-Восточной Азии (андаманцы, семанги, аэта), благодаря длительной изоляции, оградившей их от метисации, превратились в устойчивые этнические общности (С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии. — ВИ, 1969, № 1, стр. 93—94).

⁸⁹ П. И. Пучков. К анализу этнической ситуации в Океании. — ВИ, 1968, № 10, стр. 93.

⁹⁰ Рассматривая вопрос о роли антропологических признаков в этнической дифференциации, отметим одно довольно распространенное предубеждение. Согласно ему, признание того, что эти признаки в отдельных случаях играют определенную роль в этническом размежевании, якобы открывает дорогу

В большинстве же случаев, при которых этнические общности, хотя и не едины (на уровне антропологических типов), но все же обычно сравнительно однородны в расовом отношении (на уровне больших и малых рас)⁹¹, антропологические признаки играют дифференцирующую роль лишь при сопоставлении каждой из таких общностей с пространственно сравнительно отдаленными этническими единицами, принадлежащими к другим расам. Иными словами, речь идет о ситуациях далеко не типичных. Именно поэтому, несмотря на свою наглядность, расовые особенности, как правило, не могут служить сколько-нибудь достаточным основанием для выделения этнических общностей.

Среди свойств, присущих людям, для этнического размежевания несравнимо большее значение, чем физический облик, имеют групповые особенности их культуры в самом широком смысле слова. При этом под культурой, как уже говорилось, понимаются не только определенные результаты человеческой деятельности, но и сам ее способ, выраженный в действиях и поступках.

Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены все основные отличительные особенности этнических единиц. Не случайно в повседневной практике при разграничении этносов-народов между собой, как правило, указывают на такие устойчивые и отчетливо внешне выраженные компоненты культуры, как язык, религию, народное изобразительное искусство, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения и т. п.⁹² При этом характерная для этноса культура объединяет всех его членов не только в силу своей однородности, но и благодаря наличию общих отличительных особенностей⁹³.

Правда, уже давно обращено внимание на то, что ни один из компонентов культуры не является неизменным этнодифференцирующим

расизму. Однако при этом не учитывается, что расизм вытекает не из самого признания расовых отличий (существование таковых бесспорно), а из представления о неравенстве рас.

⁹¹ Вместе с тем ошибочно представление, что расовое единство является обязательным признаком любой этнической общности. Таково, например, утверждение мексиканского социолога К. А. Эчанове Трухильо, что «народ» — это сообщество людей, соединенных единством основных черт — расы, языка, традиций, обычаев, тенденций» (*C. A. Echanove Trujillo. Sociologia mexicana. México, 1948, p. 182*). Совершенно очевидно, что принятие этой формулы, если даже иметь в виду только большие расы, неизбежно исключает из числа народов все неоднородные в данном отношении этнические общности, например североамериканцев, кубинцев, мексиканцев и т. д.

⁹² Подробнее см., ч. I, гл. 4 настоящей работы.

⁹³ Эти особенности бывают настолько своеобразными, что нередко воспринимаются представителями других народов как нечто странное и удивительное. Индеец, скажем, удивляет, что у европейца жена называет мужа по имени, обращаясь к нему в присутствии его матери и без ее разрешения. Японцу кажется странным, как может человек в жилом доме находиться в той же обуви, что и на улице. Болгары, в отличие от многих других народов, кивают головой в знак отрицания, а в знак согласия покачивают ею из стороны в сторону.

признаком⁹⁴. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других — религии, в третьих — характерным чертам поведения и т. д. Не случайно все попытки выделить один неизменный для всех случаев основной этнодифференцирующий признак оказываются обреченными на неудачу⁹⁵. Это подчас служит основанием для игнорирования вообще культуры как носителя этнических свойств⁹⁶. Между тем в действительности перед нами свидетельство лишь того, что этнос представляет собой не отдельный компонент культуры, а определенную культурную целостность, многие составляющие которой, как правило, в той или иной степени обнаруживают устойчивые отличительные черты. И если бы, скажем, язык и этнос, языковое и этническое деление всегда совпадали, то, видимо, различие этих понятий потеряло бы смысл.

Однако далеко не всякая совокупность людей, обладающая относительной культурной общностью, является этносом. Как уже говорилось, этносу присуща непременно антитеза «мы — они». Поэтому этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является общее самоназвание (этноним). Важным компонентом этнического самосознания выступает представление об общности происхождения всех членов этноса⁹⁷.

Характеризуя этнос в целом, необходимо также упомянуть о том, что культурное единство его членов неразрывно связано с общностью их психики. Без учета данного обстоятельства невозможно, как будет показано ниже, уяснить механизм, обеспечивающий не только устойчивость общих черт деятельности членов отдельных этнических коллективов, но и передачу ими этих черт из поколения в поколение.

Рассматривая этнические общности в генетическом плане, особо подчеркнем, что они представляют собой динамические, исторически сложившиеся системы. Ни один этнос не является вечным, неизменным. Но изменчивость этнических систем, разумеется, нисколько не противоречит тому, уже неоднократно отмечавшемуся нами факту, что устойчивость — одна из их характерных черт. Ведь при этом имеется в виду относительная стабильность, более медленная изменчи-

⁹⁴ См.: *С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии)*, стр. 43—46.

⁹⁵ Однако даже язык далеко не всегда выступает в такой роли. Как справедливо заметил в этой связи Ю. И. Семенов, «язык, отличая англичан от французов, не отличает их от американцев, англо-канадцев, отличая испанцев от итальянцев, не отличает первых от чилийцев, аргентинцев, кубинцев, отличая немцев от чехов, не отличает первых от австрийцев, германо-швейцарцев. Однако... различие между англичанами и американцами, испанцами и чилийцами, немцами и австрийцами проявляется в культуре» (*Ю. И. Семенов. К определению понятия «нация». Постановка проблемы.—«Народы Азии и Африки», 1967, № 4, стр. 89*).

⁹⁶ См.: *Л. Н. Гумилев. О термине «этнос»*, стр. 5.

⁹⁷ Подробнее см. ч. I, гл. 5 настоящей работы.

вость этнических явлений по сравнению с другими компонентами социальной жизни.

Для генезиса этноса важнейшее значение имеет единство территории его расселения. Ведь чтобы у группы людей появились специфические культурные черты, они должны систематически общаться друг с другом, а это, как правило, возможно лишь при условии их расселения в пределах относительно целостной территории. Несомненно, сохраняет определенное значение территориальное единство и для дальнейшего воспроизводства культурной общности. Поэтому большинство дефиниций этноса указывает на общность территории как на один из его непеременимых признаков⁹⁸.

Неоднократно отмечалась в научной литературе также существенная роль в формировании и функционировании если не всех, то во всяком случае большинства этносов экономического, а нередко также политического (государственного) фактора. Не случайно оба эти фактора подчас включаются даже в общее определение этноса⁹⁹. Однако проблема соотношения этнических общностей, с одной стороны, экономических и социально-политических — с другой, остается во многом спорной¹⁰⁰. К этой проблеме нам предстоит еще не раз возвращаться. Здесь лишь подчеркнем, что с момента возникновения классов они выдвигаются в жизни общества на передний план. Поэтому деление на классы приобретает в ней гораздо большее значение, чем принадлежность людей к тем или иным этносам.

Определяя место этноса в системе человеческих общностей, нельзя не коснуться также вопроса о соотношении таких понятий, как «этническая» и «этнографическая» общности. Первое понятие, как уже говорилось, шире, чем этнос. Оно охватывает общности разных таксономических уровней¹⁰¹. Понятие же «этнографическая общность» выступает в двух основных разновидностях. Это, с одной стороны, «этнографические группы», с другой — «историко-этнографические области». Под «этнографическими группами», как известно, принято понимать те локальные («внутренние») подразделения этноса-народа, у которых имеются отдельные специфические элементы культуры¹⁰². Очевидно, однако, что различие в таксономическом уровне (более низком, чем у этноса) не может служить критерием для разграничения между этническими и этнографическими общностями. Ведь вторая разновидность этнографических общностей — историко-этнографическая область — обычно охватывает несколько этносов-народов, т. е. имеет более высокий таксономический ранг.

Поэтому представляется, что в основу разграничения этнических и этнографических общностей должно быть положено не различие таксономического характера, а качественный критерий. Таковой, на наш взгляд, достаточно отчетливо проступает при сопоставлении понятий «этнос» и «историко-этнографическая область». Будучи, как и этнос, культурной общностью, историко-этнографическая общность отличается от него, в частности, тем, что она обычно не осознается, т. е. не обладает самосознанием. Представляется, что данный показатель и должен служить основным критерием при разграничении этнических и этнографических общностей вообще. Для этого имеются тем большие основания, что в таком случае название «этнографическая общность» будет прямо выражать возможность выявления подобных общностей лишь путем специального этнографического исследования. Приложение же этого критерия к термину «этнографическая группа» в свою очередь позволит отграничить его от часто употребляемого в том же значении термина «этническая группа»¹⁰³. И, следовательно, поморы или различные группы казаков будут представлять этнические подразделения (группы) русского народа, а северные и южные великорусы — его этнографические группы.

Заслуживает также внимания предложение о разграничении историко-этнографических общностей разных порядков: наиболее крупных «провинций», которые охватывают целые части света или большие группы соседствующих стран, и меньших областей, в свою очередь дробящихся на подобласти и местные историко-культурные регионы¹⁰⁴. Впрочем, достаточно четких критериев для разграничения всех этих уровней историко-этнографических общностей пока еще нет¹⁰⁵.

В то же время как этнические, так и этнографические общности следует четко отличать от хозяйственно-культурных типов. Уже говорилось, что под последними принято понимать определенные комплексы хозяйства и культуры, каждый из которых может быть одновременно характерен для нескольких народов самых различных частей эйкумены. Хотя эти комплексы складываются относительно самостоятельно у разных народов, они оказываются однотипными в силу примерно одинакового социально-экономического уровня развития этих народов и сходных природных условий. Поэтому принадлежность отдельных групп людей к одному и тому же хозяйственно-культурному типу на разных (отдаленных) территориях не дает еще оснований для заключения об их этнической общности. Как уже отмечалось в специальной литературе, если сходство выражается только

⁹⁸ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), стр. 43—44; В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 56.

⁹⁹ См., например: С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), стр. 53.

¹⁰⁰ См., например: Ю. И. Семенов. К определению понятия «нация». Постановка проблемы, стр. 90.

¹⁰¹ См. выше, стр. 25.

¹⁰² «Этнографическая группа». — БСЭ, изд. 2, т. 49, стр. 249.

¹⁰³ См., например: «Народы Южной Азии». М., 1963, стр. 516, прим. 7; В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, стр. 41.

¹⁰⁴ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, стр. 216.

¹⁰⁵ Поэтому подчас один и тот же регион определяется то как историко-этнографическая область, то как историко-этнографическая провинция. Например, Кавказ и Среднюю Азию можно обнаружить и в перечне «областей», и в перечне «провинций» (ср. «Основы этнографии», стр. 20, и Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, стр. 216).

ЭТНОС И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ

в общем облике культуры, а в деталях имеются отличия, если выделенная область связана с определенной природной обстановкой, с определенным обликом хозяйства, то следует остерегаться историко-этнографических заключений¹⁰⁶. И все же вряд ли правомерно при выявлении этнических, а тем более историко-этнографических, формирований полностью сбрасывать со счета данные о хозяйственно-культурной общности населения смежных территорий. В тех случаях, когда речь идет о группах людей, проживающих в одном регионе, принадлежность этих групп к одному хозяйственно-культурному типу может свидетельствовать об их давних контактах, в ходе которых у них и сложились некоторые общие устойчивые особенности культуры.

Этнос, как мы уже могли убедиться, — явление многоплановое. А это обстоятельство неизбежно выдвигает вопрос: какие же из различных его свойств являются основными?

Решение данного вопроса сопряжено с немалыми трудностями. Дело в том, что обычно как существенные, так и второстепенные этнические свойства теснейшим образом переплетены. Между тем именно в выявлении существенных свойств этноса и состоит первоочередная задача его научного анализа. Ведь «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»¹.

В естественных науках, чтобы решить такого рода задачи, как правило, проводят специальные эксперименты, в ходе которых исследуемая система ставится в необычные условия, благодаря чему и удается проникнуть в ее сущность. У общественных наук в целом, как известно, возможности проведения массовых экспериментов весьма ограничены, а отдельные из этих наук, как, например, история, вообще почти лишены таких возможностей². Эксперимент у них заменяет сама общественно-историческая практика человечества. Стало быть, и для решения стоящей перед нами задачи надлежит обратиться к общественно-исторической практике с целью выявления тех ее «экспериментов», в которых этнические системы оказывались в таких существенно отклоняющихся от нормы условиях, которые влекли за собой отчленение их основных свойств от второстепенных. «Экспериментов» этого рода, на наш взгляд, человечество на протяжении своего существования поставило великое множество. Их представляют все виды миграций.

В самом деле, ведь общеизвестно, что при переселении группы людей на новое место не только они сами, но и их потомки в той или иной мере сохраняют прежние отличительные, т. е. в данном случае этнические, свойства³. Совокупность этих свойств, обладающих осо-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 384.

² Те же немногочисленные эксперименты, что проводятся историками, относятся к ранним стадиям развития человечества. Наиболее известны в этом отношении опыты С. А. Семенова, проводимые с целью определения производительности труда первобытных людей (С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968).

³ Кстати сказать, абсолютизация этого обстоятельства и игнорирование того факта, что изменение исторических условий хотя и не сразу, однако неизбежно влечет за собой трансформацию этнических свойств, могут создать иллюзию извечности этих свойств.

¹⁰⁶ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 18; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, стр. 169 и сл.

бой устойчивостью, и представляет, на наш взгляд, неотъемлемое ядро этнической общности — этнос в узком смысле этого слова. Соответственно те свойства и элементы этнической общности, которые она утрачивает в результате перемещения, должны быть отнесены к числу необязательных: они представляют как бы внешнюю оболочку этноса-ядра. Стало быть, «снятие» этой оболочки на основе данных о миграциях является необходимым предварительным условием выявления наиболее существенных свойств этноса.

При решении данной задачи следует, однако, учитывать неодинаковость «расщепляющего» воздействия на этнос различных видов миграций.

В наиболее общей форме отдельные варианты миграций могут быть сведены к двум основным видам. Одни из них составляют перемещения больших групп населения или даже целых народов. Типичными образцами этого вида являются миграции эпохи Великого переселения народов, в том числе вторжения кочевников в европейскую степную зону, сопровождавшиеся оседанием некоторых из них в этой зоне (протоболгары, венгры и т. д.). Ближайшие последствия такого рода миграций для этнических общностей обычно ограничивались потерей ими своей традиционной природной среды и значительной части культурного ландшафта, который был еще, как правило, слабо развитым.

Другой вид миграций представляют собой, так сказать, микромиграции — переселения сравнительно небольшими группами, преимущественно отдельными семьями. Этот вид миграций иногда происходит в рамках массовых переселений, которые, впрочем, в таком случае представляют не единовременный акт, а сравнительно растянутый во времени процесс⁴. В современных условиях микромиграции — господствующая форма переселения. Однако следует подчеркнуть, что такого рода миграции в том или ином масштабе имели место на протяжении всей истории человечества начиная от эпохи расширения первоначальной эйкумены⁵. И это в интересующей нас связи особенно существенно, поскольку именно микромиграции оказывают наиболее значительное расщепляющее воздействие на этническую систему.

Помимо «потери» биосферы и культурного ландшафта, они обычно влекут за собой полное изменение экономических связей, а нередко и значительные социальные перемены.

Одним словом, рассмотрение этнических систем сквозь призму микромиграций в конечном счете показывает неправомочность отнесения к числу их основных свойств всех тех факторов, которые высту-

⁴ Примером этого может служить заселение русскими Сибири (см., например: В. В. Покишевский. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951).

⁵ И хотя это расширение осуществлялось в форме групповых перемещений, однако сами группы, очевидно, были нередко довольно малочисленными. См.: V. V. Bunak. The evolution of the elementary unit of population and its anthropological significance. М., 1968, р. 1—13; И. Н. Хлопин. Сегментация в истории первобытного общества.— ВИ, 1968, № 8, стр. 99—100.

пают в роли условий формирования этих систем. Впрочем, этнос в данном отношении не представляет исключения среди других общественных явлений. Для многих из них как раз характерны те случаи, когда факторы, игравшие важную роль в качестве условий возникновения, сохраняют затем лишь значение побочных форм⁶.

Что касается основных свойств этноса, то, как свидетельствуют рассмотренные «эксперименты», такие свойства проявляются прежде всего в специфических чертах создаваемой его членами культуры, а также в их этническом самосознании.

При любых перемещениях представителей того или иного этноса они, как правило, из всех своих «групповых» свойств особенно прочно⁷ сохраняют некоторые общие для них особенности культуры и психики⁸, а также представления о принадлежности к одному целому. Это и дает основание считать данные свойства специфически этническими.

Таким образом, этнос в узком смысле слова в самой общей форме может быть определен как исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований.

В современном русском языке такому пониманию термина «этнос» в известной мере соответствует слово «национальность», в которое нередко вкладывается содержание значительно более узкое, чем то, которое обычно придается понятию «нация»⁹. Но поскольку термин «национальность» сам многозначен¹⁰ и к тому же ограничен в стадийном плане¹¹, представляется целесообразным закрепить за узким значением термина «этнос» наименование *ἔθνος* (этнос)¹².

В качестве одной из наиболее наглядных иллюстраций реальности существования этноса в узком смысле слова может служить наличие общих черт у отдельных пространственно разобщенных групп людей, принадлежащих к одной национальности. К примеру, украинцев Советского Союза и украинцев Канады объединяет не только общее наименование, но и общность отдельных черт культуры, в том числе

⁶ А. В. Гулыга. Понятие и образ в исторической науке.— ВИ, 1965, № 9, стр. 7.

⁷ Обычно по крайней мере на протяжении жизни самих переселенцев.

⁸ И это не случайно — ведь непосредственными посетителями именно такого рода свойств являются сами люди.

⁹ См.: С. Т. Калтаджян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969, стр. 89.

¹⁰ Помимо отмеченного значения, термин «национальность» в современном русском языке употребляется также для указания на принадлежность того или иного лица к определенному этносу. Следует также отметить, что слово национальный в качестве кальки с западноевропейских языков подчас приобретает значение «государственный» (например, «национальный доход», «национальные вооруженные силы» и т. д.).

¹¹ В частности, этот термин плохо сопрягается с этническими общностями первобытности. Не лишен определенных трудностей и вопрос о его соотношении с термином «народность» (подробнее см. ниже, стр. 138, 139).

¹² В древнегреческом *ἔθνος* (прилагательное от *ἔθνος*) означает «народный, свойственный народу».

языка, а также сознание общности происхождения; в то же время у них отсутствует и территориальная, и экономическая, и государственная общность.

Говоря об этносе в узком значении слова, мы должны иметь в виду, что он как система своеобразных черт культуры органически связан со всей остальной культурой, соответствующей общности людей. И в конечном счете этнос характеризуют как специфически этнические, так и межэтнические¹³ (в том числе общечеловеческие) компоненты культуры. Соотношение этих двух сторон культуры в рамках этноса, выражая диалектическое сочетание особенного и общего, условно может рассматриваться как взаимосвязь формы (в частности, «национальной формы») и содержания¹⁴.

Представляя определенную общность культуры, каждый этнос тесно связан со своей средой, которую составляют как социальные, так и природные факторы, выступающие в качестве неперенных условий его возникновения.

Вопрос о роли этих факторов в возникновении этноса — особая и весьма сложная проблема, имеющая целый ряд самостоятельных аспектов, из которых важнейшими, пожалуй, являются географический, экономический и государственно-политический. К специальному рассмотрению их нам еще предстоит вернуться. Здесь же для нас существенно отметить, что этнос в узком смысле слова не просто односторонне связан со своей средой, а взаимодействует с ней. При этом этнос и среда в силу своей тесной взаимосвязи представляют по существу своеобразное целостное образование. В этом образовании, однако, в свою очередь довольно отчетливо выделяются две основные сферы. Первую, которую условно можно назвать «внутренней», составляет вся совокупность сопряженных с этносом «неэтнических» общественных явлений. В качестве же своего рода «внешней среды» можно рассматривать окружающую природу.

Представляя по существу одну из разновидностей общественных явлений, этнос в узком смысле слова особенно тесно связан со своей «внутренней средой», с которой он взаимопроникает и которой он в конечном счете обусловлен. Вообще в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступающих в роли его структурообразующей формы¹⁵. При этом эту роль могут выполнять самые различные социальные общности: от семьи до го-

¹³ К тому же нередко те или иные компоненты культуры, являясь общими для определенной группы этносов, т. е. будучи межэтническими, одновременно могут отличать отдельные этносы этой группы от не входящих в нее этносов, т. е. непосредственно выполнять этнодифференцирующую роль.

¹⁴ При этом под формой подразумевается не просто нечто внешнее по отношению к содержанию явления, а его внутренняя структура, организация присущих содержанию элементов. (В частности, именно такое представление имеет в виду определение производственных отношений как формы существования производительных сил.)

¹⁵ В данной связи привлекает внимание мнение М. И. Артамонова, что этнос сам по себе — аморфное явление (*М. И. Артамонов. Слова «герои» и «толпа».* — «Природа», 1971, № 2, стр. 76).

сударства. В результате такого симбиоза возникают своеобразные этносоциальные образования.

При рассмотрении различных видов таких образований следует прежде всего учитывать, что характер сочетаний собственно этнических свойств с социальными (в узком смысле слова)¹⁶ в известной мере зависит от пространственных параметров этноса. Дело в том, что так как для этноса не обязательно территориальное единство, пространственное размещение носителей этнических свойств имеет не только компактную, но и дисперсную форму. Примером современных компактно расселенных этнических образований в нашей стране могут служить, за небольшим исключением, те коренные национальности республик, по имени которых эти республики названы; противоположный пример дают те некоренные национальности республик, которые не составляют компактно размещенных групп. Иначе говоря, один и тот же этнос может находиться и в компактном, и в дисперсном этническом состоянии. Вместе с тем почти в каждом компактном этническом образовании (во всяком случае современном) обычно присутствуют большие или меньшие иноэтнические вкрапления. Более того, имеются случаи, так сказать, смешанных гомогенно-гетерогенных этнических образований, когда в пределах одной территориальной единицы попеременно одновременно проживают представители двух или нескольких этносов. Это имеет место не только в рамках небольших территориальных единиц типа сельских поселений, но и даже в границах обширных территориально-политических подразделений (таково, например, расселение казахов и русских в Казахской ССР). В свою очередь одни из таких представителей образуют сравнительно компактные ареалы, другие — находятся в дисперсном состоянии.

Среди компактных этнических образований особое место, несомненно, занимают те, что сопряжены с так называемыми социальными организмами, под которыми, как уже говорилось, понимаются отдельные общества, самостоятельные единицы общественного развития (социально-потестарные в первобытном обществе; социально-политические — в классовом)¹⁷.

Возникающие в результате взаимопроникновения этноса и социального организма особые образования во многих случаях обладают

¹⁶ Т. е. прежде всего, классовыми, производственными отношениями и соответствующими им группами и социальными институтами. В широком смысле слова социальные явления включают и этнические (см.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», стр. 11).

¹⁷ Способностью к самовоспроизводству, правда, обладают даже самые малочисленные этнические группы, существующие в форме отдельных «простейших» социальных институтов (например, группы семей). Однако такое воспроизводство обычно относительно кратковременно (ограничивается двумя-тремя поколениями). Следует иметь в виду и то, что в рамках социального организма этнос, как правило, сохраняется значительно дольше, чем за его пределами. В данном отношении, в частности, достаточно показательны обильные факты сравнительно быстрой ассимиляции этнических групп, оказавшихся вне «своей» родоплеменной или социально-политической общности.

относительной самостоятельностью, обеспечивающей особенно благоприятные условия для этнического воспроизводства. Эти «синтетические» образования, являющиеся одной из важнейших и весьма распространенных форм существования этноса¹⁸, на наш взгляд, могут быть определены как этносоциальные организмы (сокращенно эсо)¹⁹.

Такого рода организмы наряду с этнической (культурной) общностью обычно обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью (это, так сказать, максимальный вариант). Но основными компонентами этносоциального организма, несомненно, являются, с одной стороны, этнические, с другой — социально-экономические факторы. Составляя, как известно, базис всех общественных явлений, в том числе этнических, социально-экономические факторы значительно подвижнее последних. Именно этой относительной консервативностью, а также определенной самостоятельностью этнических свойств и обусловлена возможность сохранения одного и того же по своим этническим параметрам этносоциального организма на протяжении нескольких социально-экономических формаций. Например, украинский этносоциальный организм существует и при феодализме, и при капитализме, и при социализме (именно поэтому мы и говорим об украинцах применительно и к феодальной, и к капиталистической, и к социалистической эпохам).

Но иное дело этносоциальный организм. Принадлежность к той или иной формации неизбежно придает ему особый характер. Этот факт по существу и лежит в основе обычного для нашей литературы последних лет выделения таких историко-стадиальных типов этнических общностей, как племя, народность, буржуазная и социалистическая нация.

Взаимопроникновение, пересечение этносоциального организма с социальным организмом наряду с историко-стадиальным аспектом имеет и пространственный ракурс. Дело в том, что в условиях классового общества весьма часто наблюдается пространственное несовпадение этносоциального организма и социального организма, представляющего собой государственное политическое образование. При этом в зависимости от характера их соотношения можно условно выделить три разновидности этносоциальных организмов.

Одну из этих разновидностей представляет такое совпадение этносоциального организма и социального организма, при котором за пределами их общей территории данный этносоциальный организм существует либо в гетерогенном виде, либо в виде небольших однородных групп, не обладающих сколько-нибудь полной общественно-экономической самостоятельностью.

Иллюстрацией этой разновидности среди современных этнических общностей может, скажем, служить датская нация, поскольку за пределами Дании датский этносоциальный организм находится лишь в дисперсном состоянии. Другим примером первой разновидности могут служить словаки, подавляющее большинство которых составляет словацкую нацию Чехословацкой Социалистической Республики (или словацкий социальный организм — Словацкую Социалистическую Республику), и лишь незначительная часть проживает за ее границами, как в гетерогенном состоянии, так и в форме небольших однородных групп (например, словацкие поселения в СССР, в Венгрии, в Югославии, в Румынии).

Вторую разновидность соотношения основных компонентов при образовании этносоциального организма представляют те случаи, когда из одного этносоциального организма выделяются несколько этносоциальных образований.

Наиболее показателен в данном отношении пример арабского этносоциального организма, из которого современными социально-политическими общностями — государствами — выделено несколько этносоциальных организмов: египетский, сирийский, иракский и т. д., каждый из которых к тому же имеет некоторые диалектные и культурные отличия. В известном смысле подобную картину представляет и испано-американская этническая общность, с той разницей, что в пределах отдельных политических единиц она сама еще не вполне однородна. Наглядным примером разделения одного этносоциального организма на отдельные этносоциальные организмы могут служить два современных германских государства — ГДР и ФРГ. При этом в последнем случае мы имеем одновременно в пределах одного этносоциального организма два различных исторических типа этносоциальных организмов, принадлежащих к разным формациям.

Наконец, в третью разновидность рассматриваемых сочетаний можно выделить случаи, когда в рамках одной социально-политической общности (государства) одновременно имеется несколько компактных и относительно самостоятельных этносоциальных организмов. Образующие при этом этносоциальные организмы следует, очевидно, рассматривать как имеющие не вполне завершенную структуру, поскольку они лишены собственной политической надстройки. Классическим образцом этого варианта являются такие нации дореволюционной России, как, скажем, украинская, литовская, грузинская, армянская и т. д.

Одним словом, разграничение понятий «этносоциальный организм» (этнос в узком значении слова) и этносоциального организма позволяет существенно конкретизировать вопрос о соотношении этнических общностей и государства. Если иметь в виду собственно этнос (этносоциальный организм), то очевидно, что государственная принадлежность не является его непременным компонентом, как это считают некоторые авторы²⁰. Ведь

²⁰ См.: С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — ВФ, 1964, № 11, стр. 53.

¹⁸ При этом следует иметь в виду, что в генетическом отношении обычно первичны социальные организмы, а соответствующие этносоциальные вторичны (подробнее см. ч. I, гл. 7).

¹⁹ Точнее, пожалуй, было бы именовать такие образования этнопотестарными организмами, однако в данной связи нельзя не учитывать, что само слово «потестарный» недостаточно привычно.

один и тот же этнос (этнокос) может одновременно находиться в различных государственно-политических образованиях. Что же касается этносоциального организма, то это формирование и государство находятся в неразрывном единстве.

Однако тесное единство далеко не всегда означает полное тождество. Часто этносоциальный организм и государство лишь сопряжены. При этом в одних случаях, помимо основного этносоциального организма, государство может включать отдельные этнические группы, не представляющие «органического» целого, в других — в рамках одного государства могут функционировать несколько этносоциальных организмов.

Говоря о необходимости разграничения узкого и широкого значения термина «этнос», мы должны особо подчеркнуть, что их смешение чревато подменой одного понятия другим. С такой подменой, в частности, связан один из основных пороков определения нации О. Бауэром. Характеризуя нацию, О. Бауэр фактически имеет в виду национальность. Об этом наглядно свидетельствует как его тезис, что нация «мыслима вопреки территориальному разделению», так и особенно ссылка в данной связи на то, что, например, «немец, находящийся в Америке..., остается немцем, вопреки своей территориальной оторванности от родины»²¹. Подменяя, таким образом, этносоциальный организм — нацию этносом — национальностью²², О. Бауэр к тому же ошибочно интерпретирует последнюю. Впрочем, на это обстоятельство (к нему нам еще придется возвращаться)²³ уже не раз обращалось внимание в нашей литературе²⁴, в то время как указанная подмена хотя и однопорядковых, но далеко не идентичных явлений обычно оставалась в тени.

Разграничение понятий «этнокос» (этнос в узком смысле слова) и «этносоциальный организм» проливает дополнительный свет также на остающийся все еще дискуссионным вопрос о соотношении этнической и экономической общностей. Существующий до сих пор в нашей литературе разнобой по данному вопросу²⁵, несомненно, главным образом объясняется смешением двух значений, вкладываемых в термин «этнос».

В самом деле, если иметь в виду этнос в узком значении слова

(этнокос), то какой бы смысл мы ни придавали понятию «экономическая общность», все равно нет никаких оснований говорить, например, о непрременном наличии такой общности у одного этноса, находящегося в составе разных государств.

Эта несовместимость понятий «экономическая общность» и «этнос» в узком смысле слова недавно убедительно продемонстрирована В. И. Козловым в специальной статье о соотношении этноса и экономики²⁶.

Иное дело этносоциальный организм. Весьма показательно в данной связи, что, как правило, в нашей литературе «экономическая общность» считается важнейшим признаком такого этносоциального организма, как нация. Правда, в понятие «экономическая общность» вкладывается при этом самое различное содержание. Весьма наглядно это проявилось во время недавней дискуссии по теории нации, в ходе которой неоднократно предпринимались попытки уточнить понятие «общность экономической жизни». Одни участники дискуссии предлагали понимать такую общность как устойчивую «общность хозяйственной жизни (при наличии рабочего класса)»²⁷, другие — как «общность экономических связей»²⁸, третьи — как «единство промышленной экономики»²⁹, четвертые просто ссылались в данной связи на «экономистику»³⁰, предоставляя читателям самим догадываться о вкладываемом в это понятие содержании.

Как справедливо замечает в данной связи В. И. Козлов, наличие различных точек зрения «в значительной степени обусловлено терминологическо-понятийной нечеткостью»³¹. И это делает необходимым рассмотрение в первую очередь вопроса о трактовке самого понятия «экономика». Как известно, оно имеет два основных значения: политэкономическое и экономгеографическое. В первом случае имеются в виду преимущественно или даже исключительно производственные отношения³², т. е. отношения людей друг к другу в процессе производства³³. При экономгеографическом определении понятия «экономика» (фиксирующем внимание на отношении людей к природе) под этим понятием прежде всего подразумевается совокупность отраслей хозяйства какой-то территории (например,

²¹ Там же, стр. 49.

²² П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. Нации — народ — человечество. Л., 1967, стр. 12; *они же*. О понятии нация. — ВИ, 1966, № 1, стр. 45.

²³ С. Т. Калгахчян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, стр. 190.

²⁴ Г. Ю. Бурмирова. Некоторые вопросы теории нации. — ВИ, 1966, № 12, стр. 109.

²⁵ А. Г. Агаев. Нация, ее сущность и самосознание. — ВИ, 1967, № 7, стр. 95—99.

²⁶ В. И. Козлов. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности, стр. 48.

²⁷ Обзор различных точек зрения по этому вопросу см.: И. И. Кузьминов. Очерки политической экономии социализма. Вопросы методологии. М., 1971, стр. 28—57.

²⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 6—7.

²¹ О. Бауэр. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, стр. 136.

²² Весьма показательно, что, анализируя работу О. Бауэра по национальному вопросу и имея в виду при этом нацию в полном смысле данного слова, В. И. Ленин особо подчеркивал значение для нее общности территории и экономики. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258—259; «Ленинский сборник», 1937, XXX, стр. 53; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 262.

²³ См. ниже, стр. 61 (прим. 58), 93, 94, 122 (прим. 23).

²⁴ См., например: Э. А. Баграмов. Национальный вопрос и буржуазная идеология (Критика новейших политико-социологических концепций). М., 1966; С. Т. Калгахчян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей.

²⁵ Последний обзор соответствующих точек зрения см. в статье: В. И. Козлов. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — СЭ, 1970, № 6, стр. 47—49.

«экономика СССР») ³⁴, народное хозяйство данной страны, данного района ³⁵.

Совершенно очевидно, что при экономгеографическом определении экономики понятие «экономическая общность» приложимо к любому ареалу (даже расчлененному политическими границами) ³⁶. Следовательно, оно ни в коей мере не выражает своеобразия нации по сравнению с любой другой группой людей, занимающей определенную территорию ³⁷. Не случайно сторонники трактовки «экономической общности» как «общности хозяйственной жизни» в конечном счете видят в последней хозяйственные связи ³⁸. Но хозяйственные, или экономические, связи — это уже компонент производственных отношений, т. е. категория не экономгеографическая, а политэкономическая.

Если иметь в виду этнос в узком смысле слова (этнонос), то, как уже говорилось, к нему неприменимо представление о любом виде «экономической общности», в том числе «общности экономических связей». Но этнос в широком значении слова, т. е. этносоциальный организм, несомненно, обладает определенной общностью экономических связей. Правда, для разных исторических типов этносоциальных организмов степень развития таких связей неодинакова ³⁹. Но для нации они особенно характерны.

Таким образом, казалось бы наиболее естественным сводить «экономическую общность» нации (пока мы рассматриваем лишь этот тип этносоциального организма) к «общности экономических связей» ⁴⁰.

Однако экономика в политэкономическом ее понимании, т. е. производственные отношения, далеко не исчерпывается экономическими связями. Ядро производственных отношений составляют, как известно, отношения собственности на средства производства. Стало быть, с позиций политэкономии «экономическую общность» следует прежде всего рассматривать как совокупность людей, объединенных едиными производственными отношениями. Иначе говоря, это определенная социальная целостность, состоящая из связанных производственными отношениями классов. В данной связи естественно возникает вопрос: представляет ли нация такого рода совокупность или, другими словами, социально-экономическое целое?

³⁴ В. И. Козлов. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности, стр. 48—49.

³⁵ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. Нации — народ — человечество, стр. 17—18.

³⁶ Например, можно говорить об определенной экономической общности скандинавских стран, стран Латинской Америки, стран Тропической Африки и т. п.

³⁷ Ср.: В. И. Козлов. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности, стр. 50.

³⁸ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. Нации — народ — человечество, стр. 14.

³⁹ См. об этом подробнее ниже.

⁴⁰ Иногда эти два понятия полностью отождествляются. Так, В. И. Козлов пишет: «Экономической общностью является общность людей, основанная на экономических (или хозяйственных) связях между ними» (В. И. Козлов. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности, стр. 51).

Понимая нацию как этносоциальный организм, мы, очевидно, должны ответить на этот вопрос положительно. Даже в случае если нация не имеет «своего» государства, то и тогда для нее характерен определенный господствующий тип производственных отношений и соответствующие социальные связи (например, украинская нация в составе Российской империи конца XIX — начала XX в.). Правда, нам могут возразить, что если нация расчленена политическими границами (т. е. находится в составе двух государств), то она может иметь разные типы господствующих производственных отношений. Однако нам уже приходилось отмечать, что в таком случае мы имеем два этносоциальных организма (и, стало быть, не одну нацию, в нашем понимании этого термина, а две нации, принадлежащие к одному этносу в узком значении данного термина).

Таким образом, «экономическая общность» нации, на наш взгляд, это не только «общность экономических связей», но и определенная совокупность классов (при капитализме — антагонистических, при социализме — дружественных), социально-экономическое целое.

Однако «экономическая общность» нации не просто совокупность любых связанных производственными отношениями классов. Это, как известно, классовая структура совершенно определенного уровня — уровня капиталистической и социалистической формаций. В данной связи нельзя не отметить, что именно это и попытались учесть в своей трактовке «экономической общности» авторы, предложившие при ее расшифровке указывать на наличие рабочего класса ⁴¹. Это предложение довольно точно отражает одно из основных отличий классовой структуры наций от предшествующих ей исторических типов этносоциальных организмов. Вместе с тем очевидно, что расшифровка «экономической общности» как «наличие рабочего класса», с точки зрения логики, далеко не безупречна. Следовательно, либо необходимо помимо «экономической общности» указывать отдельно на наличие рабочего класса как на характерную черту нации (фактически это, собственно, и делают рассматриваемые авторы), либо понимать «экономическую общность» как определенную классовую структуру, включающую рабочий класс. Мы отдаем предпочтение последнему варианту хотя бы потому, что в противном случае подчеркивается лишь общее в классовой структуре буржуазных и социалистических наций. В частности, при характеристике «общности экономики» или «общности экономической жизни» буржуазной нации, на наш взгляд, речь должна идти прежде всего о рабочем классе, и о капиталистах, связанных в ее рамках единым способом производства ⁴². Определяя же «экономическую общность»

⁴¹ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. Нации — народ — человечество, стр. 12, 15—17.

⁴² В частности, при такой трактовке «общности экономической жизни» вряд ли есть основания опасаться, что эта формула может дать повод думать, что при капитализме существует общность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых (см.: С. Т. Калтаджян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, стр. 189—190).

КУЛЬТУРА И ЕЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

социалистических наций, видимо, тоже следует указывать хотя бы два основных класса соответствующей формации: рабочих и крестьян⁴³.

После всего сказанного о соотношении «экономической общности» и нации решение аналогичного вопроса применительно к остальным историческим типам этносоциальных организмов представляется достаточно тривиальным. Хотя в целом в докапиталистических формациях экономические связи были значительно слабее, чем в новое и новейшее время⁴⁴, тем не менее относительно соответствующих этносоциальных организмов (племен и народностей) можно, очевидно, так же, как и о нациях говорить, что у них имеется «экономическая общность», поскольку все они (в отличие от этносов в узком смысле слова) представляют определенную социально-экономическую целостность⁴⁵.

При выяснении наиболее существенных, неотъемлемых свойств этноса как единого целого не представлялось возможным вдаваться в детальный анализ отдельных из них. Иначе мы рисковали потерять целостное представление об этносе. Но при таком подходе неизбежно осталась в тени внутренняя структура этноса. Между тем без ее анализа невозможно получить сколько-нибудь отчетливое представление о роли отдельных компонентов этноса в его функционировании как целостной системы. Это и заставляет нас вновь вернуться к рассмотрению структуры и функций объективной основы этноса — культуры в широком смысле слова.

Внутренняя структура культуры столь же многогранна, как и сама деятельность людей. Не существует такой области общественной жизни, которая не имела бы своей «культурной» стороны. Многообразие проявлений культуры предполагает рассмотрение ее внутренней структуры под разными углами зрения, в разных плоскостях. В интересующей нас связи особенно существенным представляется макромасштабный подход к строению культуры, при котором в качестве одного из важнейших ориентиров выступают основные способности ее существования. Такой подход позволяет выделить три составные части культуры: 1) «интериорное» общественное сознание людей¹ (как идейно-теоретического, так и общественно-психологического уровней); 2) проявление его в поведении и действиях²; 3) «опредмеченные» результаты деятельности (как материальные, так и духовные).

Представляя определенное единство³, выраженное в широком понятии «культура», эти «уровни» имеют и существенные различия.

¹ Основы этой составной части культуры формируются в онтогенетическом развитии человека путем интериоризации действий, т. е. постепенного преобразования «внешних действий в действия внутренние, умственные» (А. Н. Леонтьев. Об историческом подходе к изучению психики человека. «Психологическая наука в СССР», т. I. М., 1959, стр. 32).

² Поведение — это реакция организма на внутренние или внешние раздражители; поведение может быть инстинктивным, неосознанным, но может быть и преднамеренным, осмысленным. Действиями принято называть лишь осознанные комплексы поступков, связанные с выбором средств, обеспечивающих, по убеждению действующего, достижение определенной цели (см.: Я. Шенвальский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, стр. 86). Действия делаются, как известно, на практические (внешние) и умственные (внутренние); в рассматриваемом случае имеются в виду прежде всего внешние действия.

³ «Деятельность вне сознания превратилась бы в механическое движение, а сознание без деятельности — в беспредметное массовое созерцание» («Психология». Минск, 1970, стр. 344).

⁴³ Кстати, указание при характеристике «экономической общности» нации на ее классовую структуру (капиталистическую или социалистическую) делает совершенно излишним специальное упоминание о наличии промышленности.

⁴⁴ Следует также учитывать качественно различный характер экономических связей внутри этносоциальных организмов разных формаций. См.: Ю. В. Ганковский. Народы Пакистана (основные этапы этнической истории). М., 1964, стр. 7—13.

⁴⁵ Показательно, что если в таких этносоциальных организмах даже после уничтожения антагонистических классов не сложилась развитая классовая структура, типичная для социалистической формации, то они обычно по-прежнему именуется «народностями» (подробнее об этом см. ч. I, гл. 6).

В связи с рассмотрением культуры как объективного основания этноса особо важное значение приобретает, в частности, вопрос о соотношении общественного сознания и остальных уровней культуры.

Вопрос этот чрезвычайно сложен. Дело в том, что, представляя собой и сам процесс направленной активности людей и его результаты, общественное сознание существует для исследователя так же объективно, как и остальные уровни культуры. Но это не исключает правомерности разграничения в общественном сознании двух сторон: «экстериорной», закрепленной во «внешней» деятельности и в ее результатах, и «интериорной», фиксированной в головах людей. При таком подходе естественно отнести к интериорному общественному сознанию лишь последнюю сторону, оставляя за его рамками «опредмеченное сознание», которое находится вне сознания. Соответственно сюда войдут эстетические взгляды, этические убеждения, религиозные верования, представления и знания, фиксированные человеческим сознанием⁴; материальное же оформление их за пределами психики людей в виде художественных произведений, поступков, обрядов и т. п. может быть отнесено к «объективированному сознанию». Точнее говоря, в последнем случае должна идти речь об «общей зоне» общественного сознания и «опредмеченной» культуры, ибо художественные произведения, поступки людей, обряды и т. п. — суть синтез объективного и субъективного, в котором слиты духовные и материальные начала⁵. Выделение такой зоны, отражая единство общественного сознания и «опредмеченной» культуры, в то же время позволяет, на наш взгляд, провести определенное разграничение между понятиями «интериорное общественное сознание» (или собственно общественное сознание⁶) и «объективированная культура», т. е. культура в узком значении слова. Впрочем, этим вопросом об узком значении понятия «культура» не исчерпывается. В частности, нуждается в дополнительном рассмотрении соотношение этого понятия с понятием «язык».

Будучи одним из видов человеческой деятельности, язык, естественно, входит в «культуру» в широком значении этого слова. Однако, как известно, язык неразрывно связан с мышлением⁷, являясь его важнейшей формой существования и главным средством общения людей. И в этих своих качествах язык обычно ставится в один ряд с культурой. В результате в культуру в узком значении слова язык фактически включается лишь своей содержательной стороной, объективированной в виде устной речи и письменности.

⁴ Ср.: Л. А. Зеленов, Ф. А. Селиванов. Содержание понятия о форме общественного сознания.—Уч. зап. Томского ун-та», 47, Томск, 1963, стр. 31—32.

⁵ А. К. Уледов. Структура общественного сознания. М., 1968, стр. 66—78.

⁶ Иногда, впрочем, говорят об «общественном сознании» в узком смысле слова, имея при этом в виду осознание лишь материальных общественных отношений, а не всего общественного бытия (А. К. Уледов. Структура общественного сознания, стр. 21).

⁷ См.: В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.

Разумеется, проблема внутренней структуры культуры далеко не исчерпывается ни вопросом о ее широкой и узкой трактовке, ни членением в соответствии с тремя указанными выше основными способами ее существования. В частности, морфология каждого из этих способов сама по себе может служить основанием для разграничения отдельных аспектов внутреннего строения всей культуры, трактуемой как в широком, так и в узком значении слова. Например, используя для этой цели строение общественного сознания в соответствии с его главными видами⁸, можно выделить нравственную, правовую, политическую, религиозную, эстетическую, познавательную и другие сферы культуры. При этом каждая из таких сфер, не ограничиваясь лишь идейно-теоретическим и социально-психологическим уровнями общественного сознания, простирается как на «внешнюю» деятельность, так и на ее овеществленные результаты⁹. Так, нравственная (этическая) сфера культуры, помимо этических норм и убеждений, включает нравственные действия, поведение, навыки отдельных лиц или групп, а также общественные учреждения и мероприятия, реализующие нравственные отношения данного общества¹⁰.

В основу моделирования внутреннего строения культуры может быть положена и структура деятельности, в частности ее деление на сферу производства и потребления. Первая из них и служит основанием для общепринятого вычленения в культуре производительных сил, включающих, с одной стороны, людей с профессиональными знаниями, производственными навыками и умениями, с другой — орудия труда. Сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей людей в нашей научной литературе принято обозначать термином «быт»¹¹. Соответственно относящиеся к этой сфере человеческой деятельности компоненты культуры¹² представляется правомерным именовать

⁸ См.: А. К. Уледов. Структура общественного сознания, стр. 70—148.

⁹ Соответственно структура общественного сознания может даже служить основанием для членения культуры в узком смысле слова, хотя оно само как бы находится за ее пределами.

¹⁰ Ср.: И. Попелова. Этика. О исторической и современной проблематике нравственной теории. М., 1965, стр. 423.

¹¹ См.: В. Силицын. Быт эпохи строительства коммунизма. Челябинск, 1960, стр. 13; Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева. Быт и его преобразование в период построения социализма.—СЭ, 1965, № 4, стр. 17; А. Г. Харчев. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968, стр. 4—5; Е. Н. Иманкулов. Взаимодействие двух тенденций в быту советских наций (на примере Казахстана). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 11—12; С. А. Арутюнов. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре (автореф. докт. дисс.). М., 1970, стр. 13; Г. Цонков. Формирование и развитие социалистического быта. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 21.

¹² Показательно, например, что Н. К. Крупская рассматривала бытовую жизнь как часть культуры (см.: Н. К. Крупская. Культура, быт и непрерывка. М., 1930).

бытовой культурой¹³. Наряду с самой деятельностью и ее определенными результатами бытовая культура включает, на наш взгляд, также нормы повседневного поведения, складывающихся в быту взаимоотношений; к бытовой культуре в широком смысле слова, очевидно, следует отнести и ту часть знаний, потребление которых непосредственно обеспечивает повседневную жизнедеятельность людей.

Нельзя не отметить, однако, и определенную ограниченность возможностей морфологического анализа культуры на основе выделения отдельных сфер деятельности. И дело не столько в отсутствии определенных пределов их дробления, сколько во взаимном переплетении и проникновении различных видов человеческой активности, крайне затрудняющем их достаточно четкое разграничение (например, почти невозможно отличить от других сфер деятельности такое «производство», как воспитание людей, ибо оно пронизывает почти все области человеческой жизни).

Поэтому в качестве критериев определения внутреннего строения культуры значительно чаще, чем деятельность, выступают формы ее «ощредмечивания», «объективизации». По существу этот критерий лежит в основе самого общего членения культуры на материальную и духовную. Под первой обычно подразумеваются вещи, материально существующие в пространстве на протяжении известного отрезка времени. К ним относятся: орудия труда, оружие, средства передвижения, жилище и другие постройки, одежда, пища и т. д. В ту же категорию могут быть включены культурные растения и домашние животные; особую разновидность материальной культуры составляют раскраска тела, нанесение рубцов, татуировка, прически, все виды косметики и парфюмерии. Духовная культура представляет собой информацию, которая существует в коллективной живой памяти любой человеческой группы. К духовной культуре относятся все запечатленные в клетках мозга знания, нравы и обычаи, правовые нормы, различные виды искусства и народного творчества, религиозные верования и т. п.¹⁴

Разграничение материальной и духовной культуры все же довольно условно, ибо многие продукты человеческого труда являются одновременно результатом как духовного, так и физического труда. Так, любой материальный предмет до того, как он создан, должен оформиться в воображении, стать идеей в мозгу человека. А любая идея, для того чтобы стать доступной сознанию других людей, должна объективироваться, найти свое материальное выражение (в фор-

ме письменности, речи, изображения, скульптуры и т. п.). Такая объективизация невозможна без физических усилий, причем в отдельных случаях соответствующий труд может быть даже очень значительным (например, в искусстве вааяния)¹⁵.

«Морфологический» подход к анализу внутреннего строения культуры, делающий акцент на специфике, отличии ее отдельных сфер друг от друга, может быть дополнен «функциональным» анализом, причем одним из оснований для членения культуры может служить выделение ее «технических» функций. Этот подход особенно характерен, как известно, для западных этнологов и социологов-функционалистов. Один из главных методологических пороков многих из их работ связан с абсолютизацией, преувеличением роли отдельных функций культуры¹⁶. Но данное обстоятельство, разумеется, не может служить основанием для игнорирования самих функций. Не случайно поэтому соответствующий подход к членению культуры получил в последнее время отражение и в нашей научной литературе. При этом в ней указываются прежде всего следующие «технические» функции культуры и ее соответствующие аспекты: 1) инструментальная функция, с которой в первую очередь связана «механическая» техника, выступающая преимущественно как специфическая система средств совместного воздействия человеческих индивидов на материальную среду; 2) нормативная функция, сопряженная с «организационной» техникой («соционормативной» культурой) как специфической системой средств организации коллективной жизни; 3) сигнификативная функция, выражающаяся в «символической» («знаковой») технике как специфической системе средств, благодаря которой осуществляются умственные и эмоциональные действия человека; 4) коммуникативная функция, неразрывно связанная со знаковой техникой, обеспечивающая общение людей¹⁷.

Наряду с этими «техническими» функциями культуры, в известном смысле простирающимися на все общество, можно выделить ее «специфические» функции, связанные с обеспечением отдельных видов социальных потребностей. Таковы, например, эстетическая, познавательная и религиозная функции. Все они в той или иной степени пересекаются с «техническими» функциями культуры. Каждой из этих функций соответствует особая сфера культуры, однако их проявление данными сферами обычно не ограничивается (например, эстетическую функцию выполняет не только такая сфера культуры, как искусство, но и другие ее сферы).

¹³ См.: С. А. Арутюнов. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре, стр. 13. Представление о быте как о сфере культуры, однако, несовместимо со сведением последней лишь к определенным результатам деятельности. Этим и объясняется, очевидно, распространенное противопоставление понятий «культура» и «быт».

¹⁴ См.: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., 1971, стр. 165.

¹⁵ См.: Я. Щепаньский. Элементарные понятия социологии, стр. 40; Э. Йон. Проблемы культуры и культурная деятельность. М., 1969, стр. 427—428, прим. 79.

¹⁶ См.: С. Н. Архановский. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967, стр. 85—88.

¹⁷ Э. В. Соколов. Культура.— Уч. зап. Ленинградск. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Философские исследования. Л., 1968, стр. 376—378; Э. С. Марквард. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, стр. 85—86.

Среди выполняемых культурой многочисленных ролей представляется правомерным особо выделить ее этническую функцию. Эту функцию, на наш взгляд, выполняет совокупность этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойств культуры.

Эти последние, весьма существенные в рассматриваемом нами контексте свойства культуры теснейшим образом сопряжены с ее остальными функциями, нередко выступая фактически в качестве одной из их сторон. Особенно это относится к сигнификативной и коммуникативной функциям культуры. Так, сигнификативной функции культуры принадлежит важная роль как в объединении представителей одного этноса (этнической интеграции), так и в разграничении представителей различных этносов (этнической дифференциации). При этом первостепенное значение имеет так называемая открытая (явная) культура¹⁸. Что касается коммуникативной функции, то она обеспечивает характерные для каждого этноса информационные связи в сфере культуры, т. е. передачу этнокультурной информации¹⁹.

Передача этнокультурной, как и всякой другой, информации в человеческом обществе осуществляется в различных формах: через произведения материальной и духовной культуры, путем жестов и т. п. Но главной формой такой передачи выступает речь — словесная информация (устная или письменно-литературная)²⁰. Обмен сведениями этнокультурного характера осуществляется на основе как непосредственных (личных), так и опосредованных (неличных) контактов²¹. Хотя по мере развития средств массовой коммуникации удельный вес непосредственных контактов в передаче этнокультурной информации непрерывно сокращается, однако такие контакты все равно остаются наиболее действенными²². Главными видами кон-

¹⁸ «Открытой» (overt) культуре принято противопоставлять «скрытую» (covert) культуру (E. T. Hall. *The Silent Language*. N. Y., 1959). Иногда эти два уровня культуры считают соответствующими осознанному и неосознанному уровням психики (Ю. С. Степанов. *Семиотика*. М., 1971, стр. 22). Однако такая их интерпретация не вполне удачна, ибо открытые компоненты культуры могут быть неосознанными и, наоборот, осознанные — скрытыми (например, европейцы обычно разговаривают между собой на расстоянии друг от друга примерно 75 см, делая это неосознанно, хотя само это явление относится к открытой культуре). Точнее, пожалуй, говорить в данной связи о наглядной стороне деятельности и ее «внутреннем», скрытом значении.

¹⁹ Основанием для такого наименования служит то обстоятельство, что в данном случае имеется в виду передача «кода» этнических свойств, носителем которых является повседневная культура, прежде всего ее традиционные формы. Впрочем, точнее было бы говорить о культурно-психической информации, ибо подразумевается передача не только «значений», но и «установок», т. е. и обучение, и воспитание.

²⁰ Н. Н. Чебоксаров, С. А. Арутюнов. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — «Расы и народы», 2. М., 1972, стр. 19.

²¹ В качестве посредника могут выступать третий человек или различные средства связи (В. Н. Пауферов. *Психология общения*. — ВФ, 1971, № 7, стр. 127).

²² Ю. М. Кобищанов. Движение этнической информации (рукопись, стр. 5.).

тактов, связанных с передачей этнокультурной информации, являются бытовые, производственные и учебные. Важнейшей социальной ячейкой, в рамках которой осуществляется эта трансмиссия, в классовых обществах обычно, как мы еще убедимся, является семья, а в доклассовых — различные формы общин.

Усвоение этнокультурной информации происходит как непроизвольно (бессознательно), так и осознанно. Первый способ является древнейшим, так как основывается на имитативных способностях человека и до сих пор остается ведущим²³. Это во многом обусловлено тем, что основная масса этнокультурной (в первую очередь связанной с языком) информации усваивается человеком в раннем возрасте.

Межпоколенной, диахронной этнокультурной информации принадлежит основная роль в воспроизводстве этноса. «Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обусловлены его преемственность и стабильность во времени»²⁴. Но наряду с диахронной важное значение для функционирования этноса имеет синхронная информация, обеспечивающая его пространственную стабильность²⁵ и культурную интегрированность. В известном смысле этносы представляют собой пространственно ограниченные «сгустки» специфической культурной информации, а межэтнические контакты — обмен такой информацией. И в этом плане различные исторические типы этнических общностей существенно отличаются друг от друга²⁶.

Из всех компонентов культуры в широком смысле слова обычно наиболее отчетливо выраженными этническими функциями обладает язык. Не случайно в научной литературе при определении основных признаков как этнических образований вообще, так и отдельных их типов язык уже давно неизменно выдвигается на первое место²⁷, и для этого есть достаточные основания.

Являясь основным средством общения людей, язык обслуживает все сферы человеческой жизнедеятельности — от производства до

²³ Там же.

²⁴ Н. Н. Чебоксаров, С. А. Арутюнов. Передача информации как механизм существования..., стр. 19. Определяющая роль для этноса диахронных, вертикальных связей четко видна в тех случаях, когда между отдельными частями достаточно однородного в культурном отношении этноса синхронные, горизонтальные связи практически полностью отсутствуют, а значительная этнокультурная общность сохраняется. Хорошими примерами таких «дисперсных» этносов могут служить мяо (мео) и яо (ман) Юго-Восточной Азии, многочисленные группы которых живут дисперсно в Китае и разных странах Индокитая, или эскимосы, рассеянные на бескрайних пространствах Гренландии, Канады, Аляски и Сибири (там же, стр. 22).

²⁵ Там же.

²⁶ Подробнее см. ч. I, гл. 6.

²⁷ В частности, особое значение языка для нации отмечалось еще Жан-Жаком Руссо и Дж. Ст. Миллем (*Жан-Жак Руссо*. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании. Избр. соч., т. I. М., 1961, стр. 221; *Дж. Ст. Милль*. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863, стр. 302).

самых отдаленных от базиса надстроечных форм. В этом отношении он как бы олицетворяет всеобъемлющий характер культуры в целом²⁸, обеспечивая фиксацию, хранение и передачу соответствующей информации. В силу таких своих свойств язык в пределах каждой этнической общности, с одной стороны, выступает главным фактором культурной интеграции этноса, с другой — важнейшим средством осуществления межпоколенной культурной преемственности в его рамках. А поскольку каждый язык имеет свою специфическую лексическую, грамматическую и фонетическую форму, он представляет собой замкнутую систему, ограничивающую его от других языков²⁹. Именно этим и обусловлено то обстоятельство, что языковые различия ставят очень существенный, в известном смысле непроницаемый барьер («непонимание») для общения людей. К тому же в отличие от других этнодифференцирующих факторов действие этого барьера происходит помимо желания людей, и его игнорирование, как правило, для них является невозможным. Объективные препятствия, которые этот барьер создает, усугубляются социально-психологическими факторами. Чужая, непонятная речь означает разрыв нормальной коммуникации между людьми, и это нередко вызывает чувство раздражения, которое находит проявление в неприязни к иностранному языку. Такое отношение особенно широко было распространено в прошлом. Например, этимология греческого слова «варвар» восходит к глаголу «бормотать»: «варваром» называли человека, говорящего не по-гречески, а на расстроенном, «бормочущем» языке³⁰.

Снятие лингвистического барьера неизбежно ведет к прекращению выполнения языком разграничительно-изолирующей функции. Именно поэтому, если группа людей сменила свой язык, то с течением времени (обычно во втором или третьем поколении) не исключена сравнительно быстрая смена их этнической принадлежности. Тем же обусловлено и то обстоятельство, что с двуязычием, как правило, сопряжены существенные этнические перемены³¹.

Являясь важнейшим коммуникативным средством, язык в то же время выполняет и весьма существенные сигнификативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенной группе.

²⁸ Д. И. Чесноков. Исторический материализм. М., 1965, стр. 397—398.

²⁹ Возникновение языкового многообразия обусловлено не особой психикой отдельных народов, а тем, что огромное множество звуков и самые различные возможности их сочетания в условиях относительной изоляции отдельных человеческих групп открывали широкий простор для дивергентного развития языков. На ранних стадиях истории человечества этому, помимо значительной изоляции, немало способствовали, во-первых, сравнительно небольшой объем словарного фонда, во-вторых, отсутствие такого языкового стабилизатора, как письменность (впрочем, как наглядно показывает пример английского языка, письменность хотя и существенно замедляет темп языковых изменений, однако полностью их не приостанавливает).

³⁰ С. Н. Артановский. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур, стр. 89.

³¹ См., например: М. Н. Губогло. Социально-этнические последствия двуязычия. — СЭ, 1972, № 2.

О роли языка как этнического признака в нашей научной литературе последнего времени существуют довольно противоречивые суждения. Например, согласно одной точке зрения, наиболее четко сформулированной С. А. Токаревым, — язык относится к самым важным, однако отнюдь не обязательным признакам этнических общностей³². К этой точке зрения примыкает мнение А. Г. Агаева, считающего, что «функцию этнического признака выполняет обособленный, только данному народу свойственный, данным народом созданный язык»³³. Вместе с тем существует представление, что под языковым признаком этнических единиц достаточно понимать «общность языка внутри народа»³⁴. Соответственно делается вывод, что в качестве этнического признака общность языка не обязательно должна обладать дифференцирующими свойствами³⁵. Все эти представления, однако, не лишены некоторой односторонности.

Представители первой из названных точек зрения обычно ссылаются на наличие общего языка у нескольких народов (английского — у англичан, североамериканцев, канадцев, англо-австралийцев; испанского — у мексиканцев, испанцев, аргентинцев, кубинцев и т. д.; арабского — у сирийцев, египтян, алжирцев и т. д.). Однако при этом явно не учитывается, что в таких случаях язык отгораживает каждый из соответствующих этносов от всех этнических общностей, пользующихся иными языками. Например, общность испанского языка наглядно отличает чилийцев от многих (неиспаноязычных) народов, хотя одной этой общности разумеется, недостаточно для выделения их в отдельную нацию. Следовательно, общность языка во всех случаях, когда она налицо, в той или иной мере играет роль этнического разграничителя, хотя подчас и дополнительного. К тому же в рассматриваемых случаях общее языковое единство нескольких этносов обычно сочетается с теми или иными диалектными различиями между ними³⁶.

Существование общего языка у нескольких этносов вместе с тем свидетельствует об излишней категоричности тезиса, связывающего выполнение функции этнического признака лишь с тем языком, который свойствен только данному народу. Впрочем, не исключено, что данный тезис имеет в виду всего лишь ту особую функцию языка, которую он выполняет в качестве этнического символа. И действительно, такую роль, тесно связанную с этническими чувствами, этническим сознанием, может выполнять лишь традиционный для

³² С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — ВФ, 1964, № 11, стр. 43.

³³ А. Г. Агаев. Функции языка как этнического признака. — «Язык и общество». М., 1968, стр. 135.

³⁴ В. И. Козлов. О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2, стр. 105; он же. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 27.

³⁵ М. И. Исаев. Нация и язык. — ВИ, 1968, № 2, стр. 106.

³⁶ См.: М. И. Былинкина. О национальном языке Аргентины — «Нации Латинской Америки». М., 1964, стр. 371—401; Е. М. Вольф. Португальский язык в Бразилии. — Там же, стр. 402—418.

данного народа, «данном народом сотворенный» язык³⁷. Но, обращая внимание на эту, обычно остающуюся вне поля зрения исследователей этносоциальную функцию языка, мы, видимо, не должны смешивать такие не вполне идентичные понятия, как символ и признак.

Точка зрения, учитывающая лишь «внутреннюю» роль общности языка как этнического признака, плохо согласуется со случаями, когда части одного народа говорят на разных языках. Возникающее при этом противоречие обычно пытаются «снять» ссылкой на исключительность таких случаев. Однако в действительности они оказываются не столь уж редкими. В литературе, например, в этой связи уже неоднократно делались указания на шотландцев, ирландцев³⁸. Не менее показательны и ссылки на некоторые народы нашей страны: башкир, карел, эвенков, значительные массы которых считают своим родным языком русский. Число таких примеров, впрочем, легко можно умножить. В полном смысле слова «общность» языка отсутствует у советских украинцев: каждый восьмой русскоязычен. Такое явление характерно и для значительной части армян, мордвы и т. д.³⁹ Нельзя сбрасывать со счета и случаи, когда части одного народа говорят на очень сильно расходящихся диалектах. Это относится, например, к немцам и особенно к китайцам, северные, восточные и южные группы которых не понимают друг друга. У некоторых народов существует даже несколько, хотя и близких, но разных литературных языков: например, у мордвы — эрзянский и мокшанский языки; у норвежцев — риксмол, ланнсмол, самноршк⁴⁰.

Все это в целом не оставляет сомнений, что если исходить из идеи «общности языка» (имея в виду при этом общность одного языка) как обязательного этнического признака, то немало народов автоматически окажется за пределами этнической категории⁴¹.

После такого заключения может показаться, что основная слабость рассматриваемого взгляда сводится к некоторому преувеличению значения этого признака. В действительности же главный недостаток такого подхода связан с игнорированием по существу роли языковой общности как этнического разграничителя, без чего подобная общность практически и не может выступать в качестве этнического признака. Даже в этнических общностях, неоднородных в лингвистическом отношении, каждый из языков (в том числе и не традиционный для данной общности) в той или иной мере выполняет этнодифференцирующую роль. Более того, несмотря на такую неоднородность, язык нередко по существу продолжает выполнять внутриэтническую функцию, поскольку языковая коммуникация

внутри этноса поддерживается в таких случаях благодаря двуязычию (а иногда и многоязычию) значительной части его членов. Следует учитывать также, что интегрирующие и дифференцирующие этнические свойства языка представляют диалектическое единство. Поэтому выполнение языком дифференцирующей для данного этноса функции неизбежно предполагает его определенную языковую общность. К тому же дифференцирующая функция способствует выполнению языком функции внутриэтнического объединения⁴².

Одним словом, неправомерны не только отрицание обязательного выполнения языком этноинтегрирующей и этнодифференцирующей функций, но и абсолютизация как языкового единства этносов, так и их языковой уникальности. Хотя языковая общность непременно присуща каждому этносу и каждый этнос в процессе становления обычно пользуется одним языком, однако совсем не обязательно, чтобы на протяжении всего своего дальнейшего существования он обслуживался только этим языком. Несмотря на неперемное выполнение языком этнодифференцирующей функции, это не обязательно проявляется по отношению ко всем смежным с ним этносам.

Рассматривая язык в качестве этнического признака, мы должны учитывать еще одно его свойство, которое может быть квалифицировано как иерархичность. Мы имеем в виду как наличие диалектов внутри многих языков, так и вхождение подавляющего большинства их в более широкие лингвистические общности (языковые группы и семьи). В результате, помимо главных линий языкового размежевания, оказывается возможным проведение лингвистических границ и в более узких и в более широких рамках. При этом, если степень внутреннего единства таких общностей ослабевает по мере повышения таксономического уровня (от диалекта до лингвистической общности типа языковой семьи), то наибольшей четкости лингвистическая граница достигает, так сказать, на «среднем» уровне — на уровне отдельного языка, являющегося основной лингвистической единицей. Единицы такого типа обычно и выступают в качестве важнейших этнических признаков. Однако это не исключает выполнения роли этнодифференцирующего фактора и другими лингвистическими единицами, что немало способствует образованию своеобразной иерархии этнических общностей.

Судя по всему, этноразграничительным свойствам языка не на всех этапах всемирно-исторического процесса принадлежала одинаковая роль. В первобытнообщинную эпоху, хотя язык и выступал как важнейший фактор этнического сплочения племен⁴³, однако, на наш взгляд, ему тогда еще не принадлежала роль важнейшего этнического разграничителя. И это представляется очевидным независимо от того, принимается ли нами или не принимается гипотеза господства лингвистической непрерывности в первобытнообщинную

⁴² Там же, стр. 128.

⁴³ Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей.— ВИ, 1967, № 4, стр. 80.

³⁷ А. Г. Агаев. Функции языка как этнического признака, стр. 130—131.

³⁸ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), стр. 43.

³⁹ А. Г. Агаев. Функции языка как этнического признака, стр. 127.

⁴⁰ В. И. Козлов. О понятии этнической общности, стр. 105—106; *он же*. Динамика численности народов, стр. 28.

⁴¹ См.: А. Г. Агаев. Функции языка как этнического признака, стр. 127.

эпоху⁴⁴ — гипотеза, правомерность которой вызывает в последнее время определенные сомнения⁴⁵. Ведь все же, видимо, достоверным является представление, что в первобытную эпоху соседние племена, как правило, составляли сравнительно однородные в лингвистическом отношении группы, внутри которых действительно существовала своеобразная лингвистическая непрерывность⁴⁶.

С переходом к классовому обществу и с образованием новых, более крупных этносов, так называемых народностей, этническая роль языка, судя по всему, возрастает. Этому немало способствует закрепление языка в письменности. Что касается наций, то для их единства, как известно, большое значение имеет распространение литературных языков, влекущее за собой нивелирование разговорной практики.

Характеризуя этническую роль языка, нередко подчеркивают, что языковая общность — важнейшее условие формирования этноса. Действительно, если при этом иметь в виду этносы типа народности и нации, то языковой общности в данном отношении в подавляющем большинстве случаев принадлежит немалая роль⁴⁷. Однако было бы ошибочно полагать, будто такая общность обязательно предшествует возникновению этноса. Нередко дело обстоит несколько иначе: формирование этноса и его языковой общности представляет собой одновременный процесс. Впрочем, для прочно «стабилизировавшегося» этноса языковая общность, как уже говорилось, теряет обязательный характер. Этим и объясняется такое нередко отмечаемое в настоящее время явление, как превышение населения, сознающего себя принадлежащим к данной этнической общности, над населением, считающим родным языком основной язык этой общности⁴⁸.

При характеристике языка как этнического признака следует учитывать своеобразие самого восприятия этого признака. Он обычно воспринимается как нечто целостное, единое, т. е. однозначное. Это обусловлено тем, что каждый язык представляет целостную систему со сравнительно постоянными и «жестко» взаимосвязанными частями. Вместе с тем такая «жесткость» позволяет, как правило, распознать язык (отличить от других) уже при соприкосновении с его отдельными элементами. Именно поэтому языковая принадлежность этнической группы обычно может быть выяснена при первых же контактах с ней, при этом для такой цели даже не обязательно в совершенстве владеть соответствующим языком.

Что касается культуры в узком значении этого слова, то вопрос относительно ее этнических свойств гораздо сложнее, чем о тех же свойствах языка, и одних аналогий с ним здесь явно недостаточно.

⁴⁴ См.: Д. В. Бубрих. О древней прибалтийско-финской речи. — «Изв. Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР». Петрозаводск, 1949, № 1, стр. 55; С. П. Толстов. Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии. — СЭ, 1950, № 4.

⁴⁵ Л. Г. Герценберг. К вопросу о языковом ландшафте в древнейшую эпоху. «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе». Л., 1972, стр. 46—48.

⁴⁶ Н. А. Бутинов. О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии. — СЭ, 1951, № 2.

⁴⁷ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 410.

⁴⁸ А. Г. Агаев. Функции языка как этнического признака, стр. 133—134.

Многочисленные и разнообразные «неязыковые» комплексы культуры в большинстве случаев, хотя и обладают значительной самостоятельностью, однако не представляют целостных систем с «жестко» взаимосвязанными частями. И, следовательно, по одной детали, одному фрагменту той или иной сферы культуры подчас крайне рискованно судить о ней в целом. Из всех таких комплексов культуры, пожалуй, наибольшая степень «жесткости» взаимосвязи отдельных компонентов, как правило, обнаруживается в религии. Данное обстоятельство играет определенную роль в выполнении религией в некоторых случаях функции основного этнического признака.

В отличие от языка лишь некоторые элементы культуры (в узком значении слова) выделяются обыденным сознанием в качестве отличительных черт данного этноса, его основных «опознавательных» знаков⁴⁹; при этом нередко их типичность для данного этноса абсолютизируется — они считаются исключительно его принадлежностью. Остальные же особенности культуры, если и оказываются в «поле зрения» обыденного сознания, то фиксируются им, как правило, весьма неопределенно, неинтенсивно⁵⁰. Поэтому для выявления такого рода особенностей необходимы специальные исследования. А это в свою очередь делает правомерным их наименование «этнографическими» чертами культуры. Хотя обыденное сознание чаще всего не придает таким компонентам культуры сколько-нибудь существенного значения, тем не менее объективно они отличают один этнос от другого. Стало быть, этнографические черты культуры — одна из разновидностей этнических явлений. Соответственно, говоря в дальнейшем об этнических свойствах культуры, мы имеем в виду не только ее «активные», выделенные обыденным сознанием черты, но и «пассивные», этнографические компоненты.

В силу того, что обыденное сознание склонно, как уже говорилось, абсолютизировать те компоненты «объективированной» культуры, которые используются им в качестве этнических символов, только специальные исследования позволяют установить действительный ареал этих ее компонентов. Данное обстоятельство в свою очередь и является, на наш взгляд, основанием для того, чтобы всю совокупность несущих этническую нагрузку компонентов культуры (в узком смысле слова) именовать «этнической», помня при этом, что она включает «этнографический» слой⁵¹.

Сопоставляя этнические функции языка и культуры (в узком значении слова), мы должны иметь в виду еще одно обстоятельство. Когда в качестве этнического признака фигурирует язык, то само собой разумеется, что мы имеем дело с явлением, характерным для определенной группы, индивидуальные различия внутри которой в данном

⁴⁹ Подробнее об этом см. стр. 66.

⁵⁰ Впрочем, это не исключает того, что нередко отдельные из них по тем или иным причинам могут со временем превратиться в «символы» этноса.

⁵¹ В нее нами не включается язык, так как в подавляющем большинстве случаев, когда имеет место то или иное несовпадение этноса и символизирующего его языка, такое несовпадение достаточно очевидно.

(«языковом») отношении часто незначительны. Для основной же массы «неязыковых» сфер культуры групповой характер тех или иных черт деятельности индивида, как правило, не столь самоочевиден. Более того, хорошо известно, что культура общности не есть простая сумма индивидуальных культур ее членов.

Однако это отнюдь не значит, что не существует общей групповой культуры. В каждой общности людей имеется «совокупность» произведений, ценностей и способов поведения, которые приняты и признаны группой и приобрели значение для ее членов, определяя нормы поведения, считающиеся «обязательными», например нормы приличия, принципы общности и т. д.⁵² Такая общность обусловлена не сознательной договоренностью индивидов, как полагают представители конвенциональных теорий, а тем, что производство материальных благ и иная деятельность людей выступают прежде всего как коллективная, общественная. Поэтому сначала формируется содержание общественного сознания, а потом уже и индивидуального⁵³. Соответственно культура общности имеет определенный «приоритет» перед функционирующей в ее рамках культурой индивидов. При этом каждое общество как бы представляет индивиду некоторую возможность оригинальности и отклонения от общепризнанных образцов. Но лишь весьма немногие из подобных отклонений могут затем приобрести характер черт, типичных для данной культуры.

Поскольку, таким образом, в целом культура отдельного индивида не обладает всеобщей значимостью для этноса, она сама по себе не может служить его отличительным признаком. В такой роли могут выступать лишь те культурные черты, которые характерны для всего этноса. Именно поэтому феномен групповой культуры представляет важнейшее условие выполнения культурой этнических функций. При этом, однако, не следует смешивать культуру индивида и единичные явления культуры. Последние, как известно, нередко выступают в роли характерных признаков этноса. Ведь такие явления (например, отдельные архитектурные памятники), будучи отраженными обыденным сознанием, могут иметь всеобщую значимость в пределах этноса. Однако и в таких случаях — это всего лишь символы этноса⁵⁴, не представляющие непосредственные этнические свойства его членов.

В связи с рассматриваемым вопросом нельзя также не напомнить о том, что в нашей историко-философской литературе последних лет довольно распространено мнение, будто об общности культуры как этническом признаке если и можно говорить, то главным образом лишь применительно к первобытнообщинной эпохе, когда все члены небольших племенных коллективов, занимаясь одинаковой хозяйственной деятельностью, представляли в социальном отношении по существу

недифференцированное целое⁵⁵. В классовых обществах, согласно этой точке зрения, вместе с исчезновением у этнических образований социальной однородности исчезает не только их культурное единство, но и вообще чуть ли не всякая общность культуры. Одним из логических следствий такого представления явилось, в частности, исключение культуры вообще из определения нации⁵⁶. Основным аргументом при этом служат обычно ссылки на известное указание В. И. Ленина, что «есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»⁵⁷. Однако в данном случае как бы не замечается, что, подчеркивая наличие внутри нации капиталистической эпохи буржуазной и пролетарской культуры, В. И. Ленин отнюдь не отрицает существования национальной культуры. Правда, с точки зрения формальной логики наличие двух национальных культур в каждой национальной культуре может показаться противоречием, снятие которого требует отбрасывания одной из его сторон⁵⁸. В действительности же перед нами одно из проявлений диалектической противоречивости самих буржуазных наций, представляющих единство противоположностей⁵⁹ как в социальной, так и в культурной сфере. И было бы, очевидно, явным упрощением понимать ленинское указание в том смысле, будто наличие в каждой этнической единице классовых формаций антагонистических компонентов культуры ведет к полному разрушению всякой культурной общности в таких образованиях⁶⁰. Следует учитывать и то чрезвычайно важное обстоятельство, подчас упускаемое из виду, что классовые различия в культуре в разной мере, с разной степенью остроты проявляются в ее разных сферах^{60а}.

Классовость культуры в антагонистических обществах проявляется прежде всего в том, что значительная часть идеологических форм создается в интересах определенного класса и обслуживает только его интересы. Сюда относится политическая идеология, в значитель-

⁵⁵ См.: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 44.

⁵⁶ См., например, С. Т. Калалачян. К вопросу о понятии «нация». — ВИ, 1966, № 6, стр. 42; М. О. Мнацаканян. Нация и национальная государственность. ВИ, 1966, № 9, стр. 35. По мнению С. А. Токарева, особенности быта и культуры представляют второстепенные этнические признаки (С. А. Токарев. Введение. — В кн. «Основы этнографии», стр. 9).

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

⁵⁸ Так, кстати сказать, и поступил О. Бауэр. Выдвинув тезис, что общность культуры нации «охватывает лишь господствующий класс», он на этом основании исключил трудящиеся массы вообще из нации (О. Бауэр. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, стр. 51).

⁵⁹ Ср. Т. Ю. Бурмистрова. Некоторые вопросы теории нации. — ВИ, 1966, № 12, стр. 104—105; Г. Ломидзе. Национальная культура и народность литературы. — «Дружба народов», 1971, № 2, стр. 253.

⁶⁰ В данной связи нельзя не согласиться, в частности, с мнением Т. Ю. Бурмистровой, что хотя не все в наследии Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского может принять рабочий класс, но бесспорно одно: и Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский — великие представители русской культуры (Т. Ю. Бурмистрова. Некоторые вопросы теории нации, стр. 105).

^{60а} В. В. Пименов. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры. — СЭ, 1967, № 2, стр. 7—8.

⁵² Я. Щепанский. Элементарные понятия социологии, стр. 45.

⁵³ А. К. Уледов. Структура общественного сознания, стр. 150.

⁵⁴ Даже если об этом явлении осведомлены все члены этноса, то «всеобщность» имеет не оно само, а лишь знания о нем. Характерно, что в такой же роли этнических символов могут выступать и явления природы (например, Фудзияма для японцев).

ной мере религия, многие элементы морали и искусства, философские принципы. Как известно, весьма существенны классовые различия в сфере потребления материальной и духовной культуры. Классовый характер могут иметь также различного рода материальные символы и атрибуты социального престижа: приветствия, украшения, манеры, привычки, особенности жилища, одежды и т. д.⁶¹

Но, как справедливо отметил Н. Н. Чебоксаров, хотя культурно-бытовые различия между социальными группами внутри одного этноса и имеют тенденцию углубляться на всем протяжении истории классового общества, они никогда не охватывают всего культурного достояния народа⁶². Нельзя сбрасывать со счета и довольно частое для классовых обществ религиозное единство различных социальных групп внутри одного этноса⁶³, не говоря уже об обычной для них языковой общности и соответственно единой письменности. Немало общих черт, характерных для всех классов и слоев данной этнической общности, сохраняется в сфере бытовой культуры, притом не только в ее материальных, но и в духовных компонентах⁶⁴.

Следует иметь в виду и межсоциальную диффузию культуры, в частности проникновение элементов профессиональной городской культуры в сельскую⁶⁵ и, наоборот, традиционной сельской — в городскую⁶⁶. Очевидно, нет оснований полагать, будто наличие антагонистических классов внутри этносов ведет к полному уничтожению их культурной общности. Более того, такая общность сохраняется как

⁶¹ Э. В. Соколов. Культура, стр. 379.

⁶² «Прогрессивное творчество А. С. Пушкина, И. Е. Репина или Д. И. Менделеева составляет в первую очередь неотъемлемую часть сокровищницы русской культуры и только через эту культуру становится достоянием всего передового человечества» (Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1967, № 4, стр. 98).

⁶³ В данной связи привлекает внимание анализ религиозного поведения, проделанный С. А. Арутюновым. Разграничивая в религиозном поведении социальный и обыденный аспекты, он отмечает, что первый аспект выделяет индивида из общества либо как личность повышенного религиозного уровня, либо как члена обособленной конфессиональной группы. Использование же многих религиозных обрядов, глубоко введшихся в повседневную жизнь населения, т. е. обыденное религиозное поведение, уподобляет индивида обществу и как бы растворяет его в этносе (С. А. Арутюнов. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре (автореф. докт. дисс.), стр. 16).

⁶⁴ См. об этом, например: J. Schwietering. Wesen und Aufgaben der deutschen Volkskunde. — «Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». Halle, 1927, Bd. V, Hf. 4, S. 748—765; он же: Das Volkslied als Gemeinschaftslied. — «Euphorion Zeitschrift für Literaturgeschichte». Stuttgart, 1929, Bd. 30, S. 236—244.

⁶⁵ Например, многие компоненты одежды русского сельского населения конца XIX — начала XX в. ведут свое происхождение от одежды горожан (см.: Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. «Восточнославянский этнографический сборник». — ТИЭ, т. XXXI, 1956, стр. 640—643).

⁶⁶ Об этом, в частности, наглядно свидетельствует использование материалов сельского фольклора при создании произведений профессиональной художественной литературы.

раз в тех сферах культуры (язык, религия, обычаи, обряды, искусство, материальная культура и т. д.), которые чаще всего являются основными носителями этнической специфики.

В подтверждение точки зрения, будто культурная общность характерна лишь для этносов родоплеменной эпохи⁶⁷, нередко ссылаются на то, что в приходящих им на смену крупных этнических образованиях нарушается пространственное единообразие культуры⁶⁸. Действительно, локальные различия в культуре — явление, встречающееся если не во всех, то во всяком случае в подавляющем большинстве относительно крупных этносов. При этом границы пространственного распространения как отдельных компонентов культуры, так и их целых комплексов зачастую не совпадают ни между собой, ни в целом с территориальными рамками этнических общностей. Многочисленные примеры этого уже не раз проводились в специальной литературе; о том же весьма наглядно свидетельствуют историко-этнографические атласы. Особенно характерны локальные различия для материальной культуры⁶⁹, и это объясняется тем, что она непосредственно связана как с уровнем развития производительных сил, так и с особенностями природной среды.

Но, констатируя существование внутри крупных этносов локальных вариантов тех или иных комплексов культуры, не следует их абсолютизировать. Локальные различия в одних сферах культуры отнюдь не исключают возможности ее единства во многих других. И в этом отношении материальная и духовная культура далеко не равнозначны, поскольку последняя дает нам большее число примеров общезначимого единства и своеобразия. Русские народные песни и танцы, например, явно отличаются от украинских и тем более от грузинских⁷⁰. К тому же даже локальные комплексы культуры каждого этноса на «своем пограничном участке» могут в известной мере выполнять этнодифференцирующую функцию.

Но особенно существенно, на наш взгляд, в рассматриваемой связи подчеркнуть неправомочность сведения культурного единства этнических образований лишь к совокупности их отличительных особен-

⁶⁷ Иногда культуру этнических образований этой эпохи характеризуют даже как однозначную. Но, разумеется, по-настоящему однозначных культур никогда не было (см.: Ст. Лем. Модель культуры. — ВФ, 1969, № 8, стр. 59).

⁶⁸ См., например, В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 44—46.

⁶⁹ Этим во многом и обусловлены те трудности, с которыми встречаются археологи при определении этнической принадлежности той или иной «археологической культуры». Не случайно вопрос о ее соотношении с этносом в последнее время весьма оживленно дискутируется как зарубежными, так и советскими археологами (см., например: Г. С. Кнабе. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе. — СА, 1959, № 3; А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? — СА, 1957, № 5; А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований). — «Народы Азии и Африки», 1967, № 1; Обсуждение статьи А. Л. Монгайта. — Там же; И. С. Каменецкий. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2).

⁷⁰ В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 45.

ностей. Ведь в таком случае из сферы проявления культурного единства того или иного этноса оказываются автоматически исключенными все те компоненты культуры, которые, во-первых, характерны для всего человечества⁷¹; во-вторых, присущи всем этносам данного хозяйственно-культурного типа; в-третьих, являются общей принадлежностью соответствующей историко-этнографической области⁷². В конечном счете этнос характеризует все его культурное достояние. (Это обстоятельство, кстати сказать, нередко не учитывается и при рассмотрении классового аспекта проблемы культурной общности этнических образований.)

Общность культуры имеет чрезвычайно важное значение для функционирования этноса как целостной системы. Ее символические (знаковые) компоненты, в первую очередь язык, обеспечивают, как уже говорилось, взаимное понимание и взаимную информацию членов этноса, без чего невозможна была бы их эффективная совместная деятельность. Благодаря знаковым системам оказываются возможными накопление, хранение и передача из поколения в поколение информации, обеспечивающей культурную преемственность в рамках этноса. Но «интегрирующая» роль культуры для этноса не исчерпывается лишь информационной коммуникацией пространственного и временного планов. Не меньшее значение имеет и характерная для этносов (особенно для этносоциальных организмов) общность «соционормативной» культуры (моральных и правовых норм и институтов), обеспечивающая координацию поведения, деятельности объединенных в их рамках людей. Степень подобной координации может быть различной, но в той или иной мере она необходима, ибо в противном случае внутри этноса наступает хаос, делающий неизбежным его гибель. Для понимания подлинной роли этой, нередко остающейся вне поля зрения исследователей специфической стороны культурной общности этноса необходимо учитывать, что в «организационном» плане именно выработанная людьми система норм, регулирующих их поведение, и отличает жизнь человеческого коллектива от жизни сообществ животных, базирующейся на инстинкте⁷³.

Но при всей огромной значимости для этноса внутреннего культурного единства — это всего лишь одна из сторон его как целостной системы. Существование таковой, как мы знаем, невозможно без выполнения культурой этнодифференцирующей функции. Эти два аспекта этноса — «внутренний» и «внешний» — находятся в сложной диалектической взаимосвязи.

С одной стороны, как говорилось, этнодифференцирующую роль могут играть не только те компоненты культуры, которые едины

⁷¹ Культурные явления, имеющие общечеловеческий характер, т. е. свойственные, хотя бы в зачаточной мере, всем современным и древним народам, в этнографической литературе подчас именуют «элементами культуры» (см.: К. Вейле. Элементы человеческой культуры. Начатки и первичные формы материальной культуры. М.—Пг., 1923).

⁷² Характеристику двух последних разновидностей культурных общностей см. выше, стр. 18.

⁷³ См.: Э. С. Маркьян. Очерки теории культуры, стр. 68.

для всего этноса, но и ее локальные варианты, а подчас и культурные черты, характерные для отдельных входящих в этнос социальных групп. С другой стороны, из отмеченного нами выше наличия общих черт культуры у отдельных народов отнюдь неправомерно было бы делать прямолинейный вывод, что внешние отличительные особенности каждого этноса обязательно должны принадлежать только ему одному. Такого рода «абсолютные» особенности, несомненно, имеют место в сфере культуры: например, в подобной роли нередко выступают специфические формы отдельных предметов культуры (формы различной домашней утвари, украшений, орнаментов и т. п.). Но удельный вес этих «абсолютно» отличных элементов культуры в каждой этнической общности сравнительно невелик⁷⁴. Более того, по мере усиления культурных контактов между народами таких возникших в прошлом особенностей становится все меньше и меньше. Вновь же появившиеся в той или иной этнической единице специфические явления культуры быстро становятся достоянием других народов.

В силу взаимодействия культур, а также определенной культурной конвергентности в развитии народов преобладающая часть этнических особенностей в сфере культуры имеет, так сказать, относительный характер⁷⁵. Они выступают как общее свойство нескольких этнических единиц, отличающее одновременно всех их от некоторых других единиц того же типа. Правда, если подойти к данному вопросу абстрактно, то в конечном счете придется чуть ли не каждый компонент культуры рассматривать как относительно специфический, ибо у каких-то народов прошлого и настоящего такого компонента может не оказаться. Поэтому относительно специфическими чертами той или иной этнической общности, очевидно, следует практически считать только черты, отличающие ее в первую очередь от общностей, с которыми она находится в сравнительно постоянных контактах. И все же даже при таком «отборе» относительных черт они, очевидно, будут перевешивать абсолютные. И в этом одно из существенных отличий этнических свойств основной массы компонентов культуры (в узком значении слова) от языка, который в значительном большинстве случаев тесно сопряжен лишь с одной этнической общностью.

Следует также учитывать, что подавляющее большинство этнодифференцирующих свойств культуры выступает лишь в качестве показателей внешнего отличия этнической общности, а не в роли этнической границы (барьера для этнических контактов)⁷⁶, и то время как язык обычно выполняет и ту и другую функции. Некоторое иск-

⁷⁴ Однако полностью отрицать их тоже вряд ли правомерно (см. Л. С. Кишкин. К вопросу о национальном своеобразии (Отклик на статью Д. С. Лихачева).—«Русская литература», 1969, № 2).

⁷⁵ Например, грузинские и армянские земледельцы отличаются друг от друга, в частности, тем, что первые предпочитают кислый, а вторые — пресный хлеб. Но, как известно, ни тот, ни другой способ приготовления хлеба не является «абсолютной» спецификой ни грузин, ни армян.

⁷⁶ Хорошо известно, в частности, что музыка, танцы, произведения изобразительного и прикладного искусства, архитектуры в значительной мере

лючение в этом отношении представляет лишь религия, которая, как уже говорилось, подчас выполняет роль если не основного, то дополнительного этноразграничительного барьера.

Имеется еще одна существенная особенность этнодифференцирующих свойств «неязыковых» компонентов культуры по сравнению с аналогичными свойствами языка. Она состоит в том, что если последние дают о себе знать в самых разнообразных областях человеческой деятельности, то сфера проявления этноотличительных особенностей отдельных компонентов всех других видов культуры (даже когда они охватывают значительные комплексы) сравнительно ограничена. Правда, в целом все то в культуре, что противостоит языку, фактически полностью охватывает деятельность людей (за исключением, разумеется, языковой). Стало быть, и проявление этнокультурных отличий можно ожидать в самых разнообразных сферах. И хотя в действительности эти потенциальные возможности реализуются далеко не целиком, однако важно иметь в виду, что нередко этнокультурные отличия подчас оказываются устойчивее, чем язык. Более того, этническая окраска отдельных элементов культуры нередко переживает даже этническое самосознание.

Этнодифференцирующие свойства культуры — одно из проявлений ее сигнификативных функций. В качестве этнических символов могут выступать элементы как материальной, так и духовной культуры. Но этнознаковая функция вовсе не является внутренним их свойством. Она проявляется лишь при условии контактов между этносами. Поэтому один и тот же элемент культуры может в одном случае выражать этническую специфику и не иметь ее в другом. Например, соха имела этническую марку там, где общались русские с тагарами, пользовавшимися плугом-сабаном, и не имела такой марки в контактной зоне русских и литовцев, которые тоже пахали сохой. Равным образом наличие юбки у мужчин отличает шотландцев от англичан, но не отличает первых от греков и албанцев, где ношение юбки тоже бытовало у мужчин. Таким образом, этнические знаки существуют не сами по себе, а лишь тогда, когда они отличают одну этническую общность от другой⁷⁷.

Этносемиотический подход к культуре, однако, не исчерпывается лишь ее этнознаковыми функциями. Следует учитывать, что в каждом этносе есть свои различия между «внешним» выражением, формой проявления того или иного элемента культуры (знаком) и его «внутренним» содержанием⁷⁸. При этом нередко лишь «внешнее», открытое проявление данного элемента культуры отличает один этнос от другого, в то время как по существу здесь различие невелико или вообще отсутствует.

поняты представителям многих, если не всех, этносов, хотя, как правило, глубже воспринимаются народом, для которого они характерны (ср.: *М. С. Каган*. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, ч. III, Л., 1966, стр. 106).

⁷⁷ См.: *Я. В. Чеснов*. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии. — СЭ, 1972, № 4, стр. 71.

⁷⁸ См.: *Ю. С. Степанов*. Семиотика, стр. 6—20.

Характеризуя этнические функции культуры, необходимо еще раз подчеркнуть, что далеко не всем ее сферам в одинаковой степени присуще выполнение этих функций. Особенно в данном отношении существенны различия между ее устойчивыми и неустойчивыми компонентами.

Правда, нередко в специальной литературе можно наблюдать тенденцию к сведению культуры лишь к повторяющимся элементам, к устойчивому ее слою. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась у отдельных представителей американской культурной антропологии, которые, находясь под влиянием бихевиоризма, подчас обозначают культуру как «комплекс образцов поведения». Со сведением культуры к устойчивым компонентам связаны и определения ее как «социального наследия, передаваемого из поколения в поколение», или как «совокупности образцов, определяющих жизнь», «социально унаследованного комплекса практики и верований»⁷⁹. Однако, на наш взгляд, представляется очевидным, что культура в каждый данный момент включает не только устойчивые, унаследованные от прошлого компоненты, но и временные явления типа настроений, моды и т. д.; к тому же, разумеется, из культуры нет оснований исключать и те способы деятельности и их результаты, которые не приобрели устойчивости лишь по причине своего недавнего возникновения.

Наличие разновременных слоев культуры отражает диалектику ее развития: с одной стороны, наследование, использование накопленных прежними поколениями культурных ценностей, с другой — отрицание устаревших форм культуры, замена их другими, более отвечающими новым, современным условиям⁸⁰. Именно поэтому при генетическом подходе к строению культуры она выступает прежде всего как органическое единство преемственности и обновления ее компонентов, причем последнее может быть как экзогенным, т. е. заимствованным, так и эндогенным, т. е. возникшим в данной среде без влияния извне⁸¹.

Было бы очевидно, явным упрощением полностью отрицать выполнение определенных этнических функций временными, неустойчивыми компонентами культуры. Такие компоненты, несомненно, придают этнической общности в каждый данный момент свой неповторимый колорит. И все же не этот слой культуры несет основную этническую нагрузку. Ее выполняют, как уже не раз отмечалось, наиболее устойчивые компоненты культуры, составляющие как бы ее каркас.

⁷⁹ Обзор этих определений, см.: *R. Bierstedt*. The Social Order. An Introduction to Sociology. New York, 1957, p. 103—114; *A. L. Kroeber* and *C. Kluckhohn*. The Concept of Culture. A Critical Review of Definitions. «Papers of the Peabody Museum», 1950, vol. XLI, p. 81—139.

⁸⁰ См.: *Э. А. Валлер*. Проблема преемственности в развитии культуры. — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 5, стр. 15; *В. В. Пименов*. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, стр. 6.

⁸¹ *С. А. Арутюнов*. Процессы и закономерности развития бытовой сферы и современной японской культуре (автореф. докт. дисс.), стр. 12.

Для обозначения таких компонентов, или сторон, культуры широко используется термин «традиция» (или чаще во множественном числе — «традиции»).

Это слово прочно вошло в наш литературный, политический, научный и бытовой лексикон. Употребляется оно в разных смыслах, в разных значениях. Отсюда и немалые трудности на пути научной разработки понятия «традиция».

Однако у большинства, если не у всех, распространенных в научной литературе представлений о традиции есть одна общая черта — они в той или иной мере сохраняют первоначальный смысл этого слова (лат. «traditio» — передача, предание), что выражается в подчеркивании их устойчивости, преемственности⁸², передачи из поколения в поколение⁸³. Чаще всего под термином «традиция» понимается либо процесс трансмиссии культуры, либо просто культурное наследие⁸⁴.

В последнее время отчетливо проявилась тенденция приложения термина «традиция» ко всем сферам общественной жизни. В этой связи, в частности, подчеркивается, что «традиции имеют место в материальном производстве, в политической жизни, в художественном творчестве, в науке и т. д.»⁸⁵, что под традицией следует понимать «исторически сложившиеся формы поведения людей решительно во всех областях общественной жизни»⁸⁶.

Такое широкое понимание термина «традиция» находит в настоящее время достаточное основание в обыденном его употреблении в литературе и живой речи. Это и производственные, бытовые, семейные, обрядовые традиции; это и общественные, революционные, боевые,

национальные традиции; это и культурные, литературные, идейные, архитектурные, фольклорные, религиозные и прочие традиции⁸⁷.

И все же представляется очевидным, что далеко не всякий вид преемственности, не все явления общественной жизни, обладающие устойчивостью, безоговорочно могут быть отнесены к традиционным. К ним относятся лишь те устойчивые явления общественной жизни, трансмиссия и аккумуляция которых являются доменом общественного сознания⁸⁸. Именно поэтому для обозначения переданных из поколения в поколение результатов труда (как материальных, так и духовных) термин «традиция» не применяется, что, однако, не исключает воплощения в этих результатах тех или иных традиций.

Преемственность, устойчивость традиций не дают оснований рассматривать их лишь как консервативное начало в общественном развитии. Во-первых, очевидно, правомерно говорить о существовании наряду с отрицательными традициями, которые обычно называют пережитками, как положительных, так и относительно нейтральных традиций⁸⁹. Во-вторых, нельзя забывать, что в ходе межпоколенной передачи элементов культуры они сами приспособляются к новым условиям и потому не остаются абсолютно неизменными. В-третьих, следует иметь в виду, что в обществе всегда, с одной стороны, живут традиции, унаследованные от ушедших поколений, а с другой — происходит становление новых традиций, представляющих собой квинтэссенцию опыта сегодняшнего дня — опыта, из которого будут черпать знания грядущие поколения⁹⁰. Более того, нельзя забывать, что и сами сохранившиеся от прошлого традиции являются важнейшими функционирующими компонентами каждого жизнедеятельного общества.

Не лишено, очевидно, оснований и мнение, что процесс возникновения новых традиций нельзя фатально привязывать к гибели старых традиций, поскольку между новыми и старыми традициями могут существовать органические связи, в результате чего некоторые традиции, возникнув в далеком прошлом, вообще долго не исчезают, а в соответствии с новым общественным бытием обогащаются и развиваются как по содержанию, так и по форме⁹¹.

Понятие «традиция» теснейшим образом связано с понятием «обычай». Подчас их даже отождествляют. Однако, хотя это однопорядковые понятия, они все же далеко не идентичны. Первое шире второго: «обычай можно называть традициями, но не все традиции

⁸⁷ В. В. Пименов. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, стр. 9; см. также И. Ф. Дроздов. Являются ли традиции признаком нации? — ВИ, 1968, № 3, стр. 87.

⁸⁸ Не случайно во всех дефинициях «традиции» неизменно подчеркивается, что имеется в виду передача обычаев, преданий, норм поведения, взглядов, представлений, вкусов, идей, убеждений и т. п., «распредмеченных» компонентов общественного сознания.

⁸⁹ В. В. Пименов. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, стр. 9.

⁹⁰ Э. А. Баллер. Преемственность в развитии культуры, стр. 69.

⁹¹ Там же, стр. 70.

⁸² Среди ушедших в последнее время работ, рассматривающих специально вопрос о традициях, нам известна лишь одна, в которой утверждается, будто преемственность не является специфически отличительным признаком традиции. Это статья И. В. Суханова «Место и роль традиций в развитии социалистического общества» («Труды Казанского авиационного ин-та, вып. 53, Казань, 1960, стр. 93), автор которой, однако, в конечном счете оказался вынужденным включить в свое определение традиции «передачу из поколения в поколение системы действий» (подробный критический анализ см. в кн.: Э. А. Баллер. Преемственность в развитии культуры. М., 1969, стр. 67—68).

⁸³ МСЭ, т. 9, 1960, стр. 437; БСЭ, т. 43, 1956, стр. 90; А. Чогонов. О национальных традициях народов Средней Азии. Фрунзе, 1964, стр. 21; Н. С. Карсенбаев. Обычай и традиции в развитии. Алма-Ата, 1965, стр. 89; П. П. Камсар, Н. М. Закович. Советская гражданская обрядность. М., 1967, стр. 11, и др. Примерно о том же свидетельствуют дефиниции «традиции» в зарубежных справочных изданиях. Например, в английском словаре социальных наук «традиция» определяется как «нейтральный термин, который мы употребляем для обозначения «трансмиссии», обычно устной, через которую правила поведения, оценки и верования передаются из поколения в поколение и таким образом увековечиваются» (Y. Could, W. L. Kolb. A. Dictionary of the Social Sciences. London, 1964, p. 723).

⁸⁴ Кроме того, довольно распространено употребление слова «традиция» для выражения «отношения определенного поколения к прошлому» (См.: J. Szacki. Trzy pojęcia tradycji. — «Studia Socjologiczne. Kwartalnik», Wrocław, 1970, № 1, str. 137—157).

⁸⁵ А. К. Уледов. Структура общественного сознания, стр. 177.

⁸⁶ Э. А. Баллер. Преемственность в развитии культуры, стр. 68.

являются обычаями»⁹². Преобладающим в нашей литературе является представление об обычаях как о традициях преимущественно в сфере быта⁹³ или семейно-бытовых отношений. Но такое представление об обычаях, на наш взгляд, явно сужает зону их действия, ибо обычаи существуют также в сфере общественно-политической жизни⁹⁴; они, например, в той или иной мере регулируют национальные отношения⁹⁵. Поэтому представляется более точным соотносить зону действия обычаев с той своеобразной сферой культуры, которая именуется «соционормативной»⁹⁶. Иначе говоря, обычаи — это традиции в «соционормативной» сфере культуры, т. е. определенные устойчивые образцы, общепринятые нормы социального поведения.

Нередко термины «обычаи» и «традиции» ставятся в один ряд. Но при этом неизбежно возникает вопрос: в каком значении в таком случае употребляется слово «традиция»? Вопрос этот обычно остается открытым. Пытаясь ответить на него, следует, видимо, учитывать, что традиции, помимо обычаев, включают переданные от поколения к поколению исторически сложившиеся и фиксированные общественным сознанием идеи, знания, взгляды, представления, вкусы и т. п. Совокупность таких отличных от обычаев устойчивых компонентов общественного сознания и составляет, на наш взгляд, «традиции» в узком значении данного термина. При этом одним из наиболее специфических компонентов «традиций» выступают исторические традиции — память той или иной социальной общности (в том числе и этнической) о важнейших событиях (революционных, военных и т. п.) ее исторического прошлого⁹⁷. Своеобразие этого рода традиций заключается в том, что их содержание составляют преимущественно единичные факты (событийного характера).

Необходимо, однако, особо подчеркнуть, что при объективизации традиций событийного характера в «экстериорной» культуре (в узком значении слова) такого рода традиции преобразуются либо в повторяющиеся (в деятельности)⁹⁸, либо в постоянные (в предметах)⁹⁹ ее компоненты.

Одним из компонентов традиций являются обряды (ритуалы), выступающие эффективным средством социального регулирования. Они представляют собой исторически сложившиеся или специально учрежденные стереотипные формы массового поведения, выражающие

⁹² А. Чогонов. О национальных традициях народов Средней Азии, стр. 15.

⁹³ См., например, Э. А. Баллер. Преемственность в развитии культуры, стр. 68.

⁹⁴ В первобытном обществе в сфере социально-потестарной жизни.

⁹⁵ В первобытном же обществе обычаи, как известно, вообще охватывают все виды человеческих отношений.

⁹⁶ Эта сфера охватывает, в частности, и социально-бытовые отношения.

⁹⁷ В первобытных и раннеклассовых обществах такого рода традиции (имеющие, правда, преимущественно мифический характер) повествуют также о происхождении того или иного этноса, его миграциях и т. п.

⁹⁸ Таковы, например, посвященные тому или иному событию ежегодные празднества.

⁹⁹ Таковы, например, посвященные тому или иному событию памятники.

гося в повторении стандартизированных действий. Смысл ритуала, однако, заключен не в самих составляющих его движениях, а в том, что они обозначают (символизируют). В силу своего символического характера обрядовые действия лишены непосредственной целесообразности. Но в конечном счете они выполняют функцию неосознанного приобщения индивидов к господствующей в данном обществе системе нормативных требований¹⁰⁰.

Рассматривая этнические функции культуры, следует четко разграничивать собственно традиции, передаваемые устно или путем непосредственного наблюдения, от культурной преемственности, обеспечиваемой письменностью. Если письменная информация может существовать определенное время независимо от человеческого сознания, то устно-зрительные традиции непременно предполагают постоянное их сохранение в живой памяти людей¹⁰¹. Поэтому письменная информация может вообще не отражать черты культуры, характерные в данный момент для соответствующего этноса. Традиции же в собственном значении этого слова, т. е. устно-зрительные, всегда в той или иной мере представляют собой живую действительность.

Итак, наиболее «этнический» (этнографичный) слой культуры в узком значении слова определяется двумя основными параметрами: надындивидуальностью (коллективностью, массовостью) и устойчивостью (традиционностью, повторяемостью).

На обозначение этого феномена может претендовать целый ряд употребляемых в нашей научной литературе терминов. На первый взгляд может показаться, что для такой цели наиболее подходит термин «массовая» культура. Однако в современной научной литературе этот термин прочно закреплен лишь за той разновидностью культуры, которая формируется средствами массовой информации.

Устойчивую надындивидуальную культуру часто имеют в виду, говоря о «народной» культуре. Но, к сожалению, этот термин не однозначен, ибо само слово «народ» имеет не только этнический, но и социально-классовый смысл. Поэтому понятие «народная» культура обычно употребляется не в значении «общезнающая», а как «простонародная», преимущественно «крестьянская» культура. Однако, как уже отмечалось, в рамках этноса, помимо социально-групповой культурной специфики, имеются и черты культуры, характерные для него в целом. Последние — неотъемлемая часть того слоя культуры, о котором идет речь. Следовательно, указанное употребление понятий «народная» культура (фактически общепринятое) не охватывает целиком этот слой. Конечно, можно поставить вопрос об употреблении в данном понятии прилагательного «народная» лишь в его этническом

¹⁰⁰ В. П. Левкович. Обычаи и обряды и их роль в совершенствовании семейных отношений.— «Социальные исследования», вып. 4. «Проблемы брака, семьи и демографии». М., 1970, стр. 118.

¹⁰¹ Соответственно устно-зрительные традиции предполагают непосредственные межличностные контакты; письменная же информация может осуществиться и без таких контактов и в этом смысле имеет «надконтактный» характер.

значении; однако неизбежно при этом будет сказываться уже устоявшаяся его трактовка (чему, надо полагать, должна немало содействовать и ассоциация с понятием «народные массы»).

Пожалуй, несколько лучше отражает интересующее нас явление термин «бесписьменная» культура, поскольку он акцентирует внимание на устно-зрительной традиции. Но и этот термин не вполне подходит для данной цели, ибо письменная культура тоже может быть и массовой, и устойчивой.

Следует упомянуть и о попытке ввести в научный обиход термин «фольклорная» культура, имея в виду ее устную трансмиссию¹⁰². Однако и здесь приходится учитывать многозначность самого термина «фольклор», под которым повимают и предмет исследования, и самое науку, трактуемую к тому же далеко не одинаково¹⁰³.

В рассматриваемой связи, на наш взгляд, большего внимания заслуживает термин «традиционная» культура. Ведь он непосредственно выражает один из основных параметров интересующего нас явления. И в тех случаях, когда речь идет об архаических обществах, в которых массовые устойчивые формы деятельности в подавляющем большинстве имеют традиционный характер, он, очевидно, вполне пригоден для обозначения определяемого нами феномена. Но в развитых обществах надындивидуальные компоненты культуры, уже ставшие относительно устойчивыми (на протяжении жизни одного поколения), но еще не превратившиеся в традицию в полном смысле слова (т. е. не прошедшие межпоколенную трансмиссию), — явление довольно распространенное. А главное в таких обществах многие традиции (в первую очередь профессиональные) не имеют широкого массового характера. Поэтому применительно к развитым обществам одной ссылки на традиционность для наших целей явно недостаточно¹⁰⁴.

Для этого, на наш взгляд, более подходит термин «бытовая культура». Обозначая тот слой культуры, который органически связан со

¹⁰² А. Melicherčik. Tebria národopisu. Tranoscius v liptovskom sv. Mikulaši, 1945.

¹⁰³ См. ниже, стр. 179, 180.

¹⁰⁴ Именно бытовая культура чаще всего сохраняет некоторые характерные традиционные черты. См., например, у А. С. Пушкина:

«Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевад, слушает молебен,
Умилно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам»

(«Евгений Онегин», гл. II, XXXV).

сферой непосредственного потребления, этот термин противостоит понятию «профессиональная культура», относящемуся к специализированному производству, отделенному от потребления в пространственно-временном отношении. При этом имеется в виду и профессионально-индивидуальное, и профессионально-массовое производство.

В первом случае бытовая культура отличается от профессиональной не только как сфера потребления от сферы производства, но и как массово-анонимные явления от индивидуально-авторских. Однако, как мы знаем, для «этнического» слоя культуры типична надындивидуальность. Поэтому та продукция профессионального производства, которая имеет индивидуальный характер, как правило (по крайней мере на начальной стадии), не выступает в качестве непосредственно массового носителя этнических (этнографических) свойств¹⁰⁵.

Что касается продукции современного массового профессионального производства, то она не выполняет обычно сколько-нибудь значительных этнических функций уже по другим причинам: прежде всего в силу ее все большей международной стандартизации и унификации.

Всем этим и обусловлено то обстоятельство, что в этническом отношении культура в сфере быта обычно более показательна, чем в сфере производства. Например, быт японского крестьянина-рисовода гораздо более отличается от быта вьетнамского рисовода, нежели от быта японского ремесленника, рабочего или торговца¹⁰⁶. Это происходит, на наш взгляд, потому, что формы бытовой культуры тесно связаны с первичными потребностями людей, удовлетворение которых непосредственно зависит от общих для всего этноса условий существования¹⁰⁷. А главное, бытовая культура вырабатывается трудящимися массами данного этноса в целом, а не его профессиональными или иными группами. Напротив, форма группового (профессионального, конфессионального или какого-нибудь иного) поведения создается спецификой данной профессии или иного признака группы. Поэтому профессиональная деятельность рисовода во Вьетнаме, Японии и в других странах данного региона почти идентична, как идентична во всем мире профессиональная деятельность шлифовальщика линз или деятельность филателиста¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Подробнее см. ниже, стр. 74.

¹⁰⁶ С. А. Арутюнов. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре (автореф. докт. дисс.), стр. 14.

¹⁰⁷ Поэтому было бы явным упрощением придавать каждому из названных уровней культуры социальную значимость, полностью отождествлять с определенной социальной группой, подобно тому как это делает Г. Науманн с выделенными им «высшим» и «низшим» слоями культуры, (*H. Naumann. Primitive Gemeinschaftskultur. Beiträge zur Volkskunde und Mythologie. Jena, 1921, S. 4—6; он же. Grundzüge der deutschen Volkskunde. Leipzig, 1922, S. 2—6. Критику концепций Г. Науманна см.: А. Spamer. Um die Prinzipien der Volkskunde.— «Hessische Blätter für Volkskunde». Bd. XXIII, 1924, S. 67—108; В. Шрейниц. Некоторые вопросы немецкой этнографии.— СЭ, 1955, № 1.*

¹⁰⁸ С. А. Арутюнов. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре, стр. 14—15.

Правда, у профессиональной деятельности есть своя бытовая сторона. Но она включает в себя не сами моменты производства, которые определяются прежде всего уровнем технической оснащенности, а моменты поведения индивида в процессе его приспособления к условиям производства. Ведь за одним и тем же станком он может сидеть в разной позе, одну и ту же производственную площадь использовать в разных формах и с разной эффективностью и, разумеется, по-разному организовывать свое поведение в моменты, не связанные прямо с производством (питание, отдых, туалет и т. д.). Во всех этих случаях будет проявляться специфика, выработанная не в производственной, а в домашней сфере, т. е. характерные для данного этноса бытовые модели¹⁰⁹.

Конечно, произведения индивидуально-профессиональной культуры нередко содержат черты, характерные для «своего» этноса. Но сами эти произведения обычно, во всяком случае первоначально, имеют единичный характер, не являются достоянием большинства членов этноса. Следовательно, они непосредственно не выражают, а в лучшем случае лишь отражают культурную специфику этноса; и для того чтобы такие ценности стали достоянием всего этноса и соответственно его характерным свойством, обычно нужны специальные усилия¹¹⁰. Иное дело — бытовой уровень культуры. Непосредственными носителями основной массы его компонентов, функционирующих преимущественно на базе устно-зрительных традиций, являются если не все, то по крайней мере подавляющее большинство членов этноса. Одним словом, именно в бытовой культуре непосредственно сосредоточены наиболее характерные свойства этноса. Но, разумеется, при этом имеется в виду не вся бытовая культура, а лишь ее устойчивые, повторяющиеся компоненты, т. е. традиционная часть.

Поэтому, на наш взгляд, в целом тот слой объективированной культуры (культуры в узком значении слова), который несет основную этническую (этнографическую) нагрузку, целесообразно именовать традиционно-бытовой культурой. Такое наименование предполагает, что в этот слой культуры не входят не только вся профессиональная культура (как индивидуальная, так и массовая), пока она отделена

¹⁰⁹ С. А. Арутюнов. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре, стр. 15—16.

¹¹⁰ Поэтому выполнение индивидуально-профессиональными формами культуры этнических функций теснейшим образом связано с их проникновением в быт народа. Так, например, произведение профессионального художника хотя и может выражать определенные характерные для соответствующего этноса специфические черты, однако, не превратившись в достояние основной массы его потребителей, оно остается вне непосредственных носителей этнических свойств. Напротив, изделия народного художественного творчества благодаря своей массовости оказываются постоянными компонентами повседневного быта членов этноса, а поэтому непосредственными и коллективными выразителями его специфики. Это и придает всем видам народного творчества — от изобразительного искусства до фольклора — значение существенных этнических признаков. Впрочем, если иметь в виду не отличительные признаки этноса, а в целом его культурное достояние, то, разумеется, в таковое войдут все произведения индивидуально-профессиональной культуры.

в пространственно-временном отношении от быта, но и все неустойчивые (нетрадиционные) компоненты бытовой культуры.

Правда, в архаических обществах, где производство и потребление неразрывно слиты, вся культура практически является не только традиционной, но и бытовой. Поэтому для таких обществ, очевидно, нет необходимости отдельно выделять традиционно-бытовую культуру. Но применительно к обществам, в которых производство и быт разграничены в пространственно-временном отношении, понятие «традиционно-бытовая» культура приобретает особый смысл, позволяя наметить «этническое ядро» культуры.

Употребляя понятие «традиционно-бытовая» культура, не следует забывать, что при этом мы имеем в виду определенную зону культуры в узком значении слова. В рамках же культуры в широком смысле слова ей соответствуют еще две «специальные» зоны: обиходный язык и обиходное сознание. В своей совокупности эти три подсистемы (обиходное сознание, обиходный язык и традиционно-бытовая культура) и являются основными носителями этнических свойств, так сказать, этническим слоем культуры вообще. Удельный вес этого слоя в культуре этнической общности в целом на разных этапах истории человечества не оставался неизменным. В первобытном обществе он охватывал все сферы культуры.

По мере технического, а соответственно, и социального прогресса сфера проявления этнических свойств культуры начинает сужаться. В частности, в связи с характерной для нашего времени широкой стандартизацией и унификацией материальной культуры наблюдается тенденция все большего исчезновения из сферы последней этнической специфики. Она перемещается в сферу поведения и духовной культуры, включая общественное сознание. Впрочем, роль отдельных компонентов духовной культуры в выполнении этнических функций постепенно тоже начинает ослабевать. В данном отношении особенно показательна религия, масштабы распространения которой все более сужаются по мере повсеместного роста атеизма.

При всей многогранности своей внутренней структуры культура каждой этнической общности представляет определенную целостность, состоящую из множества систем и подсистем, наложенных друг на друга и взаимопроникающих. Именно поэтому культура этноса способна сопротивляться внешним воздействиям и самовосстанавливаться, когда какая-то ее часть оказывается разрушенной¹¹¹.

Культурное единство и своеобразие каждой этнической системы, несомненно — результат общности исторических судеб многих поколений входящих в нее людей. Длительное совместное проживание в примерно одинаковых природных и социальных условиях вело к выработке у них определенной культурной общности.

Целостность культуры этнической общности базируется на множестве различных типов связей¹¹². При этом имеют место взаимосвязи между самыми разнообразными комплексами культуры:

¹¹¹ Э. В. Соколов. Культура, стр. 378.

¹¹² Там же, стр. 379.

например, между фонетическим строем языка и музыкальной культурой¹¹³, между типом хозяйства и религией¹¹⁴.

Последнее обстоятельство нередко используется буржуазными социологами и антропологами для плюралистической трактовки развития как культуры, так и общества в целом¹¹⁵. При этом противопоставляемый плюрализму материалистический монизм обычно преподносится как концепция «единственного фактора». Между тем в действительности идея монизма отнюдь не исключает признания взаимодействия различных компонентов той или иной социальной общности. Различие между плюралистической и монистической концепциями состоит совсем в ином.

Исходные принципы плюралистической концепции так или иначе ведут в конечном счете к признанию уравнивающего равноправия компонентов. Принципы же монистической концепции требуют выделения такого компонента (структурной единицы) системы, воздействие которого на систему в целом (а тем самым и на отдельные компоненты ее) можно считать определяющим, причем не в течение лишь какого-либо отрезка времени (подобное «неравноправие» частей может признавать и плюралистическая концепция), а в качестве постоянно действующего в ходе истории фактора¹¹⁶.

Как известно, марксизм открыл такую определяющую структурную единицу в способе производства материальных благ. Особенно тесно с ним связана, естественно, материальная культура. При этом способ производства не только определяет общий уровень материальной культуры, но и сам частично входит в нее, прежде всего той своей стороной, которую принято именовать производительными силами.

Несколько иной является зависимость от способа производства духовной культуры. Несомненно, что уровень духовной культуры в решающей степени зависит от материальных оснований культуры¹¹⁷, т. е. в конечном счете от способа производства. Но очевидно и то, что изменения производительных сил, как правило, не могут непосредственно определять все процессы, происходящие в духовной культуре¹¹⁸. В качестве внешней, объективной основы истории духовной культуры выступают производственные отношения, которые и определяют все иные отношения, возникающие в обществе между людьми, в том числе и духовные отношения¹¹⁹.

¹¹³ См. след. главу.

¹¹⁴ В этом отношении например, показательно, что среди кочевников почти не встречаются христиане.

¹¹⁵ См.: *J. Steward. Theory of culture change. The methodology of multilineal evolution.* Urbana, 1955; *Don Martindale. Social Life and Cultural Change.* New York, 1962; *T. Parsons. An Outline of the Social System.* «Theories of Society. Foundations of modern sociological theory». New York, 1965.

¹¹⁶ Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры, стр. 40—41.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 255.

¹¹⁸ Исключение здесь представляют лишь естественные и технические науки, развитие которых в той или иной степени непосредственно связано с изменением производительных сил общества.

¹¹⁹ См.: Э. А. Баллер. Преемственность в развитии культуры, стр. 53.

Однако не все входящие в духовную культуру элементы одинаково близки к экономическому базису, и поэтому не все они испытывают его воздействие в равной степени: если политические и правовые компоненты духовной культуры непосредственно отражают экономический строй общества, то, скажем, философия или искусство отражают изменения, происходящие в ходе экономического развития, лишь опосредованным образом¹²⁰.

«Относительно искусства,— писал К. Маркс,— известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего...»¹²¹ Будучи, таким образом, вторичными, производными, многие компоненты духовной культуры обладают в своем развитии определенной самостоятельностью¹²². Отдельные аспекты этого чрезвычайно сложного феномена, теоретические основы разработки которого в ходе борьбы с вульгаризаторами исторического материализма были заложены еще Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, в последние годы явились предметом специального анализа в ряде теоретических работ советских ученых¹²³. Поэтому ограничимся здесь констатацией лишь того, что в относительной самостоятельности отдельных компонентов культуры заложены две противоположные тенденции, связанные с выполнением ею этнических функций. С одной стороны, эта самостоятельность — важнейшее условие для возникновения этнических различий. Без нее было бы прежде всего невозможно появление таких различий между народами, принадлежащими к одному и тому же культурно-хозяйственному типу и находящимися на одном и том же уровне общественного развития. Именно в силу относительной самостоятельности один и тот же элемент культуры может у разных народов выступать в далеко не идентичных сочетаниях с другими явлениями культуры. Следует иметь в виду и то, что с этой относительной самостоятельностью неразрывно связана та самая устойчивость отдельных компонентов культуры, которая является существенной чертой ее этнодифференцирующих свойств. Но, с другой стороны, тот же фактор, проявляющийся, в частности, в отсутствии прямой и строгой зависимости между отдельными компонентами культуры, представляет собой существенную предпосылку взаимовлияния культур различных народов, т. е. тенденции межэтнической интеграции.

Вообще диалектика функционирования культуры такова, что она одновременно может выступать и как средство общения, и как средство разобщения людей. Именно это свойство культуры и лежит в основе ее этнических функций.

¹²⁰ Там же, стр. 58.

¹²¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 736.

¹²² Особенно значительна она у такого специфического компонента культуры, каким является язык.

¹²³ См., например: В. В. Журавлев. Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. М., 1961; Э. А. Баллер. Преемственность в развитии культуры, стр. 42—59; М. Б. Храпченко. О прогрессе в литературе и искусстве.— «Вопросы литературы», 1970, № 5, стр. 125—126.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПСИХИКИ

В связи с вынесенной в название главы темой могут возникнуть сомнения относительно правомерности ее постановки вообще, а соответственно относительно права на существование этнической психологии. Сомнения подобного рода являются неизбежными, если принять точку зрения, согласно которой психика и культура — явления тождественные. Такое отождествление весьма характерно для некоторых зарубежных авторов¹. Недоумения относительно различий между психикой и культурой можно встретить иногда и на страницах наших изданий².

Культура и психика несомненно находятся в тесной взаимосвязи, представляют неразрывное единство, что, в частности, отчетливо проявляется в наличии у них такой общей зоны, как общественное сознание. Но единство психики и культуры не означает их тождества хотя бы уже потому, что психика не исчерпывается сознанием³.

Сказанное, разумеется, относится и к «широкому» понятию культуры. Если же иметь в виду узкое значение этого слова, то в таком случае различие культуры и психики окажется еще более очевидным. При этом по одну сторону демаркационной линии оказывается практическая (экстериорная), происходящая вне мозга людей деятельность (вместе с ее результатами), по другую — психическая (интериорная) деятельность⁴. И хорошо известно, что далеко не вся психическая деятельность полностью и адекватно объективируется в практике, т. е. в культуре в узком значении слова⁵.

Отвечая, таким образом, положительно на поставленный в начале главы вопрос, сразу же подчеркнем особые трудности, связанные с разработкой проблем этнической психологии.

¹ См.: С. И. Королев. Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов. М., 1970, стр. 34.

² См.: П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. Нации — народ — человечество. Л., 1967, стр. 32.

³ В этой связи привлекает внимание недавнее замечание Д. И. Дубровского, что «категория сознания не охватывает всех психических явлений» (Д. И. Дубровский. Психические явления и мозг. М., 1971, стр. 211).

⁴ В прошлом в нашей психологической литературе против понятия «психическая деятельность» решительно выступал С. Л. Рубинштейн. Однако в дальнейшем он отказался от этого (см.: Е. В. Шорохова. Принцип детерминизма в психологии. — «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., 1969, стр. 90—91).

⁵ В противном случае мы оказались бы на позициях бихевиоризма, утверждающего, что если что-то в психике не поддается непосредственному наблюдению и изменению, то это «что-то» вообще не существует.

В значительной мере такого рода трудности получили отражение в сфере понятийного аппарата и прежде всего в отсутствии общепринятого понимания психических явлений⁶. К тому же следует иметь в виду, что речь идет о категориях особого вида психических явлений — групповой, социальной психологии. А они еще недостаточно разработаны.

Это в свою очередь выдвигает проблему правомерности использования положений психологии личности в социальной психологии, в том числе в таком ее разделе, как этническая психология.

Обращение при разработке проблем этнической психологии к марксистским трудам по психологии личности представляется неизбежным⁷. Для этого имеются тем большие основания, что фактически речь идет о двух взаимопроникающих дисциплинах. Ведь, как подчеркивает К. Маркс в тезисах о Фейербахе, «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁸. К тому же в общей психологии уже давно сложился понятийный аппарат, игнорирование которого при рассмотрении вопросов социальной психологии может лишь привести к дальнейшему увеличению многозначности отдельных терминов. Но вместе с тем все эти соображения, разумеется, не дают основания для механического перенесения положений и терминологии из одной психологической дисциплины в другую. Нельзя, в частности, не учитывать, что психология группы не может быть сведена к простой сумме психических свойств, общих входящим в данную группу индивидам⁹.

Рассматривая понятийный аппарат интересующего нас раздела социальной психологии — этнической психологии, — прежде всего обратимся к такой категории, как психический склад.

В нашей литературе большинство представлений об этой категории восходит к известному определению нации, согласно которому общность ее психического склада проявляется в общности культуры¹⁰. Но само это определение интерпретируется весьма по-разному, притом не всегда достаточно четко и последовательно.

Общее в понимании психического склада, кажется, ограничивается лишь тем, что под ним, как правило, подразумеваются особенности психики¹¹, причем нередко подчеркивается их устойчивость¹². Имея

⁶ Термин «психическое» — один из самых широко употребляемых в современном научном обиходе — влечет за собой пестрый шлейф, сотканный из различных значений и смыслов. И в таком виде он фигурирует в качестве краеугольного камня психологии, отображая ее теоретическую несобранность» (Д. И. Дубровский. Психические явления и мозг, стр. 162).

⁷ См.: С. И. Королев. Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов, стр. 51.

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 3.

⁹ А. Г. Ковалев. Предмет и проблемы социальной психологии. «Вопросы марксистской социологии». Л., 1962, стр. 110; Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л., 1967, стр. 136—138.

¹⁰ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 296.

¹¹ БСЭ, т. 35, стр. 237.

¹² Н. З. Богорозов, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров. Психологический словарь. Магадан, 1965, стр. 182.

в виду именно данное свойство психического склада, его определяют так же, как инвариантное в изменяющемся многообразии психической жизни людей¹³. Аналогичный смысл имеет и противопоставление психического склада психическому сдвигу как относительно устойчивых социально-психологических явлений — относительно подвижным¹⁴.

Расхождения в трактовке психического склада обнаруживаются сразу же, как только мы обратимся к вопросу о его соотношении с характером. Нередко их просто отождествляют. Такая трактовка психического склада, рассматриваемого в качестве одного из основных признаков этнических образований (прежде всего наций), получила широкое распространение в самых различных видах нашей историко-философской литературы, начиная от учебных пособий¹⁵ и кончая специальными монографиями¹⁶; встречается она и в трудах по общей психологии¹⁷. При этом одни исследователи считают более правильным говорить не об общности, а лишь о некоторых особенностях психического склада, оставляя упоминание таковых в своей дефиниции этнической общности¹⁸. Другие, отмечая, что понятия «психический склад» и «характер» не совпадают по объему, полагают, что при определении нации их не следует возводить в социологические категории и поэтому более точно говорить о некоторых особенностях психики¹⁹⁻²⁰. Третьи ученые, соглашаясь с представлением о неправомочности отождествления психического склада и характера, предпочитают упоминать в рассматриваемой связи не психический склад, а характер²¹.

Весь этот разнобой в значительной мере усугубляется далеко не однозначным употреблением термина «характер» как в философско-социологической, так и в общепсихологической литературе. Например, БСЭ, отражая отмеченное выше отождествление психического

склада и характера, определяет последний как совокупность основных, наиболее устойчивых психических свойств человека²². И в нашей специальной литературе по психологии можно встретить широкое понимание характера как совокупности качественно своеобразных психологических черт человека, влияющих на его поведение и поступки²³.

Однако такая широкая интерпретация характера в целом для общей психологии отнюдь не типична²⁴. В ней явно преобладают узкоспециальные дефиниции. Притом и такой подход к вопросу в свою очередь не исключает расхождений между специалистами. Правда, почти все психологи выделяют в структуре характера два компонента. Однако если один из них во всех случаях определяется как воля, то по поводу другого имеются известные расхождения. В одних случаях указывается «направленность характера», в других — говорят об «основных жизненных установках», в третьих — отмечается «отношение к действительности» и т. д.²⁵

Одним из компонентов, или сторон, характера некоторые специалисты по общей психологии считают темперамент²⁶. Однако в большинстве случаев темперамент все же оставляют за рамками характера, включая его, правда, в психический склад. Что касается способностей, то общая психология, как правило, их рассматривает отдельно от характера, подчеркивая, однако, весьма тесную взаимосвязь этих двух сторон психической жизни людей²⁷.

Таким образом, хотя психический склад и характер понятия однопорядковые, относящиеся к основным свойствам психики, однако возражения против отождествления этих понятий имеют под собой известные основания. Характер в специальном значении термина уже психического склада, понимаемого в конечном счете чаще всего как совокупность всех устойчивых свойств психики.

Если о понятии «характер» не сложилось еще достаточно единого мнения, то относительно его конкретных качеств как будто имеется гораздо большее единодушие. Общеизвестно, например, что трудолюбие или храбрость являются чертами характера. Конечно, никакой перечень подобных черт²⁸ не может сам по себе раскрыть сущность

¹³ А. И. Горячева. О некоторых категориях социальной психологии (К вопросу о структуре общественной психологии). — «Проблемы общественной психологии». М., 1965, стр. 197—198.

¹⁴ Б. Ф. Поршнев. Элементы социальной психологии. — «Проблемы общественной психологии». М., 1965, стр. 182—183; *он же*. Принципы социально-этнической психологии. М., 1964, стр. 2—3.

¹⁵ См., например: Д. И. Чесноков. Исторический материализм. М., 1964, стр. 384.

¹⁶ См., например: С. М. Арутюнян. Нация и ее психический склад. — «Труды Краснодарского пед. института», вып. 53. Краснодар, 1966.

¹⁷ Об этом например, свидетельствует сведение психического склада к таким трем компонентам, как целостность характера, его сложность и динамичность (Н. Д. Левитов. Вопросы психологии характера. М., 1956, стр. 226).

¹⁸ В. И. Козлов. О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2, стр. 107—111.

¹⁹⁻²⁰ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. Нации — народ — человечество стр. 28—32; С. Т. Каллахян. К вопросу о понятии «нация». — ВИ, 1966, № 6, стр. 39—42; *он же*. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969, стр. 110—136.

²¹ Т. Ю. Бурмистрова. Некоторые вопросы теории нации. — ВИ, 1966, № 12, стр. 105—107.

²² БСЭ, т. 46, стр. 66. См., например, также: А. И. Горячева. О некоторых категориях социальной психологии, стр. 198, 212.

²³ Н. Д. Левитов. Вопросы психологии характера, стр. 14; А. Г. Ковалев. Психология личности. М., 1970, стр. 202, 214.

²⁴ Даже и в тех исключительных случаях, когда она дается, одновременно приводится более строгая дефиниция характера (см.: Н. Д. Левитов. Вопросы психологии характера, стр. 14, 16).

²⁵ См.: В. А. Крутецкий. Проблема характера в советской психологии. — «Психологическая наука в СССР», т. II, М., 1960, стр. 48—50.

²⁶ Там же, стр. 53—54.

²⁷ Там же, стр. 54—55.

²⁸ Конкретные проявления характера чрезвычайно многообразны. Показательно, что встречающиеся в психологической литературе простые перечисления свойств характера в общей сложности насчитывают сотни различных черт.

понятия «характер». Но при ее выявлении конкретные характерологические черты все же могут, на наш взгляд, служить определенным ориентиром.

Прежде всего представляется очевидным, что такого рода черты выражают морально-волевые качества людей. Ясно также, что это не просто определенные осознаваемые людьми взгляды, идеалы, интересы и т. п. Хотя сознание способно как активизировать, так и затормаживать проявление тех или иных свойств характера, однако они дают о себе знать и помимо сознания, т. е. проявляются бессознательно²⁹.

Очевидно и то, что, проявляясь во «внешней» деятельности людей, черты характера выражают особенности их отношения к тем или иным сторонам действительности. Нетрудно заметить и своего рода «иерархичность», «разномасштабность» свойств характера. «Уровень» этих свойств может быть весьма различным: от частных выражений (например: аккуратности, гостеприимства и т. п.) до самых общих. Среди последних, имея в виду «общую» направленность характера, можно, скажем, отметить убежденность, отношение к труду и другим видам деятельности, установки, связанные со взаимоотношениями между личностью и различными коллективами, и т. п. К «общим» же волевым чертам характера могут быть в первую очередь отнесены целеустремленность, инициативность, организованность, настойчивость, решительность и т. д.

Волевые качества людей органически связаны с нравственными, с направленностью личности. Вообще было бы упрощением рассматривать человеческий характер лишь как простую сумму его черт. Он представляет собой целостную систему, обладая определенными структурными свойствами (силой, твердостью, определенностью, уравновешенностью и т. п.), а также определенными доминирующими чертами³⁰.

Но можно ли говорить о характере не только личности, но и группы, прежде всего этнической (национальной)^{30а} общности? На этот вопрос, как уже отмечалось, нередко дается негативный ответ, притом не только в зарубежной³¹, но и в нашей литературе. В этой связи пред-

²⁹ Признание реальности бессознательного предполагает раскрытие «специфических форм психической деятельности, остающихся неосознаваемыми, но являющихся необходимым механизмом целенаправленного поведения человека». При этом следует иметь в виду диалектически сложный характер взаимодействия между сознательным и бессознательным: «то, что в какой-то момент выступает в форме осознаваемого психического феномена, может затем, утратив качество осознаваемости, легко проявиться в форме непереживаемого процесса, в форме неосознаваемой установки, чтобы спустя какое-то время вновь выступить в своем первом обличье и т. д.» (Ф. Басин, В. Рожнов, М. Рожнова. Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений.— «Коммунист», 1972, № 2, стр. 100, 101).

³⁰ См.: И. Д. Левитов. Вопросы психологии характера, стр. 111—135.

^{30а} О соотношении понятий «этническая» и «национальная» общность см. ниже: ч. I, гл. 6.

³¹ Зарубежная литература по вопросам национального характера исчисляется многими сотнями работ. В книге голландских психологов Дэйкера и Фрей-

ставляется важным сразу же обратить внимание на то, что основоположники марксизма рассматривали национальный (этнический) характер как реальность. Например, Ф. Энгельс, сравнивая развитие Англии, Франции и Германии в XVIII в., считал необходимым специально подчеркнуть, что «английский национальный характер существенно отличен как от немецкого, так и от французского»³². К. Маркс в одном из своих писем (1870 г.) отметил «более страстный и более революционный характер ирландцев в сравнении с англичанами»³³. Число подобных примеров можно легко умножить³⁴. Правда, в трудах В. И. Ленина можно найти сравнительно немного по вопросу о национальном характере (как и о психическом складе)³⁵. Но значит ли это, что он вообще отрицал их реальность? В подтверждение тезиса о негативном отношении В. И. Ленина к данному вопросу подчас ссылаются на его «Речь по итальянскому вопросу» на Третьем конгрессе Коммунистического Интернационала³⁶. В ней в ответ на слова итальянского социалиста Лаццари: «Мы знаем психологию итальянского народа»,— Ленин заявил: «Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе...»³⁷ Совершенно очевидно, что В. И. Ленин в данном случае всего лишь возражает против безапелляционного утверждения о знании психологии целого народа. Но, как известно, ссылка на незнание какого-либо явления отнюдь не тождественна непризнанию самого факта его существования и, следовательно, подмена этих двух понятий неправомерна. Более того, в работах В. И. Ленина имеется прямое указание на то, что он считал национальный характер реальностью. Такое свидетельство содержит статья «Украина», в которой В. И. Ленин говорит о русских и украинцах как о народах, близких не только по языку, местожительству, истории, но и по «характеру»³⁸.

Представление о национальном (этническом) характере как особой социально-психологической категории исходит из того, что не от-

ды библиографический список работ, посвященных национальному характеру, насчитывает около тысячи названий (H. C. Duijker, N. H. Frijda. National character and national stereotypes. Amsterdam, 1960, v. 1).

³² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 602.

³³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 557.

³⁴ См., например: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 618—619; т. 2, стр. 144, 356, 358; т. 3, стр. 412; т. 37, стр. 351—352.

³⁵ См.: Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1968, стр. 70.

³⁶ Г. М. Гак. Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1967, стр. 50.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 17.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 342. Царистское прошлое,— сказано здесь,— «все сделало для взаимотчуждения народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории». Текст не оставляет сомнения в том, что для В. И. Ленина близость русских и украинцев «по характеру» — столь же реальная категория, как их близость по языку, местожительству и истории. И поэтому нельзя согласиться с утверждением Г. М. Гака, будто в рассматриваемом тексте «противопоставление национальных характеров» трактуется всего лишь как плод царской политики национальной розни (Г. М. Гак. Диалектика коллективности и индивидуальности, стр. 50).

дельные личности выступают в качестве элементов этой категории, а прежде всего специфические для данной этнической общности социально-психологические черты³⁹. Хотя в природе не существует таких черт вне психики отдельных личностей, однако национальный (этнический) характер было бы неверно сводить к простой сумме их психических свойств. Как известно, социальный коллектив усиливает или ослабляет те или иные стороны индивидуальной психики⁴⁰. Это относится и к этническому характеру. Уже не раз отмечалось, что он значительно отчетливее проявляется в случаях, когда выступают не отдельные лица, а группы взаимодействующих людей⁴¹. Но вместе с тем очевидно и то, что черты национального (этнического) характера должны быть так или иначе интегрированы в психике индивида. Поэтому само собой разумеется, чтобы считаться типичными для данного этноса, соответствующие черты характера должны быть присущи большинству или по крайней мере значительной части его членов и отличаться их от представителей других этносов. Однако эта типичность не исключает наличия вариаций отдельных специфических социально-психологических черт в различных группах, входящих в данную этническую общность⁴². Более того, в классовых обществах такие вариации обычно доминируют. Вообще необходимо особо подчеркнуть недопустимость абсолютизации характера отдельных этнических общностей. Ведь большинство определяющих черт характера, таких как трудолюбие, патриотизм, мужество, целеустремленность, являются общечеловеческими. Следовательно, речь может идти не о монопольном обладании какой-либо этнической общностью той или иной из этих черт, а лишь о различии между отдельными народами в формах (оттенках и стиле) ее проявления⁴³. Легко, например, заметить, что в силу специфики социально-экономических, географических и других условий существования такое свойство, как трудолюбие, проявляется у разных народов далеко не одинаково⁴⁴; они могут также различаться аккуратностью и пунктуальностью⁴⁵. Даже

³⁹ Ср.: *И. С. Кон*. К проблеме национального характера.— «История и психология». М., 1971, стр. 124—125.

⁴⁰ См.: *Б. Ф. Поршнев*. Социальная психология и история, стр. 106.

⁴¹ См.: *Н. Джандильдин*. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971, стр. 146—152.

⁴² Разумеется, не следует забывать и того, что у каждого из членов этноса существуют и свои индивидуальные психические черты. Именно на этот аспект проблемы обращает внимание Д. С. Лихачев, отмечая, что «правильнее говорить не о национальном характере народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых в той или иной мере национален...» (*Д. С. Лихачев*. Национальное единобразие и национальное разнообразие.— «Русская литература», 1968, № 1, стр. 138).

⁴³ Ср.: *Э. А. Ваграмов*. Буржуазная социология и проблема «национального характера». — ВФ, 1964, № 6, стр. 107.

⁴⁴ Ср.: *В. Н. Разов*. О некоторых элементах национальной психологии.— Вестник МГУ. Серия философии, 1967, № 2, стр. 72.

⁴⁵ В частности, пунктуальность, высоко ценящая немцами или голландцами, сравнительно мало значит в Испании и еще меньше — в странах Латинской Америки (*И. С. Кон*. К проблеме национального характера, стр. 125—126).

храбрость выражается каждым народом по-своему⁴⁶. Да и юмор различных народов имеет свои неповторимые оттенки и т. д.

Таким образом, в целом характер каждой данной этнической общности представляет собой органическое единство общего и особенного. Его уникальность в конечном счете является результатом всей совокупности присущих ему специфических форм проявления общечеловеческих психических свойств. Однако это не механическая сумма специфических черт. Своеобразие характера этнической общности (как и отдельных людей) определяется, на наш взгляд, в первую очередь наиболее типичными для них, доминирующими чертами.

Как известно, отношение людей к действительности обычно сопровождается определенными переживаниями — чувствами. Само собой разумеется, что не лишены таких переживаний и проявления свойств характера этнической общности. Это и служит основанием для включения таких чувств в его структуру⁴⁷.

Основной сферой проявления характера этнической общности, как и отдельной личности, несомненно, является деятельность. Ни направленность, ни воля, ни структурные особенности характера не могут быть определены, если мы не знаем, как люди действуют: трудятся, отдыхают, играют, каково их поведение, какие они совершают поступки⁴⁸. Разумеется, общие характерные черты всех разновидностей деятельности не могут не налагать определенной печати на их результаты. Следы такого воздействия обнаруживаются и в отдельных памятниках материальной культуры, и в различных видах народного искусства⁴⁹, и в таких устойчивых компонентах духовной

⁴⁶ В этом отношении прекрасной иллюстрацией может служить отмеченное Л. Н. Толстым своеобразие в проявлении храбрости русских людей: «Француз, который при Ватерлоо сказал: «Гвардия умирает, но не сдается», и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры и действительно говорили достопамятные изречения; но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить важное дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости» (*Л. Н. Толстой*. Собр. художественных произведений. М., 1948, т. I, стр. 316).

⁴⁷ На наш взгляд, следует, однако, различать чувства, выступающие в качестве компонентов характера этноса и сопровождающие проявления его общих морально-волевых качеств, от специфических чувств, неразрывно связанных с этническим самосознанием и выражающих эмоциональное отношение к собственно этнической действительности (к свойствам как своего, так и других этносов). Ср.: *С. М. Арутюнян*. Нация и ее психический склад, стр. 32; *Н. Джандильдин*. Природа национальной психологии, стр. 175—180.

⁴⁸ Ср.: *Н. Д. Левитов*. Вопросы психологии характера, стр. 137.

⁴⁹ Наглядной иллюстрацией этого может служить описание Н. В. Гоголем танцев различных народов. «Испанец,— отмечал он,— пляшет не так, как швейцарец, шотландец, как теньеровский немец, русский не так, как француз, как азиатец. Даже в провинциях одного и того же государства изменяется танец. Северный русс не так пляшет как малороссиянин, как славянин южный, как поляк, как финн; у одного танец говорящий — у другого бесчувствен-

культуры, как обычаи, и даже в речи и языке⁵⁰. Не лишне еще раз подчеркнуть ту, казалось бы, тривиальную мысль, что хотя черты характера не только проявляются через культуру, но и прежде всего ею детерминируются, все же в «интериорном» состоянии они находятся за пределами культуры в узком смысле слова, представляя специфические свойства психики.

С характером этноса неразрывно связана типичная для его членов система побуждений — совокупность их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, установок, убеждений, идеалов и т. п. Все эти компоненты психики, будучи сами детерминированы конкретно-историческими (естественными и общественными) условиями существования этноса, в конечном счете и предопределяют характер его членов⁵¹. Изменение этих условий неизбежно влечет за собой изменение системы побуждений, а вслед за ней и этнического характера⁵².

Что касается «механизма» воспроизводства типичных для каждого этноса черт характера, то оно обеспечивается в первую очередь особой, присущей только людям системой межпоколенной передачи опыта. Как известно, индивид не рождается с теми или иными сложившимися чертами этнического характера. Он приобретает их в результате прижизненного усвоения⁵³, так называемой социализации личности. Притом в отличие от животных у людей в качестве основного средства межпоколенной передачи общественно-исторического опыта выступает такой социальный инструмент, как язык⁵⁴.

Одним словом, устойчивые черты характера отнюдь не являются имманентным свойством человеческого мозга — они сами продукт определенных внешних условий, прежде всего общественно-исторических⁵⁵. И то, что в рамках той или иной этнической общности

ный; у одного — бешеный, разгульный — у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый — у другого легкий, воздушный» (*Н. В. Гоголь*. Полн. собр. соч., 1952, т. 8, стр. 184—185).

⁵⁰ В этой связи представляется небезынтересным напомнить о том, что переводы одного и того же текста различаются в зависимости от характерных черт тех наций, на языки которых эти переводы сделаны.

⁵¹ «Одни и те же условия, — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — одна и та же противоположность, одни и те же интересы должны были в общем повсюду создать также одни и те же нравы» (*К. Маркс, Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 3, стр. 53).

⁵² «Так, в начале XVIII в. в Европе многие считали, что англичане склонны к революции и перемене, тогда как французы казались весьма консервативным народом; 100 лет спустя мнение диаметрально изменилось. В начале XIX в. немцев считали (и они сами разделяли это мнение) непрактичным народом, склонным к философии, музыке и поэзии и малоспособным к технике и предпринимательству. Произошел промышленный переворот в Германии — и этот стереотип стал безнадежным анахронизмом» (*И. С. Кон*. К проблеме национального характера, стр. 154).

⁵³ *А. Н. Леонтьев*. О социальной природе психики человека. — ВФ, 1961, № 1, стр. 30—31.

⁵⁴ См.: *М. Е. Лобашов*. Сигнальная наследственность. — «Исследования по генетике». Л., 1961, сборник 1.

⁵⁵ На словах признание роли социальной среды в формировании психики можно встретить и у современных буржуазных этнопсихологов (*М. Мид*,

подчас на протяжении ряда поколений продолжают функционировать традиционные для нее психические черты, происходит не в силу их полной независимости от изменений внешней среды, а лишь потому, что они обладают некоторой инерцией, обеспечиваемой социальными средствами межпоколенной передачи общественно-исторического опыта.

Общая психология наряду с характером в психический склад обычно включает такие сложные психические образования, как темперамент и способности. Аналогичным образом нередко поступают и представители социальных наук, характеризуя национальные общности⁵⁶. Вместе с тем в нашей обществоведческой литературе последних лет можно встретить решительные возражения против такого понимания структуры психического склада этнических (национальных) общностей. В подтверждение делаются, например, ссылки на то, что «нет наций способных и неспособных» и что «у больших наций, части которых расселены в различных климатических полосах, нет и не может быть единого темперамента»⁵⁷.

Однако эта позиция представляется излишне категоричной. В частности, относительно темперамента более гибким, на наш взгляд, является мнение, что это понятие в качестве одной из характеристик психического склада этнических общностей (наций) следует применять несколько в ином смысле, чем в общей психологии⁵⁸. В последней оно выражает, как известно, особенности психической деятельности человека, имеющие в качестве своей основы определенный тип высшей нервной деятельности. Хотя практически в человеческой массе имеются многочисленные вариации основных четырех типов, однако для каждой личности характерно преобладание свойств одного из этих типов⁵⁹. Другое дело народы-этноты. Как правило, мы не можем сказать, что тому или иному из них присущ лишь данный тип темперамента. В каждой этнической общности можно обнаружить как холериков и флегматиков, так и меланхоликов и сангвиников. В то же время нельзя не напомнить, что основоположники марксизма неоднократно отмечали своеобразие темперамента отдельных наро-

Дж. Торер, А. Кардинер, К. Клякхон). Однако по сути дела они лишь более завуалированно отстаивают биологизаторские представления, что «человек — прежде всего существо, поведение и склонности которого определяются врожденными инстинктами или подсознательными влечениями» (*Э. А. Баграмов*. Буржуазная социология и проблема «национального характера», стр. 103).

⁵⁶ См.: *П. М. Рогачев, М. А. Свердлов*. Нации — народ — человечество, стр. 30; *С. Т. Каллахан*. К вопросу о понятии «нация», стр. 39.

⁵⁷ *Т. Ю. Бурмистрова*. Некоторые вопросы теории нации. — ВИ, 1966, № 12, стр. 106; Ср.: *В. И. Козлов*. О понятии этнической общности, стр. 107—108; *он же*. Некоторые проблемы теории нации. — ВИ, 1967, № 1, стр. 90.

⁵⁸ *А. И. Горячева*. О некоторых категориях социальной психологии, стр. 214; *В. Н. Разов*. О некоторых элементах национальной психологии, стр. 75—76.

⁵⁹ Мнение, что имеются смешанные темпераменты, «явно ошибочно и является следствием механического понимания психики как суммы элементов, которые могут перемешиваться и составлять различные комбинации» (*А. Г. Ксвалев*. Психология личности, стр. 194).

дов⁶⁰. Различие между этническими общностями в глубине, быстроте реакций на всевозможные жизненные ситуации признается и рядом наших исследователей⁶¹. Правда, при этом речь может идти, как правило, о наиболее характерном для данного этноса типе темперамента⁶², или в случае, если имеются в виду крупные общности, — о специфических для них сочетаниях преобладающих типов темперамента⁶³.

Но вместе с тем не менее ошибочно было бы абсолютизировать значение темперамента как свойства этноса. Во-первых, нельзя забывать, что речь идет всего лишь о преобладающем темпераменте. Во-вторых, подобно антропологическому типу темперамент соседних этнических общностей обычно весьма близок. Наконец, следует учитывать как влияние культурной среды на формирование темперамента, так и воздействия на его проявления социальных моментов⁶⁴. Это воздействие, прежде всего «подавление» темперамента, однако, полностью не исключает возможности определенного его влияния, хотя и в модифицированном виде, на поведение социальной группы⁶⁵.

Весьма сложным является вопрос о различиях между этносами в такой сфере психики, как способности. На данный вопрос в нашей литературе, как правило, дается категорически отрицательный ответ. И это вполне понятно. Ведь как раз утверждения о существенно неодинаковых способностях народов являются одним из главных оснований человеконаучнических расистских взглядов. При этом решающий акцент делается на различиях в уровне умственных способностей. Отсюда и разделение народов на интеллектуально неполноценных и особо одаренных. В подтверждение такого рода различий зарубежные психологи, защитники расистских теорий, в последнее время нередко ссылаются на обследования с помощью набора тестов, получившего в психологической литературе название «коэффициента ума». Однако объективный анализ этих и других подобных психо-

⁶⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 355—356; 493—494; т. 32, стр. 557; «Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе». М., 1956, стр. 291.

⁶¹ С. И. Королев. Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов, стр. 46; А. И. Горячева. О некоторых категориях социальной психологии, стр. 214.

⁶² В литературе по этнопсихологии можно встретить, например, указание на то, что у японцев преобладает сангвинический темперамент, а у итальянцев — холерический (С. И. Королев. Изучение этнопсихологии в Японии. «Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии». М., 1968, стр. 239).

⁶³ В частности, очевидно, можно согласиться с мнением, что правильное говорить не о национальном темпераменте, а о преобладании определенных проявлений тех или иных типов темперамента в той или иной национальной среде (С. Т. Калтачян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, стр. 121).

⁶⁴ Как отмечал еще Н. Г. Чернышевский, «природный темперамент вообще заслоняется влияниями жизни» (Н. Г. Чернышевский. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории (примечания к «Всеобщей истории» Вебера). Избр. филос. соч., М., 1938, стр. 249—250).

⁶⁵ См.: С. И. Королев. Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов, стр. 46, прим. 57.

технических обследований неопровержимо свидетельствует, что не только отдельные народы, но даже и целые расы не обладают передаваемыми по наследству различиями в уровне умственных способностей⁶⁶. Частной, но весьма яркой, иллюстрацией этого тезиса могут служить отдельные случаи воспитания с раннего возраста в семьях европейцев детей, родители которых принадлежали к отсталым народам⁶⁷.

Вообще следует подчеркнуть, что равная первичная природная основа способностей (так называемые задатки) обнаруживается у всех народов мира, притом не только в сфере умственных, но и специальных способностей (сценической, музыкальной и т. п.).

Поэтому, если и можно говорить о некоторых различиях между народами в отношении их одаренности⁶⁸, большего или меньшего развития отдельных специальных способностей, то, очевидно, только при условии неуклонного учета того, что в таких случаях мы имеем дело не с просто унаследованными природными задатками, а с прижизненно приобретенными способностями. Правда, последние нередко воспринимаются как врожденные. В подтверждение такого представления о генезисе специальных способностей долгое время делались, в частности, ссылки на то, что «тональная глухота» при отсутствии физиологических дефектов, составляя обычное явление в Англии и Америке, практически неизвестна среди многих африканских народностей, вьетнамцев и т. д. Между тем специальные исследования показали, что формирование тонального слуха происходит у этих народов прижизненно, в ходе овладения родным языком, поскольку он использует интонирование гласных в смысло-различительных целях⁶⁹.

Относительно устойчивые социально-психологические явления, присущие этническим общностям и представляющие их психический склад в широком смысле слова, однако, не исчерпываются, на наш взгляд, лишь такими сложными психическими образованиями, как характер, темперамент и способности. Ведь большая или меньшая стабильность имеет место и в других сферах психики, которые к тому же обладают определенной этнической спецификой. Она, напри-

⁶⁶ Я. Я. Рогинский. О психотехническом исследовании разных племен и народов. — «Наука о расах и расизм». М.—Л., 1938, стр. 80—104; В. П. Алексеев. Расизм в современной антропологии. — «Против расизма». М., 1966, стр. 7—26.

⁶⁷ Один из таких случаев связан с проживающим в Южной Америке крайне отсталым индейским племенем гуайналов. Однажды во время бегства этого племени от «чужаков»-европейцев ими была забыта двухлетняя девочка. Ее удочерил французский этнограф. А через четверть века она сама стала довольно известным этнографом, блестяще владеющим несколькими европейскими языками.

⁶⁸ Полное отрицание такого рода различий представляется излишним упрощением вопроса (см.: А. И. Горячева. Является ли психический склад признаком нации? — «Вопросы истории», 1967, № 8, стр. 99).

⁶⁹ Н. Е. Sanderson. Differences in musical ability in children of different national and racial origin. — «Journal of genetic psychology», vol. XLII, N 1; А. Н. Леонтьев. О социальной природе психики человека, стр. 31—40.

мер, обнаруживается у такого «простейшего» свойства психики, как восприятие⁷⁰. Для этнических общностей обычно характерны и сравнительно устойчивые вкусы⁷¹. К психическому складу, пожалуй, следует отнести и так называемые динамические стереотипы⁷², лежащие в основе автоматизированных элементов поведения людей (привычек).

Характеризуя в целом этнические функции устойчивых психических свойств (психического склада) этнических общностей, особо подчеркнем, что в интериорной («внутренней») форме эти свойства не выступают в качестве их непосредственных признаков⁷³. Такую роль они выполняют лишь в экстериторной объективированной форме, т. е. фактически будучи опосредованными теми или иными видами культуры в широком смысле слова (точнее говоря, в общей зоне психики и культуры). И в этом отношении психический склад, будучи сам в конечном счете детерминирован культурой, является своего рода подоплекой некоторых черт специфического культурного облика этноса.

В последнее время в нашей философской и этнографической литературе можно встретить прямое отрицание реальности психического склада этнических общностей, национального характера⁷⁴⁻⁷⁶. Такого рода взгляды особенно отчетливо проступают применительно к этническим общностям классовых формаций. Существование общего психического склада у этнических образований доклассовых формаций, обладающих однородной социальной структурой, обычно не вызывает сомнений.

⁷⁰ В частности, на наш взгляд, не лишено основания мнение, что «у каждого народа, живущего в сравнительно одинаковых, в первую очередь природных, условиях, вырабатывается определенный динамический стереотип художественного видения и воспроизведения действительности». Такое восприятие «выражает некоторые индивидуальные черты природы, а также экономического, политического и культурного (в том числе атеистического или религиозного) развития данной нации» (С. Т. Калгалчян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, стр. 161).

⁷¹ См.: А. И. Горячева. О некоторых категориях социальной психологии, стр. 198, 202, 214.

⁷² Понятие «динамический стереотип» введено И. П. Павловым. «Стереотипами эти системы названы, очевидно, по их тенденции к повторяемости и к автоматизации... Стереотипы названы динамическими потому, что речь идет о системе процессов, которые претерпевают изменения, переделываются под влиянием новых требований жизни» (Н. Д. Левитов. Психология труда. М., 1963, стр. 22).

⁷³ Уже одно это обстоятельство убедительно свидетельствует о несостоятельности любых попыток свести сущность собственно этнических общностей (не говоря уже об этносоциальных организмах типа нации) к специфическому для каждой из таких общностей психическому складу или национальному характеру.

⁷⁴⁻⁷⁶ Понятия «психический склад», «национальный характер», по словам С. А. Токарева, в проблеме об этнической общности, кроме тумана, ничего не вносят (С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. ВФ, 1964, № 11, стр. 44). См. также: П. М. Розачев, М. А. Свердлов. Нации — народ — человечество, стр. 32; В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 39.

Но относительно этнических единиц классовых, особенно капиталистических, обществ неоднократно высказывалось мнение, что представление о наличии у них общего психического склада или характера является фикцией. При этом делается ссылка на то, что признание такой общности противоречит ленинскому положению о двух культурах в каждой буржуазной национальной культуре⁷⁷.

Нельзя не согласиться с той неоспоримой истиной, что в буржуазном мире эксплуататоры и эксплуатируемые кардинально различаются не только по их месту в существующей системе общественного производства и социальному положению, по целям и идейным убеждениям, но и по своим морально-волевым качествам. Наличие общих психических черт у представителей одних и тех же социально-профессиональных групп разных наций отмечал еще Н. Г. Чернышевский⁷⁸. Это же неоднократно подчеркивали и основоположники марксизма⁷⁹. Словом, представляется бесспорным, что в классовых обществах во всей чрезвычайно сложной иерархии устойчивых психических черт, образуемой одновременной принадлежностью одних и тех же людей к различным социальным общностям (нации, классу, профессиональным группам и т. д.), главенствующей является совокупность черт (психический склад), типичных для отдельных классов. Однако это не исключает определенной общности психических свойств и у других разновидностей социальных единиц. Ведь в каждом отдельном явлении могут быть черты, объединяющие его с различными группами явлений⁸⁰. В частности, как уже отмечалось, наличие двух культур внутри буржуазной нации не противоречит существованию в ее рамках определенной культурной общности (национальной культуры)⁸¹. Стало быть, ссылки на внутриклассовую психическую общность сами по себе не могут служить аргументом для полного отрицания какой-либо общности психических черт внутри буржуазных наций. Весьма показательным, что отдельные противники представления об общности психического склада у буржуазных наций признают в конечном счете не только наличие у каждого из классов своей национально-классовой психологии, но и существование специфических психических черт у самих таких наций⁸². Очевидно, что отрицание в таком случае реальности категории «психический склад нации» касается не существа явления, а всего лишь терминологической стороны вопроса. Ибо то об-

⁷⁷ См.: Т. Ю. Бурмистрова. Некоторые вопросы теории нации, стр. 103—107.

⁷⁸ Н. Г. Чернышевский. Очерки научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории.—Избранные философские сочинения, т. 3, М., 1951, стр. 611.

⁷⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 356, 437—438.

⁸⁰ Так, определенная общность всех лимонов не исключает наличия у них общих черт и со всеми цитрусовыми, и со всеми фруктами, и со всеми растениями и т. д.

⁸¹ См. ч. I, гл. 3.

⁸² С. Т. Калгалчян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, стр. 143—144.

стоятельство, что специфическими являются отдельные устойчивые черты психики этноса, отнюдь не лишает нас права говорить об определенной психической общности его членов, а соответственно и общности их психического склада (характера). Для этого имеются тем большие основания, что, как известно, однородность психики членов этноса далеко не исчерпывается типичными для него психическими особенностями — ее основу, несомненно, составляет общность «родовых» психических свойств людей. Кстати сказать, как раз эти свойства и отличают прежде всего людей от животных, т. е. являются определяющими для рода человеческого.

Наряду с отрицанием общности психического склада (национального характера) буржуазных наций в нашей философской литературе последних лет можно встретить весьма оригинальное сочетание защиты представлений о его реальности с высказываниями, фактически ставящими под сомнение существование подобной общности в основных этнических образованиях докапиталистических классовых формаций. В частности, утверждается, что «своеобразие этнической психики в донациональный период могло иметь в основном локальное значение, проявлять себя в пределах какой-либо территориальной зоны, быть характерным не для всего народа, а лишь для более или менее компактной и в культурно-языковом или политическом отношении несколько автономной части его»⁸³. Действительно, присущие докапиталистическим классовым обществам локальные различия не могли не сказаться и в сфере социальной психологии. Но все же эти различия и в данном случае не исключают определенной общности психических черт в пределах основных этнических подразделений того времени — народностей. К примеру, трудно себе представить отсутствие в раннее средневековье заметных различий в психическом складе даже таких соседних народов, как болгары и византийцы (или несколько позднее болгары и турки). Более того, представляется очевидным существование устойчивых особенностей психики у таких этнических общностей, как союзы племен (точнее, у семей племен)⁸⁴. В частности, психический склад германцев эпохи Тацита несомненно существенно отличался от устойчивых психических свойств, характерных для римлян того же времени.

Таким образом, судя по всему, есть достаточные основания считать, что относительно устойчивые особенности психики присущи этническим общностям не только первобытнообщинной и социалистической (коммунистической), но и рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций. Это обстоятельство и позволяет на наш взгляд, говорить в целом как о психическом складе этнических общностей, так и об этническом характере, рассматривая соответственно национальный характер в качестве его стадийной разновидности.

Отрицание национального характера, общности психического

склада у буржуазных наций обычно сопровождается сетованиями на их неуловимость⁸⁵⁻⁸⁶. Подобные сетования в значительной мере обусловлены трудностями, стоящими на пути выявления такого рода социально-психологических явлений. Это прежде всего сопряжено с тем, что они преимущественно проявляются не в опредмеченных видах культуры, а в самой деятельности, в поведении членов этноса. Однако обычно относительно быстрая смена, чередование действий и поступков существенно затрудняют их сравнение с аналогичными явлениями в других этносах, без чего, как мы знаем, вообще невозможно выявление этнической специфики. К тому же специфические черты психики далеко не всегда реализуются сразу, они обычно проявляются разновременно, разрозненно.

Вместе с тем на тезис о неуловимости этнического характера несомненно наложила свою печать и склонность обыденного сознания к искажению его черт. Эта особенность обыденного сознания имеет несколько причин. В качестве одной из них могут оказаться межэтнические установки лиц, оценивающих психические особенности другого народа, что во многом зависит от традиций взаимоотношения между субъектом и объектом оценки⁸⁷. Нельзя не учитывать и того факта, что «мы воспринимаем и оцениваем поведение и образ жизни чужого народа сквозь призму культурных традиций и ценностей собственной этнической группы»⁸⁸.

Но особенно существенна в рассматриваемой связи тенденция обыденного сознания к абсолютизации отдельных черт характера этнических общностей. Более того, подобная тенденция проникает подчас и в научные труды, приводя к стремлению обнаружить у того или иного народа черты характера, присущие ему одному⁸⁹. Между тем для такой абсолютизации, как уже говорилось, нет никаких оснований.

Дискредитации представления о существовании психического склада у этнических общностей (национального характера) немало способствовала и гиперболизация своеобразия этих свойств. Именно такого рода гиперболизация (в сочетании с абсолютизацией психической общности всех входящих в нацию классов) и лежит в основе пресловутой теории «национальной апперцепции» О. Бауэра, согласно которой нации не в состоянии достаточно одинаково воспринимать одну и ту же действительность. При этом он ссылается на то, что над восприятием наций довлеет весь их прошлый опыт. Даже методы научного исследования, как и их результат, по мне-

⁸⁵⁻⁸⁶ См., например: П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. *Нации — народ — человечество*, стр. 32; В. И. Козлов. *Динамика численности народов*, стр. 39.

⁸⁷ Известно, что наиболее негативные оценки характерных психических свойств другого народа обычно даются во время войны с ним.

⁸⁸ И. С. Кон. *Национальный характер — миф или реальность?* — «Иностранная литература», 1968, № 9, стр. 218—219.

⁸⁹ Такой подход к вопросу уже не раз критиковался в нашей литературе (см.: Т. Ю. Бурмистрова. *Некоторые вопросы теории нации*, стр. 106—107; С. М. Арутюнян. *Нация и ее психический склад*, стр. 172—174).

⁸³ Н. Джандильдин. *Природа национальной психологии*, стр. 22.

⁸⁴ См. ч. I, гл. 6.

нию О. Бауэра, национально различны. Тем самым им в конечном счете «обосновывается» невозможность сближения и слияния наций; он утверждает, что «об исчезновении национального своеобразия не может быть и речи!»⁹⁰.

В действительности, как уже отмечалось, речь может идти лишь об относительной специфике черт национального характера, нюансах их проявления. В значительной мере именно поэтому столь не просто «замерить» и точно описать все оттенки подобных различий⁹¹.

Разумеется, указанные трудности в выявлении отличительных особенностей психического склада отдельных этнических общностей не могут служить основанием для отрицания таких особенностей⁹². Необходимо лишь усовершенствовать методы научного изучения данного компонента психики этнических общностей⁹³. Для этого особенно важно тесное сотрудничество психологов, этнографов, социологов, историков и литературоведов.

Наряду с психическим складом немалая роль в функционировании этноса как целостной системы принадлежит так называемым «значениям» — стереотипам, фиксирующим типичные для его членов «понятия», «знания», «умения», «нормы поведения»⁹⁴. Представляя «пограничную» зону общественного сознания (на его быденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании типичных для каждого этноса свойств. Утрата (или приобретение) его членами какого-либо стереотипа-значения неизбежно влечет за собой определенное изменение этих свойств.

В своей совокупности стереотипы-значения составляют быденный уровень общественного сознания этноса, так сказать, его общее сознание. Было бы, однако, упрощением полагать, будто оно пред-

ставляет простую сумму индивидуального сознания членов этноса. Ведь в их быденном сознании далеко не все является общим. Более того, свои специфические знания, понятия, умения и «значения» имеют не только отдельные индивиды, но и существующие внутри этноса социальные группы, в первую очередь классы. Классово-оценочное отношение к действительности имеет место во всех сферах общественного сознания (этических, эстетических, религиозных и т. д.). Идеология же целиком определяется классовым сознанием⁹⁵. Нет никаких оснований для абсолютизации единства общественного сознания этносов классово-антагонистических формаций. Но в то же время, очевидно, было бы противоположной крайностью полностью отрицать наличие определенной общности стереотипов-значений в масштабах этнических образований в целом. Впрочем, в теоретическом плане в данном случае имеет место почти полная аналогия с вопросом об общности культуры и психического склада этнических подразделений, и здесь, видимо, нет необходимости повторять соответствующие соображения.

Одна из характерных особенностей общего быденного сознания этноса — наличие в нем, как и в быденном сознании каждого человека, слоя, сформировавшегося безотчетно-стихийно. Этот слой охватывает всю сферу приобретенных, привитых воспитанием и внушаемых в данной этнической сфере представлений, взглядов, привычек и норм поведения, слабо контролируемых или совсем не контролируемых разумом. И этот «внеопытный» слой общественного сознания присущ не только первобытным, но и всем современным развитым народам, хотя, конечно, нельзя отрицать, что чем ниже развитие производительных сил, тем ниже общий культурный уровень народа, тем больше тот сектор сознания, что формируется безотчетно-стихийно⁹⁶.

Важную роль в функционировании этнических общностей играет такой специфический компонент быденного сознания, как этническое самосознание, именуемое применительно к национальным общностям (в том числе и нациям) «национальным самосознанием»⁹⁷.

Осознание отдельными типами этнических общностей собственного бытия уже давно отмечалось в марксистской литературе. В частности, К. Маркс и Ф. Энгельс в этой связи указывали на существование «племенного сознания»⁹⁸. Понятие «национальное самосознание»

⁹⁰ См.: О. Бауэр. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, стр. 163. Подробный критический анализ теории «национальной апшерценции» О. Бауэра см. в книге: С. Т. Калтаджян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, стр. 39—53.

⁹¹ Как справедливо заметил И. С. Кон, «все народы обладают чувством юмора, однако юмор их качественно различен, эти различия мы интуитивно схватываем, но выразить в строгих понятиях не умеем» (И. С. Кон. Национальный характер — миф или реальность? — «Иностранная литература», 1968, № 8, стр. 218).

⁹² В частности, в данной связи привлекает внимание сравнительно широкое признание того, что художественная литература, способная, как известно, передавать тончайшие оттенки человеческой психики, в состоянии уловить и национальный характер людей (см., например, дискуссию по проблеме «Литературный герой и его национальный характер» на страницах журнала «Дружба народов» за 1966—1967 гг., а также Г. Ломидзе. Истины ясные и спорные. — «Национальное и интернациональное в советской литературе». М., 1971; Н. Воробьева. Национальный характер и история. — «Национальное и интернациональное в советской литературе». М., 1971.)

⁹³ Общую характеристику современного состояния этих методов см.: С. И. Королев. Вопросы этнопсихологии..., стр. 51—95; И. С. Кон. К проблеме национального характера, стр. 131—147.

⁹⁴ См.: А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1965, стр. 287—289.

⁹⁵ См.: С. Т. Калтаджян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, стр. 266—267.

⁹⁶ Ср.: С. А. Токарев. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи. — «Охотники, собиратели, рыболовы». Л., 1972, стр. 277.

⁹⁷ Хотя понятия «этническое» и «национальное» самосознание не вполне тождественны в отношении своих содержательных параметров, однако все же основное их различие имеет стадийный характер. И с этой точки зрения национальное самосознание, т. е. самосознание тех этнических общностей, которые могут быть определены как национальности, представляет собой лишь часть вообще этнического самосознания как сознания всех типов этносов (подробнее см. ниже).

⁹⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 30.

неоднократно использовалось В. И. Лениным при рассмотрении национального вопроса⁹⁹. Пользовалась этим понятием и наша социологическая литература в начале 20-х годов, хотя его содержание не подвергалось сколько-нибудь специальному теоретическому осмыслению. Правда, в последующие годы понятие «национальное самосознание» перестает употребляться в нашей литературе¹⁰⁰, но уже в конце 40-х годов оно появляется в ней вновь¹⁰¹. Вскоре было введено в научный обиход и общее для всех типов этнических общностей понятие «этническое самосознание». Основная заслуга в этом принадлежит И. И. Кушнеру, подчеркнувшему особое значение «этнического самосознания» как этнического определителя¹⁰². Несколько позднее Н. Н. Чебоксаров включил этническое самосознание в число этнических признаков¹⁰³. Вслед за тем В. И. Козлов пошел еще дальше, выдвинув этническое самосознание на первое место среди признаков этноса¹⁰⁴. Эта точка зрения была поддержана Г. В. Шелеповым¹⁰⁵.

В нашей научной литературе последних лет этническое (национальное) самосознание все чаще фигурирует как само собой разумеющийся компонент этноса¹⁰⁶. В пользу включения национального самосознания в число признаков нации высказалась и значительная часть участников дискуссии, проводившейся «Вопросами истории» по теории нации¹⁰⁷.

Однако в итоговой статье по этой дискуссии данная точка зрения не получила поддержки. При этом сделана ссылка на то, что «самосознание этнической принадлежности», так же как и «национальное

самосознание», не может служить одним из основных признаков нации, так как оно является субъективным отражением в сознании человека объективного факта существования нации¹⁰⁸. Между тем это изображение, высказанное всего лишь одним из участников дискуссии¹⁰⁹, было оспорено еще до подведения ее итогов. В частности, было отмечено, что «подобное возражение было бы основательным лишь в случае, если бы национальное самосознание понималось как самодовлеющий фактор, нечто первичное, не имеющее своей объективной стороны»¹¹⁰. Это, так сказать, теоретический аспект проблемы. Но главное, конечно, в практике — реальном значении этнического самосознания для существования этноса в полном смысле слова. А в этой связи достаточно напомнить тот общеизвестный факт, что явление у людей (как у отдельного человека, так и группы) нового этнического самосознания, как правило, означает (отражает) их принадлежность уже к новому этносу.

Этническое (национальное) самосознание прежде всего фиксирует (возможными способами) принадлежность людей к определенному этносу. Однако, на наш взгляд, нет оснований сводить этническое (национальное) самосознание лишь к осознанию этнической (национальной) принадлежности¹¹¹. Ведь самосознание есть осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения и т. д.¹¹² Соответственно этническое самосознание включает суждения членов этноса о характере действий своей общности, ее свойствах и достижениях, так называемые этнические автостереотипы. Эти суждения неразрывно связаны с представлениями о других этносах¹¹³, в первую очередь с соответствующими этническими стереотипами. Своеобразную результативность такого рода стереотипов представляют межэтнические (межнациональные) установки, выражающие характерное для членов каждого этноса отношение к представителям других этнических образований.

Несмотря на сопряженность этнического самосознания с теми компонентами обыденного сознания этноса, которые выражают отношение к другим этническим общностям, было бы все же, видимо, некоторым упрощением причисление самих таких компонентов целиком к сфере самосознания. Следует также учитывать, что самооценки группой

¹⁰⁸ К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации.— «Вопросы истории», 1970, № 8, стр. 94—95.

¹⁰⁹ И. П. Цемерян. Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации.— ВИ, 1967, № 6, стр. 111.

¹¹⁰ С. Т. Калгажян. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, стр. 263.

¹¹¹ См., например: Г. О. Зиманас. Развитие и сближение наций в условиях строительства социализма и коммунизма. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 7—8.

¹¹² См.: «Самосознание».— «Философская энциклопедия», т. 4, стр. 552.

¹¹³ Как отметил К. Маркс, в силу того, что человек «родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я емь я», то человек сначала смотрит-ся, как в зеркало, в другого человека» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 62).

своих сложившихся свойств обычно отнюдь не тождественны ее представлениям о том, какими должны быть эти свойства, суждениям об интересах и идеалах группы, а также о путях их реализации. В этой связи привлекает внимание употребление термина «национальное сознание»¹¹⁴ в значении более широком, чем «национальное самосознание»¹¹⁵. Впрочем, понятие «национальное сознание» (а соответственно «этническое сознание») нуждается еще в дальнейшей разработке, в конкретизации содержания. Необходимо также уточнить соотношение этнического (национального) сознания и таких сопровождающих его «подвижных» компонентов психики этноса, как этнические чувства (в том числе чувство гордости) и настроения. Но так или иначе представляется очевидным, что одним из важнейших компонентов этнического сознания является этническое самосознание. Оно выступает в качестве неперемного условия функционирования каждого этноса. Поэтому представляется важным уделить особое внимание рассмотрению структуры, внутреннего механизма и объективных оснований этнического самосознания.

Обычно определение людьми на уровне обыденного сознания своей принадлежности к тому или иному этносу выражается в выборе имени такого его внешнего признака, как наименование. Само наличие такого наименования — этнонима — свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей. Для каждого из таких единств, больших и малых, наименование является фактором, объединяющим внутри и различающим внешне¹¹⁶. Вместе с тем этнонимы нередко выражают peculiar характеристику называемых; содержащиеся в них оценки не всегда справедливы, но всегда исторически обусловлены. Этнонимы выполняют и идеологические функции, служа подчас лозунгом, знаменем¹¹⁷.

Символизируя в целом этнос, этноним обычно выступает одним из наиболее наглядных этнических признаков. И все же не следует его абсолютизировать. Показательно, например, что один и тот же этнос, помимо этнонима-самоназвания, может иметь различные наименования, даваемые ему представителями других этнических единиц. Приложение одновременно нескольких этнонимов к одной и той же группе людей может быть обусловлено также иерархической структурой тех этнических образований, в которые она входит, а соответственно и неоднозначностью ее этнического самосознания. Следует также иметь в виду, что подчас один и тот же этноним может употребляться для обозначения нескольких разных этносов¹¹⁸.

Как правило, конкретное определение человеком своей этнической принадлежности осуществляется путем приятия им этнонима своих

родителей. Дети, имеющие родителей, относящихся к разным этносам, принимают обычно этническую принадлежность одного из родителей. И этот выбор зависит от самых различных обстоятельств: политических, социально-экономических, семейно-правовых, культурно-бытовых и т. п.¹¹⁹ Подчас решающую роль при этом может сыграть и этническая ситуация, в частности численное соотношение этносов, к которым принадлежат родители¹²⁰. Более того, во многих странах имеет место прижизненная этническая (национальная) адаптация: представители этнических меньшинств (особенно дети, родившиеся в данной стране) определяются как члены ее основного этноса.

Нередко сознание этнической принадлежности многозначно. В одних случаях это следствие его неустойчивости, порожденной различной этнической принадлежностью родителей, в других — результат недавно произведенной смены этнической принадлежности, в третьих — вообще проявление иерархичности этнической структуры. При этом в зависимости от «уровня» межэтнических контактов на передний план выступает та или иная конкретная форма этнического самосознания. Например, нормандцы и гасконцы на своей родине выделяют себя среди других французов. Но за пределами Франции они прежде всего французы, а затем уже нормандцы и гасконцы. Попав в Японию, белорус на фоне совершенно иной культуры назовет себя сначала русским, прибавив затем, что он, собственно говоря, белорус. А на Новой Гвинее он же назовет себя европейцем¹²¹.

Сознание этнической принадлежности, однако, лишь один из компонентов этнического самосознания — его своеобразная результат, проявляющаяся в почти безотчетном обозначении себя определенным этнонимом. Основное же содержание этнического самосознания составляют, как уже говорилось, представления о характерных чертах прежде всего своего, а отчасти и чужих этносов. Правда, эти представления не зеркально отражают такие черты, а как бы преломляют через своеобразную призму, усиливающую одни, ослабляющую, а то и вовсе элиминирующую другие. Это обусловлено тем, что обыденное сознание в отличие от сознания, основанного на научных данных, не в состоянии охватить сразу все характерные черты культуры не только «чужих» этнических общностей, но и своей собственной. Иначе говоря, оно является избирательным. К тому же неизбежно сказывается как пространственно-временная вариабильность многих отличительных особенностей культуры внутри большинства этнических образований, так и неравномерность их распределения между членами таких образований. Отсюда довольно обычное конструиро-

¹¹⁴ Не следует смешивать с общим сознанием национальности (нации).
¹¹⁵ См.: М. И. Куличенко. Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу и современность. М., 1972, стр. 15—17.

¹¹⁶ В. А. Никонов. Этнонимия. — «Этнонимы». М., 1970, стр. 5.

¹¹⁷ Там же, стр. 3.

¹¹⁸ Л. Н. Гумилев. О термине «этнос». «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л., 1967, вып. 3, стр. 8—10.

¹¹⁹ См.: Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. СЭ, 1969, № 3.

¹²⁰ Поэтому трудно согласиться с мнением Г. В. Шелепова, когда он определение этнической принадлежности детей, родившихся от межэтнических браков, ставит в зависимость лишь от неэтнических обстоятельств (Г. В. Шелепов. Указ. соч., стр. 72).

¹²¹ Ср.: Л. Н. Гумилев. О термине «этнос», стр. 4.

вание представлений об общих типичных чертах культуры этнической единицы на основе данных, полученных в ходе контактов лишь с ее частью. Это, например, имеет место в тех случаях, когда отдельные локальные группы этнической системы (преимущественно крупной) обладают заметными культурными различиями. В таких случаях обыденное сознание этнической единицы, отличающейся от себя другую аналогичную систему, распространяет ее особенности, проявляющиеся в зоне их контактов, на всю эту систему. В качестве части, на основе которой общественное сознание реконструирует черты, типичные в целом для этнической единицы, нередко выступают отдельные социально-классовые группы. Чаще всего это имеет место применительно к образу жизни народных масс (особенно крестьянства) и получает выражение как в представлении, что такой образ жизни и является подлинно национальным, так и в превращении тех или иных его особенностей в своеобразные символы всей этнической единицы. Впрочем, иногда подобным образом генерализуются и отдельные черты господствующего класса.

Избирательность связана также с еще одной особенностью этнического самосознания. Дело в том, что когда оно обращено на отличительные черты «чужих» этнических общностей¹²², само выделение таких черт неизбежно осуществляется путем сопоставления со свойствами собственной этнической общности¹²³. С другой стороны, представление о типичных чертах собственной этнической общности в определенной мере зависит от свойств тех общностей, с которыми она чаще всего контактирует.

Следует также учитывать, что в повседневной практике определение этнических свойств обычно базируется на сопоставлении сравнительно ограниченного числа этнических общностей. А это открывает перед обыденным сознанием широкую возможность для абсолютизации тех свойств этноса, которые в действительности имеют относительный характер, ибо присущи не одной, а нескольким этническим общностям. В то же время в силу избирательности многие этнические свойства остаются не зафиксированными обыденным сознанием.

Складывающиеся в ходе межэтнического общения представления о своем собственном и чужих народах (этнические автостереотипы и стереотипы) не просто суммируют те или иные их черты, но и выражают эмоциональное отношение к ним¹²⁴. Даже простое описание отдельных этнических общностей может содержать оценочные моменты¹²⁵. То, что применительно к собственному народу называется разумной экономией, применительно к другим может имеваться скупостью. То, что «у себя» определяется как настойчивость, твердость характера, применительно к «чужаку» может называться

упрямством. Однако далеко не всегда свое оценивается выше, чем чужое. Бывает и обратное. В частности, в наше время в условиях развитого межэтнического обмена «преобладает система дифференцированных оценок, когда одни черты собственной этнической группы и ее культуры оцениваются положительно, а другие отрицательно»¹²⁶. Впрочем, все же преобладающими обычно являются положительные самооценки¹²⁷.

Этнические стереотипы влияют на этнические антипатии (этногонизм) и симпатии, а также на этнические (национальные) установки, определяющие поведение людей в тех или иных ситуациях¹²⁸ межэтнических контактов.

Рассматривая особенности этнического сознания, необходимо отметить еще одно обстоятельство, заметно усиливающее его приблизительный характер. Это сознание не только абсолютизирует некоторые действительно имеющиеся этнические свойства, но и склонно приписывать как «своему», так и «чужим» этносам несуществующие черты. Такие иллюзорные представления могут относиться и к этническому стереотипу, и к этническим символам, в качестве которых в этом случае фигурируют предметы и явления, в действительности не выражающие особенностей этноса. В роли подобных квазиэтнических признаков могут выступать самые различные компоненты культуры в самом широком смысле слова (от предметов хозяйственно-бытовой сферы до произведений искусства и литературы).

Следует также заметить, что возможность искаженного отражения обыденным сознанием объективных свойств этноса относится не только к его культурным параметрам, но и к антропологическому составу.

¹²² И. С. Кон. Национальный характер — миф или реальность?, стр. 218—219. Показательны в рассматриваемом отношении результаты проведенного в 1959 г. Институтом общественного мнения Гэллага обследования в Афинах, Хельсинки, Иоганнесбурге, Копенгагене, Амстердаме, Дели, Нью-Йорке, Осло, Стокгольме, Торонто, Западном Берлине и Вене. В ходе его «были поставлены вопросы, какой народ имеет самый высокий культурный уровень? у кого самая лучшая кухня? где самые красивые женщины? у какого народа сильнее всего развита национальная гордость? Что касается кухни, все народы предпочли свою собственную. Самые красивые женщины, по мнению берлинцев, — шведки, по мнению венцев, — итальянки, по мнению датчан, — немки; в остальных странах отдали предпочтение своим собственным женщинам. Греки, голландцы, индийцы, американцы, норвежцы, шведы, немцы и австрийцы сочли наиболее высоким культурным уровнем свой собственный. Что касается национальной гордости, большинство голосов собрала Англия, только греки, индийцы и американцы назвали самих себя, а финны — шведов» (там же, стр. 218).

¹²⁷ Это недавно еще раз подтвердили этносоциологические обследования, проводившиеся в 1967 г. Институтом этнографии АН СССР в Татарии. Они показали, что здесь все группы населения как среди татар, так и среди русских выше оценивают собственную национальность. См.: Ю. В. Арутюнян. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР). — СЭ, 1968, № 4, стр. 42.

¹²⁸ Л. М. Дробижеева. Об изучении национальных установок. «Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной 50-летию ленинского декрета о создании ГАИМР — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г.», Л., 1969, стр. 58—62.

¹²² Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история, стр. 81—82.

¹²³ И. С. Кон. Национальный характер — миф или реальность?, стр. 218.

¹²⁴ Там же, стр. 219.

¹²⁵ См.: И. С. Кон. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предрассудков. «Новый мир», 1966, № 9.

Нередко оно явно преувеличивает типичность для данного этноса одной из входящих в его состав антропологических групп.

Одним словом, существующие в обыденном сознании модели этносов, в том числе собственного, не только обычно существенно упрощают, но и даже искажают их объективные свойства. Это, как мы видели, обусловлено целым рядом особенностей этнического сознания: его избирательностью, абсолютизацией относительных этнических свойств, тенденциозностью в их оценке, генерализацией отдельных явлений, не имеющих для этноса всеобщего значения.

Такого рода предрасположенность обыденного сознания к упрощенному отражению объективной этнической картины имеет одно важное практическое последствие. Она создает возможность для появления и распространения различных шовинистических настроений и националистических установок; при этом сама такая возможность реализуется отнюдь не автоматически, а под воздействием «внешних» к этническому самосознанию стимулов.

Приблизительный характер выделения обыденным сознанием объективных свойств своего этноса и даже приписывания ему несуществующих свойств, однако, не означает, что в данном отношении господствует полный произвол. И в этой связи, на наш взгляд, не может не привлечь внимания то обстоятельство, что наряду со структурно-пространственными характеристиками этноса этническое самосознание непременно включает такой генетическо-временной параметр, как представление об общности происхождения членов этноса.

Большое значение такого представления для этнического самосознания уже не раз отмечалось в нашей этнографической литературе. Однако при этом неизбежен вопрос: каково реальное основание для подобного представления? Дело в том, что относительно объективного существования общности происхождения у всех этносов в нашей научной литературе имеются диаметрально противоположные точки зрения. Согласно одной из них, принадлежащей С. А. Токареву, «общность происхождения... лишь в очень немногих случаях имеет значение как этнический определитель». Она «была, несомненно, одним из важных компонентов этнической общности на самых ранних ступенях развития человечества, при общинно-родовом обществе». Но «для современных нам этнических общностей, — подчеркивает С. А. Токарев, — единство происхождения лишь в редких случаях имеет какое-либо значение»¹²⁹. Противоположная точка зрения наиболее отчетливо сформулирована Г. В. Шелеповым. По его мнению, общность происхождения, выражающаяся в определенном родстве всех членов этнического образования, — обязательный признак всех этносов, в том числе современных¹³⁰.

Рассматривая эти противоположные точки зрения, необходимо различать два аспекта проблемы: с одной стороны, объективное существо-

вание общности происхождения членов этноса, с другой — представление о такой общности, выступающее как компонент этнического самосознания.

Касаясь первого из этих аспектов, прежде всего обратимся к тезису о том, что общность происхождения членов этноса выражается в их кровном родстве. Вопрос этот чрезвычайно сложен, и его решение, к сожалению, еще недостаточно обеспечено конкретными исследованиями. К тому же для разных периодов он, очевидно, должен решаться не одинаково.

Родство если не всех, то по крайней мере подавляющего большинства членов таких этнических общностей первобытности, как племена, общеприятный факт. Что касается этнических общностей классовых социально-экономических формаций, то существует мнение, что и в таких случаях члены большинства длительно существующих этносов, в том числе крупных, находятся хотя и в весьма отдаленном, но все же в родстве¹³¹. Не претендуя на окончательное решение этого вопроса, отметим, однако, что возникновение даже отдаленного родства всех представителей крупных этносов не обязательно и во многом зависит не только от длительности существования таких общностей, но и от степени брачной изоляции («эндогамности») их отдельных составных частей («демов»)¹³². Вместе с тем представляется особенно важным подчеркнуть, что родство между проживающими на смежной территории представителями соседних этносов может быть более близким, чем между представителями одного из этих этносов, размещающихся на противоположных его концах¹³³. Таким образом, совершенно очевидно, что «внутреннее» родство не может играть роли специфической черты каждого этноса. Иначе говоря, нет достаточных оснований считать, что общность происхождения непременно связана с родством всех членов каждого этноса. Поэтому кровное родство не может рассматриваться в качестве отличительной черты этноса.

Но это, так сказать, объективная сторона вопроса. Что же касается его субъективной стороны, то хорошо известна склонность обыденного сознания интерпретировать общность происхождения как отдаленное, но все же кровное родство¹³⁴. Судя по всему, этому в немалой мере способствует обычная практика определения этнической принадлежности каждого человека на основе соответствующих данных о его родителях. Такая практика создает иллюзию, будто за принадлежностью людей к одной этнической общности всегда стоит кровное родство. Вероятно, определенную роль в формировании представления об особом родстве всех членов этноса играет эндогамность таких общностей, а также расовая однотипность многих из них.

¹³¹ Ш.-Н. Марген. Не женимся ли мы на кузинах? — «Наука и жизнь», 1971, № 1, стр. 89.

¹³² См. ниже, стр. 121, 122.

¹³³ Об этом наглядно свидетельствует, с одной стороны, смешанный антропологический состав большинства национальностей, с другой — весьма частые случаи принадлежности соседних этносов не только к одной и той же расе, но и к одному и тому же антропологическому типу.

¹³⁴ Особенно это характерно для первобытности.

¹²⁹ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). ВФ, 1964, № 11, стр. 45.

¹³⁰ Г. В. Шелепов. Общность происхождения — признак этнической общности, стр. 71.

Однако общность происхождения членов этноса интерпретируется обыденным сознанием не только как их родство. Она характеризуется им так же, как определенная общность исторических судеб членов этноса на протяжении многих поколений. И для этого есть достаточные основания. Ведь именно в результате такой общности и складываются единство и специфика каждой этнической системы.

Однако этническое самосознание весьма избирательно отражает общность исторических судеб. В частности, первостепенное внимание оно уделяет, как правило, отдаленным эпохам. Этому, по-видимому, немало способствует то обстоятельство, что в силу значительной устойчивости этнических черт происхождение многих из них уходит в далекое прошлое.

Особенно важное значение придается этническим самосознанием таким событиям в истории своего этноса, как переселения. Нередко на уровне обыденного (а иногда и необыденного) сознания общность происхождения фактически сводится к переселению. Подоснову этого явления, судя по всему, составляет тот реальный факт, что многие свойства той или иной группы людей, не играющие в условиях ее обычного этнического окружения роли отличительных признаков, после перемещения этой группы в новую этническую среду сразу же начинают выполнять этнодифференцирующую функцию. Впрочем, как установлено, если не все, то по крайней мере большинство этносов сложились в результате смешения различных этнических групп, как пришлых, так и автохтонных. (Таково, например, происхождение азербайджанцев, арабов, болгар, венгров, турок, осетин, черноморцев и т. д.)¹³⁵ Однако значение в формировании собственного этноса автохтонного населения его самосознание, как правило, полностью игнорирует. Более того, известно, что на уровне обыденного сознания представления об определяющих моментах в происхождении того или иного народа нередко имеют вымышленный характер.

Вместе с тем нельзя преувеличивать и этноформирующую роль общности исторических судеб людей, полагая, что в любом случае такая общность ведет к возникновению нового этноса. Ведь можно привести бесчисленное количество примеров, когда многие поколения людей были связаны (и эта связь ими осознавалась) общими историческими судьбами (находясь в рамках одного государства), но не составили одной этнической общности.

Итак, лишены оснований как отрицание значимости для всех типов этносов представления об общности происхождения их членов, так и абсолютизация самой этой общности.

Являясь одной из форм связи (на уровне обыденного сознания) между членами этнического коллектива, представление об общности происхождения, несомненно, способствует осознанию ими своего единства. И все же, сколь ни велика роль этого представления в формировании этнического самосознания, само по себе оно целиком не пред-

определяет осознания принадлежности к определенному этносу. Наряду с рассматриваемым феноменом этническое самосознание непременно включает, как уже говорилось, определенные представления о характерных структурно-пространственных свойствах этноса. При этом на уровне обыденного сознания, как правило, подразумевается существование взаимосвязи между тем или иным этническим свойством определенной группы людей и общностью их происхождения. Точнее говоря, признается, что такие свойства выражают данную общность и, стало быть, являются ее результатом. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что сравнительно недавно появившиеся у членов этноса общие черты культуры (особенно в результате заимствования) не воспринимаются обыденным сознанием как характерные этнические признаки. И, напротив, обыденное сознание, как правило, выделяет в качестве этнодетерминирующих те специфические компоненты культуры (язык, религия и т. п.), возникновение которых может быть отнесено на счет отдаленного прошлого этноса. Представление об общности происхождения налагает своеобразный отпечаток и на отражении этническим самосознанием характерной для большинства этносов действительной или мнимой антропологической однородности. Рассматривая этническое единство прежде всего как общность происхождения, как биологическое родство, обыденное сознание нередко оказывается склонным усматривать в культурной специфике этноса его характерные прирожденные черты. Этим, между прочим, и объясняется довольно распространенное совпадение этнических и расовых предубеждений¹³⁶.

Представление об общности происхождения членов этноса и своеобразное отражение его объективных свойств, будучи двумя важнейшими составляющими этнического самосознания¹³⁷, находятся в тесном взаимодействии, контролируя и дополняя друг друга. За этим явлением стоит тот реальный факт, что объективные свойства этноса, в первую очередь культурные традиции, в концентрированной форме фиксируют его исторический опыт, представляя как бы «память» о его историческом прошлом. Правда, в обыденном сознании, безотчетливо-стихийно отражающем взаимосвязь данных факторов, стереотипы, фиксирующие основные этнические свойства, как правило, органически слиты с представлением об общности происхождения. Но подчас все же детерминирующая роль последнего проступает весьма отчетливо.

В данном отношении, например, показательны некоторые материалы, касающиеся определения этнической принадлежности населения, говорящего на сербско-хорватском языке. В прошлом, да отчасти и в настоящее время, главный критерий разграничения этого населения

¹³⁶ См.: E. Francis. *Ethnos und Demos* (Soziologische Beiträge zur Völkstheorie). Berlin, 1965, S. 30.

¹³⁷ Кстати сказать, это обстоятельство открывает возможность для выявления «потенциальных» этнических свойств, относя к ним прежде всего те характерные черты этноса, которые сложились в результате общности исторических судеб его членов и сохранились на протяжении ряда поколений.

¹³⁵ См.: В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1968, № 2.

на сербов и хорватов — религиозная принадлежность: первые — православные, вторые — католики. Между тем известны группы (правда, сравнительно немногочисленные) сербов — католиков и хорватов — православных. И решающая роль в такой их этнической ориентации, несомненно, принадлежит представлению об общности происхождения (в первом случае с остальными сербами, во втором — с остальными хорватами). Впрочем, это, конечно, не исключает и наличия каких-то объективных черт культуры (помимо языковой общности), связывающих данные группы с теми этносами, к которым они себя причисляют (это тем более вероятно, что, как уже говорилось, представления об общности происхождения обычно отражают определенную общность исторических судеб). В известной степени детерминирующую роль играет представление об общности происхождения и при современном разграничении шотландцев и англичан, ибо языковые различия не дают для этого достаточно четких оснований. Представление о несколько особом происхождении оказывает немалое влияние на отграничение юрюков от остальной части турецкого народа.

Об особой этнической функции представления об общности происхождения наглядно свидетельствует и характерная для нашего времени тенденция к усилению этнического самосознания, несмотря на ослабление этнических свойств такого главного объективного их носителя, как культура. Этот «этнический парадокс» современности, на наш взгляд, в значительной мере объясняется тем, что указанное ослабление объективного основания этнического самосознания компенсируется за счет укрепления другой его составляющей — представления об общности исторических судеб членов каждого отдельно взятого этноса. Укрепление же этого представления в конечном счете — результат как почти повсеместного роста грамотности, так и вызванных научно-технической революцией кардинальных перемен в развитии средств информации (печать, радио, телевидение, кино и т. п.). Ведь тем самым и были созданы необходимые предпосылки для наблюдаемого во многих странах повышения уровня осведомленности широких масс относительно исторического прошлого своих народов, притом стихийно складывавшиеся представления об этом прошлом (типа легенд, преданий и т. п. фольклорных традиций) стали все более и более вытесняться знаниями, основанными на специальных, в значительной мере целенаправленно проводимых изысканиях. Все это не могло не способствовать усилению этнического самосознания, а соответственно и возникновению упомянутого выше «этнического парадокса»¹³⁸. (Отсюда, кстати сказать, прямо вытекает и резко возросшее в современных условиях значение историческо-этнографических знаний для развития национального самосознания.)

¹³⁸ Особенно важная роль в данном отношении, однако, принадлежит, на наш взгляд, возросшей (в результате научно-технического прогресса) взаимной информированности представителей смежных этносов о существующих между ними различиях, притом не только этнического, но и социально-экономического характера (в том числе различий в уровне жизни).

И все же следует еще раз подчеркнуть, что одного представления об общности происхождения (сколь бы основательно оно ни было подкреплено историческими сведениями) далеко не достаточно для длительного сохранения любого этноса. Если он при этом лишился своих объективных специфических черт, то его члены рано или поздно изменят свою этническую принадлежность в соответствии со вновь приобретенными ими этническими свойствами. Правда, этническая история человечества знает бесконечное число случаев, когда тот или иной этнос (или его часть), восприняв ряд детерминирующих свойств другого этноса, казалось бы, сохраняет свое прежнее сознание этнической принадлежности лишь благодаря одному представлению об особых исторических судьбах. Однако в действительности в таких случаях данное этническое образование, как правило, все же сохраняет некоторые свои традиционные черты, служащие объективным основанием для его отличия от других этносов. К тому же нередко перемена этнического самосознания затягивается искусственно, по причинам, находящимся за пределами собственно этнических явлений. Особенно затруднена смена этнической принадлежности на протяжении жизни одного поколения, поскольку соответствующие представления формируются у людей в детском возрасте. И даже если то или иное лицо официально произвело такую замену, оно почти всегда в большей или меньшей степени наряду со вновь приобретенным сохраняет элементы прежнего этнического самосознания.

Необходимо также учитывать, что объективные основания этнического самосознания могут быть сведены к общности этнокультурных черт и исторических судеб лишь в том случае, если иметь в виду этнос в узком смысле слова (этнонос). Но в действительности, как уже говорилось, наряду с «чисто» этническими (этнокультурными) общностями существуют и сложные этнические образования — этносоциальные, обладающие определенной территориальной общностью. Именно поэтому этническое самосознание опирается, в частности, на представление «о родной земле», о характерных чертах территории основного расселения этноса. Отсюда и особая сопряженность между этническими (национальными) чувствами и эмоциональным восприятием «родной природы».

Реальным основанием для таких представлений и чувств является территориальная компактность этноса. При этом, в случае если соответствующая территория имеет разнообразный ландшафт, самосознание представителей пространственно отдаленных частей одного и того же этноса может включать далеко не идентичные представления о типичных чертах «родной природы»; более того, в качестве этнических символов нередко фигурируют отдельные локальные особенности природы, характерные лишь для некоторых регионов этнической территории.

Этническое самосознание тесно связано и с сознанием государственной принадлежности (подданство, гражданство), притом эта связь не односторонняя, ибо симбиоз этноса в узком смысле слова с социально-политическим организмом (государственным образованием) имеет, как

мы видели, несколько вариантов. Когда, например, этнос и социально-политический организм совпадают, этническое самосознание и сознание государственной принадлежности обычно настолько тесно сливаются, что практически почти не различаются. Соответственно сливаются этническое чувство и чувство патриотизма. «Патриотизм,— отмечал В. И. Ленин,— одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»¹³⁹.

Если социально-политический организм включает различные этносы или на базе одного этнического массива возникает несколько государственных образований, то в зависимости от конкретной ситуации в одних случаях на передний план выступают этническое самосознание и национальное чувство, в других — сознание государственной принадлежности и патриотизм. Наиболее сильно сознание государственной принадлежности заслоняет национальное самосознание в тех случаях, когда в рамках соответствующего государства только начинается процесс складывания национальной общности на базе различных этнических компонентов.

В силу того, что в классовых обществах основные этнические подразделения (национальности), как правило, тесно сопряжены с государством, представление об общности происхождения обычно в таких обществах в значительной мере опирается на сведения о событиях, относящихся к истории этого государства. Этим, в частности, объясняется и то особое место, которое в этническом (национальном) самосознании занимают знания о политических, в первую очередь революционных и военных, традициях данного этноса (а вернее, этносоциального организма).

Этническое самосознание взаимодействует не только с территориально-политическим, но и с другими формами осознания групповой общности: прежде всего религиозной и классовой. В результате такого взаимодействия соответствующие взгляды и стоящие за ними групповые интересы оказывают значительное влияние на этническое самосознание и этнические чувства.

Религиозное сознание, религиозные интересы подобно территориально-политическим могут полностью заслонить этническое самосознание; этому немало способствует тот факт, что религиозная принадлежность выступает в качестве одного из этнических признаков в тех случаях, когда для контактирующих народов характерны религиозные различия.

Особенно сложно и многообразно воздействие на этническое самосознание классовых интересов. Ведь в классовом обществе этнические (национальные) отношения не существуют независимо от социальных отношений; приоритет же последних предопределяет и соответствующую субординацию классовых и национальных форм общественного сознания. Поэтому национальное самосознание в широком смысле слова (т. е. самосознание нации)¹⁴⁰ всегда сильно социально «ок-

рашено». Более того, его целевая направленность (представление об общенациональных задачах, идеалах) у разных классов не только обычно далеко не совпадает, но и чаще всего просто антагонистична. Вместе с тем следует иметь в виду, что в целом на национальное самосознание одновременно могут в той или иной степени оказывать влияние интересы различных, в том числе противоположных, классов и социальных групп¹⁴¹.

Если характеризовать в целом воздействие господствующих классов на национальное самосознание, то, очевидно, следует в первую очередь подчеркнуть, что главным образом под этим воздействием этническое сознание приобретает формы шовинизма и национализма. Наиболее наглядно проявляется это в капиталистическом обществе. Стремясь использовать национальные чувства в своих интересах, в частности в конкурентной борьбе, буржуазия обычно пытается представить эти интересы как общенациональные, а соответственно, и преувеличить значение национальных факторов. Вместе с тем она сама сразу же оказывается готовой поступиться действительно общенациональными интересами, как только ей становится более выгодно вступить в сделку с инациональной буржуазией.

Активная роль в формировании национального самосознания принадлежит интеллигенции. «Если буржуазия,— не без основания замечает один из современных исследователей вопроса,— непосредственно связана с экономикой, которая в многонациональных государствах не разъединяет, а, напротив, сливает нации, то интеллигенция, во всяком случае значительная часть ее, тесно связана с языком и культурой, отражающими национальное своеобразие. Ратуя за развитие родного языка и литературы на родном языке, интеллигенция служит общенациональным целям, создает базу для развития национального самосознания. При этом самосознание в той или иной степени абстрагируется от классовых противоречий в сфере производства и опирается на общенациональные элементы»¹⁴². В результате интеллигенция нередко склонна абсолютизировать общенациональные интересы, преувеличивать их значение и в этой связи выискивать особые достоинства у своей нации. В капиталистическом обществе этому немало способствует зависимость интеллигенции от буржуазии.

В конечном счете только пролетарии и их боевой авангард — коммунистические партии способны гармонически сочетать классовые и национальные интересы. Не случайно марксизм-ленинизм соединил борьбу за интересы пролетариата с освободительной борьбой угнетенных народов. Ставя при этом во главу угла классовые интернацио-

¹⁴¹ Иногда, впрочем, представления об общенациональных задачах отдельных классов и социальных групп могут совпасть. Так, например, в эпоху национальных войн 1792—1794 гг. во Франции имело место временное совпадение интересов всех классов, принадлежащих к третьему сословию. Для современных развивающихся стран, ведущих национально-освободительную борьбу, также характерно определенное совпадение с общенациональными интересами интересов патриотически настроенных слоев буржуазной интеллигенции, студенчества, некоторых групп военных и т. п.

¹⁴² В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 49.

¹³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 190.

¹⁴⁰ Об узком и широком значении слова «национальность» см. ниже, стр. 138—139.

нальные интересы трудящихся, марксисты отнюдь не чужды национальных чувств, национальной гордости, основание для которых, как указывал В. И. Ленин, составляют созданные народом материальные и духовные ценности, его революционные традиции¹⁴³. С ликвидацией эксплуататорских классов в социалистическом обществе перед рабочим классом — ведущей силой при социализме — встает задача преодоления как пережитков национальной ограниченности, так и нигилистических тенденций в национальном вопросе. Для успешного решения этой задачи при социализме создаются тем более благоприятные условия, что интересы рабочего класса совпадают и с национальными, и с подлинно национальными интересами всех трудящихся, в первую очередь такой многочисленной социальной группы, как крестьянство.

Анализируя развитие этнического самосознания и этнических чувств, следует учитывать и то, что это развитие во многом зависит от этнической ситуации, т. е. от интенсивности и характера взаимоотношений между контактирующими этносами¹⁴⁴. Особенно сильное воздействие в данном отношении, как уже говорилось, оказывается в тех случаях, когда враждующие этносоциальные организмы находятся в состоянии вооруженного конфликта. Впрочем, взаимодействие этносов не сводится к их непосредственным контактам. Оно может иметь и «надконтактный» характер, осуществляясь путем таких, не требующих непосредственного общения средств коммуникации, как печать, радио, кино и т. д.

Взаимопересекающееся воздействие различных объективных и субъективных факторов в конечном счете и обуславливает глубину этнического самосознания и сопряженных с ним чувств. Их диапазон колеблется от слабо осознанной принадлежности к определенному этносу и чувства отчужденности по отношению к представителям других этнических общностей до сильно развитого этнического чувства, заставляющего людей связывать свои личные судьбы с судьбой всего этноса (народности, нации), подчинять свои частные интересы общенациональным (общенациональным) интересам и даже жертвовать жизнью во имя этих интересов. Именно поэтому этническое самосознание может оказывать обратное влияние на породившие его факторы, что проявляется, например, в движениях за возрождение родного языка, за политическое объединение территорий, заселенных представителями одного этноса, и т. п.¹⁴⁵

И тем не менее, на наш взгляд, было бы неверно возводить этническое самосознание в ранг решающего свойства этноса, его своеобразногодемиурга. Выше мы могли убедиться, что — как и любая форма сознания — оно явление вторичное, производное от объективных факторов¹⁴⁶.

¹⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 108.

¹⁴⁴ Не случайно наиболее слабым этническое самосознание обычно бывает у населения, проживающего в глубине «своего» этнического массива.

¹⁴⁵ См.: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 48—49.

¹⁴⁶ Может, правда, показаться, что подчас принадлежность к тому или ино-

В свою очередь отсутствие этнического самосознания у группы лиц, обладающих культурной общностью, указывает на то, что в этом случае перед нами всего лишь этнографическое образование, существование которого может быть выявлено только в результате специальных исследований. Но, разумеется, грань между этнографическими и этническими подразделениями не следует абсолютизировать. Подчас этнографическая общность может со временем обрести самосознание¹⁴⁷. Например, известно, что после длительного перерыва во второй половине XIX в. этническое единство всех славянских народов вновь начинает широко осознаваться¹⁴⁸. Не менее показательны и те довольно распространенные случаи, когда этническое единство исторически сложившейся культурной общности осознается частично. Хотя носителями этнического самосознания при этом могут выступать лишь отдельные представители данной общности, однако, очевидно само существование в таких случаях этнических общностей не подлежит сомнению. К тому же в подобных ситуациях принадлежность к такому этносу любого из его членов обычно при первых же контактах (т. е. на основе объективных данных) безошибочно определяется представителями «чужих» этносов¹⁴⁹.

В целом на протяжении всей истории народов мира представляется возможным выделить три основных типа этнического самосознания: 1) этносов доклассовых обществ; 2) этносов классовых антагонистических обществ; 3) этносов однородных в классовом отношении социалистических обществ. В последних двух случаях перед нами тот тип этнического самосознания, который нередко именуют национальным. Ведь основным критерием для разграничения понятий «этническое» и «национальное» самосознание, очевидно, должны служить различия в значениях, вкладываемых в термины «этнос» и «национальность». Впрочем, как мы увидим ниже, представляется целесообразным говорить о национальности (а соответственно и на-

му этносу выбирается человеком произвольно. Например, бывает, что одно и то же лицо в одном случае относит себя к украинцам, в другом — к русским. Но это объясняется тем, что данное лицо в той или иной мере обладает объективными свойствами и украинского и русского этника. Весьма показательно, что ни к какому третьему этносу (скажем, к турецкому, французскому, японскому и т. п.) такое лицо себя никогда не причислит.

¹⁴⁷ Могут иметь место, конечно, явления противоположного характера (и это бывает довольно часто): утрата этносом самосознания.

¹⁴⁸ См. раздел «Развитие идей и программ славянской взаимности в XVIII—XX веках» в кн.: «VI Международный съезд славистов в Праге, 1968. Резюме докладов, выступлений и сообщений». Прага, 1968, стр. 421—441.

¹⁴⁹ Правда, изредка этническая принадлежность одной и той же группы людей может по-разному определяться представителями «своего» и «чужого» этноса. Но и в таких случаях обычно имеются объективные основания для такой двойственности: наличие у данной группы черт, часть которых характерна для одного этноса, часть — для другого. Примером этого могут служить жители небольшого острова Тумбату близ о. Занзибар. Соседнее население именует их ватумбату. Однако они сами называют себя ваширази подобно своим соседям (См.: Н. М. Гиренко. Этнолингвистическая ситуация на Занзибаре.— СЭ, 1972, № 5, стр. 58).

циональном самосознании) лишь применительно к этническим общностям капиталистической и социалистической (коммунистической) формаций¹⁵⁰. Но это всего лишь терминологически стадийный аспект рассматриваемого вопроса. Характеризуя же его качественную сторону, т. е. качественные различия между понятиями «этническое» и «национальное» самосознание следует подчеркнуть, что в данном случае многое зависит и от того, имеется ли при этом в виду самосознание просто национальной общности или нации. В последнем случае не менее существенно к тому же учитывать, какое содержание вкладывается в сам термин «нация»; понимается ли под ним всего лишь этнотерриториальная общность или этносоциальный (этнополитический) организм.

Имея в виду самосознание нации как этносоциального организма, нам представляется возможным присоединиться к тем авторам, которые характеризуют национальное самосознание как понятие несколько более широкое, чем собственно этническое¹⁵¹ (разумеется, в отношении своего содержания, а не в стадийном плане). В частности, национальное самосознание в таком случае включает и представления о социальных параметрах нации.

Хотя на поздних стадиях общественного развития этническое самосознание несомненно более многогранно и емко, чем на ранних, однако, на наш взгляд, было бы некоторым упрощением полагать, что оно притом и непреременно сильнее. Например, отнюдь не исключено, что самосознание племенной принадлежности может быть подчас сильнее, чем этнополитическое самосознание. К тому же этническому самосознанию не чужда иерархичность. Нередко бывает так, что наряду со слабым национальным самосознанием внутри формирующейся этнополитической общности оказывается сильнее самосознание входящих в такую общность этнических групп (например, во Франции даже еще в период абсолютизма ее жители в большей мере осознавали себя гасконцами, провансальцами, нормандцами и т. д., чем французами). Между тем если иметь в виду лишь один (высший) уровень этнической иерархии, то может показаться, что в периоды перехода к новой этнической структуре этническое самосознание полностью, или по крайней мере почти полностью, исчезает¹⁵². А отсюда легко сделать ошибочный вывод об отсутствии в данный период и этноса вообще. В конечном же счете это может послужить поводом для заключения о существовании даже после возникновения классовых обществ своего рода «безэтнических периодов».

¹⁵⁰ Подробнее см. ч. I, гл. 6.

¹⁵¹ М. И. Куличенко. Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу и современность, стр. 17.

¹⁵² Такое впечатление невольно оставляют случаи, когда, характеризуя историческое развитие национального самосознания, обходят молчанием тот факт, что в момент своего зарождения этническое самосознание обычно гораздо отчетливее проявляется у этносов более низкого таксономического уровня (см.: например: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 48—49).

Как объективные основания этнического самосознания, так и его содержание далеко не тождественны на разных этапах общественно-исторического процесса. Одно дело, когда оно отражает, скажем, племенную общность, насчитывающую лишь сотни, а то и десятки людей, другое — когда оно относится к современным многомиллионным нациям. При этом речь идет прежде всего о качественных различиях. Если, например, в первом случае в представлении об общности происхождения главная роль принадлежит мифам и преданиям, то во втором — сведениям, хотя и являющимся также достоянием массового обыденного сознания, но полученным преимущественно в результате специальных научных изысканий (прежде всего в области этнографии и истории). Совершенно различны, разумеется, в рассматриваемых случаях и представления о детерминирующих свойствах общностей, что прежде всего отражает объективный процесс изменения этих свойств. Однако рассмотрение самого этого процесса уже выходит за рамки настоящей главы.

ЭНДОГАМИЯ КАК «СТАБИЛИЗАТОР» ЭТНОСА.
ЭТНОС И ПОПУЛЯЦИЯ

Слагаясь из множества различных и относительно самостоятельных компонентов, этнос тем не менее представляет, как правило, достаточно устойчивую целостность. И это неизбежно выдвигает вопрос: каким образом обеспечивается его стабильность? Очевидно, ответ на него не может быть однозначным, ибо сохранение устойчивости этноса связано с целым рядом факторов. Среди них, однако, для механизма стабилизации этноса особое значение, на наш взгляд, имеет эндогамия¹ в широком смысле слова², понимаемая как преимущественное заключение браков внутри своей общности³.

Что касается основных этносоциальных ячеек первобытного общества — племен, то их эндогамность, кажется, общепризнанна. И это признание не могут поколебать ссылки на отдельные случаи адаптации родоплеменными организациями иноплеменников и на межплеменные браки⁴, ибо хорошо известно, что в общественной жизни (как и в природе) ни одно явление не выступает в чистом виде. Тенденция к преимущественному заключению браков внутри своей общности прослеживается и в раннеклассовых обществах. К примеру, в Афинах

¹ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и эндогамия. — СЭ, 1969, № 6, а также материалы обсуждения этой статьи (СЭ, 1970, № 3).

² В узкоспециальной трактовке эндогамия — обычай, запрещающий заключение браков за пределами определенной общественной группы.

³ Иначе говоря, в данном случае термину «эндогамия» придано буквальное значение: «эндо» по-гречески — внутри, «гамос» — брак, т. е. брак внутри группы. В ходе обсуждения в Институте этнографии АН СССР нашей статьи «Этнос и эндогамия», правда, были высказаны сомнения относительно правомерности употребления термина «эндогамия» в прямом смысле слова (см.: СЭ, 1970, № 3, стр. 90, 93, 96). Эти сомнения подкреплялись в первую очередь ссылками на непривычность предлагаемого значения термина «эндогамия», а также предпочтительность однозначности каждого термина. Однако, как известно, история науки знает бесчисленное множество примеров, когда для обозначения явлений, ранее остававшихся вне поля зрения исследователей, начинали употреблять в новом значении слова, уже давно имевшие сложившуюся семантику. При этом практика обычно довольно быстро делала новую семантику привычной. И в этом отношении сама дискуссия на тему «Этнос и эндогамия», несомненно, способствовала упрочению широкой трактовки термина «эндогамия». Показательно, что в ее ходе многие выступавшие и даже те, кто возражал против такой трактовки термина эндогамия, употребляли его именно в широком значении.

⁴ Так, специальное обследование показало, что у аборигенов Австралии браки, заключаемые между племенами, составляли в среднем 15% (N. B. Tin-dale. Tribal and inter-tribal marriage among the Australian aborigenes. — Human Biology, 1953, vol. 25, p. 169—190).

при Перикле (V в. до н. э.) запрещение заключать браки с «варварами» было оформлено в виде специального закона⁵.

Но если представление об эндогамности сравнительно небольших этнических общностей, в первую очередь племен, звучит довольно привычно, то тезис о брачной замкнутости крупных этносов, этносоциальных организмов, таких как, например, современные нации, может показаться достаточно неожиданным. Стало быть, он нуждается в специальной проверке. А это представляется вполне возможным, ибо для современных этносов в ряде случаев мы располагаем данными, позволяющими измерить соотношение внутриэтнических и межэтнических браков.

В интересующей нас связи, очевидно, особенно показательны статистические материалы, относящиеся к регионам, где процессы этнического смешения протекают сравнительно интенсивно.

Один из таких регионов представляет Югославия — многонациональная страна, населенная близкими по языку и культуре народами. Согласно югославской статистике, у славянских народов страны в 1961 г. однонациональные браки на территории их основного расселения составляли в среднем от 87% (мужчины-черногорцы в Черногории) до 97,3% (мужчины-словенцы в Словении) всех заключенных браков⁶.

Примером другого региона со смешанным в национальном отношении населением может служить Северный Кавказ. Для этого региона мы располагаем материалами, относящимися к 1963 г. Они свидетельствуют, что карачаевцы заключили в среднем около 95% однонациональных браков, осетины — около 94%, адыгейцы — около 93%, черкесско-абазинская группа, консолидирующаяся в одну народность, а также ногайцы — около 90%⁷.

В регионах, где процессы этнического смешения менее интенсивны, удельный вес однонациональных браков, естественно, еще более значителен. Так, в 1925 г. мужчины-русские на территории европейской части РСФСР заключили 99,1% однонациональных браков, мужчины-белорусы в БССР — 98%, мужчины-украинцы в УССР — 96,9%, мужчины-татары и мужчины-башкиры в РСФСР — 97,9%, мужчины-марийцы в РСФСР — 97,5% и т. д.⁸

Одним словом, в современных условиях этносы обычно на 85—90% эндогамны. А этот факт сам по себе весьма показателен, поскольку нарушение эндогамии в пределах 10—15%, как правило, не сопряжено для этноса со сколько-нибудь заметными и притом немедленными последствиями. Насколько значительными для данного этноса окажутся последствия этих 10—15% смешанных браков, зависит прежде всего от того, какая доля детей, рожденных в таких браках, сохранит

⁵ В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 315.

⁶ «Demografska statistika za 1961». Beograd, 1964.

⁷ Я. С. Смирнова. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии. — СЭ, 1967, № 4, стр. 140; сб. «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968, стр. 290.

⁸ «Национальная политика ВКП(б) в цифрах». М., 1930, стр. 41.

принадлежность к нему. Но даже если допустить, что все дети будут причислены к другой этнической общности, то при условии 10% межэтнических браков и при «простом» воспроизводстве потомства для сокращения данного этноса наполовину потребуется не менее 5—6 поколений, т. е. по крайней мере лет 100—150. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что если 50% детей, рожденных в смешанных браках, сохраняют принадлежность к данному этносу, то при «простом» воспроизводстве потомства заключение таких браков не отразится на численности данного этноса⁹ (объясняется это тем, что при межэтнических браках их число для данного этноса как бы удваивается: так, если 50 мужчин и 50 женщин данного этноса могут заключить лишь 50 «одноэтнических» браков, то с представителями других этнических групп они же могут заключить 100 браков). Поэтому же если, например, 75% детей, рожденных в смешанном браке, будут постоянно выбывать из данного этноса, то при 10% таких браков потребуется для его сокращения наполовину смена не менее 10 поколений.

Следует также иметь в виду, что из двух этносов, представители которых вступают в смешанные браки, обычно увеличивается тот, для которого характерно численное преобладание в соответствующем регионе. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют собранные (под руководством Л. Н. Терентьевой) группой сотрудников Института этнографии АН СССР в столицах Прибалтийских республик материалы об определении национальной принадлежности по достижении шестнадцатилетнего возраста лицами, рожденными в национально-смешанных семьях. Из этих материалов, относящихся к 1960—1968 гг., следует: 1) национально-смешанные браки представителей коренной национальной группы не превышают 10% всех заключенных браков (от 4,6% в Таллине до 7,4% в Риге), 2) свыше 50% детей, рожденных в смешанных семьях, в которых один из родителей — представитель основной для соответствующей республики национальности, избирали национальность именно этого родителя (в Вильяндере — 52%; в Риге — 57%; в Таллине — 62%), 3) более 60% детей, рожденных в смешанных семьях, в которых один из родителей русский (т. е. представитель второй по численности национальности), а другой — представитель остальных не основных для данной республики национальностей (украинец, белорус, поляк, еврей), определились как русские (например, в Риге: в русско-украинских семьях — 74,7%; в русско-белорусских — 80,5%; в русско-польских — 75,0%; в русско-еврейских — 93,3%)¹⁰.

Существенным подтверждением важной роли эндогамии в сохранении устойчивости этноса может служить то обстоятельство, что значительное нарушение эндогамии неизбежно влечет за собой в ко-

печном счете коренную его модификацию (вплоть до полного исчезновения). Ведь общеизвестно, что как раз смешанные браки являются одним из основных инструментов формирования новых этносов на основе синтеза двух или нескольких этнических общностей. При этом, с одной стороны, происходит как бы прорыв эндогамности каждой из синтезирующихся общностей, с другой — они вместе как бы охватываются новым эндогамным кругом. Так, уже упоминавшийся процесс консолидации абазинцев и черкесов в одну народность получил, в частности, выражение в том, что в 1963 г. смешанные браки между ними достигли 26,8% (абазилы с черкешенками)¹¹; в целом же черкесско-абазинская группа, как уже говорилось, заключила с представителями других народов не более 10% всех браков. О роли прорыва эндогамии в формировании новых этнических общностей наглядно свидетельствуют также материалы по истории образования народностей в раннесредневековой Западной Европе. Из них следует, что заметные сдвиги в процессе образования этих народностей сопровождались в VII—VIII вв. во всех варварских королевствах отменой запретов на заключение смешанных браков¹². Еще одной не менее яркой иллюстрацией того же явления могут служить этнорасовые смещения в Латинской Америке, сыгравшие здесь огромную роль в формировании большинства современных наций. Так, в Бразилии в результате заключения межрасовых браков менее чем за 100 лет (с 1819 по 1910 г.) удельный вес лиц смешанного происхождения (главным образом мулатов) возрос с 20 до 60% общей численности жителей¹³.

О значении эндогамии в жизни этнических общностей свидетельствуют и процессы этнической ассимиляции. Весьма характерно, например, что именно брак выступает в качестве одного из наиболее радикальных путей включения в этнос «чужеродных элементов». Ведь обычно первое поколение лиц, поселившихся в другой этнической среде, сохраняет свою прежнюю этническую принадлежность на протяжении всей жизни, и, как правило, лишь их дети и внуки, особенно рожденные в смешанном браке, могут рассчитывать на сравнительно быструю и полную адаптацию. (Впрочем, и в этих случаях смена этнической принадлежности зависит от самых различных факторов.)

Весьма показательно также, что при этнической ассимиляции в массовых масштабах удельный вес смешанных браков у поглощаемого этноса обычно значительно выше, чем у этноса, выступающего в роли ассимилятора¹⁴.

¹¹ Я. С. Смирнова. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесия, стр. 140.

¹² См.: А. Р. Корсунский. Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе.—«Средние века», вып. 31. М., 1968, стр. 128.

¹³ В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 350—351.

¹⁴ В ходе дискуссии на тему «Этнос и эндогамия» С. А. Арутюновым обращено внимание на то обстоятельство, что «при любом проценте смешанных браков, если их потомство распределяется поровну между вступающими этносами, этнос не убывает». На этом основании он заключает, что «дело не в % смешанных браков, а в социальной обусловленности этнического выбора у по-

⁹ Подробнее см. прим. 14 на стр. 117, 118.

¹⁰ См.: Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.—СЭ, 1969, № 3, стр. 20—30.

Иными словами, этнос-ассимилятор почти сохраняет эндогамию.

Приведенные материалы, очевидно, позволяют прежде всего констатировать, что прорыв эндогамии того или иного этноса обычно сопровождается либо включением данного этноса в эндогамную систему той этнической общности, которая выступает его основным брачным партнером¹⁵, либо возникновением нового, более широкого эндогамного круга, как бы объединяющего два взаимосвязанных брачными отношениями этноса. Из сказанного также следует, что если, с одной стороны, эндогамия оказывается присущей этносу с момента его зарождения, то, с другой, значительное нарушение эндогамии этноса — предвестник его разрушения¹⁶.

Таким образом, тесная взаимосвязь эндогамии и этноса, очевидно, не подлежит сомнению.

Но самой по себе констатации такой взаимосвязи, разумеется, еще недостаточно для выяснения самого механизма функционирования эндогамии. С этой целью надлежит прежде всего обратиться к рассмотрению факторов, образующих границы эндогамии. В качестве таких факторов могут выступать как природные, так и общественные явления. В первом случае роль изолирующего фактора выполняют горы, леса, реки, пустыни и тому подобные естественные преграды, а также просто отдаленность одного этноса от другого. Эти естественные рубежи особенно существенное значение имели на ранних этапах истории общества¹⁷. С увеличением плотности населения и развитием средств связи их значение постепенно снижалось. Что касается общественных этноизолирующих факторов, то одним из них в данном отношении постоянно принадлежала существенная роль, у других — она не оставалась неизменной. К числу первых, конечно, следует отнести прежде всего язык, издревле выступающий серьезной помехой для межэтнических браков. Не случайно двуязычие населения, снимая этот барьер, существенно облегчает заключение таких браков.

Однако вопрос этот, на наш взгляд, несколько сложнее. Действительно, в указанном случае формально количественное соотношение обоих взаимобрачающихся этносов остается тем же. Но при этом не следует забывать, что основным показателем сохранения этого соотношения выступает такой субъективный показатель, как этническое самосознание. Между тем вследствие смешанных браков неизбежно усиливается взаимная диффузия характерных свойств брачащихся этносов. В результате удельный вес традиционных (этнических) свойств у каждого из этих этносов объективно все же убывает. При этом масштабы такого рода последствий смешанных браков для этноса, разумеется, тем значительнее, чем выше удельный вес таких браков. А поскольку он всегда выше у меньшего из двух взаимобрачающихся этносов, именно этот этнос вследствие повторяющихся смешанных браков при прочих равных условиях обычно подвергается ассимиляции.

¹⁵ В тех случаях, когда в роли подобных партнеров выступают более многочисленные этносы.

¹⁶ Однако и при сохранении этносом эндогамии не исключена возможность коренной его модификации, включая появление нового этнического самосознания.

¹⁷ См.: П. И. Кушнер (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. — *Тр. Ин-та этнографии АН СССР*, т. XV. М., 1951, стр. 21.

Из общественных факторов, играющих на разных исторических этапах далеко не одинаковую роль в установлении эндогамных барьеров, в первую очередь необходимо назвать государственные границы. Со временем их фиксация становится значительно более четкой, а охрана более совершенной, вследствие чего они превращаются в существенное препятствие для заключения браков между разделенным им населением. Впрочем, если на процессы образования этносов политические, как и природные, рубежи могут оказать немалое влияние, то на уже сложившиеся этносы воздействие этих «внешних» по отношению к ним факторов обычно сказывается далеко не сразу¹⁸.

Среди же «внутриэтнических» факторов помимо языка очень существенную роль в формировании границы эндогамии может играть религия. Определенное влияние на эндогамность этноса могут оказывать также самые различные сферы общественной жизни: те или иные элементы культуры и быта, обряды, обычаи (особенно эндогамные ограничения и запреты), законодательство, стереотипы поведения, внешний облик (в том числе расовые различия), представления о красоте и т. п. Несомненно, особенно важно в интересующем нас отношении значение этнического сознания, в том числе самоопределения этнической принадлежности. Важную роль также играет государственно-политическая принадлежность — гражданство (подданство), подчас совпадающее с этнической принадлежностью.

Обычно если не все, то по крайней мере многие из указанных факторов в своей совокупности и создают эндогамный барьер каждого этноса, отделяющий его от других этносов. При этом на одном из рубежей, в одной зоне соприкосновения данного этноса с другим в качестве основного барьера может выступать язык, на втором этническом рубеже того же этноса — религия, на третьем — государственная граница и т. д.¹⁹ В целом же все эти факторы образуют как бы замкнутый круг. И чем большее число их одновременно составляет эндогамную границу, тем, разумеется, она резче.

Действие эндогамии как своеобразного «стабилизатора», «защитного механизма» этноса связано с тем, что замкнутость круга брачных связей обеспечивает ему сохранение семей однородного этнического состава.

Между тем, как правило, именно семья в большинстве обществ выступает в качестве важнейшего канала передачи традиционной культурной информации (как и овековеченных результатов ее реализации в прошлом). В результате, сохраняя этническую однородность семей внутри этноса, эндогамия тем самым обеспечивает поколенную преемственность характерной для него специфики культуры. При этом эндогамия одновременно выступает как фактор культурного обособления данного этноса от других этносов.

¹⁸ Показательно, что при рассечении этноса политической границей обе его части обычно образуют отдельные замкнутые в брачном отношении единицы, т. е. как бы регенерируют эндогамный барьер.

¹⁹ Например, хорваты в Австро-Венгрии были отграничены от венгров и немцев преимущественно языковым барьером, от сербов — религиозным.

Однако значение эндогамии для сохранения устойчивости этноса не сводится лишь к простому воспроизводству этнической специфики и оградительной функции. Она оказывает также внутреннее интегрирующее воздействие на составляющие этнос компоненты. Заклочение из поколения в поколение браков в пределах замкнутой в брачном отношении общности людей неизбежно влечет за собой усиление единообразия в самых различных сферах ее культуры.

Наконец, еще одно важное последствие эндогамии для этноса. Как и брак, эндогамия не только социальное, но и биологическое явление. И в силу этого она выступает в качестве своеобразного генетического барьера этноса. В свою очередь это обуславливает наличие у каждого этноса сопряженности с ним популяции²⁰. При этом чаще всего такого рода популяции сопряжены лишь с этносоциальными организациями, ибо для функционирования целостной популяции необходима единая территория; оценка в пределах такой территории популяции может быть образована и дисперсным этносом.

Как известно, популяции — иерархическое явление. Это проявляется в наличии внутри сопряженных с этносами популяций общностей (субпопуляций), обладающих эндогамией. В частности, в такой роли могут выступать отдельные социальные группы. Более того, подчас заключение браков в таких группах имеет характер почти полной эндогамии. Среди различных социальных групп одной из наиболее ярких иллюстраций этого может служить эндогамия индийских каст. Эндогамией обычно обладают и конфессиональные общности, поскольку почти все религии относятся негативно к бракам с инаковерующими. Это характерно как для мировых религий, так и для отдельных вероисповеданий и религиозных сект (например, мусульман-суфнитов, синхов, старообрядцев и т. д.). В то же время в остальных социальных общностях эндогамия, если и имеет место, то обычно не проявляется столь резко. Поэтому эндогамность таких общностей отнюдь не исключает существования внутри этноса определенной непрерывности брачных связей²¹.

²⁰ Мы говорим о сопряженности этноса и популяции, поскольку социальные и биологические последствия эндогамии далеко не всегда полностью совпадают. В результате выделяемые эндогамией социальная (этнос) и генетическая (популяция) общности оказываются лишь в большей или меньшей мере сопряженными друг с другом. Наглядным примером этого могут служить черы США, обладающие высокой степенью эндогамности, поскольку смешанные и расовые отношения семьи представляют очень редкое явление (официальные браки между неграми и белыми — исключение), и в то же время слабо изолированные в генетическом отношении, о чем свидетельствует высокий процент мулатов.

²¹ Правда, в ходе дискуссии на тему «Этнос и эндогамия» было высказано мнение, что, например, в России XVII в. феодальные границы препятствовали заключению браков между территориальными группами (см.: СЭ, 1970, № 3, стр. 93). Однако это мнение явно не учитывает, что этносы существуют на протяжении целого ряда поколений и, следовательно, рассматривая брачную непрерывность в этническом плане, отнюдь не следует ограничиваться одним-двумя поколениями. Между тем хорошо известна значительная подвижность границ феодальных владений: обычно даже на протяжении жизни одного собственника они не оставались неизменными (как вследствие войн, так и

В качестве внутренних подразделений сопряженных с этносом популяций чаще всего выступают территориальные единицы (в первую очередь поселения), для которых характерен значительный удельный вес эндогамных браков (кроме, конечно, экзогамных общностей). Однако для большинства этих единиц эндогамность обычно все же далеко не абсолютна. Это особенно ярко проявляется в наши дни, когда резко возросли межтерриториальные контакты. Но и в прошлом, как правило, значительная часть брачных связей охватывала жителей нескольких соседних поселений²², создавая своеобразную брачную непрерывность. Исключение в данном отношении представляют лишь изоляты. Для них характерна высокая степень эндогамной замкнутости, составляющая обычно не менее 90% всех браков. При этом если изоляты оказываются сравнительно устойчивыми, то они неизбежно приобретают определенные этнические свойства. В таком случае это как бы субэтносы основного этноса, представляющие или еще не до конца отделившиеся от него части, или остатки еще не полностью ассимилированной другой этнической группы. В такой роли могут выступать и территориальные (например, так называемые этнографические группы) и социальные изоляты (например, касты). При этом такого рода черты либо следствие эндогамии данной общности, либо сама эндогамия — результат того, что таковая общность изначально представляла собой этнос.

Разумеется, и другие «микрорасулы», находящиеся в пределах этноса, могут иметь свою, хотя и слабо выраженную, специфику этнического характера. Но интенсивность эндогамных границ этих внутренних субструктур неизменно слабее, чем у субэтносов-изолятов, а тем более у самого этноса. И если не считать социальных и территориальных изолятов, именно этносы (особенно в пределах «своего» социального организма) обладают во всей иерархии эндогамных границ наиболее резкими рубежами, отчетливо выделяющими его от других подобных общностей, даже если он расположен чересполосно с ними.

Как уже говорилось, каждой популяции присуща тенденция к усилению однородности генетического фонда. Это характерно и для сопряженных с этносами популяций, в которых относительно замкнутый круг брачных связей обычно открывает возможность для вырав-

различных дарений, продаж, закладов и т. п.). А такое изменение границ, естественно, перемещало социальные барьеры, препятствующие заключению браков между жителями соседних селений. К тому же не следует абсолютизировать и непреодолимость самих социальных барьеров.

²² Так, по данным В. К. Жомовой, в конце XIX в. в одном из сел Подмосковья (с. Угрюмово Серпуховского у.) лишь 20% браков заключалось в том же селе, а около 70% — в соседних селах, расположенных в радиусе 10 км (В. К. Жомова. Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении. — Вопросы антропологии, вып. 21, 1965, стр. 112). Правда, В. К. Жомова указывает и на примеры, когда эндогамность браков в одном селении достигала 80% (там же, стр. 111—113). Но, по ее собственному признанию, она сбросила со счета все случаи, когда заключение брака с представителем другого селения сопровождалось переездом в него. Стало быть, в рассматриваемых примерах эндогамные браки составляли не 80%, а лишь около 2/3 всех браков.

ивания антропологических различий. Но интенсивность подобных процессов зависит от самых различных факторов, прежде всего от численности популяции, от длительности ее существования (количества сменившихся поколений), от степени проницаемости ее внешнего генетического барьера и внутренних (междомных), в том числе социальных, перегородок.

Для сколько-нибудь значительных антропологических сдвигов в рамках больших популяций требуется смена многих и многих десятков поколений. Между тем немалая часть сопряженных с этносами популяций существует гораздо меньшее время, чем то, которое необходимо для таких сдвигов. В результате генетические последствия эндогамии у большинства этносов не привели к созданию общего генофонда²³. Например, если у японцев указанный процесс привел к созданию своеобразного антропологического типа, то у немцев, французов, итальянцев этот процесс не дал подобных результатов.

Взаимосвязь между этносом и популяцией уже не раз отмечалась в специальной литературе. Более того, существует точка зрения, будто бы популяция составляет основу этноса. В нашей литературе это представление развивается, как известно, Л. Н. Гумилевым. Вот как он это обосновывает: «Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда и нет». «Вынести за скобку, — подчеркивает он далее, — мы можем только одно — признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие другие». И отсюда делается вывод: «поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую или биологическую реальность». Однако остается непонятным, почему «повсеместность» делает эту «некую реальность» физической или биологической. Напротив, антитеза «мы» — «они» обычно как раз основана в первую очередь на этнокультурных различиях. Притом, поскольку признаки этноса представляют целостную систему, в одном случае на передний план в качестве решающего отличительного признака может выдвигаться один, в другом — иной компонент этноса. Сводя сущность этноса к «физической или биологической реальности», Л. Н. Гумилев в конечном счете отождествил его с популяцией²⁴.

Между тем в действительности сопряженная с этносом популяция — сама явление производное от него, от тех факторов, которые образуют эндогамию этноса, а это в основном социальные факторы. Таким образом, не популяция — основа этноса, а социальные факторы, образующие этнос (этническое самосознание в том числе), ведут к

появлению сопряженной с ним популяции, т. е. перед нами картина, прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев. Поскольку роль социальных явлений в жизни общества, человечества в целом все более и более возрастает, естественно, социальные факторы начинают играть все большую и большую роль в образовании популяций.

Это отнюдь не исключает «обратной связи» между популяцией и этносом, биологическим и «внебиологическим». Но не она является в данном случае первичной и детерминирующей. Поэтому далеко не каждая популяция есть этнос. Наоборот, каждый этнос сопряжен со «своей» популяцией, что кстати сказать, свидетельствует еще об одной функции этого многогранного феномена.

Правда, «свои» сопряженные популяции имеют и многие другие социальные общности, например социально-политические организации (государства). Однако у них эта связь с популяцией гораздо менее устойчива, чем у этноса. Это объясняется тем, что среди социальных общностей (за исключением некоторых кастовых и религиозных общностей) этнос наиболее стабильное образование. Отсюда в свою очередь проистекает особое значение для судеб этнических общностей их демографических параметров, таких как рождаемость, смертность, естественный прирост, возрастной состав и т. д.²⁵ Именно в этой сфере наиболее отчетливо проявляется взаимодействие этноса и популяции.

По мнению В. И. Козлова, большинство факторов, определяющих особенности естественного воспроизводства населения, т. е. биологического в своей подоснове явления, либо непосредственно связаны с этносом (через народную культуру, быт и традиции), либо, что бывает гораздо чаще, связаны с ним косвенным путем (через антропологические особенности, природные условия этнической территории, специфику хозяйственной деятельности, религию и т. п.). Подобные связи четче проступают на докапиталистических и раннекапиталистических стадиях социально-экономического развития, которое само часто облекалось в этническую (национальную) форму, но они могут быть обнаружены и на более поздних стадиях развития. Даже факторы, не имеющие на первый взгляд никакой связи с этносом, например единая политика народонаселения в масштабах всего многонационального государства, преломляясь через традиционную культуру и быт отдельных народов, через особенности этнической психологии, могут приобрести в своем воздействии этнический аспект²⁶.

Но, разумеется, эта взаимосвязь «внебиологических» и биологических явлений на уровне этноса²⁷ не должна заслонять от

²³ Именно поэтому грубо ошибочным является понимание О. Бауэром нации как общности, связанной кровным родством, «общей кровью» (О. Бауэр. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, стр. 117).

²⁴ Л. Н. Гумилев. О термине «этнос». — Доклады Географического общества СССР, вып. 3. Л., 1967, стр. 5, 14.

²⁵ Известно немало случаев, когда из-за резкого увеличения смертности в результате эпидемий, войн, голода и других подобных причин исчезали целые народы. Это явление особенно резко проявилось в период колониальных завоеваний. Так, в 1876 г. умерла последняя тасманийка.

²⁶ В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 366.

²⁷ К рассмотрению некоторых аспектов этой взаимосвязи нам еще предстоит вернуться ниже.

нас его принципиального отличия от сопряженной с ним популяции. Оно особенно наглядно проявляется в модусах их воспроизводства²⁸. В популяции это воспроизводство осуществляется путем передачи генетической информации по наследству от поколения к поколению через ДНК половых клеток²⁹. Механизм же воспроизводства этноса, как мы уже могли убедиться, основан на коммуникативных «внебиологических» связях.

²⁸ С другой стороны, характерно, что в рамках классово-профессиональных групп зависимость естественного воспроизводства от «внелиологических» факторов проявляется нередко более отчетливо, чем на уровне этноса. Так, показатели рождаемости и смертности у групп людей, входящих в один и тот же народ, но отличающихся своим классово-профессиональным положением, расселением, образованием и т. д. могут различаться сильнее, чем у этнически разнородных групп, имеющих сходное социально-экономическое положение (В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 366).

²⁹ См.: С. А. Арутюнов, Н. И. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — «Расы и народы», 2. М., 1972, стр. 15.

ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Этническая структура человечества чрезвычайно сложна. Это проявляется как в обилии форм существования этноса, вариантов этнических общностей, так и в их иерархичности. Однако для обозначения всего этого типологического многообразия используется весьма ограниченный арсенал символов (терминов). В результате нередко различные исследователи употребляют одни и те же термины для обозначения типологически различных этнических явлений. Этим, в частности, во многом обусловлены те расхождения, которые отчетливо проявились в ходе недавних дискуссий, посвященных характеристике этнических общностей в целом и их отдельных типов¹.

Следует иметь в виду и то, что существующие классификации этнических общностей обычно ограничиваются лишь указанием на основные последовательно сменяющиеся типы этноса, оставляя, как правило, в тени вопрос о всем многообразии его одновременно сосуществующих форм.

Таким образом, совершенно очевидна настоятельная необходимость как более четкого семантического разграничения уже имеющихся терминов, так и введения новых.

Во-первых, представляется целесообразным терминологически разграничить различные уровни этнической иерархии. Для этой цели предлагается ввести следующие понятия²: а) «основные этнические подразделения» — совокупности людей, обладающие наибольшей интенсивностью этнических свойств; б) «элементарные этнические единицы», или «микроразноэтнические единицы», — те наименьшие составные части основного этнического подразделения, которые представляют предел делимости последнего; в) «макроразноэтнические единицы» — этнические общности, охватывающие несколько основных подразделений^{2а}.

¹ Особенно показательна в данном отношении дискуссия о понятии «нация», развернувшаяся в 1966—1968 гг. на страницах журнала «Вопросы истории». См. также дискуссию о понятии «этнос» в журнале «Советская этнография» за 1967—1972 гг.

² Ср.: В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, стр. 40—41.

^{2а} Кроме того, могут быть выделены «промежуточные этнические подразделения», или «субэтносы», — культурные общности, у которых этнические свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем у основных этнических подразделений, и которые являются их составными частями.

Во-вторых, как мы могли уже убедиться, необходимо строго разграничивать понятие «этнос» в узком значении слова (этникос) и понятие «этносоциальный организм» (эсо)³.

Аналогичные разграничения следует проводить и на всех остальных уровнях этнической иерархии, различая этнические и социально-этнические микроединицы и макроединицы.

В-третьих, необходимо дифференцировать этническую номенклатуру в историко-стадиальном плане, в зависимости от принадлежности этнической общности к той или иной социально-экономической формации или к группе формаций.

В-четвертых, следует напомнить, что мы условились разграничивать «этнические» и «этнографические» общности прежде всего на основе такого показателя, как наличие или отсутствие этнического самосознания.

В-пятых, при классификации этнических общностей (особенно при разграничении основных подразделений и макроединиц) следует учитывать, обладают ли такие общности единством, внутренней культурной однородностью или лишь этнической близостью, представляя по существу ассоциацию нескольких близких по своей культуре этносов.

Наконец, представляется существенным еще раз подчеркнуть, что понятие «этническая общность» мы прилагаем ко всем подразделениям этнической иерархии (начиная с этнической группы), термин же «этнос» именуем лишь основным этническим подразделением.

Приступая после всех этих предварительных замечаний к непосредственному рассмотрению интересующей нас проблемы, начнем с вопроса об основном этническом подразделении в нашей литературе. Известно, что в качестве такого подразделения в нашей литературе обычно называется «племя». Однако в последнее время эта традиционная точка зрения поставлена под сомнение. Высказывается, например, мнение, что «отдельное племя со свойственными ему социальными институтами представляет скорее одну из ранних форм социальной организации, а не самостоятельную этническую общность». Соответственно делается вывод, что «основными типами этнических общностей эпохи первобытнообщинного строя были, вероятно, группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладавших многими общими особенностями культуры». Это точка зрения Н. Н. Чебоксарова⁴, ее разделяет и С. А. Арутюнов⁵.

Примерно такого же характера возражения против отнесения племени не только к основным этническим подразделениям, но и вообще к этническим формированиям приводит В. Ф. Генинг. Он ссылается

на то, что в понятии племени «определяющей остается система организации власти»⁶.

Для племени действительно характерно осуществление функций власти. На этот широко засвидетельствованный этнографией факт обратил внимание Ф. Энгельс. Он, в частности, отмечал наличие у племени военачальника или верховного вождя, парадного собрания, совета старейшин и т. п.⁷ Этот аспект функционирования племени, как уже отмечалось, условно может быть назван «социально-потестарным»⁸. Но у племени есть и другая, важная и также отмеченная еще Энгельсом, сторона. По Энгельсу, племя характеризуется определенной общностью диалекта, общими религиозными представлениями (мифологией), обрядами и собственным именем⁹. Очевидно, что перед нами собственно этнические свойства племени. Таким образом, племя одновременно и социально-потестарная и этническая общность. А это значит, что оно представляет собой этносоциальное образование.

Но в таком случае остается вопрос: какое место в иерархии этносоциальных общностей принадлежит племени? Решение этого вопроса в свою очередь зависит от определения того, какую из основных социальных единиц первобытности — род или племя — следует считать социальным организмом. Выше нами отдано предпочтение племени¹⁰. К сказанному остается лишь добавить, что род не может рассматриваться как социальный организм, поскольку в силу экзогамности его «внешняя» независимость весьма ограничена¹¹. Племя, напротив, обладает не только внутренним единством, но и определенной «внешней» независимостью (особенно до образования союзов племен), обеспечиваемой его потестарными функциями. Это и позволяет считать именно племя социальным организмом первобытнообщинной формации. Но так как племя в то же время и этническое подразделение, очевидно, есть достаточно оснований рассматривать его в качестве этносоциального организма (эсо).

Необходимо, однако, сразу же подчеркнуть, что в данном случае речь идет о племенах развитого первобытного общества. Они охарактеризованы Ф. Энгельсом на материалах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему возникновению классов у американских индейцев, древних греков, римлян и германцев. Но, как известно, в этнографической литературе племенем подчас именуют также общности, не обладающие необходимыми для социальных организмов атрибутами¹². Примером их могут служить австралийские

⁶ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, стр. 59.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 92—95; 105—106; 126—127; 142—149.

⁸ Подробнее об этом см. выше, в главе 1.

⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 92—95; 105—106; 126—127; 142—149.

¹⁰ См. выше, стр. 15.

¹¹ Подробнее об этом см. ниже, стр. 129.

¹² См.: Д. А. Ольдерогге. О некоторых этнолингвистических проблемах Африки. — «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, стр. 138—140.

³ См. ч. I, гл. 2.

⁴ Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1967, № 4, стр. 101.

⁵ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — «Раса и народы», 2, М., 1972, стр. 23.

племена. Представляя собой совокупность экзогамных родов или групп, связанных общими чертами культуры и сознанием общего происхождения, такие племена обычно не имеют единых органов власти¹³. Ссылаясь на это обстоятельство, а также на некоторую неустойчивость подобных образований, отдельные исследователи предпочитают даже говорить в данной связи не о племенах, а лишь об этнических общностях¹⁴. Действительно, перед нами этнические, а не потестарные единицы. Но думается, что все же нет оснований отказываться от наименования их племенами. Правда, это всего лишь племена-этнокосы, не превратившиеся еще в племена-эсо. Однако в нашем распоряжении есть прямые этнографические свидетельства о возможности подробного превращения. Примером этого могут служить, в частности, австралийское племя диери и племена Западной Виктории. Так, у диери, в отличие от подавляющего большинства других австралийских племен, уже появились подобие общеплеменного совета из главарей отдельных родов и общеплеменной главарь, власть которого еще основывалась преимущественно на личном авторитете, но уже становилась наследственной¹⁵.

Таким образом, племена-этнокосы, очевидно, представляют раннюю стадию племенной организации¹⁶. А если это так, то они могут рассматриваться в качестве самостоятельных этнических подразделений ранней ступени развития первобытнообщинного строя. Лишь приобретя со временем потестарные функции¹⁷, племя становится, так сказать, «классическим» и превращается, как уже говорилось, в этносоциальный организм.

Вывод, что племя на ранней стадии первобытности выступает в роли этникоса, неизбежно выдвигает вопрос о месте в этнической

¹³ См., например: *В. Р. Кабо*. Происхождение и равнинная история аборигенов Австралии. М., 1969, стр. 334.

¹⁴ См., например: *В. Ф. Генинг*. Этнический процесс в первобытности, стр. 59.

¹⁵ См.: *R. Dawson*. The present state of Australia. London, 1830; *A. Howitt*. The native tribes of South-East Australia. London, 1904.

¹⁶ Вопрос о времени возникновения племен остается дискуссионным: одни археологи относят их появление к мезолиту (см.: *А. А. Формозов*. Этнокультурные области на территории европейской части СССР. М., 1959, стр. 110). Другие — к верхнему палеолиту (см.: *Г. П. Григорьев*. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968, стр. 150).

¹⁷ Приобретение племенем социально-потестарных функций становится фактором, влияющим на его дальнейшее этническое развитие, причем последнее в известной мере определяется типом социальной структуры племени. Многие современные исследователи выделяют два типа племенных структур: 1) сегментарную линейную систему и 2) иерархическую организацию на основе генеалогического старшинства, в западной этнографии обычно связываемую с введенным К. Клакхоном понятием «конический клан» (одна из последних обобщающих работ на эту тему: *M. D. Sahlins*. Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968). Как показывает имеющийся этнографический материал, эти типы могут быть не только последовательными ступенями, но и параллельными путями развития племенных структур. По-видимому, второй тип, ведущий к большей централизации власти, в то же время способствует интенсификации этноинтегрирующих процессов, большей этнической консолидированности племенного общества.

иерархии этого времени такой социальной ячейки, как род. Казалось бы, ответ на этот вопрос напрашивается сам собой: если племя — этникос, то род — эсо. По существу именно такое приращение рода к этносоциальным общностям и подразумевают встречающиеся в нашей литературе случаи, когда им открывается перечень основных типов этих общностей («род, племя, народность, нация») ¹⁸. Однако весьма показательно, что данная схема все же не получила у нас признания и перечень основных типов исторических (фактически этнических) общностей обычно ограничивается лишь тремя основными единицами (племя, народность, нация). И то, что в ней отсутствует род, на наш взгляд, не случайно. Дело в том, что функции рода в сфере культуры принципиально отличны от аналогичных функций племени, народности и нации. Существование каждого из этих образований в качестве этнических общностей неразрывно связано, как мы могли убедиться, с сохранением определенной культурной целостности, с определенной замкнутостью (так сказать, с эндогамностью) в культурном отношении. Между тем для рода, напротив, характерна экзогамность: именно она выступает в роли основного для него структурообразующего фактора. Соответственно основная функция рода — смешение, притом не только биологическое, но и культурное. И в этом смысле род — фактически антипод этнических общностей, так сказать, «антиэтнос».

По существу не отличается в рассматриваемом отношении от рода и родовая община. Поскольку она как раз и выступает в качестве той конкретной формы, в которой реализуется родовая экзогамия. очевидно, ее в целом, так же как и род, нет оснований рассматривать в качестве самостоятельной этнической единицы. Пожалуй, следует отметить лишь несколько особую роль так называемой локализованной части рода, составляющей ядро родовой общины. Судя по всему, именно эта часть рода была основным хранителем его устоев и традиций. К этому свойству локализованной части рода нам еще предстоит вернуться. Здесь же лишь подчеркнем, что, будучи составной частью не только родовой общины, но и рода в целом, она уже в силу последнего обстоятельства не может считаться самостоятельным этническим подразделением.

Но не было ли все же на ранней ступени первобытности помимо племен-этнокосов других самостоятельных этнических подразделений? В связи с этим вопросом нельзя не напомнить, что археологические материалы позволяют говорить о возникновении обширных культурных ареалов еще в эпоху нижнего палеолита¹⁹. Впрочем, следует

¹⁸ См., например: *В. П. Алексеев*. Род, племя, народность, нация. Исторические формы общности людей. М., 1962; *А. А. Сатубалов*. Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей. — «Методологические вопросы общественных наук». Л., 1968, стр. 161, 168.

¹⁹ *H. L. Movius*. Early man and Pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia. «Papers of the Peabody Museum of American archeology and ethnology». Harvard university, 1944, vol. XIX, N 3. О последних открытиях в этой области см.: *А. П. Окладников, В. В. Волков*. Советско-монгольская историко-культурная экспедиция. — «Вестник Академии наук СССР», 1972, № 9.

иметь в виду, что в данном случае речь идет о палеоантропах, а не о людях современного типа. Что касается ранних (верхнепалеолитических) материалов, относящихся уже непосредственно к виду *Homo sapiens*, то они обнаруживают существование крупных, охватывающих подчас целые субконтиненты, культурных ареалов; многие из них сохраняются и в неолите, на протяжении которого появляется и ряд новых образований подобного рода²⁰. Представляется, однако, совершенно очевидным, что население столь обширных регионов не могло обладать в то время сознанием своего единства. Это были по существу историко-этнографические провинции. Они, как об этом, например, свидетельствует материал по неолиту Сибири, были ограничены крупными орографическими и гидрографическими рубежами, т. е. находились в индивидуальных физико-географических рамках, а не соотносились с ландшафтно-климатическими зонами²¹.

Появление же культурных общностей, сопряженных с ландшафтно-климатическими зонами, было уже связано с зарождением общественного разделения труда. Последовавшее за ним возникновение специализированного хозяйства и массовые миграции²² существенно расширили возможности поселения в отношении хозяйственной специализации и адаптации к определенным ландшафтно-климатическим условиям²³. Но складывавшиеся при этом обширные общности первоначально представляли не что иное, как конкретные формы существования отдельных культурно-хозяйственных типов.

В интересующей нас связи, пожалуй, большого внимания заслуживают данные, свидетельствующие, что еще в палеолите в пределах одной и той же довольно обширной территории внепрежнюю существовали различные виды инвентаря²⁴. Последнее обстоятельство дало основание для заключения, что население стоянок с однотипным инвентарем представляло своеобразные единицы — «предплемена». При этом высказано предположение, что подобные «предплемена» обладали единым самосознанием²⁵. Предположение это, правда, вызывает определенные сомнения. Не исключено, в частности, что «предплемена», занимавшие территорию до 200 км в поперечнике, возникли в результате расселения на одной и той же территории нескольких сегментировавшихся групп первобытных людей, каждая из которых об-

²⁰ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР, стр. 110—115.

²¹ Я. В. Чеснов. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина).— СЭ, 1970, № 6, стр. 20.

²² См.: И. П. Хлопин. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе.—«Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 94—112.

²³ Я. В. Чеснов. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов, стр. 21—25.

²⁴ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР, стр. 28—31; Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*, стр. 145—146.

²⁵ Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*, стр. 146—147.

ладала своеобразным обликом инвентаря. Длительное сохранение такого облика во всех соответствующих «сегментах», несмотря на их чересполосное размещение, могло обеспечиваться просто силой традиции, которая была столь велика, что делала «людей, живших по соседству в разных по материальной культуре общинах, социально чуждыми»²⁶. Это предполагает, что соседние «сегменты» осознавали свои культурные различия, но не давали оснований для уверенного заключения, что все однотипные сегменты обладали сознанием общности. Следует вместе с тем учитывать, что у нас все же нет достаточных оснований и для того, чтобы полностью отвергнуть гипотезу о наличии общего самосознания у различных сегментов отдельных «предплемен». Между тем в свете этой гипотезы невольно напрашивается параллель, связывающая «предплемена» и племена-этнокосы.

Во всяком случае, как мы уже видели, этнографические материалы позволяют полагать, что самостоятельными этническими единицами на ранней стадии первобытности были племена-этнокосы; эти собственно этнические подразделения на поздней стадии первобытного общества превращаются в этносоциальные организмы.

Но такое отнесение племен к категории эо в свою очередь выдвигает вопрос об этнокозе на соответствующей стадии первобытнообщинной формации. Этническую общность подобного рода, на наш взгляд, составляют все члены каждого племени независимо от того, находятся ли они в пределах или за пределами его территории. Эта общность для краткости может быть названа «соплеменностью»²⁷. Ее члены остаются таковыми, даже если проживают за пределами своего племени, ибо они сохраняют не только общую с ним культуру, но и сознание принадлежности к нему (широко распространяется это, впрочем, лишь в конце первобытности).

Яркие примеры несомненности соплеменности и племени дают кочевые народы с их широко распространенной практикой адаптации отдельных иноплеменников и целых иноэтнических родоплеменных подразделений. Много таких фактов зафиксировано, в частности, у арабских кочевников на протяжении всего огромного периода времени от первых веков хиджры до начала нынешнего столетия. Инкорпорируя в свой состав выходцев из других племен, арабское племя объявляло их своими членами «по крови и по имени», постепенно ассимилировало и даже как бы «привязывало» к себе вымышленной генеалогией. Но это, конечно, происходило далеко не сразу, и какое-то, часто весьма длительное время этнический статус инкорпо-

²⁶ Там же, стр. 145.

²⁷ Этим термином, правда, недавно предложено именовать совокупности нескольких «родственных» племен (см.: С. А. Арутюнов, И. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.—«Расы и народы», 2. М., 1972, стр. 23). Однако такое употребление термина «соплеменность» представляется не вполне удачным. Столь ли широк семантический аспект понятия «соплеменность» в русском языке, все же оно прежде всего ассоциируется со словом «соплеменник». Между тем это слово означает принадлежность к одному и тому же племени.

раптов оставался двойственным: они были носителями этнических традиций и принявшей их новой, и своей прежней общности. Так, с одной стороны, они должны были, следуя нормам племенной эндогамии, брать себе жеп только из своего нового племени, мстить и отвечать за кровь в соответствии с обычаями этого племени и т. д. Но, с другой стороны, они подолгу сохраняли свои прежние диалектные особенности, генеалогические предания, знаки для клеймения скота, военные кличи, родоплеменные культы, особенности расцветки плащей, головных платков, орнамента, причесок и т. п. Это двойственное положение инкорпорантов не только фиксировалось этнографически, но и хорошо осознавалось как ими самими, так и их соседями. Известно, например, что в иорданском племени бану сахр в конце XIX — начале XX в. одно из его трех основных подразделений — каабна — считалось «ненастоящими» бану сахр, так как еще не изгладилось воспоминание о его включении на рубеже XV—XVI вв. в состав этого племени. По той же причине в саудийском племени давабир «ненастоящими» соплеменниками считались так называемые абат давабир — четыре некогда присоединившиеся группы, еще сохранявшие собственные генеалогические традиции²⁸.

Соплеменность какое-то время, очевидно, сохранялась и после распада единого племени на части. Примером этого может служить славянское племя дулебов. Известно, что после того, как авары разгромили дулебов (602 г.), отдельные части этого племени, оказавшись на значительном расстоянии друг от друга, первоначально сохраняли свое прежнее наименование (об этом наглядно свидетельствует топонимика)²⁹.

Итак, на поздней стадии первобытного общества этносоциальным организмом было племя, обладающее потестарными функциями, а этникосом — соплеменность.

Но вслед за этой констатацией в свете предложенного нами членения иерархии этнических общностей неизбежен вопрос: каковы на данной стадии макроэтнические единицы? Притом вопрос этот распадается в свою очередь на две части: в одном случае речь должна идти об этносоциальной, в другом — о собственно этнической макроединице.

Сам факт существования в первобытности культурных общностей, охватывающих несколько племен, как известно, не вызывает сомнений. Правда, на раннем этапе развития первобытного строя подобные широкие общности, как уже говорилось, очевидно, не обладали сознанием своего единства и, следовательно, представляли лишь этнографические или хозяйственно-культурные образования. Не исключено, однако, что уже у австралийских аборигенов имела место тенденция к превращению «надплеменных» объединений из этнографических в этнические общности. Хотя для этих объединений харак-

терны языковые различия и отсутствие достаточно четкого сознания единства, однако их связывала общая мифология³⁰.

Более уверенно можно говорить о существовании «надплеменных» этнических общностей лишь применительно к заключительной фазе первобытнообщинной формации. На этом этапе отдельные совокупности «родственных» племен несомненно приобретают представление о своей общности. Недавно это было убедительно показано на примере раннесредневековых славян³¹. Немалая роль в осознании «родственных» племенами своей общности принадлежала их контактам с другими, более развитыми этническими образованиями³².

Характеризуя по этнографическим материалам развитие этнического самосознания «на первой стадии распада первобытного общества», В. Ф. Генинг не без основания приходит к выводу, что именно в данный период появляются представления об общности, выходящей за рамки племени; при этом процесс этнической консолидации сопровождается распространением единого имени для каждой такой этнической общности³³.

В. Ф. Генинг предлагает называть «надплеменные» этнические общности³⁴ «межгрупповыми» (сокращенно — мегрэо). Это название, по его мнению, «отражает не только общий характер этнических связей между группами, но и наиболее специфическую черту этнического процесса данного периода — прочное этническое единство каждой из входящих в общность этнических групп»³⁵. Однако наименование «межгрупповая этническая общность» отличается крайней неопределенностью: оно может быть приложено к «надгрупповым» этническим образованиям любой социально-экономической формации,

³⁰ А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 52.

³¹ В. Д. Королюк. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. — «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968, стр. 101—113.

³² Известно, например, что древние германцы, распадаясь на множество независимых, часто враждовавших между собой племен, долгое время не обладали сознанием своей общности и не имели даже общего наименования. «Имя же Германия, — по свидетельству Тацита, — повое и недавно вошедшее в употребление: сначала германцами называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунгами... (начала галлы), так стали называть всех (жителей Германии) по племени победителей из страха, а потом те сами усвоили себе имя (германцев, данное им галлами)» (P. Cornelii Taciti. De origine et situ germanorum. 2,2. — В кн.: P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. Lipsiae, 1957). Вообще весьма показательна, что античные авторы обычно достаточно четко выделяли совокупности родственных племен, давая каждой из них особое общее наименование (например, галлы, иллирийцы, паннонцы и т. п.), при этом они указывали, из каких именно племен состоят такие общности (например: Strabo, VII, V, 3: «Племена паннонцев суть: бревки, андзитии, дитионы, пирусты, мазей, деситаты»; Herodo, VII, 110: «племена фракийцев: петы, киконы, бистоны, сапей, лерсей, сатры»).

³³ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, стр. 96—97.

³⁴ Н. Н. Чебоксаров и С. А. Арутюнов, как уже говорилось, предлагают именовать их «соплеменностями».

³⁵ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, стр. 98.

²⁸ См.: А. И. Першиц. Некоторые особенности этнического развития арабов Саудовской Аравии. — ТИЭ, пов. серия, т. 83, М.—Л., 1963, стр. 130—132.

²⁹ См.: «Historija naroda Jugoslavije». I, Zagreb, 1953, str. 100.

притом образованиям самых различных уровней. В. Ф. Генинг, впрочем, приводит более определенное название «межплеменная этническая общность», но лишь для того, чтобы заявить о своем негативном отношении к этому названию. Основанием для такого отношения ему служит тезис, согласно которому на данной фазе «далеко не повсеместно этнические группы организуются в племена». Однако при этом к последним причисляются лишь те «надродовые» образования, которые имели «четкую структуру» с развитыми органами власти³⁶. Между тем, как мы знаем, наличие самоуправления не является обязательным признаком племени. И поэтому утверждение В. Ф. Генинга, что «разложение первобытных отношений не всегда и не везде сопровождалось формированием племенной организации»³⁷, можно принять лишь при условии, если полагать, что оно направлено против представления о непрерывном существовании в таких случаях племен как потестарных общностей. Но если при этом имеется в виду вообще отсутствие у многих народов на соответствующей ступени развития племенных образований, то подобное мнение представляется некоторым преувеличением. В частности, мало что дают для этого те конкретные ссылки на отдельные народы, которые делает В. Ф. Генинг, пытаясь подкрепить рассматриваемый тезис³⁸.

Все это, на наш взгляд, позволяет полагать, что существовавшие в конце первобытной формации широкие этнические общности представляли собой преимущественно совокупности племен. Следовательно, наименование их «межплеменными» не лишено оснований. Конечно, возможны и другие названия. Например их можно именовать «семьей племен». Такое обозначение, пожалуй, даже имеет определенное преимущество, поскольку отражает тот факт, что в большинстве случаев речь идет о совокупности племен, родственных в генетическом отношении.

Вместе с тем необходимо учитывать, что рассматриваемые совокупности племен являлись, как правило, этнолингвистическими общностями, т. е. образованиями, обладающими не только самосознанием, но и языковым «родством». Однако, как известно, такие образования обычно сохраняются и в классовых обществах. Стало быть, межплеменные этнические общности, или семьи племен, — лишь одна из стадийных разновидностей так называемых этнолингвистических общностей.

Следует, однако, иметь в виду и то, что межплеменные общности (семьи племен), как и этнолингвистические общности вообще, по

своим основным параметрам представляли не столько единство, сколько сходство, близость: в частности, у них, как правило, не было одного общего для всех составных частей языка.

В роли же социально-этнических макроединиц развитого первобытного общества выступают, на наш взгляд, союзы племен. В самом деле: с одной стороны, они представляют собой относительно автономные потестарные единицы, с другой — обычно обладают если не целиком, то по крайней мере в большей своей части определенной культурной общностью и сознанием единства. В то же время союзы племен, очевидно, не могут рассматриваться в качестве основных этносоциальных подразделений (бсо), поскольку они, как правило, характеризуются значительно меньшей целостностью, чем входящие в их состав племена³⁹.

Следует сразу же подчеркнуть различие понятий «семья племен» и «союз племен». Если во втором случае перед нами — этносоциальная общность, то в первом — этническая общность в узком значении слова, притом выражающая не столько этническое единство, сколько этническую близость.

Отличаются семьи племен от их союзов также масштабами; обычно такой союз охватывал лишь часть семьи племен. А главное, хорошо известно, что союз племен мог включать племена разных семей. Иначе говоря, союзы племен могли быть неоднородными в этническом отношении; в таких случаях их, очевидно, следует рассматривать как своеобразные федерации нескольких этносоциальных общностей.

Различие между понятиями «семья племен» и «союз племен» можно, в частности, проиллюстрировать на материалах, относящихся к североамериканским индейцам. Например, в XVII в. ирокезоязычные племена (т. е., по нашей терминологии, ирокезская семья племен) образовали три союза: 1) Союз ирокезов, состоявший сначала из пяти (сепека, каюга, онондага, онейда, могауки), а затем шести (+ тускарора) племен; 2) Союз гуронов и 3) Союз нейтральных племен. В XIX в. индейцы прерий образовывали несколько союзов племен, которые состояли как из одной, так и из разных семей племен. Так, Союз дакотских племен, известный под названием «Семь костров племенных советов», состоял только из дакотоязычных племен; Союз команчей включал представителей трех семей племен: шоноязычных команчей, сиуязычных айова и атапаскоязычных кайова;

³⁹ Можно, правда, встретить мнение, что племена и союзы племен — разные стадии этнических формирований первобытнообщинной эпохи. Например, А. А. Сатыбалов пишет, что «род — племя — союз племен являются ступенями одного исторического типа этнической общности» (А. А. Сатыбалов. Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей, стр. 161). Однако, как он сам при этом справедливо замечает, существование союзов племен, хотя и могло несколько сблизить язык и культуру племен, все же не приводило к их слиянию (там же). Другими словами, племена и союзы племен сосуществовали одновременно и, следовательно, представляли не столько разновременные ступени этнических общностей, сколько разные уровни их иерархии.

³⁶ В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности, стр. 98.

³⁷ Там же, стр. 90.

³⁸ В первую очередь он ссылается (там же) на северо-восточных палеоазятов (коряков, чукчей, ительменов) и народы Амура, Приморья и Сахалина (напайцев, ульчей, орочей). Но, как показали новейшие исследования вопроса, в первом случае «довольно четко выявляются диалектально-территориальные группировки, которые можно считать племенами»; во втором — «каждая поздняя народность по всем данным совпала с первоначальным племенем» (Б. О. Долгих. Племя у народов Севера. — «Общественный строй у народов Северной Сибири». М., 1970, стр. 352, 355).

Союз черноногих включал две семьи племен: алгонкиноязычных черноногих и ацита и атапаскоязычных сарси⁴⁰.

Итак, нами намечены основные подразделения и макроэтнические единицы первобытности.

На очереди вопрос о микроэтнических подразделениях доклассовых обществ. И в этом случае мы, разумеется, должны различать два аспекта: собственно этнический и этносоциальный.

Поскольку предел делимости этника, при котором в основном сохраняются его свойства, представляет отдельный человек, очевидно, таковой и является этнической микроединицей, притом не только в первобытности, но и во всех других формациях. Недавно предложено именовать человека в роли носителя этнических свойств, этнической информации — *этнофором* (от греч. этнос + форос — несущий)⁴¹.

Гораздо сложнее вопрос о микроэтносоциальной единице первобытности. Как уже говорилось, в силу экзогамности ни род, ни родовая община, ни локализованная часть рода не могут вообще рассматриваться в качестве основных этнических подразделений. Однако для социально-этнической микроединицы эндогамность (в том числе ее отражение в культуре) совсем не обязательна. Напротив, каждая такая единица, представляя часть этнической общности, неизбежно должна быть связана с другими подобными единицами данной общности. Но в то же время сама она, естественно, должна обладать определенным внутренним единством (прежде всего культурным), устойчивостью и самосознанием.

Родовая община, состоящая из представителей нескольких (по меньшей мере двух) родов, не обладает всей совокупностью этих свойств (в частности, устойчивым культурным единством)⁴². В полном объеме они в случае дислокального брака присущи роду, целиком совпадающему с родовой общиной, но если брак не дислокален, то внутреннее единство рода весьма относительно, ибо часть рода неизбежно оказывается территориально оторванной от его ядра и находится не в идентичной культурной среде (в других родовых общинах). В таких случаях наибольшей внутренней целостностью обладает локализованная часть рода.

Таким образом, при дислокальном браке этносоциальной микроединицей первобытности выступает род, при унилокальных формах брака — локализованная часть рода.

⁴⁰ «Народы Америки», т. 1. М., 1959, стр. 209 сл., 253 сл.; Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVII—XVIII вв. М., 1970, стр. 138; «Handbook of American Indians north of Mexico», pt. 1, Washington, 1907, s. v. Iroquois, Dakota, Comanche.

⁴¹ См.: Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика исследования). — СЭ, 1970, № 2, стр. 57.

⁴² Исключение представляют случаи, когда в силу дислокального брака община и род совпадают.

На стадии разложения первобытной формации на смену этим микроединицам, очевидно, приходит архаическая форма большой семьи⁴³.

Переходя к стратификации этнических общностей докапиталистических классовых обществ, следует прежде всего констатировать, что для обозначения этносоциальных организмов таких обществ в нашей научной литературе обычно употребляется термин «народность». Это обстоятельство внаслепе выражение получило, в частности, в том, что в перечне важнейших исторически сменяющихся типов этнических общностей народность неизменно фигурирует между такими этносоциальными организмами, как племя и нация.

Определение народности как основной этносоциальной общности (т. е. этносоциального организма) докапиталистических классовых обществ неизбежно выдвигает вопрос о терминологическом размежевании этносоциальных организмов рабовладельческой и феодальной формаций.

Вопрос этот уже поднимался в нашей литературе С. А. Токаревым. В частности, по его мнению, — это «разные типы этнических общностей», отличающиеся друг от друга прежде всего соотношением социально-классовых компонентов⁴⁴. Действительно, этносоциальный организм каждого рабовладельческого общества охватывает преимущественно свободное население, оставляя за своими рамками значительную часть непосредственных производителей этого общества — рабов, поскольку многие из них обычно принадлежат к другим этносам⁴⁵. Этносоциальный организм при феодальном строе охватывает прежде всего трудящееся население и подчас не включает господствующий класс феодалов, особенно его верхушку. В этой связи для обозначения основного типа этнических общностей (по нашей терминологии — этносоциальных организмов) рабовладельческой формации С. А. Токарев предложил наименование «демос», поскольку в такие общности входило преимущественно свободное население⁴⁶. Однако это предложение представляется не вполне удачным, ибо за словом «демос» в науке уже фактически закрепилось другое значение — народонаселение страны, что получило, хотя и косвенное, но вполне отчетливое выражение в наименовании специальной дисциплины — демографии⁴⁷.

⁴³ См.: Ю. В. Бромлей. Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины. — «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972, стр. 162—175.

⁴⁴ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — ВФ, 1964, № 11, стр. 48—51.

⁴⁵ Было бы, однако, несомненным упрощением полагать, что все рабы оставались за рамками таких этносоциальных организмов (см.: А. А. Сатубалов. Методологические вопросы классификации типов этнических (национальных) общностей, стр. 164—167).

⁴⁶ С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), стр. 52.

⁴⁷ Высказывались и прямые предложения обозначить термином «демос» вообще все население отдельных политических образований независимо от их

Вместе с тем сам факт существования особой разновидности этносоциального организма, характерного для рабовладельческого строя, представляется несомненным. Поэтому (в ожидании, пока будут созданы специальные термины⁴⁸) представляется целесообразным (подобно разграничению наций на буржуазные и социалистические) внутри этносоциальных организмов докапиталистических классовых формаций выделить два подтипа: «рабовладельческая народность» и «феодалная народность»⁴⁹.

Что касается основных собственно этнических подразделений докапиталистических классовых обществ — этнических, то приходится отметить, что в нашей научной литературе для их обозначения фактически нередко используется тот же термин «народность». Это особенно отчетливо проявляется при фиксации этнической принадлежности племени (в таких случаях обычно говорится, что племя принадлежит к такой-то народности). Впрочем, для тех же целей подчас употребляется понятие «национальная принадлежность» или же просто «национальность». Однако следует учитывать, что при всей многозначности слова «национальность»⁵⁰ чаще всего оно используется для обозначения этнических общностей (или принадлежности к таким общностям) капиталистических и социалистических обществ (в первую очередь принадлежности к нации). И в данной связи нередко говорят об этнических общностях докапиталистических формаций как о «донациональных». Поэтому во избежание путаницы (в частности, такого алогизма, как «донациональные национальные общности») представляется целесообразным при обозначении этнических докапиталистических классовых обществ ограничиться терми-

этнической гомогенности и гетерогенности (см., например: *E. Francis. Ethnos and Demos (Soziologische Beiträge zur Volkstheorie)*. Berlin, 1965, S. 35—87.

⁴⁸ Делалось, например, предложение поместить между племенем и народностью в качестве особой разновидности этнической общности «народ» (см.: *М. Д. Калмары. Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации*. — ВИ, 1949, № 12, стр. 68). Но слово «народ», как известно, еще более многозначно, чем термин «народность».

Предлагалось также для обозначения промежуточной ступени между рабовладельческой народностью и нацией использовать термин «национальность» (*И. В. Арский. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе*. — «Ученые записки ЛГУ. Серия истории», вып. 12, Л., 1941, стр. 122). Но это предложение представляется неприемлемым хотя бы уже потому, что в таком случае придется для обозначения принадлежности к нации не употреблять слово «национальность», столь широко используемое на практике именно для этой цели.

⁴⁹ Правда, в нашей литературе высказывались сомнения относительно правомерности такого формационного разграничения понятия «народность» (*В. И. Козлов. Динамика численности народов*. М., 1969, стр. 58). Однако подобные сомнения были бы оправданы лишь в том случае, если бы народность рассматривалась только как этнос в узком смысле слова. Но данным термином, как уже говорилось, обозначается также этносоциальный организм, и, следовательно, для типологизации этой общности ее социально-экономические («формационные») параметры имеют не меньшее значение, чем собственно этнические.

⁵⁰ Ср.: *А. Г. Агаев. Нация, ее сущность и самосознание*. — ВИ, 1967, № 7, стр. 90.

ном «народность». Хотя он тоже не однозначен, однако его семантика все же менее емка, чем у слова «национальность». Соответственно мы предлагаем употреблять термин «национальность» лишь в его узком значении (в стадильном отношении), т. е. применительно только к эпохам капитализма и социализма.

Народности-этнические не следует смешивать с этнолингвистическими общностями. Если такие общности возникают в результате дивергентных, разделительных процессов⁵¹, то народности складываются в ходе этнической консолидации в рамках социальных организмов.

Эти консолидационные процессы в условиях докапиталистических классовых формаций были чрезвычайно сложными и противоречивыми. Одним из факторов, способствовавших консолидации племенных этнических общностей в народности, было усиление межплеменных контактов по мере роста общей численности населения. «Возрастающая плотность населения, — писал Ф. Энгельс, — вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делает необходимым даже и слияние их»⁵². Другим, еще более важным фактором формирования народностей были раннеклассовые государства. Часто они возникали на базе группы родственных племен⁵³. В таких случаях, наряду с уже имевшейся у этих племен близостью языка и культуры (в узком смысле слова), государство оформляло консолидирующиеся племена в территориально-политическом отношении, создавало определенную общность экономических, социальных и других интересов⁵⁴. На процессах формирования народностей сказывались и характерные для рубежа бесклассовых и классовых обществ массовые переселения, сопровождавшиеся завоеванием одних этнических групп другими. В результате в рамках одного государства нередко оказывались неродственные племена⁵⁵. Не следует забывать и неустойчивость раннеклассовых государственных образований, в частности подвижность их политических границ.

Но особенно осложняла процесс формирования народностей архаичная для большинства докапиталистических классовых обществ иерархичность политической структуры, сопряженная с острыми противоречиями между центристскими и центробежными тенденциями. Именно соотношение этих тенденций во многом предопределяло конкретные рамки, в пределах которых наиболее интенсивно шел процесс консолидации народности. В одних случаях большую интенсивность имели процессы, проходившие в границах обширных политических образований, охватывавших целую группу

⁵¹ Об этом см. подробнее в следующей главе.

⁵² *К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 21, стр. 164.

⁵³ Там же, стр. 410.

⁵⁴ *В. И. Козлов. Динамика численности народов*, стр. 320—321.

⁵⁵ *В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений в формировании новых этнических общностей*. — СЭ, 1968, № 2.

племенных общностей (подчас семью племен или ее значительную часть, но иногда и совокупность нескольких неродственных племен); нередко таким государственным образованиям предшествовали союзы племен.

В других случаях более интенсивными оказывались процессы этнической консолидации в рамках небольших политических единиц, объединявших лишь несколько племен. Но, как правило, эти разновидности консолидационных процессов в той или иной степени соуществовали.

Примером консолидационных процессов на сравнительно узкой основе может служить возникновение афинской, спартанской и других древнегреческих народностей, формировавшихся в рамках отдельных полисов. В Афинском государстве этому процессу, в частности, немало содействовало введение в VI в. до н. э. нового административного деления (реформы Клисфена), которое было построено на чисто территориальном принципе, призванном заменить древние родовые племенные деления⁵⁶. В это время «основным социальным организмом⁵⁷ и этнической общностью выступал афинский народ... в целом, говоривший на особом аттическом наречии и объединенный территориально-политически и общим именем»⁵⁸. Но наряду с народностями, сложившимися в рамках древнегреческих государств — полисов, — во второй половине I тыс. до н. э. в результате возникновения общегреческих политических объединений происходит формирование более широкой общности — эллинской народности⁵⁹.

Таким образом, очевидно, можно говорить о существовании народностей различных уровней. При этом народности одного уровня могли выступать лишь в качестве этникозов (так сказать, по инерции после исчезновения соответствующего эсо), другого уровня — и как этникоз, и как функционирующее эсо. Так, начавшая складываться с возникновением в IX в. Германского королевства (с X в. «Священной Римской империи германской нации») немецкая народность⁶⁰ сохраняется в качестве этникоза и после установления здесь в XII—XIV вв. полной политической раздробленности⁶¹. Наряду с этой народностью и в ее рамках одновременно функционируют в качестве эсо, а соответственно и этникозов, сформировавшиеся в результате политической раздробленности баварская, саксонская, швабская и

другие народности⁶². Следует, впрочем, иметь в виду, что формирование более крупных по своим масштабам народностей далеко не всегда предшествовало появлению более мелких этносоциальных общностей. Такой вариант, пожалуй, наиболее типичен для феодальной формации, при которой на смену первоначально возникающим сравнительно крупным государственным образованиям обычно приходит политическая раздробленность. В античном же мире, наоборот, формирование небольших народностей чаще всего предшествовало появлению крупных⁶³. Вместе с тем в условиях иерархичной политической структуры не исключено и примерно одновременное появление народностей-этникозов «низшего» и «высшего» уровней. В силу всего этого при разграничении народностей различного уровня представляется целесообразным ориентироваться не столько на последовательность их возникновения, сколько на их масштабы. Иначе говоря, в иерархии народностей «элементарные» подразделения могут условно рассматриваться как этникозы первого порядка, «сложные» же общности, т. е. охватывающие несколько таких подразделений, — как этникозы второго порядка.

Следует также иметь в виду, что народности-эсо, а соответственно и этникозы, складывались далеко не сразу⁶⁴. На начальном этапе этого процесса, протекающего в рамках неустойчивых политических образований, племенные подразделения по мере ослабления родовых связей постепенно превращаются в областные общности. Это происходило в таких территориально-административных подразделениях, как княжества, графства, герцогства, номы и т. п. В их сплочении большую роль играли такие факторы, как областная диалект, местное право, местные обычаи, особенности материальной и художественной культуры, внутриобластная брачная эндогамия⁶⁵. Одним словом, областные общности обладали не только потестарными, но и определенными этнокультурными свойствами. Однако они еще не представляли собой сформировавшихся этносоциальных организмов, так как, с одной стороны, не обладали достаточной политической самостоятельностью, с другой — имели довольно расплывчатый этнический облик, были слабо разграничены внутри соответствующих этнолингвистических общностей. Поэтому такие формирования на наш взгляд, можно именовать «социально-этническими областями». Соответствующие же им собственно этнические подразделения могут быть названы «протонародностями»⁶⁶.

⁵⁶ В. С. Сергеев. История древней Греции. М., 1963, стр. 185.

⁵⁷ Точнее говоря, этносоциальным организмом.

⁵⁸ Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей. — ВИ, 1967, № 4, стр. 83.

⁵⁹ Там же, стр. 86—88.

⁶⁰ Показательно, что в источниках XI в. слово «diutisch» («deutsch») употребляется уже для обозначения народа (см.: В. М. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1956, стр. 52).

⁶¹ И это дает определенное основание для того, чтобы говорить, что немецкая народность предшествует немецкой нации (ср.: С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), стр. 52—53).

⁶² В хрониках XII—XIII вв. наряду с общим представлением о Германском («Тевтонском») королевстве саксы, швабы и бавары рассматривались нередко как отдельные народности («Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 84).

⁶³ Таково, например, возникновение эллинской и латинской народностей (см.: Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей, стр. 86—88).

⁶⁴ Не исключено, что в отдельных случаях их формирование начинается еще в условиях союзов племен.

⁶⁵ В. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 297—298.

⁶⁶ Ср.: Ю. И. Семенов. К определению понятия «нация». Постановка проблемы. — Народы Азии и Африки, 1967, № 4, стр. 92—93.

Лишь некоторые из «областных» социально-этнических единиц, приобретя значительную политическую устойчивость, со временем превратились в этносоциальные организмы. Большинство же социально-этнических областей оказалось в конечном счете в составе «межобластных» раннеклассовых государственных образований. При этом областные (племенные) подразделения, постепенно утрачивая свою этническую специфику и самосознание, превращались в этнографические группы.

Все основные этносоциальные и собственно этнические подразделения докапиталистических классовых обществ существенно отличаются от соответствующих образований первобытности. Это наиболее очевидно в отношении народности-эсо, которая имеет принципиально иную, чем у племени, социальную структуру. Основным социальным фактором, связывающим народность-эсо воедино, выступают уже не брачно-родственные отношения, а такая политическая сила, как государство со всеми его атрибутами. Правда, для народности, как это уже неоднократно отмечалось в нашей литературе, характерно наличие региональных, «земляческих» связей⁶⁷. Однако без связей, охватывающих весь этнический массив народности⁶⁸, ее функционирование как целостного социального организма невозможно⁶⁹.

Народность отличается от племени и в сфере этнических свойств. (И это относится как к народности-эсо, так и к народности-этноко-су.) С одной стороны, наличие антагонистических классов влечет за собой определенное ослабление культурного единообразия в рамках народности по сравнению с тем, что имеет место у племени. С другой стороны, если рассматривать вопрос в пространственном отношении, то окажется, что в пределах территории, занимаемой народностью-эсо, культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытной формации даже в случае расселения на этой территории одной семьи племен. Словом, происходит либо просто увеличение культурных связей внутри этнической общности (при превращении семьи племен или ее части в народность), либо даже расширение пространственных рамок однородной культуры (при образовании народности-эсо на базе нескольких неродственных племен)⁷⁰. «Большую роль в этом процессе играют сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутрисоциальных коммуникаций всех видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности, которая при наличии чтеца выполняет свои информационные функции даже в случае неграмотности большинства населения».

⁶⁷ См., например: А. М. Архангельский. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961; А. Г. Агаев. К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965.

⁶⁸ Чисто «земляческие» связи, как убедительно показал Ф. Энгельс, никогда не выходили «за пределы ближайших местных отношений и связанного с ним узкого местного горизонта» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 347).

⁶⁹ Ср.: Л. П. Лашук. О формах донациональных этнических связей, стр. 86.

⁷⁰ Однако в рамках некоторых народностей долгое время после их возникновения в качестве элементов внутренней структуры сохраняются «реликто-

Вместе с тем на стадии древних и средневековых народностей возрастает перепад между уровнями плотности внутриаэтнических и межэтнических связей. Этнические общности этого типа «проявляют тенденцию ко все большей внутренней самоконсолидации, но упорно противятся ассимиляции»⁷¹.

Характеризуя макроэтнические формирования докапиталистических классовых обществ, представляется необходимым и в этом случае выделить две их разновидности: собственно этнические общности и этносоциальные общности⁷². В качестве первой из этих категорий выступают, на наш взгляд, так называемые этнолингвистические общности, имеющие подчас иерархическую структуру (например, первый уровень: восточные, западные, южные славяне; второй — славяне вообще). Напомним, что для таких общностей характерно практически не единство, а родство языков, иначе говоря, они всего лишь совокупности родственных этнокозов-народностей. Генетически же этнолингвистические общности, по крайней мере те из них, которые относятся к первому уровню, восходят, как правило, к семьям племен (в известном смысле семьи племен, как уже отмечалось, сами являются этнолингвистическими общностями). Нельзя забывать и того, что языковые общности далеко не всегда обладают сознанием единства⁷³. Между тем в тех случаях, когда таковое отсутствует, они фактически представляют собой не этнические, а всего лишь этнографические единицы и поэтому не могут быть названы «этнолингвистическими». Это, так сказать, «лингвоэтнографические» общности.

При рассмотрении вопроса об этносоциальных макроединицах докапиталистических классовых формаций следует учитывать тот довольно характерный для этих формаций случай, когда одно крупное социально-политическое образование (государство) «перекрывает» несколько различных по своему происхождению этнических единиц, сформировавшихся в прошлом в рамках отдельных социальных организмов. Так как такие единицы не только обладают четко выраженной культурной спецификой, но и целиком входят в одно государство (не расчленены политическими границами), их, очевидно, есть основания считать (подобно нации в рамках многонационального государства) этносоциальными организмами, т. е. народностями. В пределах рассматриваемых социально-исторических образований наряду с входящими в них народностями подчас зарождается как бы стоя-

вые» формы племен. Эти сильно трансформировавшиеся, утратившие основные признаки этносоциальных организмов первобытнообщинного строя, субэтнические подразделения получили особенно широкое распространение у кочевников. (Недавно Т. А. Жданко предложила именовать такие племена «вторичными».)

⁷¹ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, стр. 27.

⁷² Там же, стр. 29.

⁷³ Например, такие языковые группы, как кельтская или угорская, состоящие из разобщенных территориально, мало связанных и не сохранивших общей традиции народов, представляют собой лишь научную конструкцию (С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, стр. 28).

щая над ними этническая общность, что выражается в появлении общих для всех народностей этнических черт. Однако эти черты по сравнению с этническими свойствами народностей — всего лишь тонкая амальгама, к тому же распределенная далеко не равномерно. Следовательно, соответствующие образования в этническом отношении не представляют «органического» целого. За неимением более точного термина назовем эти полиэтнические, но обладающие тенденцией к этнической консолидации, образования предложенным С. И. Бруком термином «этнополитические» общности⁷⁴.

В качестве государственных образований такие этнополитические единицы в условиях докапиталистических формаций обычно сравнительно недолговечны. Однако сложившееся в рамках этих единиц определенное этническое (культурное) единообразие может сохраняться очень длительное время, выступая обычно как фактор образования историко-этнографических областей, а подчас даже отдельных этнокозов⁷⁵.

Что касается микроединиц докапиталистических классовых обществ, то в качестве собственно этнической единицы этого рода здесь как и в других формациях, выступает человек. Роль же этносоциальных микроединиц в рассматриваемом случае выполняется различными видами семьи: иногда большой семьей, а чаще всего малой, основной обычно на моногамии, но подчас и на полигамическом или даже поландрическом браке.

Переходя к рассмотрению вопроса об основных этнических подразделениях капиталистических и социалистических обществ, следует напомнить, что распространенное в нашей научной литературе представление о нации, как мы могли уже не раз убедиться, по существу подразумевает этносоциальный организм. В самом деле, ведь под нацией принято понимать не только культурную, но и определенную территориально-экономическую общность. Между тем сочетание этих факторов как раз и характерно для эсо.

Для обозначения же этнокозов капиталистических и социалистических обществ, как мы уже условились, представляется правомерным употреблять термин «национальность» в узком его значении. Правда, этот термин чаще применяется при определении принадлежности отдельных лиц к той или иной этнической общности. Однако русский язык знает для него и другое значение — сама этническая общность⁷⁶. Совершенно очевидно, что в этом случае интересующий

⁷⁴ С. И. Брук. Основные проблемы этнической географии. М., 1964, стр. 28. Примером такой общности может служить поздняя Римская империя с характерной для нее тенденцией к ливелировке населения, наиболее отчетливо проявившейся в широком распространении римского гражданства и романизации (см.: О. В. Кудрявцев. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, стр. 327—328).

⁷⁵ Так, арабский этнокоз намного пережил Арабский халифат, в период существования которого он получил особенно широкое распространение.

⁷⁶ Это обстоятельство в толковых словарях русского языка получило, в частности, выражение в определении одного из значений слова «национальность» через слово «народность».

нас термин означает совокупность людей одной национальной принадлежности, т. е. общность по национальности или национальную общность.

Таким образом, если, скажем, итальянцы Италии представляют этносоциальный организм, обладающий территориальной и экономической общностью, т. е. нацию, то в целом итальянцы, проживающие во всем мире, в том числе в Италии, Швейцарии, Франции, США и т. д., представляют собой лишь этнокоз — национальность. Если мы и в последнем случае определим их как нацию, то это значит, что нация уже не рассматривается как территориальная и экономическая общность, ибо о какой территориальной или экономической общности можно говорить применительно, скажем, к Италии и США⁷⁷?

В отличие от народности внутренняя интеграция нации обеспечивается не столько политическими, сколько экономическими связями. В социально-экономическом отношении, как уже говорилось выше, нация представляет собой образование совершенно определенного уровня — уровня капиталистического и социалистического обществ.

В этническом отношении нации как эсо отличаются от предшествующего типа эсо — народности — примерно так же, как эта последняя от племени. При этом обнаруживаются те же два варианта их пространственного соотношения. В одних случаях нация — результат трансформации соответствующей народности (например, венгерской народности в венгерскую нацию). В других — нация продукт консолидации нескольких народностей (например, испанская нация — результат слияния арагонской, андалузской, кастильской и других народностей). Однако в рассматриваемой связи существенно, что и в первом, и во втором случае имеет место дальнейшее повышение однородности культуры, что особенно наглядно проявляется в формировании единого общенационального литературного языка, в постепенном исчезновении локальных различий в бытовой культуре. Впрочем, дело не только в повышении однородности культуры (подчас степень такой однородности у какой-либо сложившейся народности могла быть даже в известном смысле большей, чем на начальном этапе у нации, вобравшей в себя несколько таких народностей). Гораздо важнее, что нация, как правило, превосходит народность интенсивностью внутренних культурно-информационных связей горизонтального (синхронного) характера; причем это повышение плотности внутренней инфосети сочетается со все возрастающей межнациональной инфосетью, постепенно становящейся планетарной⁷⁸.

В соответствии с социально-экономическими параметрами наций их принято подразделять на буржуазные и социалистические. Буржуазные нации состоят, как известно, из антагонистических классов, основными из которых являются буржуазия и пролетариат. При социализ-

⁷⁷ Подробнее см. выше, глава 2.

⁷⁸ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, стр. 27.

ме коренным образом меняется социальная структура нации. В этом смысле возникновение социалистических наций представляет коренное преобразование наций буржуазного общества⁷⁹. Нации при социализме характеризуются единством дружественных классов — рабочих и крестьян. Руководящая роль в жизни социалистических наций принадлежит рабочему классу. Устанавливая всестороннюю связь и взаимозависимость наций, капитализм в силу своей эксплуататорской природы порождает и угнетение одной нации другой. Характерной чертой социалистических наций является социалистический интернационализм, представляющий дальнейшее развитие возникающего еще в условиях капитализма пролетарского интернационализма.

Социальная структура нации оказывает огромное влияние на ее культурную однородность. Для буржуазной нации с ее классовым антагонизмом характерно, как указывал В. И. Ленин, наличие двух культур⁸⁰. На ранней стадии развития капитализма в духовной культуре нации ведущую роль играет по преимуществу культура господствующих классов. Однако на современном этапе развития в капиталистических странах, хотя и доминирует буржуазное содержание в национальной культуре, все же в духовной жизни нации заметно усиливается роль демократических элементов культуры⁸¹. С переходом к социализму эта сторона национальной культуры получает всестороннее развитие. При этом установление социальной однородности наций неизбежно влечет за собой интенсификацию процессов культурной консолидации, представляющих диалектическое отрицание их былой культурной раздвоенности. Таким образом, социалистическая нация — это не просто продолжение прежней национальной общности, а качественно новая ее форма⁸². Разграничивая нации-эсо и национальности-этносы, следует учитывать чрезвычайную этимологическую близость слов «нация» и «национальность». В силу этой близости большинство терминов, включающих прилагательное «национальный» (-ая, -ое) (национальная принадлежность, национальная психология, национальные отношения, национальные процессы и т. д.), имеют в виду явления, относящиеся как к национальности-этносу, так и к нации-эсо. Поэтому у прилагательного «национальный» следует различать два значения — узкое, касающееся лишь собственно этнических факторов, и широкое, охватывающее целиком этносоциальные явления.

Некоторые этносоциальные общности при капитализме и социализме принято именовать народностями. Поскольку они входят в социальные организмы соответствующих общественно-экономических формаций, их подразделяют на буржуазные и социалистические

народности. В социальном плане такого рода общности отличаются от наций прежде всего своей классовой структурой. Хотя они и включены в социальные отношения соответствующих формаций, однако в их социальной структуре удельный вес ведущих классов этих формаций (буржуазии и пролетариата — в капиталистической, рабочего класса — в социалистической) сравнительно невелик. Преобладающим социальным слоем, как и при предшествующих формациях, обычно остается крестьянство. У такого рода народности либо вообще отсутствует «своя» государственность, либо, если таковая и имеется, то все же значительную часть ее функций выполняет государственное образование, в которое эта народность входит вместе с основной для данного образования крупной нацией (а нередко и другими национальными общностями)⁸³.

Всеим этим во многом определяется и этническая специфика буржуазных и социалистических народностей. В данном отношении весьма показательным рассмотрением С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым этих общностей сквозь призму культурных инфосвязей. По их мнению, народности нового и новейшего времени — это этнические общности, у которых внутренние инфосвязи слабее, чем нити, связывающие каждую из таких общностей с ассоциированной с ней крупной нацией. Другими словами, народность этого типа существует, как правило, только во взаимосвязи с крупной нацией: уэльская народность — во взаимосвязи с английской нацией, чукотская — во взаимосвязи с русской. Для такого рода народностей характерна широкая распространенность двуязычия, грамотности не только и даже иногда не столько на родном языке, сколько на языке связанной с ней нации⁸⁴.

С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров полагают, что подобного рода народности не могут (в отличие от народностей древности и средневековья) рассматриваться в качестве основных таксономических единиц классификации этносов, поскольку в новое и новейшее время в такой роли выступают нации⁸⁵. Однако, на наш взгляд, дело не только в классификационных принципах. Пожалуй, существеннее другое: так как в подобных ассоциированных общностях внутренние «синхронные» связи обеспечиваются между их частями в значительной мере межнациональными коммуникативными средствами, такие общности, естественно, не могут рассматриваться как самостоятельно функционирующие организмы. И это относится не только к собственно этнической, но и к социальной сфере, что, как уже говорилось, находит обычно внешнее выражение в отсутствии у такого рода народностей достаточно развитой «собственной» политической надстройки. Таким образом, очевидно, что ассоциированные народности нового

⁷⁹ См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1972, стр. 38—39.

⁸⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

⁸¹ См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», стр. 38.

⁸² П. Н. Федосеев. Ленинское учение по национальному вопросу и современность. — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 4, стр. 60.

⁸³ Разумеется, все эти различия не следует абсолютизировать, памятуя не только об условности, но и о подвижности границ между такого рода народностями и нациями.

⁸⁴ См.: С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, стр. 26.

⁸⁵ Там же.

и новейшего времени не могут быть причислены к этносоциальным организациям. Но в то же время несомненно, что такие народности представляют собой не просто этникосы, а этносоциальные общности, ибо они, с одной стороны, являются для соответствующей группы людей основными этническими подразделениями, в рамках которых воспроизводятся специфические этнические свойства, с другой — обладают определенными присущими только им социальными параметрами. Учитывая при этом тесную связь каждой из рассматриваемых нами народностей с определенной крупной нацией, представляется возможным характеризовать подобные народности как ассоциированные этносоциальные общности основного уровня. Что же касается терминологического разграничения народности древности и средневековья от народности нового и новейшего времени, ассоциированной с какой-либо крупной нацией, то представляется заслуживающим внимания предложение С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова определять их как первичные и вторичные народности⁸⁶.

Переходя к характеристике этникосов эпох капитализма и социализма, т. е. национальностей в узком значении слова, прежде всего следует напомнить, что в подавляющем большинстве случаев каждая национальность-этникос соответствует определенной нации-эсо (или нескольким нациям), однако пространственное соотношение их, как уже отмечалось выше, имеет несколько вариантов⁸⁷. При одном из них этникос-национальность и нация-эсо почти полностью совпадают; при другом — из одного этникоса-национальности социальные организмы вычлениют несколько этносоциальных образований; при третьем — в рамках одной социально-политической общности (государства) имеется несколько этносоциальных организмов. Этот последний вариант нуждается, на наш взгляд, в некоторых дополнительных пояснениях, поскольку хотя он внешне напоминает ассоциированные вторичные народности, однако речь идет о качественно ином явлении. Дело в том, что собственные коммуникативные связи внутри ассоциированной этнической единицы, как правило, возрастают по мере увеличения ее масштабов. Поэтому, когда такая единица в рамках соответствующего государства занимает обширную, компактную территорию (при сравнительно высокой плотности), представляется возможным рассматривать ее как эсо, хотя и не вполне завершенной структуры. Классическим образцом этого могут служить, в частности, франко-канадцы, представляющие в пределах Канады особый, отдельный этносоциальный организм, т. е. нацию.

Весьма сложным является вопрос о характеристике этнических подразделений, возникающих в случае, если один и тот же этникос расположен в пределах нескольких смежных социальных организмов, входящих, в свою очередь в общий социальный организм высшего уровня. В таком случае, строго говоря, один этносоциальный организм (эсо первого порядка) составляет та часть данного этникоса, которая

сосредоточена в основном для него социальном организме первого уровня. Однако в известном смысле эсо (второго порядка) образуют как это ядро этникоса, так и те его относительно компактные группы, что находятся на непосредственно примыкающей к нему территории, если она входит в пределы социального организма высшего уровня. Таким образом, скажем, украинцы Украинской ССР составляют эсо в строгом значении этого слова, хотя условно в качестве эсо (второго порядка) можно рассматривать всех украинцев, проживающих как в УССР, так и на примыкающей к ней территории РСФСР, Белоруссии и Молдавии, поскольку между ними существуют не только сравнительно регулярные социально-экономические связи, обеспечиваемые союзным государством, но и своеобразная непрерывность непосредственных этнокультурных контактов. Однако уже украинцы соседних с УССР районов Польши, Чехословакии, Венгрии оказываются вне украинского этносоциального организма, хотя и относятся к одному с ним этникосу.

Рассматривая соотношение этникосов-национальностей и эсо-наций, еще раз подчеркнем, что во всех рассмотренных вариантах этникосы обычно полностью не вписываются в эсо. Как правило, та или иная часть этникоса-национальности остается за пределами соответствующей нации-эсо (или наций) либо в дисперсной форме, либо в форме компактных групп.

Вопрос о характере подобного рода компактных этнических групп за пределами основной территории расселения соответствующего этникоса, т. е. вопрос о так называемых этнических анклавах, является чрезвычайно сложным. Чаще это всего-навсего этнотерриториальные группы в рамках государства, где основную массу населения составляет другая этническая общность (например, армяне в Сирии). Иногда такой анклав конституируется как автономная единица, пользующаяся определенным самоуправлением (например, албанцы в Югославии). Впрочем, степень этой автономии далеко не всегда определяет таксономическое место этнического анклава, ассоциированного в рамках одного государства со значительно превосходящей его в численном отношении нацией. Во всех случаях, когда важнейшие сферы внутренней жизни ассоциированного анклава, прежде всего внутренние экономические связи, обеспечиваются основным этносом соответствующего государства, этот анклав, очевидно, не представляет настолько самостоятельно функционирующей общности, чтобы его можно было отнести к категории эсо. Следовательно, такой анклав, представляющий часть этникоса-национальности, сам по себе (подобно вторичной народности) может быть определен как ассоциированная этносоциальная общность основного уровня.

Что касается находящихся в дисперсном состоянии отдельных частей национальностей-этникосов, то они в конечном счете обычно поглощаются теми нациями-эсо, с которыми они ассоциированы в одном социально-политическом образовании. Вместе с тем известны случаи, когда в результате слияния нескольких гетерогенных групп различных национальностей-этникосов складывается новая нация.

⁸⁶ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации..., стр. 26—27.

⁸⁷ См. выше, глава 2.

При этом в ее рамках соответственно образуется новый этникос-национальность, хотя в то же время у отдельных групп этого этникоса в той или иной степени сохраняются не только представления о происхождении от других этникосов, но и некоторые их характерные черты. Примером этого может служить североамериканская нация, многие представители которой обладают двойным этническим самосознанием, нередко отмечая, скажем, свое ирландское, итальянское, польское национальное происхождение.

Таким образом, национальности-этникосы в эпоху капитализма и социализма являются «производными» не только от наций-эсо, но также от вторичных и дисперсных народностей.

Определенное сходство с этникосами-национальностями имеют так называемые этнорасовые общности. Особый случай при этом представляют общности, возникшие в результате своеобразной консолидации расовых групп. Одним из примеров такой консолидации могут служить негры США. Другой пример дают индейцы Северной Америки. Представляя, с точки зрения науки, совокупность нескольких межплеменных групп, обладающих в целом песомической общностью происхождения, они, однако, ранее этой общности не создавали⁸⁸. Ныне же, в условиях роста взаимной информации перед лицом капиталистической эксплуатации и расовой дискриминации они осознают себя не только членами старых племенных групп, но индейцами в целом⁸⁹. Но одновременно как негры, так и индейцы обычно обладают сознанием принадлежности к определенному этносоциальному организму, например к североамериканской нации, и к соответствующему этникосу.

Более однозначно решается вопрос о микро- и макроэтнических единицах нового и новейшего времени. Собственно этнической микроединицей и в этом, как и во всех других случаях является человек-этнофор; в роли этносоциального микроподразделения выступает моногамная семья. Собственно этническими макроединицами остаются по-прежнему этнолингвистические общности разных уровней (славяне, восточные славяне и т. п.).

Фактически сохраняется от предыдущего этапа в качестве социально-этнических макроединиц и категория этнополитических общностей. Появление черт такой общности в той или иной степени прослеживается во всех многонациональных государствах нового и новейшего времени⁹⁰; это относится как к капиталистическим⁹¹, так и в еще большей степени к социалистическим многонациональным го-

сударствам⁹². Возникновение этнополитических общностей связано с процессами так называемой межнациональной (межэтнической) консолидации⁹³, важнейшая роль в которых принадлежит государству, контролирующему и объединяющему средства массовой коммуникации в рамках соответствующих политических границ⁹⁴. Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что этнополитические общности могут рассматриваться как организмы лишь в социально-политическом, но не в этническом отношении. Ведь в пределах таких образований некоторые зарождающиеся общие этнические черты по интенсивности значительно уступают этническим свойствам входящих в их состав наций и народностей. Между тем, как мы знаем, основные этнические подразделения, и в первую очередь эсо, обладают во всей иерархии этнических общностей наибольшей интенсивностью этнических свойств⁹⁵.

Занимаясь типологизацией этнических общностей, нельзя не отметить наличия у них переходных состояний. При этом подобные состояния могут быть обусловлены процессами, протекающими как в социально-экономической, так и в этнической сфере. Особенно показательны этносоциальные организмы, функционирующие в переходные периоды общественного развития. Например, в нашей стране в переходный период, отделяющий Октябрь от момента построения основ социализма, происходил постепенный процесс превращения бывших буржуазных наций в социалистические. В современных условиях применительно к развивающимся странам, очевидно, можно тоже говорить об этносоциальных организмах, находящихся в переходном состоянии⁹⁶ (иногда их называют «развивающиеся нации»).

Что касается переходных состояний этнических общностей, связанных с изменением их этнических свойств, то в данном отношении, очевидно, наиболее показательны те случаи, когда эти изменения завершаются сменой этнического самосознания. Примером этнических образований, находившихся еще сравнительно недавно в таком переходном состоянии, могут, пожалуй, служить англо-австралийцы, причем в данном случае, как это бывает довольно часто, немалую роль

развития современной Индонезии.— «Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера», 1972, стр. 42—44).

⁸⁸ См.: Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии.— СЭ, 1969, № 1; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.— СЭ, 1970, № 1.

⁸⁹ См. об этом в следующей главе.

⁹⁰ Нельзя также забывать о необходимости четко ограничивать этнополитические общности от всех разновидностей собственно этнических образований.

⁹¹ Следовательно, было бы ошибочно определять этнополитические общности как нации.

⁹² См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», стр. 499.

⁸⁸ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, стр. 28.

⁸⁹ И. А. Золотаревская. Место индейцев в общественной и культурной жизни США.— «Культура индейцев». М., 1963, стр. 314—315.

⁹⁰ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Современный этап национального развития народов Азии и Африки.— СЭ, 1961, № 4, стр. 78.

⁹¹ Наглядным примером этого могут служить современные Индия и Индонезия (см.: Ю. В. Маретин. Основные тенденции национального и этнического

в формировании нового этноса сыграло взаимодействие разноэтнических элементов (англичан, ирландцев, шотландцев и т. д.).

Наконец, следует напомнить о существовании промежуточных этнических подразделений. Иногда в такой роли выступают этнорасовые общности, чаще — этнические группы, которые, как уже говорилось, обычно именуется этнографическими.

Итак, этническая структура человечества представляет собой чрезвычайно сложную иерархию, большинство основных компонентов которой в ходе всемирно-исторического процесса существенно изменяют свои параметры. Все это создает значительные трудности для ее обобщенной характеристики, одна из попыток которой и предпринята в настоящей главе.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Для этноса как устойчивой динамической системы характерны не только преемственность, непрерывность развития, но и изменения во времени, которые принято именовать этническими процессами¹. Содержание понятия «этнические процессы», однако, раскрывается не всегда вполне однозначно. Существует мнение, что к этническим относятся только те процессы, которые ведут в конечном счете к изменению этнической (национальной) принадлежности людей². Однако, как уже справедливо отмечалось, тем самым понятие «этнические процессы» чрезвычайно сужается³. Действительно, любое изменение того или иного компонента этноса представляет собой происходящий в нем процесс и, следовательно, может быть квалифицировано как этнический процесс. И все же, на наш взгляд, наряду с подобным широким пониманием этих процессов правомерно и их узкое определение. И дело не только в прикладном значении такого определения, связанного с тем, что на практике этнические процессы фиксируются преимущественно как изменения этнической принадлежности. Разграничение широкого и узкого понимания этнических процессов имеет под собой теоретическое основание, что первое из них отражает эволюционные изменения этноса, второе — его скачкообразный переход в новое состояние.

Так как в первом случае речь идет об изменении отдельных компонентов этнической системы, имеющих эволюционный характер в том смысле, что сама система в целом сохраняется как таковая, то этот вариант этнических процессов предлагается именовать «этноэволюционным». Этнические же процессы, связанные с «разрывом» постепенности, могут быть условно названы «этнодискретными». Они играют особую роль в этногенетических процессах, приводя к переходу людей в новое этническое состояние. Эти процессы обусловили появление первых этнических общностей; они не прекращаются и по сей день. Более того, новые этносы не только возникают в наше время, но, очевидно, будут возникать и в обозримом будущем, пока все человечество не станет единой культурной общностью. Однако в силу того, что подавляющее большинство современных народов сложилось

¹ Понятие «этнические процессы» появилось в нашей литературе сравнительно недавно и было введено в научный обиход этнографами (см. об этом: Л. В. Хомич. О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5, стр. 79).

² В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 326—343.

³ Л. В. Хомич. О содержании понятия «этнические процессы», стр. 82.

уже давно, понятия «этногенетические процессы», «этногенез» обычно прежде всего ассоциируются с далеким прошлым⁴. Иначе говоря, эти понятия могут употребляться в широком и узком значении.

Этноэволюционные и этнодискретные процессы органически взаимосвязаны; они являются однотипными в том смысле, что имеют в виду изменение этнических и других собственно этнических общностей. Это, так сказать, собственно этнические процессы, охватывающие как эволюционные, так и скачкообразные изменения этнических общностей.

От собственно этнических необходимо отличать этносоциальные процессы, т. е. изменения, касающиеся этносоциальных общностей, в первую очередь эсо. Это разграничение обусловлено прежде всего различиями в типах изменений собственно этнической и социально-экономической сфер деятельности общества. Известно, что во всей совокупности общественных явлений социально-экономические наиболее подвижны. Между тем именно они, несомненно, являются определяющими в изменении этносоциальных систем. Что касается этнокультурных явлений, то, как мы знаем, они, наоборот, отличаются большей устойчивостью. Этим и обусловлена значительная замедленность этнических процессов по сравнению с социально-экономическими. В результате скачков в этнических процессах обычно не совпадают с «разрывами постепенности» в социально-экономической истории, а соответственно и со скачками в развитии этносоциальных систем. Переход от одной социально-экономической формации к другой неизбежно влечет за собой изменение основных типологических черт этносоциальных организмов⁵. Но этнический может существовать на протяжении нескольких формаций (двух, трех, а подчас даже четырех — например, армяне)⁶.

Напомним также, что смена типов этносоциальных организмов не сводится к простой перемене их социальных параметров. Она влечет за собой, как мы уже могли убедиться, и значительные изменения «чисто» этнических компонентов (прежде всего их однородности и «плотности»), а нередко даже увеличение масштабов самих этнических общностей.

Основную разновидность этносоциальных процессов представляют национальные процессы. Следует, однако, при этом не забывать о том, что у прилагательного «национальный» мы условились различать два значения — узкое и широкое⁷. В первом случае имеются в виду собственно этнические процессы — изменения этнических общностей в эпохи капитализма и социализма. Во втором слу-

чае — этносоциальные процессы, протекающие в те же эпохи, т. е. прежде всего изменения, касающиеся буржуазных и социалистических наций.

Как этносоциальные процессы в целом, так и национальные процессы в широком значении слова представляют собой чрезвычайно сложные явления. Они охватывают самые различные сферы общественной жизни: от экономики до общественного сознания. Поэтому для удобства анализа такого рода национальных процессов в них в последнее время принято в научной литературе условно выделять две основные взаимосвязанные стороны: социальную и собственно этническую⁸. При этом под социальной стороной подразумеваются социальные явления в узком значении слова, т. е. в первую очередь производственные отношения, классово-профессиональная сфера общественной жизни. Под этнической же стороной национальных процессов в таком случае имеются в виду изменения собственно этнических свойств этносоциальных общностей, включая этническое самосознание.

Хотя определяющая роль в национальных процессах (в широком значении слова), несомненно, принадлежит собственно социальным явлениям, прежде всего экономике, однако этническая сторона представляет не только существенную, но и непреходящую составляющую этих процессов (ведь существование национального без этнического просто невозможно).

Эта этническая сторона национальных процессов (в широком значении слова), обладающая в силу указанных выше причин определенной самостоятельностью, представляет одну из форм проявления собственно этнических процессов, охватывая их значительную часть.

Что касается вопроса о собственно этнических процессах, выходящих за рамки национальных процессов, то он имеет два аспекта, один из которых условно может быть назван «структурным», другой — «стадиальным». Имея в виду «структурный» аспект проблемы, к собственно этническим процессам (помимо тех, что непосредственно сопряжены с национальными) следует отнести изменения, происходящие в целом с этническими макроединицами (или с этническими свойствами социально-этнических макроединиц). Это, так сказать, «наднациональные» этнические процессы. В «стадиальном» же плане за пределами национальных процессов (в узком значении слова) находятся те этнические процессы, которые представляют изменения, происходящие с этническими общностями (или с этническими свойствами социально-этнических общностей) докапиталистических формаций.

Наиболее распространенную разновидность собственно этнических процессов составляют этноэволюционные процессы. На протяжении

⁴ См.: Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.— СЭ, 1970, № 1, стр. 7; «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1972, стр. 11—12.

⁴ См., например: «Этногенез».— БСЭ, т. 49, стр. 248.

⁵ См. выше, ч. I, гл. 8.

⁶ Тем не менее нет оснований усматривать в этом свидетельство того, что этнос представляет собой биологическое явление, а этнические процессы — разновидность биологических (см.: Л. Н. Гумилев. Этногенез и этносфера.— «Природа», 1970, № 1, 2; он же. О термине «этнос».— «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л., 1967, вып. 3, стр. 7).

⁷ См. выше, ч. I, гл. 6.

своего существования каждый этнос практически перманентно подвергается такого рода изменениям. Воспроизводство этих изменений обеспечивается внутренними инфосвязями этноса. Первоначально активная роль в данном отношении принадлежит синхронным связям, осуществляющим «горизонтальное» распространение инноваций внутри этноса и придающим им тем самым массовый характер. Однако в конечном счете решающая роль остается за диахронными связями, ибо только межпоколенная передача инноваций придает им традиционность, относительную устойчивость, которая, как мы знаем, столь существенна для выполнения любым компонентом бытовой культуры (конечно, при условии его своеобразия) этнических функций.

В целом же совокупность информационных связей на каждом этапе существования этноса вбирает какой-то новый «слой» этнокультурной информации. Вместе с тем в силу относительной устойчивости этнических свойств происходит постепенная утрата этносом каких-то их элементов. Но пока существует этнос, как правило, сохраняется значительная часть его традиционных свойств, правда нередко в сильно модифицированном виде. В результате этого культурная информация этноса в каждый данный момент обычно весьма многослойна. Она включает наряду со сравнительно недавно сложившимися традициями также «слои», возникшие еще в период формирования этноса.

Своеобразный итог этноэволюционных изменений и вместе с тем их диалектическое отрицание представляют этногенетические процессы. Как показывает изучение истории народов мира, основными видами такого рода процессов являются процессы этнического разделения и этнического объединения. В. И. Козлов, обративший особое внимание на необходимость разграничения этих явлений, определяет этническое разделение как «процесс, при котором от прежней единой этнической общности отделяется (точнее, отпочковывается) другая общность, или когда первая целиком делится на две или больше частей, каждая из которых становится отдельным самостоятельным народом»⁹. Этого рода процессы были особенно характерны для доклассовых обществ. Основная причина их возникновения — разделение племен в результате увеличения их размеров и истощения естественных ресурсов в пределах племенной территории. Именно процессы этнического разделения лежат в основе расселения людей по земному шару из области (или нескольких областей) формирования *Homo sapiens*. В докапиталистических формациях процессы этнического разделения и связанные с ними массовые миграции послужили основанием для возникновения многих народов¹⁰. Своеобразным видом процессов этнического разделения в раннекапи-

талистическую эпоху были переселения европейцев (испанцев, англичан, голландцев и др.) за пределы Европы (в Америку, Африку, Австралию), сопровождавшиеся возникновением новых этнических общностей. В XX столетии процессы этнического разделения проявляются уже в значительно меньших масштабах, чем прежде. Это почти исключительно случаи, когда в результате расчленения единого этноса новыми государственными границами возникали новые этносоциальные образования¹¹.

Начиная с эпохи разложения первобытного общества, доминирующими становятся процессы этнического объединения. Эти процессы обычно в общей форме характеризуют как процессы сближения и слияния, что вполне оправдано, ибо тем самым отмечается их различная глубина. В то же время возможно разграничение объединительных процессов в зависимости от их внутренней структуры. В этой связи в нашей этнографической литературе нередко отмечаются лишь две разновидности таких процессов: в одних случаях, их сводят к консолидации и сближению¹², в других — к ассимиляции и консолидации¹³.

Представляется, однако, более правомерным выделять три типа этнических (соответственно национальных) процессов объединительного характера: консолидацию, ассимиляцию и интеграцию¹⁴.

К процессам этнической (национальной) консолидации могут быть отнесены процессы слияния нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в одну этническую общность. При этом, очевидно, следует различать консолидацию народностей из близкородственных племен и этнографических групп и консолидацию наций из близких по языку и культуре народностей, этнических групп, национальных меньшинств и т. п.¹⁵ Так как родственные народы обычно ведут свое происхождение от какой-то единой в прошлом этнолингвистической общности, то развитие процессов этнической консолидации в ряде случаев является как бы своеобразным диалектическим отрицанием процессов этнического разделения¹⁶.

К процессам этнической (национальной) ассимиляции принято относить процессы растворения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в среде другого народа. Существуют, как известно, два типа ассимиляции: насильственная и естественная, всегда имевшая, как указывал В. И. Ленин, прогрессивное значение¹⁷.

численности народов, стр. 314—316; *он же*. Что же такое этнос? — «Природа», 1971, № 2, стр. 72.

¹¹ См.: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 317—319.

¹² См.: В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. — СЭ, 1964, № 4.

¹³ См.: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 260.

¹⁴ Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, стр. 7—14.

¹⁵ Ср.: И. С. Гурвич. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. — СЭ, 1967, № 5, стр. 63.

¹⁶ В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 260.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 125, 127.

⁹ В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 259.
¹⁰ См.: И. Н. Хлопин. Сегментация в истории первобытного общества. — ВИ, 1968, № 8; В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2, стр. 35—45; И. Н. Третьяков. Археологическая культура и этнические общности. — «Теоретические основы советской археологии». Л., 1969, стр. 31—32; В. И. Козлов. Динамика

Под межэтнической (межнациональной) интеграцией (сближением) нами понимается взаимодействие существенно различающихся по своим языково-культурным параметрам основных этнических единиц — племен, народностей, наций, ведущее к появлению у них некоторых общих этнических черт. С такого рода процессами и связано формирование в рамках многонациональных государств тех этнополитических общностей, о которых шла речь в предыдущей главе.

Следует вместе с тем учитывать тесную взаимосвязь всех трех указанных разновидностей собственно этнических процессов объединительного характера. Например, этническая консолидация нередко в той или иной степени сопровождается ассимиляцией, а этническая интеграция может выступать в роли своеобразной ступени на пути к этнической консолидации. Необходимо также иметь в виду, что рассматриваемые процессы различаются своими результатами. Консолидация и ассимиляция приводят к относительно полной этнической однородности, интеграция сопровождается лишь возникновением некоторых общих этнических черт у взаимодействующих этносов.

Из всех трех разновидностей объединительных процессов наименее значительные изменения этнических свойств происходят при межэтнической интеграции, наибольшие — при ассимиляции. Имея в виду в целом механизм этих различных по своему характеру процессов, следует отметить, что в различных сферах этноса соответствующие изменения протекают далеко не одинаково. Как правило, они наиболее пластичны в сфере бытовой культуры. Значительно заметнее и резче изменяется языковая сфера: сначала обычно наступает двуязычие и лишь затем полная смена языка. Однако, как и этнические изменения в области бытовой культуры, перемена языка сама по себе еще не означает перехода в другое этническое состояние. В таком качестве выступает лишь смена этнического самосознания, протекающая внешне в форме скачка.

Возможно, конечно, и более детальное членение отдельных видов объединительных этнических процессов. Этот вопрос уже неоднократно затрагивался в научной литературе, особенно англо-американской¹⁸. Однако до сих пор нет его единой трактовки. Это во многом обусловлено смешением отдельных этапов ассимиляции этноса с отдельными сторонами этого процесса. Представляется, что в самой общей форме могут быть выделены следующие его «составляющие»: изменения культуры в узком значении слова (начальная стадия — культурно-бытовая адаптация, заключительная — культурная ассимиляция), изменение языка (двуязычие, языковая ассимиляция), смена этнического самосознания (этническая ассимиляция).

¹⁸ См., например: R. Redfield. Culture contact without conflict. — «American Anthropologist», Menasha, 1939, v. 41; H. Bunle. The cultural assimilation of immigrants. — «Cultural assimilation of immigrants», London, UNESCO, 1950; «Analysis of social problems», M. G. Caldwell (ed.), Harrisburg, 1954; M. Gordon. Assimilation in American life. London, 1964.

Но это, разумеется, лишь общая схема. Например, если иметь в виду этносоциальные процессы, то к сказанному необходимо добавить социально-экономическую адаптацию и смену государственной принадлежности (натурализацию). Кроме того, в зарубежной литературе часто применяется термин «амальгамация». При этом под амальгамацией понимают процесс биологического смешения групп, различных в расовом и культурном отношении, основанный главным образом на смешанных браках и приводящий к сглаживанию этих различий¹⁹.

Характеризуя в целом собственно этнические процессы, необходимо особо подчеркнуть, что они, подобно этническим общностям, представляют собой иерархическое явление. Иначе говоря, они могут идти как бы на разных ярусах и притом подчас даже в разных направлениях. В результате одна и та же группа людей, принадлежащая к одному этносу, оказывается одновременно как в сфере «внутреннего» развития этого этноса, направленного на укрепление его в качестве самостоятельной системы, так и в сфере процесса, направленного на объединение того же этноса с другими этническими образованиями.

Эти в известном смысле противоположные тенденции пронизывают всю этническую историю человечества. Так, характерные для первобытности дивергентные этнические процессы обычно сочетались с внутриплеменными консолидационными процессами. Еще более отчетливо рассматриваемые тенденции проявляются при формировании в докапиталистических классовых обществах таких этносоциальных организмов, как народности. При этом если, с одной стороны, протекал процесс, направленный на объединение в народность различных этнических групп (главным образом остаточных форм племенных образований), то с другой — еще долго продолжалось этноэволюционное развитие этих групп, по существу выражавшее тенденцию к их сохранению.

Но особенно характерно такого рода взаимопересечение этнических процессов для эпохи капитализма. Именно это обстоятельство и раскрывает разработанная В. И. Лениным концепция двух тенденций в национальном вопросе. «Развивающийся капитализм, — указывал он в данной связи, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма»²⁰.

¹⁹ Подробнее см.: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 266—269; Е. М. Верещагин. Психологическая и методологическая характеристики двуязычия (билингвизма). М., 1969, стр. 133—138.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

На протяжении капиталистической формации соотношение этих двух тенденций не оставалось неизменным. Первая, отмечал В. И. Ленин, преобладала в ее начале, «вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»²¹.

В модифицированном виде, как будет показано ниже, обе рассматриваемые тенденции действуют и в эпоху социализма, приобретая здесь, однако, принципиально иной характер.

Переходя к рассмотрению факторов, лежащих в основе этнических процессов, приходится констатировать, что и в этой области довольно распространен узкий подход к решению проблемы. Он выражается прежде всего в тенденции свести эти факторы преимущественно к межэтническим контактам. Между тем, сколь ни велико значение такого рода контактов для судеб этносов, было бы явным упрощением игнорировать как внутриэтнические, так и внеэтнические факторы. Одним словом, причины, вызывающие изменения этноса, на наш взгляд, могут иметь внутриэтнический, межэтнический и внеэтнический характер.

Внутриэтнические факторы в свою очередь могут быть дифференцированы. Прежде всего к ним следует отнести те изменения, которые обусловлены внутренним развитием того или иного компонента этноса. Примером этого могут служить такие лингвистические процессы, как синтаксические и морфологические изменения языка в силу внутренних закономерностей его развития. Однако, рассматривая подобные процессы, не следует забывать об относительном характере их независимости²². Своеобразную разновидность факторов внутриэтнических изменений представляет, на наш взгляд, взаимодействие различных компонентов этноса. Особенно в этом отношении существенно их взаимодействие с этническим самосознанием. Будучи обусловленным, как мы видели, объективными свойствами этноса, оно в то же время нередко оказывает на них «обратное» воздействие. Впрочем, подобного рода внутренние взаимодействия компонентов этноса в конечном счете, как правило, сами оказываются стимулированными внеэтническими факторами.

Что касается взаимодействия этносов как фактора их изменения, то этот вопрос недавно был обстоятельно проанализирован В. И. Козловым. Им, в частности, убедительно показано, что при взаимодействии этносов важное значение имеет сходство или различие их языка. Совпадение или, во всяком случае, очень большая близость языков контактирующих общностей является непременным условием процесса этнической консолидации. Близость языков, допускающая возможность непосредственного речевого общения, несомненно, способствует этническим контактам и между уже сформировавшимися народами. В случае сильного расхождения языков контактирующих общностей процесс их этнического объединения чрезвычайно за-

трудняется. Общение между народами, говорящими на существенно различающихся языках, зависит от распространения двуязычия, которое достигается либо путем овладения языком народа, с которым контактирует данная общность, либо каким-то языком-посредником.

Наряду с языком важное значение для контактирующих этносов имеет религиозный фактор. Его влияние, как и влияние других компонентов культуры, в целом во многом сходно с воздействием на межэтнические контакты языковых различий: близость культуры, как правило, ускоряет объединительные процессы, разнородность — тормозит их²³.

Характер этнических контактов в значительной мере предопределяется такими компонентами этнического самосознания, как этнические стереотипы, этнические предубеждения, в том числе этнорасовые, чувства симпатии или антипатии между взаимодействующими этносами. Несомненно, определенное влияние на контакты этносов оказывает и различие или сходство их «ценностных ориентаций». Приходится, однако, согласиться с мнением, что психологические факторы этнических процессов заслуживают гораздо большего внимания, чем им пока уделяется в нашей литературе. Лишь в последнее время в этом отношении наметились некоторые сдвиги²⁴.

Непременным условием и вместе с тем важным фактором объединительных процессов является общность территории взаимодействующих этносов. При этом возможны два основных варианта такой общности: в одном случае — это просто соседство контактирующих этносов, в другом — их чересполосное, смешанное расселение. При первом варианте этнические единицы непосредственно контактируют лишь в пограничной полосе²⁵. Чересполосное расселение открывает при прочих равных условиях, естественно, более широкие возможности для межэтнических контактов. Очень важное значение имеют при этом конкретные особенности расселения: живут ли, например, контактирующие группы в одном и том же населенном пункте (и занимают ли они в нем отдельные кварталы или полностью перемешаны в пределах улиц или даже отдельных домов) или обитают в различных, хотя и соседних, населенных пунктах²⁶.

Существенное влияние на этническую ситуацию оказывает и соотношение численности контактирующих этносов. Совершенно очевидно, что при прочих равных условиях преимущества при этих кон-

²³ В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 299—308; П. И. Пучков. Население Океании. Этногеографический обзор. М., 1967, стр. 39, 44.

²⁴ См.: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 309—314; И. С. Кон. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений). — «Новый мир», 1966, № 9; С. И. Королев. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970.

²⁵ См.: П. И. Кушнер. Этнические территории и этнические границы. — ТИЭ, новая серия, т. XV. М., 1951, стр. 33—34.

²⁶ См. подробнее: В. И. Козлов. Динамика численности народов, стр. 273—279.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

²² См. об этом выше, стр. 76, 77.

тактах имеет более многочисленный этнос. Значительное влияние на развитие этнических процессов оказывают особенности поло-возрастного состава контактирующих групп. В частности, особенно быстро подвергаются ассимиляции группы иммигрантов, состоящие из одних мужчин²⁷.

Среди воздействующих на этнос факторов внеэтнического характера в первую очередь, пожалуй, следует указать на географическую (природную) среду. Она является неременным условием возникновения и функционирования этноса, и ее изменения оказывают существенное влияние на собственно этнические процессы. К тому же географическая среда представляет ту «арену», на которой разворачиваются эти процессы.

О значении географической среды для формирования и функционирования этноса свидетельствуют прямые и косвенные следы ее воздействия, которые обнаруживаются в самых различных его компонентах, начиная от материальной культуры и кончая этнонимами. Так, климат во многом определяет особенности одежды, жилища, набор возделываемых сельскохозяйственных культур, спортивные средства в различные времена года и т. д. Почва, рельеф и гидрография оказывают влияние на характер трудовой деятельности, особенно в сельскохозяйственной сфере, на тип сельских поселений и т. п. Как уже говорилось, естественные рубежи (горные хребты, пустыни, водные преграды и т. п.), особенно на ранних ступенях развития общества, играют роль этнических границ. Состав флоры определяет материал жилища и его виды, а вместе с особенностями фауны сказывается на специфике повседневной жизни и даже культурно-хозяйственном развитии тех или иных народов²⁸.

Влиянием природной среды объясняется и наличие сходных черт в материальной культуре и хозяйстве народов, находящихся на сходных уровнях социально-экономического развития и обитающих в примерно одинаковых географических условиях. Именно на этом, в частности, основывается выдвинутая советскими учеными М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым концепция хозяйственно-культурных типов²⁹.

Характерные особенности географической среды (климата, почвы, рельефа, флоры, фауны и т. д.) оказывают также определенное влияние на отдельные стороны духовной культуры и психического склада этноса³⁰. Это находит свое косвенное выражение прежде всего в отдельных специфических привычках, обычаях, обрядах, в которых проявляются особенности быта народа, связанные с характер-

ными чертами среды его обитания³¹. Что касается такого компонента психического склада этноса, как темперамент, то хотя его взаимосвязь с экологической средой представляется обычно достаточно очевидной, однако, как уже говорилось, при этом необходимо учитывать по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, люди разных темпераментов имеются во всех этносах, и применительно к каждому из них речь может идти, видимо, лишь о преобладании того или иного типа темперамента. Во-вторых, эмоциональная сторона психики в значительной мере детерминирована социальными факторами. Находит отражение географическая среда и в этническом самосознании. В данной связи нельзя не напомнить, что ландшафты этнической территории запечатлеваются в сознании населяющих ее людей в виде представления о «родной земле». Некоторые элементы ландшафта либо в виде зрительных образов (береза у русских, тополь у украинцев, сакура у японцев и т. п.), либо в сочетании с топонимикой (река Волга у русских, гора Фудзи у японцев и т. п.) становятся своего рода символами этнической принадлежности³². Как уже говорилось, о влиянии географической среды на этническое самосознание свидетельствуют топонимы³³.

Было бы, видимо, явным упрощением полностью сбрасывать со счетов влияние географической среды на биологические (в первую очередь физиологические) параметры сопряженных с этносами популяций, а также ее роль как биоэнергетического источника их функционирования³⁴. Но не менее ошибочно придавать этим факторам независимую и решающую роль в этнических процессах. В этой связи нельзя, в частности, не отметить несостоятельность попытки Л. Н. Гумилева представить в качестве основной движущей силы этнической истории так называемую пассонарность. Понимая под ней стремление небольшого числа людей (или даже отдельных лиц) к активной целенаправленной деятельности³⁵, Л. Н. Гумилев усматривает ее единственное основание в повышенной способности «организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы»³⁶. Между тем совершенно очевидна неправомерность отождествления физической энергии людей с их активностью. Последняя же, особенно если иметь при этом в виду общности людей, в том числе этнические, зависит прежде всего от конкретно-исторических условий их существования, т. е. в конечном счете определяется преимущественно социальными факторами. К тому же следует учитывать и возможность определенного влияния на любое проявление

²⁷ Так, определенные климатом циклы сельскохозяйственных работ умеренного пояса, как известно, способствовали возникновению специфических обычаев и обрядов, совершенно неизвестных «народам» тропических стран.

²⁸ V. Koslow, V. Pokschischewski. Ethnographie und Geographie, S. 146.

²⁹ Например, береговые чукчи называют себя ан калыи — «морские жители», а одна из групп селькупов — шейнкум, т. е. «таежные люди».

³⁰ Ю. К. Ефремов. Важное звено в цепи связей человека с природой. — «Природа», 1971, № 2, стр. 79.

³¹ Л. Н. Гумилев. Этногенез и этносфера, стр. 46.

³² Там же, стр. 50.

²⁷ П. И. Пучков. Формирование населения Меланезии. М., 1968, стр. 26.

²⁸ V. Koslow, V. Pokschischewski. Ethnographie und Geographie. «Ideen des exakten Wissens. Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion». Stuttgart, 1971, 2. Februar, S. 141.

²⁹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ, 1955, № 4.

³⁰ С. И. Королев. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970, стр. 39—42.

активности этноса такого трудноподдающегося измерению фактора, как специфические особенности его психики. Одним словом, проблема различий в активности этносов значительно сложнее, чем это представляется Л. Н. Гумилеву³⁷.

Наиболее оцутимое воздействие географическая среда оказывает на этнос (особенно на ранних стадиях общественного развития) в период его формирования, когда он как бы адаптируется, приспосабливается к своей природной «пище». Однако этот общеизвестный факт не следует абсолютизировать, ибо процесс трудового взаимодействия человека с природой является непрерывным³⁸. При этом следует иметь в виду, что географическая среда оказывает воздействие на этнос, как и на другие социальные общности, во многом опосредованно — через развитие производительных сил. «Надо прежде всего не забывать, — отмечал еще Г. В. Плеханов, — что естественная среда становится важным фактором в историческом развитии человечества не благодаря своему влиянию на человеческую природу, но благодаря своему влиянию на развитие производительных сил»³⁹. Сложный механизм этого влияния, в частности, связан с тем, что развитие производительных сил, вовлекая в сферу производства новые, ранее не использованные компоненты природы (например, полезные ископаемые, гидроресурсы и т. п.), само оказывается в конечном счете в определенной зависимости от их потенциальных ресурсов и, следовательно, либо стимулируется, либо тормозится ими. С другой стороны, сам этнос через сферу производства определенным образом воздействует на природу⁴⁰. В свою очередь такие изменения географической среды оказывают обратное воздействие на этнос, подчас играя весьма существенную роль в его судьбах⁴¹. В качестве одного из факторов, стимулирующих воздействие на этнос природной среды, могут выступать также его пространственные перемещения: различные виды миграций⁴². И хотя в силу устойчивости основных компонентов этноса он и в новой природной среде сохраняет их по инерции сравнительно долго, однако в конечном счете приспособление к ней дает себя знать, особенно в сфере материальной культуры.

³⁷ См.: М. А. Артамонов. Снова «герои» и «толпа»? — «Природа», 1971, № 2, стр. 76; Ю. В. Бромлей. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза. — «Природа», 1971, № 2, стр. 84.

³⁸ В. А. Пуляркин. О содержании понятия «географическая среда» и о влиянии географической среды на общество. — «Природа и общество». М., 1968, стр. 76.

³⁹ Г. В. Плеханов. Очерки по истории материализма. «Избранные философские произведения», т. II, М., 1956, стр. 157.

⁴⁰ При этом это воздействие обнаруживает зависимость от исторически накопленных в этносе трудовых навыков, сформировавшихся в его рамках традиций производства и хозяйственного быта.

⁴¹ Так, например, развитие степного скотоводства, приводя в древности нередко к полному истощению пастбищ, оказывалось причиной перемещения этносов.

⁴² См.: В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей.

На ранних ступенях общественного развития на изменения этноса, вероятно, оказывали определенное влияние и эпохальные колебания климата.

Однако все сказанное о географической среде как факторе этнических процессов, разумеется, не может служить основанием для заключения об определяющей роли для них этого фактора. О несостоятельности подобных выводов в духе антропогеографической школы Ф. Ратцеля достаточно наглядно свидетельствует тот факт, что хозяйство и быт народов (не говоря уже об их социальных отношениях) обычно изменяются неизмеримо быстрее, чем изменяется их географическая среда. Не менее показательно и то, что при перемещении территории (например, в результате переселения) этнос не только не исчезает, но и в значительной мере сохраняет свои черты.

Нельзя в данной связи не напомнить и о том общеизвестном факте, что по мере поступательного развития человечества влияние географического фактора на общественные явления, в том числе этнические, неуклонно ослабевает.

Таким образом, при рассмотрении влияния географической среды на развитие этнических процессов недопустимы как «географический нигилизм», так и преувеличение этого влияния. Подобные преувеличения, по справедливому замечанию Ю. К. Ефремова, уже не раз компрометировали сам откровенный постулат проблемы взаимодействия природы и общества⁴³.

Одно из недавних проявлений такого рода тенденций представляет тезис Л. Н. Гумилева, что для этногенеза являются благоприятными только те регионы, где сочетаются разнородные ландшафты; напротив, одноландшафтные территории, по его словам, никогда не были местом возникновения этносов⁴⁴. Этот тезис иллюстрируется картой, на которой выделены, так сказать, «этногенные» территории⁴⁵. Судя по ней, за пределами таких территорий оказывались Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия, большая часть Индии и т. д. Однако трудно не согласиться с заключением, что избранные автором критерии ландшафтного разнообразия субъективны, а его концепция — не убедительна⁴⁶. Действительно, как свидетельствует этническая история человечества, этногенез народов не предопределяется ни разнообразием, ни однообразием ландшафта: они возникали и в тех и в других условиях.

Все это, впрочем, уже отмечалось в ходе развернувшегося на страницах журнала «Природа» обсуждения статьи Л. Н. Гумилева «Этногенез и этносфера»⁴⁷. Еще раз продемонстрировав необходимость при рассмотрении проблемы «этнос — природа» учитывать

⁴³ Ю. К. Ефремов. Важное звено в цепи связей человека с природой, стр. 78.

⁴⁴ Л. Н. Гумилев. Этногенез и этносфера, стр. 52.

⁴⁵ Там же, стр. 53.

⁴⁶ Ю. К. Ефремов. Важное звено в цепи связей человека с природой, стр. 79.

⁴⁷ В. И. Козлов. Что же такое «этнос»? , стр. 71.

определяющую роль социальных факторов⁴⁸, дискуссия эта в целом, несомненно, способствовала дальнейшей разработке данной проблемы.

Как ни парадоксально, но роль для этнических процессов географической среды в настоящее время в нашей литературе освещена, пожалуй, более обстоятельно, чем значение для них социальных факторов. Это связано с тенденцией к сужению проблемы. Во-первых, ее рассмотрение обычно заслоняется вопросом о соотношении экономической и этнической общностей. Во-вторых, если вопрос о влиянии социальных явлений на этнические процессы и ставится, то он почти полностью сводится к экономике, а эта последняя — к экономическим связям. К тому же вопрос о влиянии этих связей, как правило, рассматривается применительно лишь к одному типу этнических общностей — нациям.

Для этнических образований, как и для всех других видов общественных явлений, определяющим фактором изменений в конечном счете является производство материальных благ. «Механизм» воздействия этого фактора на этнические общности весьма многогранен. При его рассмотрении, в частности, обычно упускается из виду, что только производство обеспечивает восстановление непрерывно потребляемых людьми материальных благ, многие из которых являются носителями этнических свойств (особенно на ранних ступенях общественно-исторического развития). Стало быть, само воспроизводство материальных благ представляет важный момент этнической преемственности — явления, как уже говорилось, лежащего в основе длительного существования этнических общностей.

Поскольку же воспроизводство материальных благ обычно сопровождается техническим прогрессом, оно неизбежно влечет за собой культурные изменения. Притом имеется несколько модусов таких изменений. В данной связи нельзя, например, не напомнить о том, что прогресс производства связан со включением в сферу культуры новых материалов, придающих ей подчас явно выраженные специфические черты. Это особенно дает о себе знать в диахронном плане. Весьма показательны в данной связи различия археологами племен каменного, бронзового и железного веков (впрочем, подобное разграничение может иметь и синхронный характер: например, речь может идти о сосуществовании этносов, находящихся на стадиях бронзы и железа).

Но влияние производства на изменение материальной культуры, разумеется, не сводится лишь к простому включению в нее предметов, изготовленных из новых материалов; важной формой обновления материальной культуры выступает и другой путь: создание новых видов предметов из традиционно используемых материалов. В том и другом случае подобные инновации относятся не только к предметам потребления, но и к самим производительным силам. Ведь,

⁴⁸ См. примечание редколлегии журнала «Природа» к заключительным статьям по дискуссии на тему «Этногенез и этносфера» («Природа», 1971, № 2, стр. 71).

составляя вместе с производственными отношениями способ производства, т. е. социально-экономический базис, производительные силы одновременно в качестве результатов (орудия труда) и способа (знания и навыки) деятельности людей являются компонентами культуры.

Рассматривая в историко-этническом плане воздействие развития производительных сил на материальную культуру, напомним об одном своеобразном аспекте этого воздействия: чем выше уровень развития производства, тем меньше этнической специфики в материальной культуре.

Однако основное воздействие производительных сил на этнос осуществляется не непосредственно, а опосредованно — через производственные отношения. В первую очередь это проявляется через такой их компонент, как экономические связи⁴⁹. Воздействие этих связей на общественную жизнь имеет различные аспекты, в том числе и этнокультурный. Последний непосредственно выражается в том, что развитие экономических связей на определенной территории не только требует интеграции культуры (в первую очередь — языка), но и способствует такой интеграции. Ведь происходящее при этом усиление контактов между населением неизбежно сопровождается ростом синхронной этнокультурной информации⁵⁰. Содействует объединительным этническим процессам, как мы увидим ниже, и обычно следующее за развитием экономического обмена укрепление политической общности составных частей соответствующих государственных образований.

На разных этапах всемирно-исторического процесса роль экономических связей в развитии этнических процессов, как известно, не оставалась неизменной. В эпоху первобытнообщинного строя эти связи, судя по всему, ограничивались преимущественно рамками родовой общины и в интеграции основной этносоциальной единицы той эпохи — племени — не играли, по-видимому, существенной роли; эпизодический характер имел и межплеменной обмен, в том числе между племенами, принадлежащими к одной историко-этнографической области или культурно-лингвистической общности. Но с возникновением товарно-денежных отношений в раннеклассовых обществах экономические связи начинают играть более заметную роль в этнических процессах. Эти связи, в частности, способствовали формированию основных этнических образований той эпохи — народностей; при этом обнаруживается тенденция выполнения ими функции одного из основных каналов хозяйственно-культурного нивелирования тех этнических групп, из которых складывались отдельные народности, выработки у них общих черт. Однако тенденция эта

⁴⁹ Основой таких связей является, как известно, разделение труда (как профессиональное, так и региональное), обусловленное развитием общественного производства.

⁵⁰ Один из «каналов» непосредственного влияния на этот процесс производительных сил представляют средства коммуникации в широком смысле слова, т. е. включая и транспорт.

в раннеклассовых обществах не могла проявиться полностью, ибо в условиях однородности их экономической структуры⁵¹ экономические связи были развиты еще относительно слабо.

Рост экономических связей с возникновением капитализма влечет за собой резкое усиление их роли в этнических процессах. Это прежде всего отразилось на формировании таких этносоциальных организмов, как нации. Данное обстоятельство, как известно, было специально подчеркнуто В. И. Лениным, показавшим на примере складывания русской нации значение для процесса национальной консолидации усиливающегося в период генезиса капитализма обмена между областями, постепенно растущего товарного обращения, слияния небольших местных рынков в один национальный рынок. Раскрывая сущность процесса формирования наций, В. И. Ленин подчеркивал, что, так как «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»⁵².

В период становления капитализма, конечно, росли не только внутринациональные, но и межнациональные экономические связи. Однако в этот период первые, несомненно, решительно преобладали над вторыми, иначе само формирование наций было бы невозможным, ибо этнокультурные контакты осуществлялись преимущественно в ходе экономических связей. Но в данной связи возникает вопрос: продолжают ли играть экономические связи определяющую роль во внутриэтнической консолидации в период развитого капитализма? Обычно положительный ответ на этот вопрос считается само собой разумеющимся. Однако правомерность такого ответа была недавно поставлена под сомнение В. И. Козловым. Он соглашается с тем, что в эпоху капитализма внутреннее сплочение национальных государств (т. е. этносоциальных организмов) резко усилилось благодаря развитию новых, присущих капиталистической системе хозяйства, экономических связей. Но вместе с тем он считает, что отмеченная В. И. Лениным связь экономических и национальных (языково-территориальных) моментов характерна лишь для эпохи раннего капитализма⁵³. При этом В. И. Козлов обращает внимание на то, что «по мере роста производительных сил в экономике все большую роль начинают играть межгосударственные экономические связи»⁵⁴. В подтверждение он ссылается на указание В. И. Ленина, что «торговые связи между различными государствами становятся все теснее и обширнее; капитал переходит постоянно из одной страны в другую»⁵⁵.

⁵¹ Характеризуя социально-этническое развитие средневекового общества, Ф. Энгельс отмечал, что у основных социальных ячеек этого общества — мелких общин — экономические интересы были «одинаковые, но именно поэтому и не общие» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 496).

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

⁵³ В. И. Козлов. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — СЭ, 1970, № 6, стр. 56.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 98.

Действительно, с развитием капитализма начинается «сращивание всяческих», в первую очередь экономических, «сплощений» между нациями, «ломка национальных перегородок»⁵⁶. Но это все, разумеется, не исключает параллельного усиления экономических связей внутри наций, даже в том случае, если они входили в состав многонационального государства. Меняется лишь соотношение внутринациональных и межнациональных, международных экономических связей. В этом плане основная тенденция, судя по всему, состоит в возрастании удельного веса последних. Но по абсолютным размерам продолжают, как правило (во всяком случае в однопациональных государствах), преобладать первые. Если международные экономические связи стимулируют соответствующие этнические контакты, а в конечном счете интеграционные этнические процессы, то экономические связи в рамках нации способствуют внутринациональной консолидации.

Что касается социалистической формации, то даже в рамках такого многонационального государства, как Советский Союз, экономические связи внутри наций, насколько можно судить, не ослабевают, а усиливаются⁵⁷. И это отнюдь не противоречит тому, что одновременно интенсивно возрастают межнациональные связи такого рода, что экономическая общность внутри союзных и автономных республик «явно уступает по своему значению экономическим связям, экономической общности всесоюзного масштаба»⁵⁸. Ведь в данном случае экономические связи внутри наций и между ними представляют одно целое, взаимопроникая и взаимодополняя друг друга⁵⁹. Словом, применительно к современным условиям речь, очевидно, должна идти лишь об относительном сокращении масштабов внутринациональных экономических связей. Между тем увеличение абсолютных размеров этих связей не может не сказываться на «плотности» синхронной этнокультурной информации внутри наций. Иначе говоря, непосредственная зависимость национальных моментов от экономических связей остается характерной и для новейшего времени.

Вместе с тем, рассматривая вопрос о значении экономических связей для современных этнических процессов, нельзя не учитывать тенденцию к общему понижению их удельного веса среди факторов,

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

⁵⁷ Об этом, в частности, косвенно свидетельствует возрастающий товарообмен между городом и селом внутри союзных республик.

⁵⁸ В. И. Козлов. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности, стр. 59.

⁵⁹ «При всем единстве хозяйственного организма в рамках страны он складывается из частей, экономические отношения между которыми пока еще выступают как отношения национально-политические» (Л. М. Рогачев, М. А. Свердлов. Нация — народ — человечество. М., 1967, стр. 18).

Одно из главных оснований внутрисоюзных экономических связей — специализация и кооперирование. Если иметь в виду крупные экономические регионы страны (РСФСР, Украину и Молдавию, Прибалтику, Кавказ, Среднюю Азию и Казахстан), то окажется, что еще в середине 60-х годов на экономические связи между этими регионами приходилось три четверти всего грузооборота. (М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, стр. 475).

непосредственно детерминирующих такого рода процессы. Это обусловлено в первую очередь тем, что по мере научно-технического прогресса, сопровождающегося развитием средств массовой коммуникации, роль экономических контактов в непосредственном распространении этнической информации все более падает.

Социально-экономический базис, производственные отношения воздействуют на этнос не только посредством экономических связей. С момента разложения первобытного строя это воздействие начинает осуществляться также через соответствующее тому или иному способу производства классовое деление общества.

Характером классовой структуры общества, как уже говорилось, в первую очередь определяется историко-стадиальный тип этносоциального организма; появление новой классовой структуры неизбежно влечет за собой его изменение. Диалектическая целостность каждого данного общества, состоящего из антагонистических классов, представляет важнейший фактор не только формирования, но и существования этнических общностей. Вместе с тем само наличие внутри этносоциальных организмов антагонистических классов является моментом, ослабляющим его этнокультурное единство. Именно это обстоятельство отражает известное ленинское положение о том, что при капитализме «есть две нации» в каждой нации⁶⁰. Только ликвидация антагонистических классов, сопровождающаяся ростом социальной однородности этносоциальных организмов, создает условия для их полной этнокультурной консолидации.

При характеристике влияния на этнические процессы отдельных классов нередко ограничиваются лишь ссылкой на роль буржуазии в формировании наций. Однако в действительности на всех этапах общественного развития для этнических процессов определяющей в конечном счете является деятельность народных масс. Притом их значение не ограничивается тем, что они создают материальные блага, многие из которых, как мы знаем, выступают, особенно на ранних этапах общественного развития, как важнейшие компоненты этноса. Не приходится забывать о творчестве народных масс в сфере духовной культуры. В первую очередь в этой связи, конечно, вспоминаются различные виды народного художественного творчества, народные знания, созданные трудящимися массами нравственные нормы, обычаи и т. п. Но, пожалуй, в интересующем нас плане особенно следует подчеркнуть, что именно народные массы являются главными творцами такого важнейшего компонента этноса, как язык.

Определенное воздействие на этнические процессы народные массы оказывают и через сферу политики. Классовая борьба трудящихся на протяжении всей истории антагонистических формаций в известной мере сдерживала натиск господствующих классов, не ставивший под угрозу даже «простое воспроизводство» этноса. Огромное значение для сохранения многих, если не большинства, ныне

существующих этнических общностей имело участие народных масс в борьбе против завоевателей.

Следует, однако, учитывать, что на протяжении истории антагонистических формаций иллюзии общеэтнических (общенациональных) интересов нередко заслоняли в сознании трудящихся их подлинные классовые интересы. Лишь рабочий класс, возглавляемый марксистско-ленинской партией, способен преодолеть эти иллюзии, противопоставляя буржуазному национализму идею пролетарского интернационализма. Пролетариат, указывал В. И. Ленин, не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий⁶¹. Вместе с тем рабочему классу чужд нигилизм в национальном вопросе: он последовательно выступает против всех форм принуждения во взаимоотношениях между этническими общностями, за их равенство и самостоятельность.

Разнообразны и методы воздействия на этнические процессы господствующих классов. Наряду с экономическим фактором, о котором уже шла речь, важнейшим их рычагом в этом отношении выступает государство. Притом воздействие государства на этнические процессы отнюдь не ограничивается его ролью в формировании наций. Государство выступает важным фактором этнических процессов с момента своего возникновения.

По меткому замечанию современного французского этнолога А. Леруа-Гурана, чтобы народу конституироваться, «требуется длительная политическая стабильность, тем более продолжительная, чем более он велик»⁶². Политическое господство той или иной этнической группы, в том числе установленное в результате завоеваний, в значительной мере предопределяло направленность этнических процессов при формировании многих народностей⁶³.

В то же время этнические моменты сами оказывают определенное воздействие на процесс складывания государственной территории. На это обратил внимание Ф. Энгельс, указывавший, что еще в раннее средневековье в Западной Европе, «как только произошло разграничение на языковые группы..., стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств»⁶⁴. Вместе с тем Ф. Энгельс отмечал тормозящую роль политической раздробленности для национальной консолидации⁶⁵. В преодолении этой раздробленности, подчеркивал Ф. Энгельс, ведущую роль сыграла королевская власть: она, «опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации»⁶⁶.

⁶¹ Там же, стр. 132—133.

⁶² А. Leroy-Gourhan. Evolution et technique, v. II, Paris, 1945, p. 326.

⁶³ См.: В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей.

⁶⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 410.

⁶⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 48, стр. 571—572.

⁶⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 345.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

На значение государственно-политического фактора для формирования наций неоднократно указывал В. И. Ленин, подчеркивавший еще в 1914 г. в знаменитых «Тезисах реферата по национальному вопросу», что «национальное государство *мировое правило*»⁶⁷. Раскрывая социально-экономическую подоплеку этого явления, В. И. Ленин писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке...»

Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) вечного национального движения»⁶⁸.

В условиях капитализма данная тенденция приобретает, однако, противоречивый, антагонистический характер, сопровождаясь установлением привилегированного положения или даже прямого господства одной нации над другой. При этом складывающееся в ходе борьбы за «свою» государственность национальное самосознание трудящихся используется буржуазией для разжигания национализма, поставленного на службу ее империалистическим притязаниям⁶⁹.

Рабочий класс, его революционный авангард — марксистско-ленинские партии отвергают реакционную идеологию национального неравенства и поддерживают национальное чувство угнетенных наций, в той мере и поскольку в нем «есть общедемократическое содержание против угнетения»⁷⁰. Марксизм рассматривает национально-освободительное движение как неоспоримую предпосылку широкого развертывания борьбы угнетенных народов за социализм. Вместе с тем марксизм совершенно очевидно, что полностью национальный вопрос может быть решен лишь с ликвидацией антагонистических классов, являющейся кардинальной предпосылкой уничтожения всех видов угнетения и неравенства, в том числе и в сфере национальных отношений. «При капитализме, — подчеркивал В. И. Ленин, — уничтожить национальный (и политический вообще) гнет нельзя. Для этого необходимо уничтожить классы, т. е. ввести социализм»⁷¹.

Именно поэтому воздействие идеалов рабочего класса на современные этнические процессы получает полное выражение лишь в условиях социалистического общества. Об этом наглядно свидетельствует более чем полувекковой опыт национального строительства в нашей стране.

Этот опыт многогранен и имеет различные аспекты: экономический, социальный, государственно-правовой и т. д. Есть у него и этнический аспект. При рассмотрении этого аспекта национальных

процессов в нашей стране⁷², как, впрочем, и их в целом, следует специально остановиться на проблеме исторических рамок действия открытых В. И. Лениным двух тенденций в национальном вопросе⁷³.

Недавно в нашей партийной печати справедливо была отмечена ошибочность механистического перенесения указанных тенденций, действующих при капитализме, на социалистическое общество, ибо экономическая основа нации, «ее классовая структура и социально-политические устремления, духовный облик, т. е. все то, что характеризует данный исторический тип нации, коренным образом изменяются в результате перехода от капитализма к социализму»⁷⁴. Вместе с тем указывалось, что этнические признаки «сохраняются и развиваются в преобразованном виде и в условиях социализма»⁷⁵. И правы, на наш взгляд, те авторы, которые в данной связи подчеркивают, что если чисто классовые характеристики нации при смене формаций изменяются коренным образом, то присущие ей этнические свойства в значительной мере сохраняются⁷⁶.

Таким образом, между действующими при капитализме и при социализме двумя тенденциями в национальном вопросе имеются и преемственность, и качественные различия. Тенденция развития наций преобразуется в условиях социализма под воздействием таких новых закономерностей национальных отношений, как утверждение равенства рас, наций и языков, самоопределение народов, выравнивание уровня экономического и культурного развития. На другой экономической и социальной основе происходит при социализме и процесс межнациональной интеграции, сближения наций⁷⁷.

Взаимосвязь этих двух модифицированных тенденций обнаруживается повсюду: как в социально-экономических, так и в «чисто» этнических явлениях, причем первые обычно самым непосредственным образом воздействуют па вторые (особенно на этническое сознание), а последние в свою очередь могут оказывать заметное обратное воздействие на базисные явления.

Определяющее значение для развития в нашей стране рассматриваемых тенденций⁷⁸ и изменения их соотношения, несомненно, имел

⁷² Подробнее см.: Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.

⁷³ См. выше, стр. 159.

⁷⁴ См.: «Торжество ленинской национальной политики». — «Коммунист», 1969, № 13, стр. 7.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. Нация — народ — человечество, стр. 72. См. также: А. М. Егиазарян. Об основных тенденциях развития социалистических наций СССР. Ереван, 1965; А. Г. Агаев. К исследованию исторических тенденций социализма в национальном вопросе. — Сб. «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций». Киев, 1969.

⁷⁷ «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1972, стр. 56—57.

⁷⁸ Подробнее о процессах этнической консолидации в нашей стране см.: В. К. Гарданов, В. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева. Об этнических

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 385.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258—259.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 275—276.

⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 22.

прогресс в сфере производительных сил, сопровождавшийся коренными социальными изменениями. Обусловив усиление хозяйственных связей как внутри отдельных регионов, так и в масштабе всей страны, этот прогресс в конечном счете явился основной материальной предпосылкой к этнической консолидации внутри отдельных наций и внутригосударственной межнациональной интеграции⁷⁹.

Анализируя конкретный ход исторически меняющегося соотношения тенденции развития наций и тенденции межнационального сближения, следует, по нашему мнению, учитывать тот важный факт, что в отсталой России накануне Октябрьской революции промышленный капитализм среди многих народов не получил существенного развития и они находились еще на стадии преобладания первой тенденции. Эта тенденция, искусственно сдерживаемая царизмом, в новых социально-политических условиях, ознаменовавшихся ликвидацией национального гнета и неравноправия, неизбежно получила на первых порах особо интенсивное, хотя и существенно трансформированное, развитие. В силу тяжелого наследия в области национальных отношений в нашей стране сразу же после победы социалистической революции во весь рост встала задача сделать все необходимое для реализации ленинского указания о том, что «... только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие...»⁸⁰. Реализация этой задачи проявилась в создании различных форм национальной государственности, ликвидации фактического неравенства, в распространении письменности и образования на родном языке и т. д. Вместе с тем с первых же лет Советской власти процессы бурного национального развития сочетались со все возрастающей тенденцией к сближению наций.

Предсказанное В. И. Лениным усиление действия этой тенденции в эпоху социализма опирается прежде всего на объективные законы развития экономики, ломающей национальные рамки. Социально-экономическое развитие всех народов СССР, развитие промышленности и сельского хозяйства, сопровождавшееся соответствующими изменениями социально-классовой структуры, подчинялось главным образом общегосударственным задачам и проходило в теснейшем межнациональном сотрудничестве. Проведение в жизнь ленинской национальной политики, ликвидация прежнего национального неравноправия привели к тому, что разделение труда стало в первую очередь основываться не на национальной, а на профессиональной

процессах на территории Южной Туркмении.— СЭ, 1964, № 5; Л. Ф. Моногарова. Современные этнические процессы на Западном Памире.— СЭ, 1965, № 6; И. С. Гурвич. Современные направления этнических процессов в СССР.— СЭ, 1972, № 4, и др.

⁷⁹ Наряду с Советским Союзом наличие этих двух тенденций отчетливо прослеживается и в других многонациональных социалистических государствах (см.: Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии.— СЭ, 1969, № 1).

⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240.

принадлежности тех или иных групп населения, не на этнической, а на порайонной специфике хозяйства. Усиление межрайонных экономических связей населения привело к миграциям и дальнейшему росту территориального смешения национальностей.

Сближение наций в экономической и социальной областях сопровождалось их межэтнической интеграцией. Одним из важнейших результатов этого процесса явилось возникновение новой общности людей — советского народа. Это новое историческое образование сформировалось «на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии, интересов и коммунистических идеалов рабочего класса»⁸¹.

Межэтническая интеграция привела за 50 лет, прошедших с момента образования Союза ССР, к возникновению у советского народа культурной общности. Это проявилось прежде всего в складывании единого социалистического содержания духовной культуры. Ее неотъемлемыми компонентами становятся пролетарский интернационализм и советский патриотизм. Следует учитывать также процесс культурной нивелировки, связанной с распространением среди народов СССР элементов культуры (главным образом материальной, например автомобилей, радиоприемников, холодильников и т. п.), аналогичных для населения многих стран мира, т. е. принадлежащих к современной урбанизированной общечеловеческой культуре. Но, как известно, советская культура обладает и своими специфическими особенностями. При этом последние у различных народов СССР имеют не только национальную форму, но и общесоветские черты. В данной связи прежде всего привлекает внимание процесс восприятия всеми народами СССР некоторых элементов культуры, зародившихся у отдельных из них. Складываются и единые для советских людей традиции⁸², праздники, обряды и даже общая антропонимика. Важнейшим фактором формирования и вместе с тем компонентом общесоветской культуры является русский язык, выступающий в качестве языка общения между всеми народами нашей страны.

Процесс формирования общесоветской культуры продолжается. Дальнейшие перспективы этого процесса намечены в Программе КПСС. В ней подчеркивается, что, «придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества»⁸³.

Общесоветская культура, будучи конкретным воплощением межэтнической интеграции народов нашей страны, вместе с тем пред-

⁸¹ «Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». — «Коммунист», 1972, № 3, стр. 10.

⁸² Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. «Правда», 22 декабря 1972 г., стр. 3.

⁸³ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 407.

ставляет один из предварительных шагов на пути к предсказанному В. И. Лениным глобальному слиянию наций⁸⁴. Однако путь этот весьма длинен и сложен. В. И. Ленин указывал, что национальные различия «...будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе...»⁸⁵. И совершенно ясно, что на этом пути еще предстоит борьба как против национального нигилизма, против попыток искусственно ускорить процесс сближения и слияния наций, так и против проявлений национализма, всячески тормозящего этот в конечном счете исторически закономерный процесс.

Часть вторая

ЭТНОГРАФИЯ КАК НАУКА ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЯХ

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 131.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИИ НАУКИ О НАРОДАХ

Этнические общности как одна из важнейших исторических форм существования и развития человечества, несомненно, заслуживают специального изучения в рамках особой научной дисциплины. Ведь такое изучение не только чрезвычайно увлекательно в познавательном отношении, но и имеет немалое практическое значение.

Не случайно специфические черты народов начали фиксироваться еще в глубокой древности, что не в последнюю очередь диктовалось торговыми и военными интересами. В сочинениях античных авторов (Геродот, Ксенофонт, Тацит, Плиний Старший), в записках средневековых путешественников и писателей (Бируни, Ибн Фадлан, Плано Карпини, Марко Поло и др.), в средневековых хрониках накоплено немало сведений о различных народах Старого Света. Объем знаний о народах мира особенно расширился вслед за «великими географическими открытиями». Однако еще долгое время описание их быта, нравов, внешнего облика входило преимущественно в сочинения по географии и истории.

Выделение изучения народов в самостоятельную дисциплину начинается лишь с середины XIX в. Процесс этот, связанный и с практикой колониальной политики европейских государств, и с национально-освободительными движениями в самой Европе, начался почти одновременно в ряде стран. Однако в каждой из них он имел свою специфику. И это обстоятельство, в частности, немало способствовало появлению целого ряда специальных терминов, под которыми до сих пор выступают научные дисциплины, в той или иной мере претендующие на изучение характерных черт этнических общностей.

Чаще всего в качестве наук о народах мира выступают те дисциплины, наименования которых являются производными от слова «этнос», т. е. этнография и этнология. Первое из этих наименований входит в научный обиход еще в конце XVIII в.¹ Термин же «этнология» появляется несколько позднее — в начале XIX в.² Его пропагандистом был известный французский физик Андре-Мари Ампер, который на рубеже 20—30-х годов XIX в. в своих таблицах по классификации наук выделил этнологию в качестве отдельной дис-

циплины (при этом этнографии была отведена роль одного из разделов этнологии)³. Закреплению термина «этнология» во Франции немало способствовало создание в Париже в 1839 г. Этнологического общества. Вскоре этот термин получает признание и за пределами Франции, о чем наглядно свидетельствует появление этнологических обществ в Нью-Йорке (1842 г.) и в Лондоне (1843 г.)⁴. В России в это время преобладающим становится термин «этнография», что нашло отражение в создании Отделения этнографии в Русском географическом обществе (1845 г.). Одновременно в качестве кальки термина «этнология» («этнография») в России (как и в ряде славянских стран) получает распространение термин «народоведение» (narodopis — по-словацки и по-словацки; ludoznawstwo — по-польски). Небезынтересно заметить, что в Греции термины «этнография» и «этнология» не получили широкого хождения; здесь утверждается свой термин — «лаография» (λαος — по-гречески народ)⁵.

В научной литературе на немецком языке изучение народов традиционно подразделяется на «Völkerkunde» и «Volkskunde»⁶, причем изначальным является представление, что первая из этих дисциплин изучает зарубежные народы, а вторая — собственный народ⁷. Подобное деление имеет место и в ряде скандинавских стран: например, в Швеции и Норвегии — «Folklivsforskning» и «Folkeminner» (в Дании последнему термину соответствует «Folkeminder»). В качестве аналога немецкого «Volkskunde» в романоязычных странах закрепился термин «народные традиции» (во Франции — «Traditions populaires», в Италии — «Tradizioni popolari», в Испании — «Tradiciones populares»). Подчас эквивалентом «Volkskunde» в ряде европейских стран выступает и термин «фольклор» («folklore»)⁸. Однако термин этот в

³ G. de Rohan-Csermak. La première apparition du terme «ethnologie». — «Ethnologia Europaea», 1967, vol. 1, N 3, p. 170—184.

⁴ A. Bastian. Die Vorgeschichte der Ethnologie. Berlin, 1881, S. 18—21.

⁵ Этот термин появляется в конце XIX в. (G. Spyridakis. Situation universitaire de la laographie en Grèce. — «Ethnologia Europaea», 1967, vol. 1, N 4, p. 277).

⁶ Слово «Völkerkunde» появляется в литературе в конце XVIII в. (первое упоминание относится к 1785 г.), а термин «Volkskunde» — в начале XIX в. (V. von Geramb. Die Volkskunde als Wissenschaft. — «Zeitschrift für Deutschkunde». Leipzig — Berlin, 1924, Jg. 38, Hf. 5, S. 323—341; A. Spamer. Vom Problem des Volksgeistes zur Volkskunde als Wissenschaft. — «Volkskunde. Ein Handbuch zur Geschichte ihrer Probleme». Berlin, 1958, S. 20).

⁷ Однако в дальнейшем в трактовке этих терминов появились заметные расхождения (см. ниже).

⁸ Это связано с тем, что предложивший данный термин в 1846 г. английский археолог Уильям Джон Томс (выступивший под псевдонимом А. Мертон) стремился прежде всего обозначить им такие проявления духовной жизни народа, как «нравы, обычаи, обряды, суеверия, баллады, пословицы и т. п.» (A. Merton. Folk-Lore. — «The Athenaeum», № 982, 22/VIII, 1846, p. 863/1). Вскоре этот термин получил еще более широкое значение. В специальном докладе, составленном в 1879 г. Фольклорным обществом, говорилось, что «фольклор охватывает всю культуру народа» («First annual report of the Council of Folk-Lore Society». — «Folk-Lore Record», v. II, 1879, Appendix, p. 4). Однако постепенно значение термина «фольклор» стало сужаться, хотя и до сих пор его многозначность далеко не устранена. В частности, отдельные итальянские и фран-

¹ Появление этого термина подчас относят к началу XVII в. Однако, как показали специальные исследования, в действительности оно употреблено в первый раз в 1775 г. См.: H. Fischer. «Völkerkunde», «Ethnographie», «Ethnologie» (Kritische Kontrolle der frühesten Belege). — «Zeitschrift für Ethnologie». Braunschweig, 1970, Bd. 95, Hf. 2, S. 174—176.

² Там же, стр. 178—181.

современной научной литературе чаще всего употребляется для обозначения устного поэтического творчества⁹.

Наконец, следует упомянуть широко распространенное мнение¹⁰, что в англоязычных странах основным аналогом этнографо-этнологических исследований является культурная и социальная антропология¹¹ (culture and social anthropology).

Существование множества наименований для дисциплин, фактически так или иначе включающих в круг своих интересов те общественные явления, исследование которых имеет самое непосредственное отношение к характеристике народов, неизбежно выдвигает вопрос о том, какому из этих наименований следует отдать предпочтение при обозначении специальной науки об этносах. Представляется очевидным, что при его решении вряд ли было бы правильно полностью игнорировать этимологическую сторону дела. Принимая же ее во внимание, мы прежде всего должны признать, что для наименования науки о народах менее всего пригодны составные термины, в которых часть, обозначающая объект исследования, является производной от слова «антропос» (греч.— человек). Явно неадекватным для указанных целей было бы, вероятно, и использование тех терминов, из которых прямо следует, что задача обозначаемых ими дисциплин состоит в изучении лишь одной категории характерных черт народов — народных традиций.

Таким образом, наш выбор ограничивается наименованиями, производными от разных по форме, но одинаковых в семантическом отношении терминов, обозначающих в ряде языков понятие народ (Volk, folk, λαός, εἶδος, narod и т. д.). Между тем мы уже имеем возможность в первой части настоящей работы показать, что из всех этих терминов при обозначении народов следует отдать предпочтение слову «этнос». Следовательно, производные от него наименования и оказываются наиболее приемлемыми для обозначения науки о народах. Но, как говорилось, такого рода наименования существуют в двух вариантах: этнография и этнология. Тожественные в своей первой части, эти термины различаются во второй (в одном случае она является производной от древнегреческого «ἔθνος», что значит «племени», в другой от «λόγος», среди значений которого имеются такие, как «понятие», «мысль», «разум», «учение»). Как известно, с включением в наименования наук слов «графо» или «логос» подчас устанавливается прочная традиция совершенно различного понима-

польские ученые считают, что эта дисциплина должна исследовать не только устную, но и предметную сторону культуры (G. B. Bromini. Folk-Lore e cultura tradizionale. Bari, 1970, p. 58—59).

⁹ См.: В. Е. Гусев. Фольклор (история термина и его современные значения). — СЭ, 1966, № 2, стр. 3—21.

¹⁰ A. Hultkrantz. Some Remarks on Contemporary European Ethnological Thought. — «Ethnologia Europaea», 1967, vol. 1, N 1, p. 38; Ю. П. Аверкиева. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе. — СЭ, 1971, № 5, стр. 16.

¹¹ Наименование «антропология» появляется впервые в Германии еще в XVI в. (A. Bastian. Die Vorgeschichte der Ethnologie, S. 7).

ния их профиля (таковы, например, археография и археология; география и геология). В нашем случае, однако, нет традиции такого резкого разграничения между понятиями «этнография» и «этнология». Правда, за рубежом нередко разграничивают их исследовательские уровни, рассматривая первую как описательную, региональную дисциплину, а вторую — как теоретическую, обобщающую науку. Однако в нашей стране уже давно принято считать, что «этнография» охватывает оба исследовательских уровня¹². С наименьшим основанием можно, очевидно, не ограничивать лишь теоретическим уровнем и профиль «этнологии»¹³.

Все это позволяет, на наш взгляд, рассматривать оба эти термина в качестве синонимов¹⁴. Хотя в этимологическом отношении термин «этнология» имеет, казалось бы, определенные преимущества¹⁵, мы все же отдаем предпочтение термину «этнография». При этом прежде всего принимается во внимание тот факт, что слово «этнология» употреблялось в нашей стране лишь эпизодически¹⁶. В результате зачета им в настоящей работе традиционного термина «этнография» может привести к тому, что терминологический аспект рассматриваемого нами во второй части ее круга проблем заслонит их существо.

Отдавая предпочтение термину «этнография», мы вместе с тем считаем необходимым подчеркнуть, что отнюдь не склонны противопоставлять эту область знаний не только этнологии, но и всем тем научным дисциплинам, которые, выступая под другими наименованиями (Völkerkunde, Volkskunde, traditions populaires, nérodopis и т. д.), в той или иной степени выполняют фактически функции особой науки о народах мира. В данной связи не следует забывать и того, что все эти дисциплины, как и сама этнография-этнология, имеют определенные традиции, что в разных странах, в разное время, разными исследователями их задачи понимались далеко не однозначно, что

¹² Отмечая необоснованность их расчленения, В. Н. Харузина справедливо подчеркивала, что «нас поразило бы историк, который в одну сторону откладывал бы весь исторический материал, например письменные памятники, архивные данные и пр., а в другую — те выводы, которые он из этих материалов делает». «Ни один ботаник, ни один зоолог, — замечает она далее, — не станет отделять собранные материалы от основанных на них научных выводов» (В. Н. Харузина. Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара. М., 1941, стр. 15).

¹³ На практике он им обычно и не ограничивается.

¹⁴ Правомерность такого их употребления уже не раз отмечалась в нашей отечественной литературе (см., например: В. Н. Харузина. Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара, стр. 16). Показательно в данном отношении и уже сравнительно прочно установившаяся у нас переводческая практика, при которой слово «этнология» в текстах на западноевропейских языках передается по-русски как «этнография».

¹⁵ Само собой разумеется, что для современной науки предпочтительней наименование, подчеркивающее ее обобщающие, а не описательные функции.

¹⁶ Наибольшее распространение оно получило в конце 20-х годов XX в., когда в составе 1-го Московского университета был специальный этнологический факультет (показательно и издание учебного пособия: П. Ф. Преображенский. Курс этнологии. М.—Л., 1929).

они нередко лишь частично охватывали предметную область науки о народах мира, выходя в то же время далеко за ее пределы.

Рассматривая вопрос о профиле этнографо-этнологических исследований, разумеется, мы должны учитывать эти традиции. Ведь общее определение этнографии (или этнологии) как науки об этносах само по себе отнюдь не отсекает от дисциплин, обозначаемых этими и аналогичными им терминами, те представления, которые складывались о них в течение более чем столетия. Правда, систематизация соответствующих традиций — специальная задача, что и заставляет нас ограничиться здесь лишь самой общей их характеристикой.

Одна из наиболее характерных черт не только зарубежных, но и наших отечественных этнографо-этнологических изысканий чуть ли не с момента их зарождения — это особое внимание к отставшим в своем развитии, бесписьменным народам. Это в значительной мере связано с тем, что при изучении «чужих» народов наибольший интерес неизбежно, хотя и не всегда вполне осознанно, вызывают те из них, которые особенно отличаются от своего собственного народа. Отсюда и специальное внимание к так называемым экзотическим народам, о которых путешественники, побывавшие в далеких странах, сообщали много необычного и порой даже диковинного. Казалось естественным, что изучать эти народы должна самостоятельная отрасль науки. В эпоху колониальной экспансии буржуазной Европы этнография-этнология и выступила прежде всего в роли науки, изучающей народы заморских территорий, туземцев, населявших различные колониальные владения. Эта ее направленность, в частности, отчетливо проявилась в дореволюционные годы и в нашей стране. Так, еще создатели Русского географического общества, подчеркивая важность этнографических исследований, отмечали, что преимущественное внимание общество должно обратить на «познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства»¹⁷. Позднее, в начале XX в., один из выдающихся представителей русской дореволюционной этнографии Н. М. Харузин, определяя задачи этнографии, писал, что это «наука, которая, изучая быт отдельных племен и народов, стремится отыскать законы, согласно которым шло развитие человечества на низших ступенях культуры»¹⁸.

Изучение бесписьменных народов и по сей день остается важнейшей задачей этнографии. Однако уже в начале XIX в. во многих европейских странах пробуждается интерес к познанию самобытного творчества собственного народа, чему немало способствовал общий подъем национальных движений. В результате постепенно начинает складываться изучение народов развитых стран. Наиболее заметно первоначально это направление проявилось в немецких землях (братья Гримм). Внешним выражением данного процесса было уже упоминавшееся разделение здесь этнографо-этнологических исследо-

ваний на *Völkerkunde* и *Volkskunde*. Впрочем, в их профилировании до сих пор имеются существенные расхождения¹⁹.

Характеризуя процесс формирования профиля этнографической науки, необходимо особо подчеркнуть один весьма парадоксальный факт. Хотя практически сферой исследовательской деятельности этнографов всегда были народы (прежде всего бесписьменные), однако теоретические представления о непосредственном объекте этих исследований, как мы увидим ниже, нередко были совсем иными. Впрочем, при этом далеко не всегда объект исследований достаточно четко ограничивался от их предмета²⁰.

Следует иметь в виду и то, что, хотя профиль этнографии в конечном счете предопределялся практикой, было бы, однако, неправильно выводить ее развитие только из практических нужд или, точнее говоря, связывать одно с другим прямо и непосредственно. Влияние социальных факторов на научные исследования, как правило, опосредствовано господствующими философскими идеями. Поэтому эволюция этнографической науки вообще, представлений о ее объекте, предмете и задачах в частности может быть понята лишь на более широком фоне развития общественной мысли.

Первое теоретическое направление в этнографии — эволюционистское, или, как его иногда также называют, антропологическое, отражало мировоззрение поднимающейся буржуазии и противопоставляло средневековой доктрине неизменяемости принцип изменения. Эволюционизм с его идеей единообразного развития человечества позволял приблизиться к пониманию законов поступательного движения общества и для своего времени играл положительную роль. Но эволюционизм в этнографии был обязан своим появлением механическому перенесению в область этой науки естественнонаучного эволюционизма. Поэтому классики эволюционистской этнографии — А. Бастиан, Э. Тэйлор и другие — видели в ней часть естествознания, считали главным объектом ее изучения человека, пытались единообразно его психику объяснить единство человечества и закономерное развитие его культуры²¹. Отстаивая идею прогрессивного развития

¹⁹ Широко распространено представление, что объектом *Volkskunde* являются все европейские (высокоразвитые) народы, а *Völkerkunde* — внеевропейские, преимущественно отставшие в своем развитии народы (*M. Zender. Volkskunde an der Universitäten der Bundesrepublik Deutschland.* — «*Ethnologia Europaea*», 1967, vol. 1, N 4, S. 251). Привлекает внимание и приравнивание *Volkskunde* к национальной этнологии, а *Völkerkunde* — к общей (глобальной) этнологии (*H. Kothé. Die volkskundliche Forschung und Lehre in der Deutschen Demokratischen Republik.* — «*Ethnologia Europaea*», 1967, vol. 1, N 4, S. 246). Вместе с тем приобретает все больше последователей (особенно в ГДР) тезис об отсутствии принципиальной разницы между *Volkskunde* и *Völkerkunde*, изучаемыми в своей совокупности все народы (*W. Steinitz. Volkskunde und Völkerkunde.* — «*Deutsches Jahrbuch für Volkskunde*». Berlin, 1955, Bd. I, Hf. 1/2, S. 270—275).

²⁰ О различии понятий «объект» и «предмет» исследований см. в следующей главе.

²¹ *A. Bastian. Wie das Volk denkt.* — Ein Beitrag für Beantwortung sozialer Fragen auf Grundlage ethnischer Elementargedanken in Lehre von Menschen. Berlin, 1892, Abt. 1—2; *Э. Тейлор. Первобытная культура.* М., 1939, стр. 2—3.

¹⁷ *Л. С. Берг. Всесоюзное географическое общество за сто лет.* М.—Л., 1946, стр. 33.

¹⁸ *Н. Харузин. Этнография,* вып. 1, СПб., 1901, стр. 37.

человечества, эволюционисты, однако, упрощенно понимали это развитие — как лишенный скачков, прямолинейный и постепенный процесс от простого к сложному, от низшего к высшему.

Среди ученых эволюционистского направления особое место занимает Л. Г. Морган. Восприняв сильные стороны эволюционизма — положение о единстве человечества и идею прогрессивного развития, — Морган освободился от ряда его слабостей. Биологизация общественных явлений, непонимание значения качественного своеобразия отдельных этапов историко-эволюционного пути, а главное, непонимание роли материального фактора в общественно-историческом процессе — эти черты ограниченности эволюционизма были в основном преодолены Морганом. В результате многолетней работы ученый стихийно, неосознанно подошел к историческому материализму²². «... Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад, — писал в 1884 г. Ф. Энгельс, — и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»²³.

Помимо возникновения эволюционистского направления, влияние естественных наук на становление этнографии проявилось и в том, что она первоначально нередко рассматривалась как субдисциплина географии²⁴. Это, кстати, способствовало возникновению на стыке этнографии и географии уже в конце XIX в. так называемой антропологической школы. Выдвигая задачу выяснения роли природных условий в возникновении различий между культурами, представители этой школы (Ф. Ратцель, а позднее К. Вейле, Й. Цвигч) явно переоценивали значение для появления подобных различий географического фактора.

Влияние естествознания на формирующуюся этнографическую науку отчетливо проявилось и в том, что, согласно некоторым ранним представлениям об объекте этих исследований, таким объектом являются расы. Так, создатели уже упоминавшегося Этнологического общества в Париже ставили перед ним в качестве одной из основных задач «установить, что же представляют собой на деле различные человеческие расы». Правда, такого рода понимание задач этнографии-этнологии не получило широкого распространения²⁵, так как еще французскими просветителями было показано различие между расой и культурой. Однако в качестве пережитка представления о расе как

²² См. подробнее: С. П. Толстов. К. Маркс и Л. Г. Морган. — СЭ, 1946, № 1. Ю. И. Семенов. Учение Моргана, марксизм и современная этнография. — СЭ, 1964, № 4; он же. Льюис Генри Морган: легенда и действительность. — СЭ, 1968, № 6.

²³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 25.

²⁴ В частности, как уже отмечалось, первая научная этнографическая ячейка (отделение этнографии) была создана у нас в стране в рамках Русского географического общества (1845 г.).

²⁵ Например, уже в 1843 г. Дж. К. Причард в своей изданной в Лондоне «Естественной истории человека» определял этнологию как «историю национальностей», основанную «главным образом на взаимоотношениях их языков» (J. C. Prichard. The natural history of man, London, 1843, p. 132).

объекте этих дисциплин еще сравнительно долгое время можно встретить отдельные высказывания о том, что они должны изучать не только культурные, но и физические свойства народов.

Стремление разделить эти два различных аспекта изучения человечества особенно отчетливо сказалось на антропологии. В большинстве европейских стран уже в 60—70 годах XIX в. под антропологией стала пониматься научная дисциплина, исследующая физические (в том числе расовые) свойства людей. Лишь в англоязычных странах сохранилось широкое понимание антропологии как науки, изучающей человека в целом²⁶. Однако и здесь не обошлось без дифференциации антропологии, прежде всего выделения внутри нее такого специального раздела, как физическая, или соматическая, антропология.

На это же время приходится зарождение принципиально нового историко-материалистического направления в этнографии, неразрывно связанного с тем решающим поворотом в общественном сознании, который был осуществлен К. Марксом и Ф. Энгельсом. Это было обусловлено прежде всего тем, что философия марксизма — диалектический и исторический материализм — заложила теоретическую основу для развития подлинно научного народоведения. Вместе с тем важно подчеркнуть, что основоположники марксизма внесли крупный вклад непосредственно в разработку этнографической проблематики. Достаточно вспомнить в этой связи классический труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в котором развиты основные методологические положения марксистской концепции первобытности, имеющие неопределимое значение для этнографии. Первоначально влияние исторического материализма на этнографическую науку было, правда, сравнительно невелико. Однако в дальнейшем содержащиеся в произведениях основоположников марксизма общие методологические положения и конкретные указания сыграли огромную роль в развитии историко-материалистического направления в мировой этнографической науке²⁷.

В конце XIX — начале XX в. капитализм перешел в нисходящую стадию своего развития. Перед растущей угрозой революционной идеологии пролетариата буржуазная философия стала спешно отрекаться от «грехов молодости» — от эволюционизма и историзма, развернула борьбу против гениально развитых Марксом и Энгельсом идей закономерности и прогресса в развитии общества. Возникло неокантианство с его отрицанием объективных закономерностей челове-

²⁶ См., например: T. K. Penniman. A Hundred Years of Anthropology. London, 1965, p. 15.

²⁷ См., например: С. А. Токарев. Энгельс и современная этнография. — Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, т. III, М., 1946, № 1; Ю. И. Семенов. Учение Моргана, марксизм и современная этнография; И. А. Крывелев. Маркс и некоторые проблемы этнографии. — СЭ, 1968, № 2; G. Guhr. Karl Marx und theoretische probleme der Ethnographie. Berlin, 1969; «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972.

ческой истории. Одна из его двух основных школ — Фрейбургская или Баденская — резко противопоставила друг другу историю природы и историю общества, объявив последнюю совокупностью только единичных и неповторимых явлений. Крупнейший фрейбуржец Г. Риккерт учил, что главное в истории общества — создание культурных цепностей, и предложил новую систематику наук, разделив их на науки о природе и науки о культуре. Это учение легло в основу второго крупного направления в буржуазной этнографии — диффузионизма, противопоставившего идее исторического развития идею пространственного перемещения явлений культуры. Конечно, внутри диффузионизма были свои течения — от классического антиисторизма Л. Фробениуса и Ф. Гребнера («школа культурных кругов») или псевдоисторизма В. Шмидта («венская культурно-историческая школа») до умеренного диффузионизма И. Геккеля и Р. Гейне-Гельдерна. Однако всех их роднит не только общая идейная основа — философский индетерминизм, но и общее понимание этнографии как науки о культурах, рассматриваемых фактически в отрыве от их творцов и носителей — народов²⁸.

К другой неокантианской школе — Марбургской — восходят идейные корни еще одного крупного теоретического направления в буржуазной этнографии — функционализма. Марбуржцы отрицали познаваемость начала и конца исторических явлений, признавая процесс развития и считали единственной задачей всякой науки — исследование функций. В этнографии функционализм (в особенности классический функционализм) стал наукой о функциях культурных явлений, их взаимосвязи и взаимообусловленности²⁹. Представители этого направления (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун) подчеркивали необходимость исследовать культуру каждого общества как единое целое, в котором все части органически связаны выполнением определенных функций. Однако функционалисты (особенно Б. Малиновский) отвергали исторический подход к изучению культуры. Этот антиисторизм функционализма неоднократно подвергался критике в специальной литературе³⁰. Сведение этнографии к внеисторическому изучению культуры, понимаемой к тому же в качестве некоей самостоятельной субстанции, сближает функционализм с диффузионизмом, хотя первый и намного превосходит второй своим требованием системного подхода к объекту исследования.

Почти одновременно с неокантианством, в конце XIX в., в этнографию проникают неопозитивистские идеи, привнесенные сюда

²⁸ См., например: *L. Frobenius. Der Ursprung der afrikanisches Kulturen.* Berlin, 1898, S. XIII.

²⁹ *B. K. Malinowski. Culture.* «Encyclopaedia of the Social Sciences». New York, 1931, vol. 4, p. 621—645; *on же. A scientific theory of culture and other essays.* N. Y., 1944, p. 4.

³⁰ См., например: *Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин.* Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма.— Сб.: «Англо-американская этнография на службе империализма». М., 1951; *U. Bianchi. Storia dell'etnologia.* Roma, 1964, p. 176, 206—207.

основателем французской социологической школы Э. Дюркгеймом. В то время как эволюционисты видели объект этнографии в человеке, а диффузионисты и функционалисты — в культуре, Дюркгейм и его последователи сделали предметом своего внимания общество. Правда, для них общество было системой не производственных и социальных, а скорее нравственных связей, причем каждая такая система рассматривалась как совершенно независимая, изолированная от других единица. Но все же социологическая школа в этнографии в какой-то степени приблизила фокус исследований к создателям и посетителям культуры — социальным общностям.

Если для школы Дюркгейма сферой этнографического изучения по существу была социальная психология, то для возникшей в 1930-х годах в США психологической, или этнопсихологической, школы такой сферой стала психология личности. Сформировавшись под влиянием фрейдизма и шпенглеризма с их идеей неизменности духовных свойств различных культур, психологическая школа перенесла центр тяжести этнографических исследований на так называемые основную личность, средний психический тип, якобы определяющие и психологию общества, и неизменный профиль его культуры³¹. Полагая, что народы психически неравноценны, представители психологической школы (А. Кардинер, Р. Бенедикт, М. Мид и др.) утверждают, что якобы специфическая структура характера каждого народа остается неизменной до тех пор, пока на нее не окажет воздействие культура более высокого уровня. Некоторые представители этнопсихологической школы откровенно ставили своей задачей апологетику американского образа жизни и политики США, другие, вопреки несостоятельности своих общих теоретических позиций, внесли известный вклад в развитие этнической психологии. Однако в целом переход от изучения культуры и общества к изучению психологии индивида был заметным шагом назад в понимании непосредственного объекта этнографической науки³².

В современной буржуазной этнографии логическим продолжением функционализма и социологической теории Э. Дюркгейма явились такие течения, как «культурный релятивизм» и «структурализм». Согласно концепции, развиваемой «культурными релятивистами» (М. Херсковиц и др.), каждый народ создает свою культуру, которая обеспечивает его стабильное функционирование как целостной системы; поэтому нельзя сказать, какая из культур лучше или выше. Эта идея, подкупающая своей внешней направленностью против пренебрежительного отношения к культуре отсталых народов, ведет,

³¹ См.: *B. J. Meggers. Recent trends in American ethnology.*— «American Anthropologist». Menasha, 1946, vol. 48, N 2; «An appraisal of Anthropology Today». Chicago, 1953.

³² См. критический анализ этой школы: *Ю. П. Аверкиева.* О некоторых этнопсихологических исследованиях в США.— «Современная американская этнография». М., 1963, стр. 64—96.

однако, в силу абсолютизации своеобразия каждой культуры, к отрицанию единства человечества³³.

Что касается структурализма, то это направление далеко не едино. Одни его представители (Э. Эванс-Причард, М. Фортес и др.), хотя и преодолели некоторые крайности раннего функционализма, однако не сумели подняться до понимания структурного подхода как всего лишь частного метода, а не общей методологии исследования. Другая разновидность структурализма (К. Леви-Стросс) связана с попытками использования методов структурной лингвистики с целью воссоздания систем символов, отражающих структуру той или иной сферы культуры. Основой этой концепции является представление о некоей вечной, внеисторической структуре общества, находящейся вне причинно-следственных связей³⁴. В конечном счете такая структура оказывается не чем иным, как структурой извечного человеческого сознания³⁵.

Распространенности в этнографии антиисторических концепций, несомненно, немало способствовала давняя тенденция рассматривать историю как науку, основанную лишь на письменных («исторических») источниках, породившая в свою очередь деление всех народов на «исторические» и «неисторические». В соответствии с этим делением история определялась как наука о народах исторических, этнография — о народах неисторических. И все же влияние подобных тенденций не было достаточным, чтобы уничтожить в зарубежной этнографии традицию сравнительно-исторического метода³⁶. Даже в период наиболее скептического отношения к этому методу, в 20—30-е годы нашего столетия, далеко не все зарубежные этнографы разделяли антиисторические концепции³⁷. Что касается послевоенного периода, то в рассматриваемой связи можно, в частности, отметить появление в американской «культурной антропологии», с одной стороны, попыток восстановить классический эволюционизм (Л. Уайт)³⁸, с другой — неозволюционизм (Дж. Стюард) с его теорией многолинейной эволюции, ведущей к отрицанию единства исторического процесса. Показательно и возникновение такого раз-

дела «культурной антропологии», как «этноистория». Представители этой субдисциплины видят ее задачу в изучении этнического развития отдельных народов на основе различных, в том числе письменных, источников³⁹.

В настоящее время в этнографии Западной Европы и США, несмотря на существование здесь большого числа старых и новых теоретических направлений и школ, наблюдается относительная близость точек зрения на объект исследования. Американские неозволюционисты и культурные релятивисты, английские функционалисты и структуралисты, немецкие неодифузионисты и т. д., как общее правило, видят этот объект в культуре или, реже, в обществе, которые, впрочем, многими из них идентифицируются. Но в то же время в последние годы в западной, особенно европейской, науке начинает распространяться тенденция особо подчеркивать, что специфический объект этнографии — не человек, культура или общество, а народ, определяемый подчас как этнос⁴⁰.

Здесь, как это отмечается и за рубежом, несомненно сказалось влияние нашей отечественной науки, в которой такое понимание объекта этнографии сложилось еще в дореволюционное время⁴¹. Предложенное в 1846 г. Н. И. Надеждиным в его известном докладе «Об этнографическом изучении народности русской»⁴², оно было принято В. Г. Белинским и Н. А. Добролюбовым и разделялось многими русскими этнографами, в том числе такими крупными, как Д. Н. Анучин и Л. Я. Штернберг. При этом уже в начале XX в. в отечественной этнографической литературе можно было встретить мнение, что для этнографа на первом плане должно быть понятие «ethnos»⁴³.

Идейно-теоретические взгляды различных школ в этнографии сказались не только на представлении о ее объекте, но и на понимании задач этнографических исследований, т. е. в конечном счете на определении их предмета. При этом, пожалуй, наиболее заметное влияние оказали те из этих школ, которые возникли в период формирования этнографической науки.

Особенно показателен в данном отношении эволюционизм. В частности, характерная для этой школы идея единства человечества послужила основанием для выдвигания А. Бастианом взгляда на этнологию (или Völkerkunde) как всеохватывающую науку о человеке. Составными частями ее он считал психологию, историю, статистику,

³⁹ N. Oestreich Lurie. Ethnohistory: an «ethnological point of view», — «Ethnohistory», 1966, vol. 13, N 1—2; Ю. П. Аверкиева. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе, стр. 15.

⁴⁰ См., например: W. E. Mühlmann. Rassen, Ethnien, Kulturen. Berlin, 1964; G. de Rohan-Csermak. La notion de «complexe ethnique européen». — «Ethnologia Europaea», 1967, vol. 1, N 1, p. 45—58.

⁴¹ О развитии этнографической науки в нашей стране в дооктябрьский период см. ниже, стр. 194—196.

⁴² «Записки РГО», кн. 2. СПб., 1847, стр. 61 и сл.

⁴³ См.: Н. М. Моисиланский. Этнография и ее задачи. — Ежегодник Русского антропологического общества. СПб., 1909, т. III, стр. 102—105 (см. также выше, ч. I, гл. 1).

³³ Подробнее см.: С. Н. Артановский. «Культурный» релятивизм в американской этнографии. — «Современная американская этнография». М., 1963, стр. 97—123.

³⁴ C. Lévi-Strauss. Anthropologie structurale. Paris, 1958, p. 29.

³⁵ См.: С. Н. Артановский. О сравнительно-историческом и структурном методах в этнографии. — «Методологические вопросы общественных наук». Л., 1968, вып. 1, стр. 226—234; Ю. П. Сенокосов. Дискуссия о структурализме во Франции. — ВФ, 1968, № 6, стр. 175; Е. М. Мелетинский. Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа. — ВФ, 1970, № 7, стр. 165—173; А. А. Медников. Критический анализ идей и методов К. Леви-Стросса. (E. Leach. Lévi-Strauss. London, 1970, 126 p.). — ВФ, 1971, № 11, стр. 169—171.

³⁶ См.: С. Н. Артановский. О сравнительно-историческом и структурном методах в этнографии, стр. 223.

³⁷ См. прим. 49 на стр. 191.

³⁸ См.: С. Н. Артановский. Марксистское учение об общественном прогрессе и «эволюция культуры» Л. Уайта. — «Современная американская этнография». М., 1963, стр. 50—63.

антропологию, географию и т. д. Хотя эта концепция и не стала доминирующей в науке, однако все же оказала определенное влияние на дальнейшее развитие представлений о целях этнологии (Völkerkunde). Пожалуй, особенно заметно это сказалось на взглядах некоторых немецких исследователей конца XIX — начала XX в. (К. Вайнхольд, А. Штарк, М. Фрайтаг и др.)⁴⁴. Оставила рассматриваемая концепция свой след и в нашей дореволюционной этнографии⁴⁵. В США по существу та же тенденция проявилась в понимании общей антропологии как науки, изучающей человека в целом и включающей в качестве субдисциплин археологию, лингвистику, этнологию, физическую антропологию и т. д.

Эволюционизм немало содействовал и установлению в этнографии (этнологии) традиций изучения социальных отношений («социальной культуры»). Эволюционистов особенно интересовали вопросы брачно-семейных отношений, родо-племенные и общинные институты (Бахофен, Леббок, Мак-Леннан и др.).

Этот раздел этнографо-этнологических исследований остается важнейшим до сих пор. Его развитие привело в начале XX в. даже к появлению в Англии особой дисциплины «социальной антропологии». Создатели этой дисциплины (Дж. Фрезер, А. Рэдклифф-Браун) рассматривали ее как отрасль социологии, изучающую примитивные общества⁴⁶. Теоретические корни социальной антропологии восходят к социологической школе Э. Дюркгейма. Вместе с тем свою практическую деятельность «социальные антропологи» связывают с именем Л. Г. Моргана, считая, что своими исследованиями систем родства он заложил основы их научной практики. Современные ученые Англии (Э. Лич, М. Глюкман, И. Шалпера и др.) значительно расширили границы предмета социальной антропологии, включив в круг своих исследований современные классовые и раннеклассовые общества Америки, Африки и Азии и отойдя от крайнего антиисторизма своих учителей⁴⁷.

Понимание предметной области социальной антропологии, впрочем, во многом зависит от трактовки «культуры», точнее говоря, от решения вопроса о соотношении таких категорий, как «культура» и «общество». Расхождения в интерпретации именно этого вопроса лежат, в частности, в основе той многолетней полемики, которая ведется между «культурными антропологами» США и «социальными антропологами» Англии по поводу взаимоотношения их наук.

⁴⁴ См.: Е. Г. Кагаров. Пределы этнографии.— «Этнография», 1928, № 1, стр. 11—12.

⁴⁵ Так, Л. Я. Штернберг в своих лекциях для учителей (1904 г.) давал такое определение этнографии: «Это наука о человечестве, как о едином» (Н. И. Гаген-Торн. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (У истоков советской этнографии).— СЭ, 1971, № 2, стр. 137).

⁴⁶ А. R. Radcliffe-Brown. A structure and function in primitive society. London, 1965, p. 2.

⁴⁷ См.: Ю. П. Аверкиева. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе, стр. 13.

Большинство американских антропологов, считая, что понятие «культура» охватывает и социальную структуру, трактуют социальную антропологию как часть культурной антропологии. Многие же английские «социальные антропологи» склонны рассматривать культурную антропологию как часть социальной⁴⁸.

Значительная часть буржуазных этнографов, не различая объект и предмет исследования, в общей форме указывают в качестве своей объектно-предметной области культуру. Культура как предметная область выступает и в работах многих из тех этнографов, которые усматривали объект исследований в других явлениях (человек, народ и т. д.). Однако и в том и в другом случае не только далеко не однозначно трактуется само понятие «культура», но и по-разному определяется значение для этнографии ее отдельных сфер. В данном отношении достаточно показательным направлением в этнографии, оказавшем, кстати сказать, заметное влияние на утверждение представления о культуре как основной предметной области этой дисциплины. В одних случаях в сфере непосредственного анализа диффузионистов оказывались отдельные элементы культуры и искусственно выделяемые на их основе «культурные круги» (Ф. Гребнер), в других — исторически сложившиеся «культурные ареалы» (Ф. Боас, А. Гольденвейзер и др.).

В то же время некоторые представители других школ, явно отдавая дань взглядам на народоведение как на всеобъемлющую науку, усматривали его конечную цель в создании всеобщей истории культуры или в установлении законов развития человеческой культуры в целом⁴⁹. Однако, как правило, в качестве предметной области народоведения фигурирует прежде всего (а иногда и исключительно) культура бесписьменных народов⁵⁰.

Это особенно характерно для народоведческих дисциплин англоязычных стран, в первую очередь североамериканской «культурной антропологии», которая обычно определяется как комплекс дисциплин (археологии, лингвистики, этнологии, этнографии, фольклористики), изучающих в своей совокупности культуру народов⁵¹. Хотя при этом подразумевается вся культура в целом, однако в своей практической деятельности «культурные антропологи» США и Канады исследуют преимущественно культуру отсталых народов (и прежде всего американских индейцев)⁵².

⁴⁸ Там же, стр. 12—14.

⁴⁹ См., например: F. Krause. Die Völkerkunde als Wissenschaft. «Petermanns Mitteilungen». Gotha, 1921, LXVII, S. 8 ff; E. Vatter. Die Rassen und Völker der Erde. Leipzig, 1927, S. 2, 20.

⁵⁰ Это отчетливо проявилось и в нашей дооктябрьской этнографической литературе. См.: Л. Я. Штернберг. Этнография.— «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. XLI. СПб., 1904, стр. 180.

⁵¹ См.: F. Eggan. One hundred years of ethnology and social anthropology. «One hundred years of anthropology». Cambridge, Massachusetts, 1968; A. Hultkrantz. Historical approaches in American ethnology. A research survey.— «Ethnologia Europaea», 1967, vol. 1, N 2, p. 96—116.

⁵² Ю. П. Аверкиева. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе, стр. 11.

Вопрос об изучении современной культуры народов высокоразвитых стран поднимался главным образом европейскими этнологами-этнографами⁵³. При этом преобладающим является представление, что в таком случае народоведение должно опираться только на изучение жизни крестьянства⁵⁴. Впрочем, уже в начале XX в. в специальной литературе можно встретить мнение, что, хотя крестьянство благодаря большому консерватизму является ценным источником для народоведения (Volkskunde), городские жители, рабочие, ремесленники, торговцы тоже составляют ее предмет⁵⁵. Следует упомянуть и концепцию, согласно которой этнография (Volkskunde) должна изучать два слоя культуры современных народов: изначальное «коллективное достояние» (Gemeinschaftsgut) и «осевшие культурные ценности» (gesunkenes Kulturgut)⁵⁶. Высказывалось также мнение, что предметом этнографии является «почвенный» или «фольклорный» слой культуры⁵⁷.

Наряду со взглядом на культуру или ее отдельные сферы как на предметную область этнографо-этнологических исследований, можно встретить хотя и близкие, но все же несколько иные определения этой исследовательской области. В частности, в немецкой литературе она подчас характеризуется как «образ жизни» (Lebensweise); в русской дореволюционной литературе в данной связи нередко употребляется термин «быт». Впрочем, не следует забывать, что использование этих терминов во многом зависит от трактовки их соотношения с понятием «культура», от значения, вкладываемого в последнее.

Довольно распространено восходящее еще к эволюционизму представление о духовной жизни народов как о важнейшей сфере этнографо-этнологических исследований⁵⁸. При этом одни ученые придерживались явно идеалистического взгляда, согласно которому научная цель этнологии-этнографии заключается в познании души народа

⁵³ Лишь в последние два десятилетия ученые США стали высказываться за включение в рамки культурной антропологии изучения современных народов высокоразвитых стран (Ю. П. Аверкиев. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе, стр. 11—12). Вместе с тем в современной европейской этнологической литературе можно встретить мнение, что тенденция к подобному расширению границ этнологии представляет для нее опасность (H. Lévy-Bruhl. L'ethnologie juridique.—«Ethnologie générale». Paris, 1968, p. 1111).

⁵⁴ См.: J. Schwietering. Wesen und Aufgaben der deutschen Volkskunde. «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». Halle, 1927, Jg. 5, Hf. 4, S. 748 ff.; D. Zelenin. Russische Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, S. V.

⁵⁵ Ad. Strack. Volkskunde. «Hessische Blätter für Volkskunde». Bd. I. Gießen, 1902, 149 ff.

⁵⁶ Необходимо, однако, иметь в виду, что для этой концепции характерно приращение творчества народных масс. См.: H. Naumann. Primitive Gemeinschaftskultur. Jena, 1921.

⁵⁷ V. von Geramb. Die Volkskunde als Wissenschaft.—«Zeitschrift für Deutschkunde». Leipzig—Berlin, 1924, Jg. 38, Hf. 5, S. 337 ff.; A. Melicherčik. Teória národopisu. Transoecius v lptovskom, sv. Mikuláši, 1945.

⁵⁸ Так, еще А. Бастиап объяснял единство культуры всех народов тем, что на определенном этапе развития им всем свойственна «стихийная», или «элементарная», мысль.

(А. Гауфен, В. Герамб и др.)⁵⁹, другие считали, что основная задача этой дисциплины состоит в изучении законов духовной жизни всего человечества (Т. Ахелис и др.)⁶⁰, третьи (находившиеся под влиянием идей Л. Леви-Брюля) определяли ее как науку, имеющую «дело со всеми проявлениями народной жизни, в которых обнаруживается ассоциативное, не логическое мышление»⁶¹ (Е. Могк, К. Рейшель, А. Кнабенхапс и др.). Своеобразным продолжением этого направления стала уже упоминавшаяся «психологическая» школа в американской антропологии.

Особая группа представлений о предмете этнографии исходит, как уже говорилось, из того, что ее объектом является народ-этнос⁶². С этим, в частности, связано понимание этнографии как науки, исследующей характерные свойства народов.

В нашей отечественной науке подобные взгляды еще в начале XX в. активно развивал Н. М. Могиланский, считавший, что народоведение должно изучать особенности материального и духовного укладов жизни отдельных народов⁶³. По существу ту же точку зрения мы встречаем несколько позднее у испанского ученого Т. Аранзати, считавшего, что этнография изучает не расы (как антропология), а народы (los pueblos), т. е. человеческие сообщества, объединенные общностью языка, искусства, верований, обрядов, обычаев и другими свойствами, не передающимися в силу физической наследственности, но развивающимися благодаря воспитанию и окружающим традициям⁶⁴. В этом же ряду стоит и определение предмета этнографической науки, сравнительно недавно сформулированное польским этнографом-эволюционистом К. Мошильским. По его мнению, этот предмет составляет низшая культура отдельных этнических групп⁶⁵, к которым он прежде всего относит народы.

Представление о народе-этноте как объекте этнологии послужило отправным пунктом и для взгляда, что ее главная цель — исследование межэтнических контактов. Данная точка зрения в последнее время постоянно проводится в работах западногерманского ученого В. Мюльмана⁶⁶. Сужая ядро предметной области этнологии^{66а}, эта концепция к тому же несет на себе определенную печать диффузионизма. Следует заметить также, что практическая реализация

⁵⁹ A. Hauffen. Einführung in die deutsch-böhmische Volkskunde. Prag, 1896, S. 12 ff, 94; V. von Geramb. Die Volkskunde als Wissenschaft, S. 334 ff.

⁶⁰ T. Achelis. Современное народоведение, СПб., 1900, стр. 214—215.

⁶¹ K. Reuschel. Deutsche Volkskunde. Leipzig, I, 1920, 12 ff.

⁶² См. выше, стр. 189.

⁶³ Н. М. Могиланский. Этнография и ее задачи, стр. 102—105; он же. Предмет и задачи этнографии.—«Живая старина», 1916, вып. 2, стр. 17. См. также: С. М. Широкогор. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922, стр. 5.

⁶⁴ T. de Ananzadiy. L. de Hoyos-Sainz. Etnografia. Madrid, 1917, p. 8.

⁶⁵ K. Moszyński. Cztowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1958, str. 40.

⁶⁶ W. Mühlmann. Rassen, Ethnien, Kulturen, S. 58—59.

^{66а} Все остальные аспекты изучения этносов выносятся за рамки этого «теоретического уровня» этнологии.

этой задачи в западноевропейской этнологии только начинается⁶⁷. Несколько большее внимание уделяют ей «культурные антропологи» США⁶⁸, сосредоточиваясь при этом, однако, преимущественно на изучении процессов ассимиляции иммигрантов из стран Азии⁶⁹.

Мы попытались суммировать лишь некоторые наиболее типичные для буржуазной науки представления, относящиеся к профилированию этнографии. Но и они достаточно наглядно свидетельствуют, сколь многообразны, а порой и противоречивы те традиции, которые в той или иной степени критически учитываются в ходе формирования профиля этнографических исследований в нашей стране.

* * *

В Советском Союзе — одном из самых многонациональных государств — этнографические исследования, естественно, получили сравнительно широкий размах. Этому немало способствовало существование в России ко времени Октябрьской революции давних традиций этнографических исследований.

На территории СССР, как и повсюду, сведения о различных народах, характерных особенностях их жизни обнаруживаются уже в самых ранних памятниках письменности (например, в записях армянского географа VII в., в русской летописи «Повесть временных лет» начала XII в. и т. д.). Такого рода сведения накапливались в течение многих столетий.

Как в европейских странах, так и в России выделение этнографии в самостоятельную науку приходится на середину XIX в. Особенно важной вехой в становлении русской этнографической науки было создание в 1845 г. в Петербурге Русского географического общества с отделением этнографии. Это отделение — сначала под руководством антрополога К. М. Бэра, а потом журналиста Н. И. Надеждина — развернуло активную деятельность по сбору этнографического материала. Этот сбор становится систематическим и проводится обществом по специальной программе, разосланной во многие места. Первоначально общество занималось почти исключительно изучением нерусских национальностей России, но постепенно оно стало уделять значительное внимание и русскому народу.

⁶⁷ См., например: *I. Weber-Kellermann. Probleme interethnischer Forschungen in Südosteuropa. Eine methodische Betrachtung.* — «Ethnologia Europaea», 1967, vol. 1, N 3, p. 218—231.

⁶⁸ См., например: *J. Cornell. Acculturation and Assimilation of Rural Japanese in Southern Brazil.* «Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Sectional meetings. Section B. Ethnology». Tokyo, 1968, p. 207—212; *R. J. Smith. Acculturation and Assimilation of Urban Japanese in Southern Brasil.* Ibid., p. 212—215.

⁶⁹ Современное этноэтническое взаимодействие эмигрантов европейского происхождения изучается в США главным образом социологами (см.: *В. П. Труфанов. О некоторых тенденциях в исследовании этносоциальных процессов в США.* — СЭ, 1972, № 4, стр. 180—184). — Этому, несомненно, немало способствовало распространенное представление, что удел этнографии (культурной антропологии) — изучение отсталых народов.

Одна из характерных черт отечественной этнографической науки середины XIX в. — особый интерес к народному творчеству, в том числе к устному, которое в русской науке традиционно обозначается термином «фольклор». Этнография оказалась сразу же тесно связанной с фольклористикой (традиции эти в значительной мере сохранились до наших дней). Этой связью было отчасти обусловлено заметное влияние на русскую этнографическую науку той поры мифологической школы.

С самого начала проявляется и тесная связь этнографии с естественными науками. Помимо РГО с отделением этнографии об этом наглядно свидетельствует и создание в 60-х годах XIX в. в Москве Общества любителей естествознания с отделами этнографии и антропологии (под антропологией уже тогда, как правило, подразумевалось изучение вариаций физического типа человека). Обществом была организована в Москве в 1867 г. первая Всероссийская этнографическая выставка. Этнографический отдел общества издал серию трудов, посвященных некоторым народам России.

В 70—80-е годы XIX в. интерес отечественных этнографов переместился в сторону изучения общественной жизни, семьи, общины. Это объясняется в первую очередь практическими потребностями русского общества, которые возникли вслед за отменой крепостного права. Сказывалось и влияние народничества, идеализировавшего общинный строй. Особое внимание стало, в частности, уделяться исследованию обычного права, что в условиях отмены вотчинной юрисдикции приобретало немалое практическое значение. Продолжалось и изучение народного творчества, сопровождавшееся, однако, теперь уже критическим отношением к мифологической школе и распространением «теории заимствований» (В. В. Стасов, В. Ф. Миллер). На этот период приходится и начало деятельности Д. Н. Анучина, для исследований которого характерен комплексный метод — использование данных этнографии в сочетании с антропологическими и археологическими материалами. Заметный след в этнографии России оставили состоявшиеся в это время научные экспедиции в зарубежные внесвропейские страны, особенно экспедиции в Океанию Н. Н. Миклухо-Маклая.

В 90-е годы XIX — начале XX в. происходит развертывание деятельности этнографических музеев как в центре страны (Музей антропологии и этнографии в Петербурге, Московский Дашковский этнографический музей, Этнографический отдел Русского музея в Петербурге), так и на периферии (краеведческие музеи). В этой связи возрастает интерес к изучению материального быта народа. Ведущим направлением в русской этнографии становится эволюционизм, оказавший на нее значительное влияние еще в предшествующие десятилетия (М. М. Ковалевский, Н. Н. Харузин, Л. Я. Штернберг и др.). Вместе с тем в конце XIX в. в отечественную этнографию начинают проникать идеи марксизма. Одним из первых популяризаторов этих идей в этнографии был Н. И. Зибер; известное влияние марксизма испытал и М. М. Ковалевский.

У этнографической науки в дореволюционные годы, разумеется, не было единой общественно-политической направленности. Магистральную линию ее развития в это время составляла борьба двух начал: консервативного и прогрессивного, революционно-демократического, отвечавшего чаяниям народных масс. Значительной была и научно-теоретическая разногласия среди этнографов. Чрезвычайно пестрыми были даже представления о самом содержании понятия «этнография». Как мы уже отчасти могли убедиться, подобно своим зарубежным коллегам, одни представители отечественной дореволюционной этнографии видели ее основную задачу в выявлении законов развития человечества на низших ступенях⁷⁰, другие определяли ее как науку, изучающую вообще культуру первобытных народов, а также пережитки этой культуры⁷¹; третьи полагали, что этнография должна изучать особенности материального и духовного уклада жизни отдельных народов⁷². Существовало даже мнение, что «материал этнографии — народно-поэтические воззрения и обрядовый быт»⁷³.

В дореволюционные годы в русской этнографии сложилось немало традиций, прочно сохраняющихся в советское время. В ней не было, например, противопоставления изучения господствующей национальности (русских) изучению других народов, подобно тому, как это имело место во многих странах, владевших оторванными от метрополии заморскими колониями. Для прогрессивной дореволюционной русской этнографии было также совершенно чуждо деление народов на «исторические» и «неисторические». Не было в России почвы и для распространения в этнографической науке расистских взглядов. В рядах этнографов XIX и начала XX в. было немало людей, вставших на путь борьбы с царизмом. Не случайно блестящие достижения русского сибиреведения конца XIX — начала XX в. были связаны с деятельностью плеяды талантливых ученых, сосланных по политическим мотивам в отдаленные районы Сибири (Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон и др.). Вплоть до Октябрьской социалистической революции этнографические изыскания в России, как правило, оставались делом либо одиночек-любителей, либо научных обществ, объединявших сравнительно узкий круг специалистов. Система государственных этнографических учреждений не получила развития. А в немногих находившихся на государственном содержании этнографических музеях научная работа велась в крайне незначительных масштабах. В университетах этнография почти не преподавалась⁷⁴.

⁷⁰ См., например: *Н. Харузин*. Этнография, т. I. СПб., 1901, стр. 37.

⁷¹ См. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 81, 1904, стр. 180—190.

⁷² *Н. Могиланский*. Предмет и задачи этнографии, стр. 17.

⁷³ *А. Н. Пыпин*. История русской этнографии, т. 7, СПб., 1890, стр. 15.

⁷⁴ Подробнее см.: *С. А. Токарев*. История русской этнографии. М., 1966; «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. I, II, III, IV, V. М., 1956, 1963, 1965, 1968, 1971; *С. П. Толстов*, *Т. А. Жданко*. Пути развития и проблемы советской этнографии. — ВИ, 1964, № 7.

Октябрьская революция коренным образом изменила условия развития в стране этнографической науки. С первых же своих шагов советская этнография стала опираться на гуманистическое, демократическое наследие отечественной дореволюционной этнографической науки, на ее лучших представителей, принявших активное участие в созидании новой жизни. От дореволюционной советская этнография унаследовала и широту научных интересов, охват всех народов мира.

Но определяющую роль в развертывании этнографических исследований в послереволюционные годы сыграла тесная их связь с практическими задачами, выдвинутыми новым социальным строем. Осуществление ленинской национальной политики, необходимость коренного преобразования культуры и быта стальных в прошлом народов требовали углубленного изучения этнического состава населения и национальных особенностей его культуры.

Уже в первые годы Советской власти в Ленинграде и Москве было создано несколько новых научных центров этнографического профиля (первоначально в форме различных комиссий и комитетов, а затем и институтов); одновременно была возобновлена работа и большинство научных обществ, в рамках которых в дореволюционный период велись этнографические исследования. Большое научно-организационное значение имело создание в 1926 г. журнала «Этнография» (с 1934 г. — «Советская этнография»). К концу 30-х годов в основных чертах уже наметились контуры разветвленной сети этнографических научных учреждений: наряду с Институтом этнографии АН СССР (создан в 1937 г.) появились соответствующие исследовательские ячейки во многих республиках. Начали складываться местные кадры квалифицированных специалистов, в том числе из среды коренных национальностей. В послевоенный период деятельность в этом направлении получила особенно широкий размах. В настоящее время этнографические научные коллективы имеются во всех союзных республиках и ряде городов РСФСР⁷⁵. Нема-

⁷⁵ О развитии этнографических исследований в республиках см.: *К. Г. Гуслицкий*. Стані завдання розвитку етнографічної науки в Українській РСР. — «Народна творчість та етнографія», 1958, № 4; *Г. С. Чичая*. Этнографические исследования в Грузинской ССР. — СЭ, 1948, № 4; *Г. А. Гулиев*. Этнография Азербайджана за 40 лет. — СЭ, 1961, № 4; *Л. Х. Акаба*. Этнографическое изучение абхазов за годы Советской власти. — «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», т. 32. Сухуми, 1961; *М. К. Степанянис*. Развитие этнографической науки в Советской Латвии. — СЭ, 1960, № 3; *А. О. Вуйрес*. Эстонская советская этнография (1940—1960). — СЭ, 1960, № 3; *Г. А. Самарин*. Этнографические и фольклорные работы в Киргизской ССР. — СЭ, 1948, № 1; *А. К. Писарчик*. Этнографическая работа в Таджикистане. — «Известия АН Таджикской ССР, Отделение общественных наук», вып. 6. Душанбе, 1954; *В. К. Бондарчук*. История белоруской этнографіі. Минск, 1964; *Э. А. Масанов*. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; *Н. Н. Ершов*. К истории развития этнографической науки в Таджикистане. — СЭ, 1968, № 4; *А. Вишняускайте*. 30 лет литовской советской этнографии. — В кн.: «Прибалтийским советским республикам тридцать лет». Вильнюс, 1970; *А. С. Парникова*. Этнографическое изучение Якутии в советское время. — «Вопросы историографии и источниковедения Якутии». Якутск, 1971;

лую лепту в этнографическую науку вносят музеи. Важная роль в координации научной деятельности советских этнографов принадлежит ежегодным археолого-этнографическим сессиям Отделения истории Академии наук СССР, на которых подводятся итоги полевых исследований за прошедший год.

Разумеется, развитие советской этнографической науки отнюдь не сводится лишь к усовершенствованию организационных форм, расширению масштаба исследований подготовки кадров⁷⁶. Главный, определяющий феномен этого развития — становление и утверждение в этнографии марксистской методологии. Развертывается интенсивное освоение советскими этнографами теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса⁷⁷. Огромное значение для становления и развития советской этнографии имели труды В. И. Ленина по теории национального вопроса и его учение об общественных укладах. Ленинские положения о равноправии наций и языков, национальной автономии, национальной культуре и ее классовом содержании, о соотношении общественных укладов на многие годы определили направление работы этнографов СССР и составили ее прочную теоретическую базу⁷⁸.

Процесс утверждения в советской этнографии методологии исторического материализма завершился в основном в предвоенные годы. Он сопровождался изменением представлений о самом предмете, важнейших проблемах и месте этнографии в системе наук.

В первые годы после Октябрьской революции в идейно-теоретическом отношении советская этнография отличалась большой пестротой взглядов. Среди этнографов были и последовательные эволюционисты (Л. Я. Штернберг, Б. Э. Петри, и др.), и сторонники «культурно-исторической» школы (Б. А. Куфтин и др.). Некоторые пытались соединить принципы разных школ, включая и марксистские взгляды (В. Г. Богораз-Тан, П. Ф. Преображенский). Особенно сильной была тяга к марксизму среди молодых ученых-этнографов, но она нередко сводилась лишь к применению терминов, заимствованных из марксистской литературы, без глубокого освоения самой теории исторического материализма. Но были и исключения

К. В. Мелик-Пашаян. Основные направления этнографических исследований в Армянской ССР.— СЭ, 1971, № 3; П. Б. Денисов. Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти.— СЭ, 1971, № 6; X. Стродс. Этнографическая наука в Латвийской ССР.— СЭ, 1972, № 1, и др.

⁷⁶ См.: С. П. Толстов. Советская школа в этнографии.— СЭ, 1947, № 4, стр. 9—12; он же. Сорок лет советской этнографии.— СЭ, 1957, № 5, стр. 31—36.

⁷⁷ О значении для этнографической науки наследия основоположников марксизма см. выше, стр. 185.

⁷⁸ См., например: С. П. Толстов. В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии.— СЭ, 1949, № 1; Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногарова. Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии.— СЭ, 1970, № 1; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.— СЭ, 1970, № 1; С. М. Абрамзон, Л. П. Поганов. Значение идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии.— СЭ, 1970, № 2.

в этом отношении: например, отдельные работы, посвященные первобытному обществу и его культуре (П. И. Кушнер, В. К. Никольский). Наконец, часть этнографов старшего поколения оставалась на позициях чисто эмпирического исследования, отказываясь от теоретических обобщений (А. Н. Максимов)⁷⁹.

Далеко не одинаковыми были в 1920-е годы и представления о задачах этнографической науки. Одна из характерных для того времени тенденций связана с восходящим к классическому эволюционизму взглядом на этнологию как на всеобъемлющую науку. Практическое воплощение этот взгляд получил в 1925 г., когда факультет общественных наук Московского государственного университета был преобразован в этнологический факультет, где велось преподавание и всех исторических дисциплин («Этнофак» просуществовал до 1930 г.)⁸⁰. Соответствующие идеи получили отражение и в специальной литературе, в частности в работе П. Ф. Преображенского «Курс этнологии», в предисловии к которому автор подчеркивал, что история «исторических» народов является лишь частью этнологии⁸¹. В то же время можно было встретить представления, что конечная цель этнографии — изучение морфологии и динамики первобытной культуры человечества⁸². Впрочем, фактически основное внимание в эти годы этнографами уделялось изучению культурных традиций, особенностей материальной и духовной культуры, народного изобразительного искусства и фольклора как русского народа, так и других народов СССР⁸³. К началу 30-х годов были подготовлены и первые этнографические сборники, посвященные изучению труда и быта колхозного крестьянства⁸⁴.

В конце 20-х — начале 30-х годов в советской этнографии, как и в большинстве других гуманитарных наук, развернулись многочисленные дискуссии с целью преодоления теоретической разногласности и утверждения марксистских принципов. Особенно большое значение в этом отношении имели Этнографическое совещание 1929 г. и Археолого-этнографическое совещание 1932 г. В ходе этих дискуссий проявилась тенденция нигилистического отношения к этнографии, отрицание ее как самостоятельной науки. Такое отношение уже дало себя знать на ленинградском совещании 1929 г., хотя и было отвергнуто в целом⁸⁵. Но на совещании 1932 г. эта точка зрения

⁷⁹ См.: С. А. Токарев. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов). «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. V, М., 1971, стр. 115—116.

⁸⁰ Там же, стр. 117.

⁸¹ П. Ф. Преображенский. Курс этнологии. М.— Л., 1929, стр. 4.

⁸² Е. Г. Кагаров. Пределы этнографии. СЭ, 1928, № 1, стр. 20.

⁸³ См.: С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии, стр. 37.

⁸⁴ Труды Института по изучению народов СССР. Труд и быт в колхозах. Из опыта изучения колхозов. Сб. 1 — Из опыта изучения колхозов Ленинградской области, Белоруссии и Украины. Л., 1931; сб. 2 — Колхозы Советского Востока (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Армения). Л., 1931.

⁸⁵ С. А. Токарев. Ранние этапы развития советской этнографической науки, стр. 117.

возобладала, и в принятой на нем резолюции было заявлено, что «утверждение о существовании особой «марксистской» этнографии является не только теоретически несостоятельным, но сугубо вредным...»⁸⁶.

Однако, несмотря на подобного рода крайности, в целом эти дискуссии принесли немалую пользу советской этнографической науке. Острые теоретические споры, несомненно, способствовали более глубокому освоению советскими этнографами марксистской методологии.

В ходе этих диспутов советская этнография самоопределилась как отрасль исторической науки, со специфическим кругом источников и особой проблематикой.

Одна из характерных особенностей деятельности этнографов в это время — концентрация внимания на вопросах общественного строя, особенно различных форм патриархальных и патриархально-феодалных отношений.

Разработка этих вопросов имела определенное практическое значение в связи с социалистическим переустройством ранее отсталых окраин нашей страны⁸⁷.

Усилилось также сравнительно-историческое изучение общих вопросов первобытности, происхождения экзогамии, материнского рода и матриархата, военной демократии и т. д. (Е. Г. Кагаров, Е. Ю. Кричевский, А. М. Золотарев, С. П. Толстов, М. О. Косвен и др.)⁸⁸. Широкие масштабы приняла собирательская деятельность, особенно в наименее изученных районах Крайнего Севера (В. Г. Богораз-Тан, А. А. Попов, Л. Я. Штернберг, Г. М. Василевич и др.)⁸⁹. Вместе с тем заметилась тенденция к сужению представлению о предмете этнографической науки, к элиминированию тех ее традиционных

сфер деятельности, которые формально выходят за рамки исторической науки.

В результате практически замерла работа по изучению современного быта народов как Советского Союза, так и зарубежных стран. По свидетельству С. П. Толстова, постепенное сужение профиля этнографии, предмет которой сводился к изучению пережитков первобытнообщинного строя методом этнографического наблюдения (непосредственного наблюдения этих пережитков в быту современников), превратило ее в раздел истории первобытнообщинного строя, отличающийся от археологии лишь характером источников⁹⁰. Эта тенденция, в частности, достаточно отчетливо проявилась в статье «Этнография», опубликованной в 1933 г. в первом издании БСЭ. Здесь этнография определялась как наука, изучающая народы, стоящие «на различных, часто довольно ранних, ступенях докапиталистического развития и поэтому сохранивших у себя пережитки докапиталистических формаций»⁹¹.

Однако уже в конце 30-х годов вновь поднимается вопрос о том, что советская этнография «не может ограничиться изучением племен». Перед этнографами в качестве основной выдвигается задача изучения социализма в быту, расцвета культуры всех национальностей Советского Союза. При этом особо подчеркивается необходимость выявления вредных пережиточных явлений и объяснения причин, которые задерживают их отмирание⁹². Соответственно в качестве основного задания в научно-исследовательский план головного этнографического учреждения страны — Института этнографии АН СССР — была включена подготовка четырехтомника «Народы СССР» с целью показа положения угнетенных народностей царской России и расцвета их культуры в условиях советского строя⁹³. Однако война помешала осуществлению этого проекта.

В годы Великой Отечественной войны большинство этнографов было оторвано от мирной научной работы. Многие погибли на фронтах, в блокированном Ленинграде. Но научная деятельность в области этнографии продолжалась, решая прежде всего задачи, связанные с идеологической борьбой против фашизма и реакции.

Первые годы послевоенного развития советской этнографии характеризуются как общей активизацией, так и расширением рамок ее деятельности. Патриотическое воодушевление всех народов нашей страны в годы войны привело к повышению интереса к их культурному наследию. Война усилила и интерес к зарубежным народам — как к нашим союзникам, так и к нашим противникам. Задачи послевоенного устройства Европы поставили перед этнографами и ряд

⁸⁶ «Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 г.» — СЭ, 1932, № 3, стр. 13.

⁸⁷ Оказалось, что во многих республиках, в особенности восточных, были довольно широко распространены взгляды, отражающие националистические тенденции, трактующие нередко пережитки родового строя как зародыш социализма (С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии. — ВИ, 1964, № 7, стр. 9).

⁸⁸ Е. Г. Кагаров. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, ч. 1. — ТИЭ, т. 15, 1937; Е. Ю. Кричевский. Системы родства как источники реконструкции развития социальной организации австралийских племен. — ТИЭ, т. 4, 1936; А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии. — Известия ГАИМ, т. X, 1931; он же. Новые данные о групповом браке. — СЭ, 1933, № 3—4; С. П. Толстов. Проблемы родового общества. — СЭ, 1931, № 3—4; Сборник статей: «Вопросы истории докапиталистического общества». — ТИЭ, т. 4, 1936.

⁸⁹ В. Г. Богораз-Тан. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926—1927 гг. — СЭ, 1932, № 4; Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933; А. А. Попов. Поездка к долганам. — СЭ, 1931, № 3—4; он же. Тавгийцы. Материалы по этнографии авамских и ведеевских тавгийцев. М. — Л., 1936; Г. М. Василевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. — «Этнография», 1930, № 3.

⁹⁰ С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии, стр. 39.

⁹¹ БСЭ, т. 64, М., 1933, стр. 776.

⁹² В. В. Струве. Советская этнография и ее перспективы. Сборник статей. «Советская этнография», II. М. — Л., 1939, стр. 3—9.

⁹³ См.: С. М. Абрамзон. Программа ближайших работ Института этнографии. АН СССР. — Там же, стр. 209.

практических вопросов, связанных с изучением этнического состава этих стран. Включение в систему социализма ряда стран Европы и Азии, развернувшаяся в послевоенные годы освободительная борьба народов и приобретение многими из них — прежде всего в Азии и Африке — национального суверенитета вызвали повышение интереса советской общественности к народам этих стран. Наконец, рост международных связей Советского Союза поставил перед советскими этнографами неотложную задачу широкого освещения жизни и быта народов зарубежных стран, их образа жизни, культурных традиций. Все это, как справедливо отмечает С. П. Толстов, явилось предпосылкой к решительному пересмотру того суженного профиля этнографии, который сложился в середине 30-х годов и недостаточность которого начала выявляться уже в последние предвоенные годы⁹⁴.

За послевоенные годы советскими этнографами проделана, как известно, огромная исследовательская работа⁹⁵. Она, естественно, сопровождалась уточнением представлений о предмете этнографической науки. При этом так или иначе (вольпо или невольпо) принимались во внимание существующие традиции в понимании предмета этнографии. Сразу же после войны этнография определяется как отрасль исторической науки, исследующая культуру всех народов (и не только бесписьменную) «в ее национальной или этнической специфике», вскрывающая «в ней напластования различных исторических периодов»⁹⁶. Вслед за тем в качестве центральной задачи этнографии выдвигается изучение современной культуры и быта. При этом среди этнографов довольно широкое распространение получает представление о необходимости и возможности проведения собственными силами всестороннего изучения современных культурно-бытовых процессов⁹⁷. Это в свою очередь сказалось и на общем понимании предмета этнографии. Она подчас характеризуется как наука с очень широкими и неопределенными границами⁹⁸.

Однако одновременно высказывается мысль, что «чем дальше от первобытности и ближе к современности, тем уже предмет, содержание этнографической науки». При этом подчеркивается, что, изучая социалистическое общество, «этнография концентрирует свое

внимание на национальных особенностях социалистической культуры и социалистических форм быта»⁹⁹.

Таким образом, на наш взгляд, уже в первые послевоенные десятилетия все же намечился угол зрения, позволяющий преодолеть крайности как чрезмерного сужения рамок этнографической науки, так и их безграничного расширения. Но такой подход сам нуждается в дальнейшем теоретическом обосновании, тем более, что полное единство в понимании предмета этнографии среди наших специалистов еще далеко не достигнуто¹⁰⁰.

⁹⁴ С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии, стр. 39—40; см. также: С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии, стр. 10.

⁹⁵ См.: С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии; С. А. Токарев. Советская этнография за 40 лет.— «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2; он же. Основные направления этнографических исследований в СССР.— ВИ, 1968, № 1; С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии.— СЭ, 1967, № 5; Ю. В. Бромлей. Этнографические исследования в СССР. «Работы советских историков за 1965—1969 гг.», М., 1970.

⁹⁶ С. П. Толстов. Советская школа в этнографии, стр. 15; он же. Этнография и современность.— СЭ, 1946, № 1, стр. 8.

⁹⁷ См.: «К новым успехам советской этнографии».— СЭ, 1951, № 2.

⁹⁸ См., например: С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 4.

⁹⁹ И. И. Потехин. Новые задачи этнографии в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».— СЭ, 1953, № 2, стр. 10—11; См. также: М. Г. Левин, Я. Н. Чебоксаров. Общие сведения (расы, народы, языки). «Очерки общей этнографии. Австралия и Океания, Америка, Африка». М., 1957, стр. 7; С. П. Толстов. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии.— СЭ, 1960, № 6, стр. 12.

¹⁰⁰ На необходимость дальнейшей разработки данного вопроса уже неоднократно обращалось внимание; об этом, например, свидетельствуют материалы Этнографического совещания 1956 г. (см.: СЭ, 1956, № 3, стр. 124, 127).

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общезвестно, что для современного бурного развития науки характерны две противоположные диалектически взаимосвязанные тенденции. Это, с одной стороны, все большая специализация отдельных научных дисциплин, диктуемая задачами углубленного анализа изучаемых объектов, с другой — возникновение новых «пограничных» дисциплин, обусловленное необходимостью всестороннего исследования объективной реальности. В единстве этих противоположностей и осуществляется современное поступательное развитие науки в целом¹.

Эта закономерность, несомненно, должна ныне приниматься во внимание при определении профиля любой науки. Разумеется, ее следует иметь в виду и при рассмотрении вопроса о профиле современных этнографических исследований. В первую очередь это относится к их специализации, требующей более четкого отграничения этнографии от смежных дисциплин.

Предварительным условием решения подобного рода задач является, как известно, установление специфического объекта исследований, а затем и их предмета. Правда, до сих пор содержание понятий «объект» и «предмет» научного познания определяется по-разному, а иногда их вообще не различают. Между тем эти понятия — далеко не совпадающие, и их смешение крайне затрудняет размежевание наук, изучающих одни и те же объекты. Что касается понятия «объект» научного познания, то представляется наиболее правомерным подразумевать под ним реально существующий оригинал, который исследуется определенной наукой². Относительно же понимания «предмета» познания мы придерживаемся мнения, что для каждой науки таковой составляет совокупность особых, изучаемых только ею свойств объективной реальности³. И само выявление

этих свойств познаваемого объекта — уже результат взаимодействия с ним познающего субъекта.

Таким образом, у разных наук объект исследования может оказаться одним и тем же, но предметы изучения будут различными⁴. К примеру, в широком смысле слова объектом познания и физики и химии является вся природа, но предметом первой выступают лишь ее физические свойства (физическая форма движения материи), а предметом второй — ее химические свойства (химическая форма движения материи). Вместе с тем следует учитывать иерархичность структуры объектов научного познания, что позволяет различать не только весь объект данной науки как некое целое, но и непосредственные объекты отдельных исследований, осуществляемых в ее рамках. Так, если в целом объектом познания генетики является весь органический мир, то непосредственными объектами отдельных генетических исследований могут выступать и мухи, и мыши, и люди. Многослойны и предметные области большинства наук, но наличие в них различных исследовательских зон настолько очевидно, что не нуждается в специальных иллюстрациях.

Как уже говорилось, в рассматриваемом случае мы исходим из того, что объекты познания обозначены в самом наименовании научной дисциплины — этнографии. Иначе говоря, таковыми являются этносы. Если же при этом принять изложенное выше представление о месте этноса в системе этнических общностей, то, очевидно, придется признать, что объектами этнографии являются прежде всего народы. И хотя в силу определенной специфики, о которой пойдет речь ниже, в качестве основной сферы этнографических исследований выступают современные народы (как отсталые, так и развитые), эти исследования включают в поле своего зрения все когда-либо существовавшие этносы. Одним словом, если в пространственном плане этнография охватывает все народы земного шара, то хронологи-

мент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны... Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помеченное для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком...». Показав, что стакан имеет много свойств и что его связи с другими предметами многообразны, Ленин подчеркивал, что в зависимости от подхода «меняется назначение стакана, употребление его, *связь его с окружающим миром*». «Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т. п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 289—290).

⁴ Вместе с тем отмеченное выше отождествление объекта и предмета исследований может быть, на наш взгляд, объяснено тем, что в ряде случаев их разграничение либо крайне затруднено, либо просто невозможно. Это относится прежде всего к тем наукам, само выделение которых выражает существование различных общенаучных способов (методов) познания объективной реальности (таковы, например, философия, логика, математика, статистика и т. п.).

¹ При этом следует учитывать, что характер современной дифференциации в науке совершенно иной, нежели тот, что имел место до XX в. Начиная с античного времени дифференциация означала дезинтеграцию, вела к отпочкованию от некогда целого, синкретического знания все новых областей. Ныне же «дифференциация, как ни парадоксально это звучит, стала одним из основных путей к интеграции науки. Каждая новая наука... перекидывает мостик над пропастью «ничейных земель» (Г. Н. Волков. Социология науки. Социологические очерки научно-технической деятельности. М., 1968, стр. 239).

² См.: Г. И. Мельников. Азбука математической логики. М., 1967, стр. 24.

³ Это вычленение в объекте познания в зависимости от угла зрения тех или иных свойств чрезвычайно рельефно показано в одном из выступлений Ленина. «Стакан, — говорил он, — есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инстру-

чески ее диапазон простирается от древнейших времен до наших дней.

При рассмотрении этносов в качестве главных объектов этнографии не следует, однако, забывать о существовании двух их разновидностей: этникосов и этносоциальных организмов. Вместе с тем, трактуя этносы как основные подразделения в иерархии этнических общностей, мы, очевидно, подошли бы к проблеме излишне формально, не включив на данном основании в объект этнографии все остальные звенья этой иерархии. Представляется также, что к объектам этнографии должны быть отнесены и этнографические общности, что подразумевает само их наименования. Таким образом, хотя главными объектами этнографии выступают этносы-народы, однако в поле ее зрения находятся все формы существования этнических, а также этнографических общностей.

То обстоятельство, что главными объектами этнографии являются такие общественные единицы, как этносы, существенно отличает ее от наук, изучающих отдельные конкретные сферы общественной жизни (например, экономики, права, лингвистики и т. п.). Напротив, эта же специфика объектов этнографии во многом сближает ее с историей и социологией, поскольку обе они также стремятся к широкому охвату общества. Вместе с тем было бы неверно полностью отождествлять исследовательские объекты этих трех дисциплин. Если на макроуровне главные объекты этнографии составляют такие единицы, как этносы, характеризующиеся прежде всего общностью культуры, то основные объекты истории и социологии — социальные (в узком смысле слова) макроединицы, т. е. «социальные организмы». Главные объекты этнографии, истории и социологии совпадают лишь в том случае, когда в такой роли выступают этносоциальные организмы.

Мы уже имели возможность убедиться, что представление об этносах-народах как главных объектах этнографии далеко не ново. Но если прежде этого взгляда придерживалась лишь часть этнографов, то теперь он в советской этнографии является широко признанным⁵. Обстоятельство это в форме соответствующих дефиниций зафиксировано во всех наших послевоенных справочных изданиях, обобщающих трудах и учебных пособиях⁶.

Признание этносов в качестве главных объектов этнографии само по себе еще не предвещает определения ее предмета. Ведь, как мы видели, представление о народах как объектах этнографии допускает самое различное ее профилирование. Поэтому неизбежно возникает вопрос о критериях определения предмета этнографии.

Обычно, отвечая на этот вопрос, указывают в качестве специфического предмета этнографических исследований «народную» культуру. Однако, как уже отмечалось, существительное «народ», а со-

⁵ См.: С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии. — ВИ, 1961, № 11, стр. 107.

⁶ См., например: БСЭ, т. 49. М., 1957, стр. 249; «Очерки общей этнографии», вып. 1. М., 1957, стр. 7; «Основы этнографии». М., 1968, стр. 5.

ответственно, и прилагательное «народный» (и в русском, и во многих других языках) весьма многозначны. Но главное — общая ссылка на «народную» культуру неизбежно выдвигает новый вопрос: чем при ее изучении этнография отличается от таких дисциплин, как, например, история народной архитектуры, истории народной музыки, фольклористика и т. п.?

Иногда главную специфику этнографо-этнологического исследования народов усматривают в методе непосредственного наблюдения⁷. Однако с этим тоже трудно согласиться. Во-первых, указанный метод широко применяется в других дисциплинах, в том числе культуроведческих (например, в фольклористике, искусствоведении и т. д.). Во-вторых, этнография сама не ограничивается этим методом при изучении даже современных народов.

Недавно высказано мнение, что особый угол зрения этнографии на свой предмет определяется ее проблематикой⁸. Но при этом неизбежно возникает вопрос: каковы же критерии выделения самой этой проблематики? Нерешенность же данного вопроса в свою очередь представляет широкие возможности для произвольного выбора таких проблем.

Между тем общеизвестно, что предметная область каждой науки определяется далеко не произвольно. В конечном счете она прежде всего зависит от выделения из всей совокупности присущих объекту свойств именно тех, что исследуются данной наукой. Стало быть, характерный для нее угол зрения определяется не произвольным выбором проблем, а наличием у объекта определенных специфических свойств. Поскольку в интересующем нас случае таким объектом является этнос, очевидно, среди его типологизирующих, характерных свойств и должно искать критерии для определения предмета этнографии.

Однако у конкретных форм существования этноса имеется немало различных свойств. Какие же из них определяют предмет этнографии? Очевидно, те, благодаря которым этнос может быть выделен среди других человеческих общностей. А к таковым свойствам, как мы знаем, относится в первую очередь выполнение его компонентами этнических функций. Стало быть, основным критерием для выделения предметной области этнографии является рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций, прежде всего под углом этнической специфики. Поэтому представляется отнюдь не случайным, что такой подход постепенно получает признание в нашей этнографической науке. Как уже отмечалось выше, в послевоенные годы необходимость учета этнической специфики не раз подчеркивалась при определении задач нашей этнографической науки. И хотя иногда о значении такого под-

⁷ См., например: С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии. — ВИ, 1964, № 7, стр. 3.

⁸ С. А. Токарев. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. — «СЭ», 1967, № 5, стр. 135.

хода прямо не говорится, все же можно довольно легко обнаружить, что практически рассматриваемый критерий во многом предопределил (возможно, не всегда достаточно осознанно) сферы конкретных интересов советских этнографов в послевоенные годы⁹.

Правда, до сих пор еще остается широко распространенным представление, что для раскрытия характерных свойств этноса достаточно констатировать само наличие у него тех или иных явлений. Такая констатация нередко сопровождается обстоятельным описанием самих явлений, однако обычно при этом умалчивается, относятся ли они ко всему этносу или его части, имеются ли у других этносов или присущи ему одному¹⁰. Но такое умолчание легко может быть истолковано читателем (в силу склонности обыденного сознания к упрощению) как показатель само собой разумеющейся принадлежности указанных явлений всему этносу, и притом только ему одному. Между тем, как мы знаем, для подобной генерализации и абсолютизации этнических свойств большинства объективных компонентов этноса обычно нет достаточных оснований. Поэтому-то научный подход к характеристике этноса и предполагает непременно выяснение распространенности каждого из присущих ему культурно-бытовых явлений как внутри него самого, так и за его пределами.

Этнография, разумеется, призвана раскрывать весь облик этноса — не только его отличительные особенности, но и черты, общие с другими этносами. Определение особенного и общего всегда представляет единый процесс. Поэтому сравнительное изучение компонентов этноса как основной метод установления его специфических особенностей¹¹ неизбежно предполагает выявление и черт, общих с другими этносами. При этом одни из таких черт могут оказаться присущими всем существующим и существовавшим этносам, т. е. иметь общечеловеческий характер, другие — лишь группе этносов и, следовательно, быть по-своему тоже специфическими.

Конечно, уже само употребление конкретных понятий (терминов) при той предварительной классификации компонентов этноса, которая обычно предшествует их характеристике, неизбежно предполагает знание определенных типологически значимых черт этих компонентов. Иными словами, априоридедуцируются наши представления (выработанные в ходе всего предшествующего человеческого опыта и фиксированные в соответствующих понятиях-терминах) относительно того общего, что тот или иной компонент данного этноса имеет и во всех других этносах, в которых он также существует. В силу этого, когда этнограф характеризует, скажем,

⁹ Ю. В. Бромлей. Основные направления этнографических исследований в СССР. — ВИ, 1968, № 1.

¹⁰ Еще Л. Я. Штернберг в своих «Десяти заповедях этнографа» справедливо подчеркивал, что тот, «кто знает один народ — не знает ни одного» (*Н. И. Гаген-Торн*. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (У истоков советской этнографии). — СЭ, 1971, № 2, стр. 142).

¹¹ См. *С. Н. Артановский*. О сравнительно-историческом и структурном методе в этнографии. — *Методологические вопросы общественных наук*. Л., 1968, стр. 214—234.

жилище, одежду, упряжь — компоненты культуры, у него нет необходимости разъяснять то видовое общее, что присуще каждому из этих компонентов.

Но это, естественно, не избавляет этнографа от необходимости всесторонне исследовать тот или иной компонент этноса в случае, если данный компонент рассматривается им самостоятельно. Дело в том, что особенное, специфическое нельзя выявить без предварительного познания целого. Иначе говоря, поскольку в начале исследования обычно неизвестно, где именно проявится этническая специфика, этнографу приходится иметь в поле своего зрения все элементы изучаемого явления. И если при этом этнография не может опереться на предварительный анализ соответствующей специальной дисциплины, то она оказывается вынужденной сама выполнять функции такой дисциплины. Свою же непосредственную задачу этнограф в таком случае, однако, осуществит лишь после того, как определит этническую специфику изучаемого явления.

Не следует также упускать из виду наличие у этнических свойств еще одного аспекта диалектической взаимосвязи особенного и общего: специфика этих свойств является общей для всего данного этноса или по крайней мере для его значительной части. Это обстоятельство, кстати сказать, и дает основание для употребления применительно к этносу понятий «специфические» и «характерные» черты в качестве синонимов. Хотя понятия «характерный», «типичный» представляют собой единство общего и особенного¹², однако в рассматриваемом случае «общее» заключается лишь в том, что явления, к которым прилагаются данные понятия, свойственны для всего этноса. Но это в подобных ситуациях всегда само собой подразумевается, как бы заранее задано. Поэтому, когда речь идет о характерных чертах этноса, невольно они в первую очередь понимаются как его специфические особенности.

Приоритет особенного предопределил отношение этнографии не только к общему, но и к единичному, отдельному¹³. Отсюда одна из характерных черт процесса познания, присущего этнографической науке, — рассмотрение единичного лишь как базиса для выявления особенного, как носителя информации об этом особенном. Поэтому простая констатация (описание) тех или иных свойств (компонентов) этноса еще недостаточна для его этнографической характеристики, ибо последняя в конечном счете предполагает раскрытие их специфичности.

Своеобразие подхода этнографии к объекту своего изучения во многом предопределяет формирование ее предметной области.

¹² На это обратил внимание еще В. Г. Белинский, указывавший, что типичное есть «торжество органического слияния двух крайностей — общего и особого» (*В. Г. Белинский*. Статьи о народной поэзии. Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 318—319).

¹³ «Всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность...» (*К. Маркс, Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 20, стр. 548).

Может, правда, показаться, что акцентация при этом особой роли этнической специфики чревата односторонностью. Однако такого рода опасения не учитывают диалектическую взаимосвязь особенного и общего, в силу которой, как уже говорилось, изучение одного лишь специфического просто невозможно. И поэтому практически предметная область этнографии колеблется в диапазоне между особенными и общими свойствами этносов. Размах же этих колебаний в свою очередь во многом зависит, как мы увидим ниже, от того, в какой мере тот или иной компонент этноса изучается смежными с этнографией дисциплинами.

Рассмотрение этноса сквозь призму выполнения его компонентами этнических функций позволяет, на наш взгляд, наметить основную зону этнографических исследований. Представляется очевидным, что при таком подходе к проблеме ядро предметной области этнографии составит тот слой культуры в широком смысле слова, который нами условно назван «этническим», т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура. Кстати, именно с тем, что этот слой культуры находится в центре внимания этнографии, и связано широкое распространение в ней метода непосредственного наблюдения. Ведь многие компоненты традиционно-бытовой культуры (особенно ее духовной сферы), воспроизводимые устно-зрительными средствами и обычно не фиксируемые в письменной форме, могут быть выявлены лишь путем непосредственного наблюдения.

Как мы видели, на разных ступенях общественного развития традиционно-бытовому слою культуры принадлежит далеко не одинаковая роль. В доклассовых и раннеклассовых обществах он полностью или почти полностью охватывает культуру. Как раз этим и объясняется тот уже давно признанный факт, что у отставших в своем развитии бесписьменных народов этнография изучает культуру целиком: от способов ведения хозяйства до религиозных верований и языка. Более того, в силу присущего таким народам синкретизма общественной жизни в поле зрения этнографов неизбежно оказывается и вся социальная сфера их жизни — «соционормативная» культура. Этому всеобъемлющему подходу исследователей-этнографов к бесписьменным народам немало способствовало еще одно обстоятельство «субъективного» характера. Речь идет о том, что для этнографов — носителей «развитой» культуры — все стороны жизни «отсталых» народов выступают как необычные, т. е. по-своему этнически специфические (это, так сказать, «диахронная» разновидность этнических различий). И то обстоятельство, что характерные отличительные черты, с точки зрения полевых исследователей, обнаруживаются во всех сферах жизни «отсталых» народов, не могло не способствовать их всестороннему этнографическому изучению.

Представление о необходимости такого изучения жизни «отсталых» народов, в частности, прочно утвердилось в советской этнографической науке. Ведь только этнографу, располагающему материалами непосредственных полевых наблюдений, под силу путем ретроспективной реконструкции (разумеется, привлекая все источ-

ники, в том числе археологические) воссоздать историю народов, не обладающих письменной традицией. В результате поистине самоотверженной работы этнографов обрели свою историю десятки в прошлом бесписьменных народов нашей страны. Эта работа, начатая еще в дооктябрьский период, в наше время приобрела особенно значительные масштабы. За одно последнее десятилетие созданы историко-этнографические монографии об ульчах, орочах, нивхах, чукчах, коряках, ненцах, вепсах, арчинцах и др.¹⁴

Фактически монопольное положение этнографии в исследовании архаических черт у непосредственно изучаемых, главным образом отставших в своем социально-экономическом развитии, народов предопределило ее активное участие в разработке проблем первобытнообщинной формации. Это, так сказать, «дополнительная» предметная зона этнографии, в исследовании которой она, опираясь на метод ретроспективных реконструкций, выступает в качестве одной из основных субдисциплин истории первобытного общества. Хотя это и «дополнительная» область этнографических изысканий, однако ее разработка, как известно, имеет важное мировоззренческое значение, и было бы неверно при этом превращать этнографию лишь в поставщика фактических данных, т. е. рассматривать ее как вспомогательную дисциплину. Впрочем, не менее ошибочна и другая крайность — ограничение предмета этнографии первобытной историей или даже традиционно-бытовой культурой отставших в своем развитии народов. Ведь объект этнографии, как мы знаем, далеко не исчерпывается «отсталыми» народами. Он включает этносы всех социально-экономических формаций.

При изучении этносов классовых формаций задача этнографии в конечном счете остается прежней — раскрыть характерные черты их культурного облика в целом. И все же было бы неверно механически переносить, как это иногда делается, на народы развитых стран те представления о профиле этнографической науки, которые сложились при изучении бесписьменных народов. Необходимо учитывать, что в классовых формациях существенно меняется содержательная сторона объекта исследований. Он становится чрезвычайно сложным, многогранным. В результате развития производительных сил отдельные сферы общественной жизни получают значительную обособленность. Происходит специализация в области экономики, разделение сфер производства и потребления, особенно усилившееся в эпоху капитализма. Усложняется социальная структура. Исчезает былой синкретизм и в наиболее интересующей нас сфере — в области культуры, дифференцируются ее виды; вместе с тем появляются глубокие различия в культуре классов и социальных групп,

¹⁴ В. Г. Ларькин. Орочи. М., 1964; И. С. Вдовин. Очерки истории и этнографии чукчей. Л., 1965; В. В. Пименов. Вепсы. М.—Л., 1965; А. В. Смоляк. Ульчи. М., 1966; Л. В. Хомич. Ненцы. Л., 1966; Г. А. Сергеева. Арчинцы. М., 1967; Ч. Таксами. Нивхи. Л., 1967; Г. М. Василевич. Эвенки. Л., 1969; В. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энецов. М., 1970; В. В. Андропова. Культура и быт коряков. Л., 1971, и др.

сельских и городских жителей, между традиционно-бытовой и профессиональной культурой.

Все это усложнение жизни общества сделало, как известно, необходимым изучение ее отдельных сторон специальными научными дисциплинами. И данное обстоятельство, разумеется, невозможно игнорировать при определении профиля этнографических изысканий, посвященных народам «развитых» стран. Следовательно, неизбежен вопрос о критериях ее разграничения с другими дисциплинами.

Таким критерием, как уже говорилось, и является рассмотрение компонентов этноса сквозь призму этнической специфики. Не случайно этнографы не занимаются, например, специальным исследованием современных видов стандартизированной материальной культуры: они ведь по существу лишены этнической специфики. Именно указанный критерий и позволяет выделить для этнографии народов «развитых» стран особую исследовательскую зону — традиционно-бытовую культуру. Впрочем, сама эта зона, как мы могли уже убедиться, не остается неизменной, все более и более сужаясь по мере распространения различных стандартизированных форм профессиональной культуры. При этом этническая специфика у современных промышленно развитых этносоциальных организмов из сферы материальной культуры все более смещается в сферу духовной культуры, психологических явлений. Следовательно, соответственно несколько смещается и ядро предметной области этнографических изысканий.

Эти процессы, как известно, затрагивают в первую очередь городское население. Отсюда и те трудности, которые связаны с его изучением. Более прочное сохранение традиционно-бытовой культуры, обладающей определенным этническим своеобразием, среди сельского населения и обусловило широкое распространение представления, что при изучении народов «развитых» стран предметная область этнографии ограничивается «крестьянской» или фактически отождествляемой с ней «народной» культурой. Между тем традиционно-бытовой слой имеется и у культуры городского населения. Следовательно, культуру этого населения нет оснований полностью сбрасывать со счетов при этнографическом изучении народов «развитых» стран. Нельзя лишь при этом подменять выявление традиционных, своеобразных в этническом отношении компонентов культуры анализом стандартизированных форм повседневного быта.

При определении конкретного контура этнографических исследований не следует, разумеется, забывать, что этническая специфика сосредоточена не только в сфере традиционно-бытовой культуры. Поэтому в предметную область этнографии входят все компоненты этноса, обладающие в той или иной степени этническим своеобразием; она рассматривает их как целостную систему. В тех случаях, когда в качестве объектов этнографии выступают этносоциальные общности (в первую очередь этносоциальные организмы), ее особой задачей составляет раскрытие взаимодействия между их этническими

и собственно социальными компонентами. Периферийные зоны предметной области этнографии, лежащие на ее стыке с естественными науками, образуют исследования, касающиеся взаимосвязи между этносом и сопряженной с ним популяцией, а также между этносом и его природной средой.

Характеризуя в целом предметную область этнографических исследований, мы должны учитывать, что их объектом являются, как уже отмечалось, не только основные этнические подразделения — этносы (этникосы и этносоциальные организмы), но и вся иерархия этнических и этнографических общностей. Это обстоятельство, в частности, выдвигает в качестве самостоятельной задачи изучение специфики традиционно-бытовой культуры на уровне как этнических и этнографических групп отдельных этносов, так и этнических и этнографических общностей, охватывающих несколько этносов. При этом, однако, следует иметь в виду, что территория распространения отдельных компонентов культуры, а нередко и их комплексов (в частности, хозяйственно-культурных) далеко не всегда совпадает с пределами той или иной этнической общности. А это в свою очередь значит, что изучение таких компонентов (соответственно их комплексов) может рассматриваться как особая задача этнографии. Решение данной задачи имеет тем большее значение, что позволяет выявить формы «стыковки» соседних этнических общностей на основе взаимопроникновения их отдельных компонентов, а в конечном счете — своеобразную культурную непрерывность всего человечества.

Предметная область этнографии, разумеется, разворачивается не только в одном «пространственно-структурном» плане. Она имеет и свой историко-генетический аспект. Этнические общности, как мы знаем, — системы, изменяющиеся во времени. Эти изменения, т. е. этнические процессы, присущи не только прошлому, но и настоящему, как, впрочем, и будущему. Соответственно предмет этнографии не ограничивается лишь уже совершившимися в прошлом, но охватывает и происходящие в момент изучения этнические процессы; более того, одна из задач этнографии — их прогнозирование. Что же касается самого изучения механизма этнических процессов, то все нам известное о них позволяет считать, что важнейшее значение в данном отношении имеет выяснение роли социально-экономических факторов, а также межэтнических контактов и взаимодействий.

Таковы в самых общих чертах контуры весьма обширной предметной области этнографии. Конкретизация этих контуров требует уже специального рассмотрения как основных направлений этнографической науки, так и ее соотношения со смежными дисциплинами.

РАЗМЕЖЕВАНИЕ И КООПЕРАЦИЯ ЭТНОГРАФИИ С ДРУГИМИ НАУЧНЫМИ ДИСЦИПЛИНАМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЭТНОСА

Компоненты этноса, как мы знаем, могут быть сопряжены в конечном счете с любой сферой человеческой жизнедеятельности. Поэтому оказывается возможным «пересечение» этнографии с любой наукой, занимающейся изучением того или иного аспекта жизни людей. И если не придерживаться представлений об этнографии как о некоей сверхнауке, претендующей на самостоятельное изучение всех сторон жизни народов не только доклассовых, но и классовых формаций, неизбежно во весь рост встанет вопрос о соотношении этнографических исследований со многими другими научными дисциплинами, как гуманитарными, так и естественными.

Этот важнейший для определения профиля этнографических исследований вопрос чрезвычайно сложен и имеет многие аспекты. При его решении следует, в частности, иметь в виду неравномерность распределения этнических свойств в различных сферах человеческой деятельности.

В силу этого у этнографии с одними научными дисциплинами предметные зоны совпадают в значительной мере, с другими — лишь соприкасаются в отдельных точках. К первой категории, очевидно, должны быть отнесены прежде всего науки, изучающие культуру в широком смысле слова, поскольку она выполняет основные этнические функции, ко второй — дисциплины, занимающиеся исследованием всех остальных сторон жизни людей. Пересечение этнографии со второй из указанных категорий наук относится как бы к периферии ее предметной области. Поэтому, сколь ни велико значение такого интердисциплинарного взаимодействия для самой этнографии, вопрос о ее соотношении с другими науками следует все же начать с «культуроведческих» дисциплин.

В первую очередь это, конечно, относится к тем из них, которые целиком или хотя бы частично охватывают отдельные сферы традиционно-бытовой культуры, составляющей, как мы знаем, «этническое ядро» культуры. Таковы фольклористика, история отдельных отраслей народного искусства (например, архитектуры, театра), история материальной культуры, и т. д. Характерно, что некоторые из них, как, например, фольклористику, подчас рассматривают даже в качестве раздела этнографии¹. Следуя подобной логике, легко

представить себе этнографию как простую совокупность всех «отраслевых» дисциплин, изучающих традиционно-бытовую культуру народов. Но очевидно, что с подобным пониманием этнографии трудно согласиться хотя бы уже потому, что оно в конечном счете ведет к отрицанию ее собственных познавательных задач.

Разграничению этнографии с другими изучающими культуру дисциплинами во многом помогает выявление своеобразия в соотношении особенного с общим и единичным, которое, как уже говорилось, характерно для угла ее зрения на действительность. Так, акцентация не на общих, а на особенных, специфических чертах культуры, ее этнических функциях открывает возможность отграничения этнографии от теории культуры, «культурологии», главная задача которой состоит в выявлении общих черт, общих закономерностей развития культуры. Поэтому, строго говоря, на теоретическом уровне изучения культуры основной домен этнографии — теория специфически этнических форм существования культуры. Этим и обусловлена активная роль советских этнографов в разработке таких категорий, как «этнические общности»², «историко-этнографические области» и «хозяйственно-культурные типы»³. Вместе с тем следует учитывать, что из-за имевшегося в прошлом недостаточного внимания к общим культуроведческим проблемам, а также и конкретно-социологическим и социально-психологическим исследованиям наша этнография на протяжении значительного времени выступала в роли единственной науки, претендующей на охват традиционно-бытовой культуры в целом. Выполняя эту роль, она, естественно, способствовала не только раскрытию взаимосвязей традиционно-бытового слоя с другими компонентами этноса, и уяснению их места во всей системе культурных явлений⁴.

Критерий этнической специфики проливает свет и на такой сложный вопрос, как соотношение этнографии с культурной антропологией англоязычных стран. Последняя, как и этнография, изучает в основном бытовой уровень культуры в широком смысле этого слова, притом особое внимание уделяет ее традиционным формам. Не случайно поэтому культурная антропология нередко полностью отождествляется с этнографией. Однако, хотя и есть основание говорить о близости предметной области этих наук, тем не менее полное их отождествление вряд ли правомерно. И дело не столько в

² См. об этом ч. I, гл. 1, стр. 23, 24.

³ См., например: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ, 1955, № 4; В. В. Андрианов. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс.— СЭ, 1968, № 2; В. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2.

⁴ См., например: В. В. Пименов. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры.— СЭ, 1967, № 2; Л. Е. Куббель. Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности.— СЭ, 1970, № 2; С. А. Арутюнов. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре. Автореф. докт. дисс. М., 1970; К. В. Чистов. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 3.

¹ См. об этом ниже, стр. 36, прим. 225.

том, что, формально говоря, у них различные объекты исследования: в одном случае — этнос, в другом — человек; и даже не в том, что культурная антропология, как уже отмечалось, представляет целый комплекс дисциплин, включая лингвистику и археологию. Главное различие, на наш взгляд, связано с тем, что для исследований в области культурной антропологии вопрос об этнической специфике, этнических функциях культуры является обычно третестепенным; более того, культурная антропология вообще может ее не касаться⁵. Для этнографических же исследований выявление этнической специфики, как уже говорилось, является непременным условием. К этому остается лишь добавить, что полное отождествление культурной антропологии и этнографии представляется тем более поправочным, что сами культурные антропологи рассматривают этнографию (точнее, этнологию) как составную часть своей науки. Иначе говоря, не лишено оснований мнение, что различие между этнографией (этнологией) и культурной антропологией отнюдь не формально и имеет не только терминологический характер⁶. Впрочем, не менее ошибочным было бы и полное отрицание определенной общности у этнографии (этнологии) и культурной антропологии⁷. Основу такой общности, на наш взгляд, составляет особое внимание и той и другой дисциплины к традиционно-бытовому слою культуры.

Рассмотрение соотношения этнографии с «отраслевыми» культуроведческими дисциплинами теснейшим образом сопряжено с характером ее интересов в конкретном изучении ядра своей предметной области — традиционно-бытовой культуры. Эти интересы, как известно, весьма широки: они охватывают самые разнообразные сферы культуры. Но «отсечет» в данном случае, пожалуй, следует вести от материальной культуры, традиционные виды которой уже издавна привлекают пристальное внимание всех этнографов. Это обусловлено тем, что устойчивые специфические особенности («стереотипы») деятельности легче всего поддаются фиксации в объективированной, опредмеченной форме.

Исследования традиционной материальной культуры ведутся во всех странах, где существует этнография (или ее ближайшие аналогии)⁸. Советская этнографическая наука не представляет исключения

в данном отношении, внося существенный вклад в изучение таких компонентов материальной культуры, как сельскохозяйственные орудия, поселения, жилища, одежда, домашняя утварь, пища и т. д. Исследования эти касаются многих, если не всех, народов СССР⁹, а также ряда зарубежных народов¹⁰.

Рассматривая обычно каждый из этих компонентов культуры как целостное исторически изменяющееся явление, всесторонне характеризуя его, наша этнографическая наука тем самым в значительной мере выполняет функции истории материальной культуры. Эта ситуация, ставшая у нас, как и во многих зарубежных странах, уже традиционной, сложилась, однако, далеко не сразу. Ее возникновение было обусловлено целым рядом факторов¹¹.

Один из таких факторов — особое значение предметов традиционной материальной культуры для этнографических музейных экспозиций в силу их наглядности, отчетливой выраженности этнической специфики. Не случайно рост в нашей стране интереса к материальному быту был ближайшим образом связан с оживлением в конце

архитектура и руризам. Београд, 1959; *M. Gavazzi*. Sudbina stare slavenske baštine kod južnih slavena. Београд, 1959; *W. Jacobeit*. Schafhaltung und Schäfer in Zentraleuropa bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1964; «Kurpie Puszcza Zielona». Pod red. A. Kutrzeba-Pojnarowa. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962—1964, t. I, II; «Kultura ludowa Wielkopolski», t. I. Poznań, 1960; t. II, Poznań, 1963; *Chr. Wakarelski*. Etnografia Bulgarii. Wrocław, 1965; «Pasterstwo Tatr polskich i Podhala». Wrocław, 1966, t. 6, 8; *Gunda Béla*. Etnographica Carpathica. Budapest, 1966; «Československá vlastivěda», díl III. Lidová kultura. Hmotná u duchovná kultura českého a slovenského lidu. Praha, 1968.

⁵ См., например: *В. Н. Велицер*. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. — ТИЭ, т. X. М., 1954; *Г. С. Чугаев*. Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии. — Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952; «Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.» — ТИЭ, нов. серия, т. XXXI. М., 1956; *Т. А. Крокова*. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956; *С. Гаджиев*. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960; *К. И. Антипина*. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962; «Исследования по материальной культуре мордовского народа». — ТИЭ, нов. серия, т. XXXVI. М., 1963; *Г. Ю. Стельмах*. Историчний розвиток сільських поселень на Україні. Київ, 1964; *А. Г. Каракашлы*. Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа. Баку, 1964; *Р. Ф. Тарова*. Материальная культура карел. М. — Л., 1965; «Одежда народов Сибири». Л., 1970; *Л. А. Чибиров*. Осетинское народное жилище. Пхиввали, 1970; *Т. В. Лукьянченко*. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX в. М., 1971; «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX — начале XX в.», М., 1971, и др.

¹⁰ См., например: *А. С. Орлова*. Африканские народы. Очерки культуры, хозяйства и быта. М., 1958; *Д. А. Ольдерогге*. Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. — ТИЭ, т. III, 1960; *П. Г. Богатырев*. Проблемы изучения материальной и духовной культуры населения Карпат. — СЭ, 1964, № 4; *Г. И. Анохин*. О материальной культуре фарерцев. — СЭ, 1964, № 6; *С. А. Арутюнов*. Новые черты в японском женском национальном костюме. — СЭ, 1965, № 4; *В. С. Стариков*. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967; «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы». М., 1968; *Г. З. Лазарев*. Из истории японского жилища. — СЭ, 1972, № 1.

¹¹ См.: *С. А. Токарев*. История русской этнографии. М., 1966, стр. 407.

⁵ Встречающиеся в обширной литературе по культурной антропологии работы, в которых рассматривается этническая проблематика как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне (см. выше, стр. 194), все же составляют скорее исключение, чем общее правило. Разумеется, не меняют картины и отдельные беглые замечания об этническом своеобразии культуры, фигурирующие в некоторых общих курсах по культурной антропологии (см., например: *Н. М. Кеесинг, F. M. Кеесинг*. New perspectives in cultural anthropology. N. Y. — Chicago, 1971, p. 3—4, 19—24).

⁶ *Ш. Кулишић*. Главни правци и пека основа теориjsка питања у етнологији. — «Гласник етнографског музеја», књ. 24. Београд, 1961, стр. 5.

⁷ *Ю. П. Аверкиева*. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе. — СЭ, 1971, № 5, стр. 16.

⁸ В частности, интенсивные исследования в этой области ведутся этнографами в европейских социалистических странах (см., например: *W. Radig*. Frühformen de Hausentwicklung in Deutschland. Berlin, 1958; *Б. Кожич*. Сеоска

прошлого века деятельности этнографических музеев. Показательно и то, что большинство наших современных этнографов — специалистов по материальной культуре — получило основную профессиональную подготовку в этнографических музеях.

Определенную роль в значительном внимании этнографов к вещественным памятникам, очевидно, сыграло и то обстоятельство, что их традиционные виды, наиболее характерные в этническом отношении, более или менее легко поддаются изучению методом непосредственного наблюдения, до сих пор остающимся одним из основных способов получения этнографических материалов.

То особое место, которое сейчас у нас занимает материальная культура в этнографических исследованиях, в известной мере связано и с развитием организационных форм этих исследований. В частности, этому, несомненно, способствовало создание в первые же годы после Октября специальной Государственной академии истории материальной культуры, основные кадры которой наряду с археологами составляли этнографы.

При изучении истории материальной культуры в ее традиционных формах интересы этнографии пересекаются с интересами ряда других наук: археологии, истории техники, отдельных искусствоведческих дисциплин (например, истории архитектуры) и т. д. Однако для большинства из этих дисциплин традиционная материальная культура — далекая периферия их предметной области, а если они ее и затрагивают, то почти всегда ограничиваются своими узкоспециальными аспектами¹². Исключение представляет лишь археология, с которой наша этнографическая наука издавна теснейшим образом связана в изучении традиционной материальной культуры¹³. Кооперация основана прежде всего на том, что для этих дисциплин важнейшим источником являются не письменные, а вещественные памятники¹⁴.

Выполнение этнографами роли историков материальной культуры, к сожалению, нередко приводит к тому, что, так сказать, «вещеведческий» аспект изучения отдельных видов материальной культуры, прежде всего их описание, заслоняет основную задачу этнографических исследований. Правда, определенный сдвиг в этом отношении уже намечился. В частности, развернувшаяся в последнее время работа над историко-этнографическими атласами позволяет выявить конкретные ареалы отдельных компонентов материальной культуры (земледельческих орудий, жилища, одежды и др.)¹⁵. Положено на-

¹² Несколько иначе обстоит дело при изучении традиционных форм духовной культуры, но об этом речь будет идти особо (см. стр. 223 и сл.).

¹³ *Е. И. Крупнов*, Об историческом аспекте в изучении материальной культуры. — «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабства и феодализма». М., 1970, стр. 17—22.

¹⁴ Подробнее см. ниже, стр. 239, 240.

¹⁵ «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961; «Русские. Историко-этнографический атлас». М., 1967. Ведется также подготовка атласов по другим регионам СССР: *К. Г. Гусластгий*, *В. Ф. Гораленко*, *Я. П. Прилипко*. Работа над историко-этнографическим атласом на Украине. — СЭ, 1967, № 1;

чало сравнительно-типологическому изучению отдельных видов материальной культуры¹⁶. Но это пока еще лишь первые шаги.

Дальнейший прогресс научного знания требует, на наш взгляд, более четкой специализации в изучении истории материальной культуры. Все оцутимей становится отсутствие в исторической науке особой отрасли, главной целью которой явилось бы изучение закономерностей развития материальной культуры, конкретно-историческое описание ее форм и классификация их. Существование такой дисциплины позволило бы этнографам сосредоточиться на решении своих непосредственных задач. Но, конечно, пока специальные исследования материальной культуры не будут развернуты, этнографы должны продолжать соответствующие изыскания.

Более того, выступая в качестве основной науки, рассматривающей реально функционирующие традиционные формы материальной культуры, этнография вынуждена обеспечивать и ее конкретно-социологическое изучение. К этому аспекту этнографических, точнее говоря, этносоциологических исследований, нацеленному на выявление социальных функций отдельных компонентов культуры и их взаимосвязи, нам еще предстоит вернуться. Пока же лишь отметим, что и само этнографическое изучение материальной культуры не исчерпывается анализом «разрозненных» ее компонентов. Это изучение охватывает целые комплексы, «подсистемы» материальной культуры (как и вообще культуры), включающие притом не только овеществленные результаты производственной деятельности, но и саму эту деятельность, а также соответствующие знания, умения, навыки¹⁷. Такого рода комплексы могут иметь самый различный профиль, масштабы. Это может быть и «набор» предметов интерьера какого-либо жилища, и ансамбль расположенных в пределах опре-

В. П. Кобычев, *А. И. Робакидзе*. Основы типологизации и картографирования жилища народов Кавказа (Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу). — СЭ, 1967, № 2; *Е. П. Студенецкая*. Одежда народов Кавказа (О собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа). — СЭ, 1967, № 3; *Л. А. Молчанова*. Орудия уборки зерновых и производственные постройки белорусов в конце XIX — начале XX в. (Материалы к историко-этнографическому атласу). — СЭ, 1968, № 3; *Т. А. Жданко*. Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана (Принципы и методы составления). — СЭ, 1971, № 4. Советские этнографы принимают активное участие и в подготовке общеевропейского историко-этнографического атласа. См.: *С. И. Брук*, *Т. А. Токарев*. Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа. — СЭ, 1966, № 5; *С. И. Брук*. Общеевропейский историко-этнографический атлас. (По материалам конференции в Хельсинки). — СЭ, 1970, № 6. Развертывается эта работа и в европейских социалистических странах (см.: «Mitatvány a magyar néprajzi atlasz anyagából». Budapest, 1967; «Polski Atlas Etnograficzny». Zeszyt próbný. Wrocław, 1958; Zeszyt 1—4. Wrocław — Warszawa, 1964—1971. *I. Vlăduțiu*. Principii și metode de realizare a atlasului etnografic al României. «Revista de etnografie și folclor», t. 16, 1971, № 6).

¹⁶ См.: «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы». М., 1968.

¹⁷ Как известно, комплекс структурно связанных явлений культуры не представляет собой простую их сумму: он обладает также свойствами, отсутствующими в каждом из них (см.: *П. Г. Богатырев*. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, стр. 356).

деленной территории строений, и совокупность особых технических средств и технологических приемов обработки земли, т. е. система земледелия. Некоторые из таких комплексов служат даже основанием для появления отдельных подразделов этнографии (например, этнография поселений, агроэтнография и т. п.). Хотя для выделения самих комплексов могут быть использованы различные «внеэтнические» факторы (вид деятельности, функциональные взаимосвязи и т. п.), тем не менее для этнографии, на наш взгляд, эти комплексы представляют интерес лишь в том случае, если обладают этническим своеобразием. При этом совсем не обязательно, чтобы все составляющие комплекса обладали такой спецификой; достаточно, чтобы некоторые из них имели ее¹⁸. В данной связи нельзя не упомянуть проходящей на страницах «Советской этнографии» дискуссии об аграрной этнографии, центральное место в которой занял вопрос об этнической обусловленности форм земледельческой культуры¹⁹. Дискуссия еще раз показала, что хотя особенности земледельческой культуры различных народов детерминируются прежде всего социально-экономическим развитием и природной средой, однако такие особенности закрепляются традицией и становятся «характерными для отдельных народов на длительный период»²⁰. К этому остается только добавить, что если бы традиционные земледельческие культуры не обладали этническим своеобразием, то отсутствовали бы основания для появления самой агроэтнографии. Не случайно столь незначителен интерес агроэтнографов к современному земледелию, в котором по мере механизации все более стираются былые этнические особенности.

С традиционными формами материальной культуры весьма тесно связаны такие компоненты бытового сознания, как различные виды народных знаний. Многие из них непосредственно воплощены в предметах материальной культуры. Сюда прежде всего относятся знания, навыки, касающиеся почти всех видов ремесленной деятельности (в первую очередь домашнего ремесла и промыслов). Однако эта деятельность рассматривается обычно в непосредственной связи с ее результатами (в большинстве своем предметами материальной

¹⁸ В частности, встречаются, особенно в современных условиях, даже такие ситуации, когда входящие в «комплекс» предметы материальной культуры уже не несут этнической нагрузки и последняя проявляется в их расположении или сочетании.

¹⁹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков. Некоторые вопросы агроэтнографических исследований.— СЭ, 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии.— СЭ, 1967, № 3; Л. М. Сабурова. По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований».— СЭ, 1967, № 6; А. А. Шенников. Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (И дискуссия об агроэтнографии).— СЭ, 1968, № 6; В. М. Суринов. К определению этнических традиций в земледелии.— СЭ, 1964, № 3; А. С. Бежкович. Еще раз об агроэтнографических исследованиях.— СЭ, 1971, № 5; Я. В. Чеснов. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии.— СЭ, 1972, № 4.

²⁰ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, стр. 67.

культуры) и, соответственно, не считается самостоятельным разделом этнографических исследований. Именно этим и объясняется тот факт, что среди различных отраслей народных знаний в качестве предметов специального изучения выступают преимущественно народная метрология²¹ и народная медицина²². Да и им, как правило, уделяется незначительное внимание, хотя они, казалось бы, и находятся на пересечении интересов специальных естественнонаучных дисциплин (математики и медицины) и этнографии. Судя по всему, это обусловлено, с одной стороны, тем, что характерный для естественных наук процесс постоянного обновления знаний, сопровождающийся прямым отрицанием значительной части предшествующих представлений, не мог не сказаться на отношении этих наук к любому рода непрофессиональным суждениям о действительности. С другой стороны, недостаточное внимание этнографии к таким лишь частично овеществленным компонентам духовной культуры, как народная метрология и народная медицина, возможно, связано не только с определенными трудностями исследовательского характера, но и с тем, что в этих видах знаний далеко не всегда вполне отчетливо выражена этническая специфика.

Весьма своеобразно сложилось отношение этнографии к такому важнейшему компоненту этноса, как язык. Несмотря на выполнение им особой роли как в интеграции, так и в дифференциации этнических общностей, язык сравнительно редко выступает в качестве предмета специальных этнографических исследований. В этом качестве еще можно встретить языки бесписьменных народов, что, несомненно, связано с особенностями этнографического подхода к такого рода пародам²³. Изучение же языков народов, обладающих письмен-

²¹ См., например: В. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV веков (Из истории народных знаний).— СЭ, 1949, № 1; А. П. Дульзон. Система счета времени у чувльских татар.— КСИЭ, вып. 10, 1950; М. Р. Рахимов. Исчисление времени у таджиков бассейна реки Хингоу в XIX—начале XX в. (В связи с народным земледельческим календарем).— СЭ, 1957, № 2; В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований). М., 1957.

²² См., например: В. В. Семичев. Тибетская медицина в БМ АССР.— СЭ, 1932, № 5—6; М. Д. Торан. Русская народная медицина XIX—начала XX в. Автореф. канд. дисс. М., 1954; J. Čížmar. Lidové lékařství v Československu. Brno, 1946, díl I—II. В Италии (в Милане) начиная с 1967 г. издается специальный журнал «Etnoiatria. Rivista di etnomedicina».

²³ Не случайно сложилось мнение, что «именно этнографы, знающие народ, его историю и обычаи, должны, конечно при соответствующей подготовке, заниматься языком народов, живущих или недавно живших в условиях общинно-родового строя» (С. П. Токарев. Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР.— СЭ, 1956, № 3, стр. 8). И действительно, прежде всего этнографами — Л. Я. Штернбергом, В. Г. Богоразом и их учениками — у нас была создана в свое время такая отрасль языковедения, как изучение языков народов Севера; при этом ими внесен немалый вклад в создание письменности для многих таких народов (см.: Н. И. Гаген-Торн. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (У истоков советской этнографии).— СЭ, 1971, № 6, стр. 143—145). Однако в дальнейшем как в связи с появлением у этих народов письменности, так и в результате роста научной специализации изучение их языков становится почти целиком уделом лингвистики.

ностью, почти целиком представляет домен лингвистики²⁴. И хотя внимание лингвистов сосредоточено прежде всего на собственно языковедческих вопросах, тем не менее им обычно принадлежит определяющая роль в исследовании языковых аспектов таких этнических проблем, как, например, этногенез, общность происхождения («родство») народов, особенности (диалектные) этнографических групп и т. д.²⁵

Иначе говоря, в изучении языка этнографии до сих пор принадлежит роль, прямо противоположная той, которую она традиционно выполняет применительно к материальной культуре. Это различие обусловлено целым рядом факторов. Среди них, на наш взгляд, одним из наиболее существенных является то обстоятельство, что, несмотря на особое значение этнических свойств языка, главная его функция — основное средство человеческого общения — требует специального изучения, притом изучения весьма разностороннего, поскольку язык в этой его функции — явление чрезвычайно многогранное. Следует учитывать также, что в силу относительной «жесткости» каждой языковой системы для определения этнической принадлежности носителей того или иного языка достаточно знания отдельных его элементов и потому в подобных случаях, как правило, нет необходимости в анализе такого рода системы в целом.

Но каковы бы ни были причины исторически сложившегося своеобразия в изучении этнолингвистической проблематики, представляется очевидной необходимость более пристального внимания к ней и этнографов. Без их активного участия, в частности, вряд ли возможно сколько-нибудь полное раскрытие взаимосвязи языка с други-

²⁴ Некоторое исключение, пожалуй, составляет дешифровка древней письменности в той мере, в какой она требует привлечения материалов, отражающих специфику культуры соответствующих народов (см., например: *В. Г. Кудрявцев*. Письменность острова Пасхи. — «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XI. М. — Л., 1949; *Д. А. Ольдерогге*. Параллельные тексты таблиц с острова Пасхи. — «Сборник Музея антропологии и этнографии»; *Н. А. Бугинов*, *Ю. В. Кнорозов*. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи. — СЭ, 1956, № 4; *Ю. В. Кнорозов*. Письменность индейцев майя. М. — Л., 1963; «Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма». М., 1969; «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов». М., 1965; «Сообщение об исследовании протоиндийских текстов», I, II. М., 1972.

²⁵ См., например: *Н. А. Баскаков*. Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков. — ВЯ, 1970, № 4; *Ф. Н. Филин*. Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков. — ВЯ, 1970, № 5; *Г. В. Денисович*. К проблеме формирования говоров на Курско-Белгородской земле. — Уч. зап. Курского пед. ин-та, т. 92 (Научно-практические очерки по русскому языку, вып. 4—5). Курск, 1971; «Вопросы русской диалектологии Волго-Рамья». Казань, 1971; *А. Б. Кубатов*. К вопросу о взаимоотношении азербайджанского и лезгинского языков. — Известия АН Аз.ССР. Серия литературы, языка и искусства, 1971, № 2; *А. Ф. Манаскина*. К вопросу о диалектно-русско-белорусской лексической общности. — В кн.: «Лингвистичны даследаванні», Минск, 1971; «Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии». Красноярск, 1971; *Б. М. Юнусалиев*. Киргизская диалектология. Фрунзе, 1971; Ср.: *Ф. Н. Филин*. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

ми компонентами этноса²⁶, в том числе влияние билингвизма на традиционно-бытовую культуру и этническое самосознание^{26a}. Не могут этнографы оставить без внимания и такой немаловажный для характеристики этносов показатель, как этнонимы²⁷. На стыке этнографии с лингвистикой (а отчасти и с географией) лежит и чрезвычайно трудоемкая «зона» топонимических исследований. Одним словом, дальнейшее продвижение в разработке этнолингвистической проблематики требует объединения усилий лингвистов и этнографов²⁸.

Одной из подсистем этноса, издавна привлекающих внимание этнографов, является народное художественное творчество. Общим основанием для определения взаимоотношений этнографии с искусствоведческими дисциплинами при изучении различных видов народного художественного творчества, на наш взгляд, должно служить выполнение каждым из них и эстетических, и этнических функций. При этом необходимо сразу же подчеркнуть, что народное художественное творчество обладает этнической спецификой не только в первобытности, но и на протяжении всей своей истории. И, следовательно, было бы неверно считать, как это нередко делают зарубежные авторы, будто предмет этнологии (этнографии) искусства ограничен лишь художественным творчеством отставших в своем развитии народов²⁹.

На этнографическое изучение отдельных видов народного художественного творчества, судя по всему, оказал определенное влияние характер их связи с материальной культурой. Показательно, что в сфере такого изучения преимущественно находятся те из этих видов деятельности, в опредмеченных результатах которых функциональное значение имеют не только их эстетические, но и утилитарно-бытовые свойства. Сюда в первую очередь относятся изделия различных художественных промыслов: гончарное мастерство, художественная обработка металла и дерева, ткачество, выпивка и т. п.³⁰

²⁶ Как уже справедливо отмечалось в нашей литературе, одна из важнейших задач этнолингвистики — изучение корреляций между культурой определенной этнической общности и языком, свойственным этой общности (*Е. М. Верещагин*. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969, стр. 128). Следует, впрочем, иметь в виду, что подчас под этнолингвистикой (очевидно, по аналогии с так называемой антропологической лингвистикой) понимается изучение вообще всех аспектов взаимосвязи языка и культуры в узком значении этого слова (см.: *В. А. Звегинцев*. История языкознания в 19—20 вв. в очерках и извлечениях, т. 2. М., 1956, стр. 229).

^{26a} *А. Пранда*. Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры. — СЭ, 1972, № 2; *М. Н. Губогло*. Социально-этнические последствия двуязычия. — СЭ, 1972, № 2.

²⁷ В настоящее время в этой области исследований у нас, правда, намечился определенший сдвиг (см., например, сборники «Этнонимы». М., 1970; «Этнопография имен». М., 1971).

²⁸ См. об этом, например: *J. Chloupek*. Jazykověda a etnografie. — «Národopisné aktuální», 1965, číslo 1—2; «Language in culture and society», Ed. D. Hymes, N. Y., s. a.

²⁹ См., например: *H. Haselberger*. Kunstethnologie. Grundbegriffe. Methoden. Darstellung. Wien — München, 1969, S. 7.

³⁰ См., например, *И. П. Лавров*. Возрождение народного искусства (Народные художественные промыслы РСФСР). — СЭ, 1947, № 4; *С. В. Иванов*. Кир-

Вместе с тем несомненно также, что пристальное внимание этнографии к художественным промыслам связано с их устойчивым своеобразием, благодаря которому многие из них нередко несут значительную этническую нагрузку (в частности, весьма показателен в данном отношении орнамент)³¹.

Ввиду сказанного представляется вполне правомерным появление в нашей научной литературе мнения, что при историко-этнографическом изучении народных художественных промыслов собственно искусствоведческая проблематика должна затрагиваться лишь в той мере, в какой это необходимо для выявления их этнографической специфики и регионализации³². Но, конечно, при этом не следует забывать, что в силу утилитарно-бытовой функции рассматриваемой категории народного творчества этнограф при ее изучении нередко выполняет роль просто историка материальной культуры.

Несколько по-иному, на наш взгляд, решается вопрос о соотношении этнографии со специальными искусствоведческими дисциплинами при изучении таких «неовещественных» видов народного художественного творчества, как народные танцы, музыка и театр. При рассмотрении этого вопроса следует прежде всего учитывать, что для самого существования указанных видов творчества определяющее значение имеет выполнение ими эстетических функций. Отсюда и

гизский орнамент как этногенетический источник. В кн.: «Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции 1953—1955». Фрунзе, 1959, т. 5; *он же*. К вопросу об изучении стенописей горных таджиков.— КСИЭ, 1947, вып. 2; *Т. В. Станюкович*. Происхождение русской народной пропильной резьбы.— КСИЭ, 1950, т. 10; *Г. С. Маслова*. Узорное ткачество на русском Севере (По материалам Северо-восточной экспедиции 1948—1949 гг.).— КСИЭ, 1950, вып. 11; *она же*. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951; *Г. С. Маслова, Л. Н. Чижикова*. Архитектурные украшения жилища Владимирской и Горьковской областей.— КСИЭ, 1953, вып. 18; *Л. П. Чижикова*. Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей.— СЭ, 1953, № 3; *Н. А. Кисляков*. Свадебные лицевые занавески горных таджиков.— МАЭ, 1953, т. 15; *Т. А. Жданко*. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков.— СЭ, 1955, № 4; *С. В. Иванов*. Новые труды по декоративному искусству Узбекистана.— СЭ, 1957, № 5; *О. С. Попова*. Народное декоративно-прикладное искусство в СССР.— СЭ, 1957, № 5; *Н. М. Ильчук*. Художественная обработка металла в лаком селении Кумух в XIX—начале XX века.— СЭ, 1958, № 3; *Г. А. Гулиев*. Азербайджанские вышивки.— СЭ, 1959, № 2; *Т. Ф. Аристова*. Некоторые сюжетные мотивы орнамента курдских ковров.— КСИЭ, 1959; *Ю. А. Соколов*. Художественная резьба на дверях жилых построек города Ташкента.— ТИЭ, нов. серия. М., 1959, т. 47; *Г. В. Шипунова*. Народное искусство Коми (Узорное ткачество, вязанье, вышивка).— СЭ, 1960, № 2; *Г. К. Вагнер*. Древние мотивы в домовой резьбе Ростова-Ярославского.— СЭ, 1962, № 4; «Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в.» М., 1965; *С. Б. Рождественская*. Просечное железо — декоративный элемент жилища рабочих (По материалам Горьковской области).— СЭ, 1970, № 3; *О. А. Ганцкая*. Народное искусство Польши. М., 1970; *П. Г. Богатырев*. Вопросы теории народного искусства. М., 1971; «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири». Новосибирск, 1971, ч. 1.

³¹ См., например: *С. В. Иванов*. Кыргызский орнамент как этногенетический источник; *он же*. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX в.).— ТИЭ, т. 81, 1963.

³² *О. А. Ганцкая*. Народное искусство Польши, стр. 10.

особая роль в их изучении соответствующих историко-искусствоведческих дисциплин (истории танца, музыки и театра). Вместе с тем выполнение народными танцами, музыкой, театром определенных этнических функций требует к ним внимания и со стороны этнографов. При этом роль последних не должна ограничиваться участием в сборе соответствующих полевых материалов (особенно у малых народов) и даже эпизодическим использованием этих материалов для решения своих специфических проблем³³. Представляется, в частности, весьма важным развертывание совместно с искусствоведами широких сравнительно-типологических и ареальных исследований в области народных танцев, музыки и театра.

Все это в значительной мере относится и к устному народному творчеству, в изучении которого этнография издавна тесно сопряжена с фольклористикой. Исторически такая их взаимосвязь сложилась в результате того, что у бесписьменных народов фольклор — важнейший компонент общественного сознания. Точнее говоря, само вычленение фольклора из духовной культуры народов, находящихся на ранних стадиях общественного развития, весьма условно, ибо она в этом случае составляла органически сплавленный воедино синкретический комплекс³⁴. Поэтому этнограф, всесторонне изучая жизнь таких народов, естественно, не может оставить без внимания их устное творчество³⁵, выступающее к тому же в качестве одного из основных источников его информации.

На взаимопроникновении фольклористики и этнографии, надо полагать, сказалась и неразрывная связь устного народного творчества с другими сторонами традиционно-бытовой культуры. Ведь именно устная трансмиссия является одним из важнейших свойств традиционно-бытовой культуры. Отсюда и появление уже упоминавшегося мнения, что фольклористика представляет собой раздел этнографической науки³⁶. В подтверждение этого мнения приводится, в частности, следующее соображение: поскольку кардинальная проблема фольклористики — специфика жанров может быть решена лишь при условии одновременного рассмотрения каждого жанра не только в филологическом, но и в культурно-бытовом плане, то такое рассмотрение неизбежно приобретает этнографический характер³⁷. Однако

³³ См., например: *В. С. Виноградов*. Кыргызское народное музыкальное творчество как источник изучения проблемы происхождения киргизов.— В кн.: «Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции 1953—1955», т. 3. Фрунзе, 1959.

³⁴ *К. В. Чистов*. О взаимоотношении фольклористики и этнографии.— СЭ, 1971, № 5, стр. 20.

³⁵ Показательно, что до сих пор при полевых исследованиях в прошлом отсталых народов этнографы непременно собирают данные об их фольклоре. (Немало свидетельств этого содержит, в частности, сборник «Фольклор и этнография», Л., 1970.)

³⁶ Так, *С. А. Токарев* характеризует фольклористику как ответвление этнографической науки (*С. А. Токарев*. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5, стр. 139).

³⁷ *К. В. Чистов*. Фольклор и этнография.— СЭ, 1968, № 5, стр. 6.

при этом явно не учитывается, что само по себе раскрытие бытового назначения данного жанра фольклора не дает еще ответа на вопрос: насколько он характерен для культуры того или иного народа. Между тем без ответа на этот вопрос, как мы знаем, невозможно использовать соответствующие сведения для этнографической характеристики изучаемого народа. Следовательно, выяснение не только филолого-эстетических, но и культурно-бытовых функций устного народного творчества не решает еще собственно этнографических задач. Их решение непременно требует раскрытия этнических функций фольклора. Одним из необходимых предварительных условий этого является создание историко-социальной и этноареальной типологии различных фольклорных жанров. Поэтому представляется вполне оправданным тезис о важности развертывания у нас работ, которые позволили бы выявить ареалы тех или иных фольклорных сюжетов с тем, чтобы соотнести их с распространением определенных комплексов материальной культуры, обрядов и лингво-этническими ареалами³⁸. В то же время решение собственно этнографических задач делает необходимым продолжение работ по изучению содержащихся в фольклоре компонентов этнического самосознания, данных по этнической истории и этническим связям. Но так как этнические свойства фольклора не существуют самостоятельно, вне его эстетических функций, решение всех этих задач практически невозможно без активного участия фольклористов.

К сожалению, в области изучения традиционного фольклора, по признанию одного из наших ведущих фольклористов, приходится «констатировать атрофию интереса к этнической проблематике. Разочарование в компаративистских методах, популярных в XIX в., или в методах старой так называемой финской историко-географической школы привело в советской фольклористике (впрочем, так же, как и в фольклористике большинства европейских стран) к формированию двух в равной степени односторонних направлений. Сторонники одного из них заняты изучением фольклора одного народа... Сторонники другого направления склонны трактовать глобальные сюжеты как сюжеты внациональные»³⁹.

Что касается современного устного народного творчества, то изучение этого компонента культуры, по справедливому замечанию того же автора, обычно приносится в жертву историческим реконструкциям фольклорной традиции в ее «нормальном», классическом, «чистом» виде. Элементы иноэтнические, где только возможно, элиминируются. В результате «до сих пор появилось очень мало работ, которые рассматривали бы современные фольклорные явления не изолированно, а на более или менее широком фоне литературных, полулитературных или гибридных форм, получивших распространение в быту народов СССР в ходе культурной революции. Между тем

именно в этих формах с наибольшей отчетливостью отражаются современные этнические процессы в сфере бытовой культуры»⁴⁰.

При рассмотрении задач этнографии в области изучения художественного творчества обычно остается в тени вопрос о ее отношении к профессиональному искусству, в том числе и художественной литературе. И это не случайно. В изучении профессионального уровня художественного творчества уже давно безраздельно господствуют специализированные искусствоведческие дисциплины и литературоведение.

Правда, общеизвестно, что как форма (язык, стиль, темперамент и т. д.), так и содержание (сюжеты, образы и т. п.) профессиональных художественных произведений нередко отражают этническую специфику того или иного народа. И, стало быть, такие произведения могут служить важным источником для суждения о характерных чертах соответствующих этносов⁴¹. Нередко, особенно когда речь идет об отдаленном прошлом, художественные произведения оказываются незаменимыми источниками для воссоздания своеобразия традиционно-бытовой культуры народа. Однако нельзя не учитывать и того, что содержащаяся в такого рода произведениях информация не представляет собой первоисточника, она опосредована художественным творчеством автора. Поэтому ее использование неизбежно предполагает всесторонний анализ художественного произведения в целом. И в этом отношении преимущества, конечно, на стороне специалиста-искусствоведа (литературоведа), который в состоянии учесть не только общие особенности соответствующего вида искусства и жанра рассматриваемого произведения, но и творческую индивидуальность его автора. Однако специальные, в первую очередь литературоведческие, исследования обычно главное внимание обращают на то, как (насколько полно и адекватно) отражает анализируемое произведение (или определенная группа произведений) национальное (этническое) своеобразие освещаемых в нем явлений (например, национальный характер героев), а также национальные (этнические) особенности восприятия автором действительности, национальные (этнические) корни его творчества⁴². В то же время нередко остается далеко не выявленной значительная часть содержащейся в рас-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: С. А. Токарев. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, стр. 138—139; С. И. Королев. Вопросы этнопсихологии в работе зарубежных авторов. М., 1970, стр. 73—74.

⁴² См., например: Л. Арутюнов. Проблемы исследования художественных форм национального сознания.— «Национальное и интернациональное в советской литературе». М., 1971, стр. 141—196; Н. Воробьева. Национальный характер и история.— «Национальное и интернациональное в советской литературе», стр. 289—328; З. Кедрин. Национально-особенное и всеобщее в методе реалистического искусства.— «Национальное и интернациональное в советской литературе», стр. 329—359; В. Диев. Опыт сравнительного изучения поэтики русской и украинской драматургии.— «Национальное и интернациональное в советской литературе», стр. 399—434; Е. Горбунова. Национальная жизнь и художественная концепция личности.— «Национальное и интернациональное в советской литературе», стр. 435—469; П. Карунайте. О своеобразии литовского

³⁸ К. В. Чистов. Фольклор и этнография. Сб. «Фольклор и этнография». Л., 1970, стр. 14.

³⁹ К. В. Чистов. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, стр. 83.

смастриваемых произведениях информации о культурно-психологических особенностях соответствующего народа. И это обязывает этнографов самим более активно использовать такую информацию. Но при этом, конечно, не следует забывать о проблеме достоверности отражения художественным творчеством этнической специфики.

Необходимо учитывать также, что произведения профессионального художественного творчества не только отражают свойства этноса. Такие произведения подчас сами превращаются в неотъемлемые компоненты этноса. Это имеет место в тех случаях, когда профессиональное художественное творчество, в той или иной мере становясь достоянием основной массы членов этноса, входит в их повседневный быт, обыденное сознание. Будучи тесно связанным с развитием средств массовой информации, подобный бытовой уровень профессиональной культуры стал в последнее время, как известно, явлением весьма распространенным. Поэтому для характеристики той или иной современной этнической общности важно выяснить степень «проникновения достижений профессиональной культуры в быт народа, т. е. функциональные взаимоотношения бытовых и профессиональных форм не только в сфере «производства», но и в сфере «потребления» духовной культуры»⁴³. И это открывает перед этнографами (а не только перед социологами и социальными психологами) новую, несколько необычную, но, несомненно, заслуживающую внимания сферу исследований⁴⁴. Не могут не интересовать этнографа и характерные для изучаемого этноса особенности самого процесса разграничения профессионального и народного художественного творчества, а также происходящее в наши дни размывание разделяющих их границ⁴⁵.

На бытовом уровне наряду с художественным творчеством значительную нагрузку нередко несут этические, правовые и религиозные формы общественного сознания, а также соответствующие им ценностные ориентации и стереотипы поведения. Не случайно многие из этих компонентов психологии народов уже давно рассматриваются как заслуживающие особого внимания этнографии.

В первую очередь это относится к морально-этическим нормам народов мира, изучение которых у нас даже иногда определяется как одна из основных задач этнографической науки⁴⁶. Однако если пе-

художественного образа.—«Национальное и интернациональное в советской литературе», стр. 470—498.

⁴³ К. В. Чистов. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, стр. 85.

⁴⁴ Впрочем, проблема распространения профессионального творчества среди широких масс имеет и свои искусствоведческие (литературоведческие) аспекты. Необходимость их изучения, в частности, уже давно отмечалась в отечественном литературоведении. Однако они до сих пор относятся к самым неизученным (см.: Б. С. Мейлаш. Художественное восприятие как научная проблема.—«Художественное восприятие», т. I. Л., 1971, стр. 20).

⁴⁵ См.: С. А. Токарев. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, стр. 138—139.

⁴⁶ «Этнография».— ВСЭ, т. 49, стр. 249.

считать характеристики нравственных норм у различных народов в отдельных обобщающих трудах⁴⁷, то придется признать, что в этнографическом изучении этой сферы обыденного сознания у нас сделано еще очень немного (особенно в отношении народов развитых стран).

Между тем в последнее время наметились некоторые сдвиги в марксистской разработке философских проблем этики, а также ее истории; причем в последнем случае получили освещение и отдельные этнографические аспекты своеобразия морально-этических норм у различных народов⁴⁸. Но, разумеется, задачи этики как специальной научной дисциплины и этнографии в изучении нравственных норм далеко не тождественны. Это обусловлено уже тем, что этические функции выполняются не столько этическими учениями как таковыми, сколько теми нравственными нормами, которые в качестве неотъемлемого компонента обыденного сознания имеют общую значимость для всего этноса. И тем не менее дальнейшее развертывание исследований, нацеленных на раскрытие многообразия и единства морали народов мира, несомненно, требует кооперации усилий этнографов и специалистов в области этики. Это тем более необходимо, что этнография обычно оставляет вне поля своего зрения этические нормы в современных развитых странах, изучению которой в то же время придается особое значение в этике.

Крайне неравномерно распределяется внимание этнографов при изучении правовых норм, составляющих вместе с нравственными нормами ядро соционормативной культуры. Это остается относительно значительным применительно к архаическим нормам права, к обычному праву⁴⁹. Но современные правовые нормы народов развитых стран пока практически находятся за пределами интересов этнографов. Во многом это объясняется тем, что в такого рода странах в сфере права все меньше остается этнически специфических черт. К тому же в той мере, в какой эти черты сохраняются, они проявляются не столько в кодифицированном праве, сколько в правовом сознании широких масс. При этнографическом изучении этого компонента обыденного сознания народов развитых стран, однако, было бы, на наш взгляд, недостаточно ограничиваться фиксацией пережиточных форм архаического права. Ведь этническая специфика правового сознания таких народов, очевидно, не может быть сведена лишь к пережиткам, поскольку у них и в этой сфере обыденного сознания

⁴⁷ См., например, многотомную серию «Народы мира». М., 1954—1966.

⁴⁸ См.: «Очерки истории этики». М., 1969.

⁴⁹ Е. М. Залкинд. Из истории обычного права западных бурят.— СЭ, 1952, № 1; В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX в.— СЭ, 1960, № 5; Х. М. Дуванов. Обычное семейное имущественное право кабардинцев во второй половине XIX—начале XX в.—«Вестник КБ НИИ». Нальчик, 1972, № 6; он же. Обычное наследственное право кабардинцев во второй половине XIX—начале XX в.—Там же. И. К. Лукишайте. Об обычаях двойного выкупа за женщину по литовскому праву.— СЭ, 1968, № 2; И. Е. Синицына. Новое и традиционное в праве Танзании.— СЭ, 1968, № 6.

появляются новые своеобразные традиции. Стало быть, встает задача и их этнографического изучения.

Значительный интерес издавна проявляется этнографией к религии народов мира⁵⁰. В немалой мере это связано с тем, что религия — важнейший компонент сознания отсталых народов. Что же касается религии у народов развитых стран, то внимание этнографии к ней падает в непосредственной зависимости от выполнения ею этнических функций. Этим в первую очередь и обусловлена «избирательность» ее этнографического изучения. Во-первых, для этнографа существенно не столько религиозные учения и догмы, сколько бытовой уровень религии, прежде всего религиозное поведение (лишь для ранних стадий общественного развития по причинам, уже не раз отмечавшимся, этнография охватывает всю религию в целом). Во-вторых, для этнографа большее значение имеет исследование не самих мировых религий, каждая из которых охватывает целый комплекс народов, а их локальных вариантов и пережиточных форм, характерных для отдельных этнических общностей. Такое предпочтение, кстати сказать, представляется оправданным еще и потому, что в общей религиоведческой литературе этим «малым» религиям обычно уделяется несравнимо меньшее внимание, чем мировым религиозным системам.

В этническом отношении весьма показательными компонентами обыденного сознания, а соответственно и бытовой формы культуры являются стереотипы поведения. Не случайно поэтому одна из наиболее шаблонизированных разновидностей — обряды нередко оказываются в поле зрения этнографов. В последнее время у нас намети-

⁵⁰ Из работ советских этнографов последних лет, см., например: *С. А. Токарев*. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М., 1957; *В. В. Бардавеладзе*. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957; *И. А. Кривелев*. Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР.— СЭ, 1961, № 4; *Б. И. Шаревская*. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964; *С. А. Токарев*. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; *он же*. Религия в истории народов мира. М., 1965; *Н. Л. Жуковская*. Из истории религиозного синкретизма в Забайкалье.— СЭ, 1965, № 6; *Г. П. Снесарев*. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969; *В. Н. Басилов*. Культ святых в исламе. М., 1970; *Н. Л. Жуковская*. К вопросу о типологически сходных явлениях в шаманстве и буддизме.— СЭ, 1970, № 6; «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии», вып. I. М., 1970; «Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества». Улан-Удэ, 1971; «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX—начале XX в.» Л., 1971; *З. П. Соколова*. Культ животных в религиях. М., 1972.

О том, что религия находится в поле зрения этнографов-марксистов, свидетельствуют и работы, вышедшие в последнее время в социалистических странах (см., например: *Ш. Кулишић*. Из старе српске религије. Новогодишњи обичаји. Београд, 1970; *Díszegi Vilmos*. A Sámánhit emlékei a magyar népi műveltségben. Budapest, 1958; *Przywara Michał*. Przywiarki czyli przesyady i zabobony ludu polskiego na Górny Śląsku. Opole, 1967; *Ш. Кулишић*, *П. Ж. Петровић*, *Н. Пантелић*. Српски митолошки речник. Београд, 1970).

лась некоторая активизация этнографического изучения обрядов⁵¹, в которое постепенно включаются и фольклористы. Кстати сказать, такое сотрудничество представляется вполне оправданным. Ведь фольклор, согласно образному выражению В. Я. Проппа, является «интегрирующей частью обрядов»⁵². И это относится к самым различным видам обрядов: производственным (охотничьим, рыбацким, скотоводческим, земледельческим), семейным (родильным, инициационным, свадебным, похоронным), общественно-праздничным (посиделки, игры, гулянья) и т. д.

Но среди стереотипов поведения этнической спецификой, разумеется, обладают не только обряды. Такую специфику можно обнаружить в самых разнообразных шаблонах поведения: от трудовых приемов до правил этикета. Те из них, которые обладают значительной устойчивостью и своеобразием, уже давно эпизодически привлекают внимание этнографов. Этим изысканиям необходимо придать более систематический характер, включив в них не только «внутренние» шаблоны поведения, но и его «открытые» формы, т. е. само поведение, в том числе выражающее распространенные привычки. Изучение «открытого» поведения представляется тем более существенным, что, как известно, стереотипы поведения и оно само далеко не всегда совпадают. Этим, кстати сказать, обусловлена необходимость специального изучения характерного для представителей каждого этноса соотношения между «открытой» (внешней) и «закрытой» (внутренней) сторонами отдельных шаблонизированных компонентов духовной культуры. Предлагается даже особое наименование для такого изучения — этносемиотика⁵³.

При изучении шаблонизированного поведения перед этнографами открыта широкая возможность кооперировать свои усилия как с психологами (общими и социальными), так и социологами, для которых поведение — одна из важных сфер исследований. При изучении поведения, однако, необходимо не забывать о социальной детерминированности данного феномена и недопустимости сведения его движущих сил, как это делают бихевиористы, к присущим природе человека инстинктам и влечениям⁵⁴. Более того, одна из особых задач

⁵¹ Особенно это относится к изучению новых обрядов. См., например: *В. Калигс*. Изучение новых семейных обрядов в Эстонской ССР.— СЭ, 1965, № 4; *Н. П. Лобачева*. О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана.— СЭ, 1967, № 2; *Л. М. Сабурова*. Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 гг.— СЭ, 1967, № 5; *Н. П. Лобачева*. О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана).— СЭ, 1972, № 1. Из посвященных этой тематике работ этнографов социалистических стран можно для примера указать: *У. Sr. Morvay*. Asszonyok a nagycsaládban. Budapest, 1956; *С. Kulisić*. Neobićni običaji. Beograd, 1968; *Н. М. Арнаудов*. Обичаи при раждане.— «Очерци на българския фолклор». София, 1968.

⁵² *В. Я. Пропп*. Специфика фольклора.— В кн.: «Ленинградский государственный орден Ленина университет им. А. А. Жданова. Труды юбилейной научной сессии, секция филологических наук». Л., 1946, стр. 138—151.

⁵³ См.: *Ю. С. Степанова*. Семиотика. М., 1971, стр. 32—46.

⁵⁴ См.: *Ю. П. Аверкиева*. О некоторых этнопсихологических исследованиях в США.— «Современная американская этнография». М., 1963, стр. 88.

этнографии — изучение характерных для каждого этноса традиционных форм социализации личности, так сказать, народной или, точнее, этнической педагогики⁵⁵ (в том числе таких архаических форм проявления воспитательной функции культуры, как инициации). Определенную, специфическую для каждого этноса окраску имеют и многие из таких сложных психических образований, как ценностные ориентации, социальные установки, идеалы, убеждения, интересы и т. п. Из явлений этого рода внимание этнографов привлекало преимущественно одно из наиболее устойчивых — обычай.

Следует, однако, особо отметить, что в последнее время у нас делаются также попытки выявить специфику ценностных ориентаций в отдельных этносах. Пожалуй, еще более существенно, что наряду с теоретическими изысканиями по проблемам этнического самосознания⁵⁶ стали предприниматься шаги по конкретному изучению этнических (национальных) установок⁵⁷. Не исключено, что перед нами становление нового направления этнографических исследований, значение которого определяется особой ролью этнического самосознания для функционирования каждого этноса. К этому же направлению могут быть отнесены и уже упоминавшиеся исследования, направленные на выяснение взаимосвязи между этническим самосознанием и языком.

При развертывании изучения этнического сознания необходимо также включить в сферу конкретного анализа такие его составляющие, как этнические стереотипы и автостереотипы, в том числе характерные представления об исторических традициях, общности исторических судеб и происхождении своего этноса. Особого внимания заслуживает, в частности, вопрос о соотношении этих представлений с реальным историческим опытом этнической общности.

Здесь мы вплотную подошли к проблемам этнической психологии. Ведь в широком смысле слова предмет этой дисциплины включает всю систему «представлений, настроений и действий, свойственных отдельному народу»⁵⁸. Иначе говоря, изучая, скажем, нравственные или религиозные представления, этнограф уже выполняет функции

⁵⁵ В этой связи привлекает внимание книга: *Н. Г. Волков*. Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966.

⁵⁶ *В. И. Козлов*. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 47—50; *Ю. В. Бромлей*. К вопросу об объективных основаниях этнического самосознания. «Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.» Тбилиси, 1971, стр. 12—15; *К. В. Чистов*. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, стр. 72—85.

⁵⁷ *Л. М. Дробижеева*. Социально-культурные особенности личности и национальные установки (По материалам исследований в Татарской АССР). — СЭ, 1971, № 3. Под национальными (этническими) установками при этом понимаются «установки человека на то или иное поведение» при межнациональных контактах в конкретной ситуации (например, на работе, в семье и т. п.). (Там же, стр. 4).

⁵⁸ *С. И. Королев*. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970, стр. 13.

этнопсихолога. Объясняется это тем, что культура и психика хотя и не тождественны, однако весьма тесно сопряжены.

Вместе с тем следует иметь в виду, что у этнопсихологии есть и специфическая предметная зона — этнический (национальный) характер или, шире, психический склад этнической (национальной) общности. Не случайно многие исследователи склонны именно к этому психологическому синдрому сводить предмет этнопсихологии. Можно, конечно, не соглашаться с таким «узким» пониманием границ этнопсихологии в целом. Но все же представляется очевидным, что одна из ее основных задач — исследование этнического (национального) характера, составляющего своеобразное ядро психического склада народа.

К сожалению, этнопсихологические исследования у нас продолжают оставаться в эмбриональном состоянии. Это в значительной мере связано с тем, что еще не преодолены пережитки тех предубеждений, которые сложились в нашей стране по отношению к этнопсихологии еще в начале 30-х годов, когда ее материалы за рубежом стали широко использоваться для обоснования расистских и геополитических теорий⁵⁹. Сохранению этой предубежденности в послевоенные годы немало способствовали не только присущие современной зарубежной этнопсихологии (особенно в США) изъяны методологического характера (в частности, преувеличение роли биологических факторов), но и ее тенденциозность⁶⁰. И все же в последнее время в нашей литературе все чаще появляются прямые признания правомерности специального изучения психических особенностей народов, в том числе и их характера⁶¹. Появился ряд работ, рассматривающих теоретические вопросы этнопсихологии⁶². Положено начало критическому освоению опыта зарубежных этнопсихологов⁶³. В рам-

⁵⁹ См.: *А. Р. Лурия*. Психология рас и фашистская наука. — «Фронт науки и техники», вып. 12, 1930; «Наука о расах и расизм». М., 1938.

⁶⁰ *Ю. П. Аверкиева*. О некоторых этнопсихологических исследованиях в США, стр. 64—96; *Э. А. Баграмов*. Буржуазная социология и проблема «национального характера». — ВФ, 1964, № 6, стр. 99—100.

⁶¹ *Ю. П. Аверкиева*. О некоторых этнопсихологических исследованиях в США, стр. 84—85; *Б. Д. Парыгин*. Социальная психология как наука. Л., 1967, стр. 166—169. Показательно, что в большинстве современных работ советских специалистов особенности психического склада, национального характера включаются в число признаков нации (см., например: *С. М. Арутюнян*. Нация и ее психический склад; *П. М. Рогачев*, *М. А. Свердлов*. Нация — народ — человечество. М., 1967; *М. С. Джунусов*. Нация как социально-этническая общность людей. — ВИ, 1966, № 4; *А. Г. Агаев*. Нация, ее сущность и самосознание. — ВИ, 1967, № 7, и др.).

⁶² *Б. Ф. Поршнев*. Социальная психология и история. М., 1966, стр. 93 и сл.; *Б. Н. Разов*. О некоторых элементах национальной психологии. — «Вестник Московского университета. Философия», 1967, № 2; *А. И. Горячева*. О некоторых категориях социальной психологии (К вопросу о структуре общественной психологии). — «Проблемы общественной психологии». М., 1965; *И. С. Кон*. Национальный характер: миф или реальность? — «Иностранная литература», 1968, № 8, стр. 221—229; *он же*. К проблеме национального характера. — «История и психология». М., 1971, стр. 122—158; *Н. Джандильдин*. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971.

⁶³ *С. И. Королев*. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов.

ках большинства дисциплин, с которыми сопрягаются этнопсихологические исследования (этнографии, психологии, философии, социологии, истории и т. д.), идет накопление фактического материала, необходимого для развертывания этих исследований. И если в данном направлении все еще не произошли достаточные сдвиги, то, помимо упоминавшегося предубеждения, это связано со специфическими трудностями, стоящими на пути этнопсихологических изысканий.

Прежде всего остается непреодоленной многозначность большинства употребляемых в этнопсихологии терминов (впрочем, это в значительной мере отражает положение дел в общей психологии)⁶⁴: даже в понятие «национальный характер» разными исследователями, как мы видели, вкладывается далеко не одинаковый смысл⁶⁵. Сказывается и то обстоятельство, что психические различия народов заключаются не в отсутствии у одних из них и наличии у других каких-то компонентов психики, а в нюансах, оттенках, стилевых особенностях проявления таких компонентов; отсюда, как уже говорилось, проистекают значительные трудности при фиксации психической специфики этнических общностей. Пожалуй, еще большие сложности связаны с тем, что в развитых классовых обществах многие психические свойства индивида сильнее обусловлены его социально-классовой, нежели этнической, принадлежностью. Следовательно, нередко речь может идти не столько о психических чертах, общих для всего этноса, сколько об этнических вариантах, этнической специфике, психике отдельных социально-классовых групп.

Отрицательно сказывается и неразработанность биологического аспекта этнопсихологии, чреватая в свою очередь двумя крайностями: либо биологизацией психических особенностей этнических общностей, либо полным игнорированием биологических факторов.

Преодоление всех этих, как и многих других трудностей, стоящих на пути развертывания этнопсихологических исследований, возможно лишь на основе тесного сотрудничества всех заинтересованных в таких исследованиях научных дисциплин. Но при этом, очевидно, этнографы не должны ожидать, пока этнопсихологической проблематикой займутся социологи или социальные психологи, а последние — надеяться на развертывание этнопсихологических исследований в рамках этнографии. Вместе с тем дальнейшее успешное продвижение в рассматриваемой области знания вряд ли возможно без активного подключения представителей естественных наук, в первую очередь антропологов.

* * *

Итак, нами рассмотрен один из характерных для этнографии подходов к объекту своего изучения. Это, так сказать «синхронно-структурный» подход, связанный с вычлещением в качестве основных ис-

следовательских зон отдельных структурных компонентов (как бы горизонтальных срезов) этноса: от материальной культуры до психического склада и этнического самосознания. Распространенность такого подхода во многом обусловлена тем, что этническая специфика, как мы знаем, наиболее отчетливо проявляется в устойчивых, медленно изменяющихся областях человеческой жизни.

Однако анализ отдельных составляющих этноса не освобождает этнографа от необходимости характеризовать его в целом. Напротив, воссоздание этноса во всем многообразии его специфических черт — одна из основных задач этнографической науки. К рассмотрению этой задачи нам еще предстоит вернуться. Здесь же лишь подчеркнем, что, исследуя отдельные компоненты этноса, этнограф должен непременно учитывать не только «внутреннее» взаимодействие таких компонентов, но и их роль в функционировании этнической (генр. этносоциальной) системы в целом, а также связь с ее природной средой⁶⁶.

⁶⁴ См. рецензию А. И. Розова на книгу М. С. Роговина «Введение в психологию» (М., 1969). — ВФ, 1970, № 7, стр. 139—140.

⁶⁵ См. выше, стр. 80, 81.

⁶⁶ Например, если изучаются орудия рыбной ловли, то надо учитывать и характер водоема, и виды обитающих в нем рыб, и их биологические особенности и т. д.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ. ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

На основании преобладания в этнографии «синхронно-структурного» подхода к отдельным компонентам своего объекта было бы, однако, неправомерно полагать, что для этнографического исследования достаточно их статичной характеристики. Ведь этнос — динамическая система, и устойчивость основных его составляющих отнюдь не означает их неизменности. Правда, рассмотрение отдельного этнического явления в хронологически ограниченных рамках, на протяжении которых его собственные параметры не претерпевают изменений, открывает подчас возможность для абстрагирования от фактора времени. Но и такое абстрагирование весьма условно¹, хотя бы уже потому, что не исключено изменение за тот же период как степени распространения рассматриваемого явления, так и его соотношения с другими компонентами этноса. Практически в силу исторической обусловленности и изменчивости каждого компонента этнической системы этнограф не может не сочетать «синхронно-структурного» подхода с «вертикальным», «диахронным», историко-генетическим. Соединение этих двух исследовательских ракурсов присуще большинству работ советских этнографов. Впрочем, рассмотрение в этих работах тех или иных компонентов этноса нередко фактически ограничивается XIX веком². Это в значительной мере обусловлено тем, что подавляющая масса материалов (полевых, музейных и фиксированных в научной литературе) о прошлой бытовой культуре, с которыми теперь имеет дело этнограф, сохранилась от XIX — начала XX в. Но специфика историкоэтноведческой базы, конечно, не освобождает от необходимости, используя весь комплекс имеющихся данных (прежде всего свидетельства письменных памятников), исследовать каждый компонент традиционной культуры на протяжении всего периода его существования³. Именно такие исследования в своей совокупности и поз-

¹ Абсолютизация устойчивости компонентов этноса и привела в зарубежной этнологии к антиисторизму, весьма характерному, как мы видели, для диффузионистов и функционалистов.

² В данном отношении весьма показательны историко-этнографический атлас «Русские» (М., 1967), на картах которого каждое явление приурочивается к двум периодам: ко второй половине XIX в. и к началу XX в. Ср.: Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М., 1956.

³ Поэтому представляется, в частности, заслуживающей внимания инициатива по созданию так называемых палеоэтнографических карт, которые дол-

воляют воссоздать конкретный ход так называемых эволюционных этнических процессов.

Исторический подход необходим этнографии не только для рассмотрения изменений, происходящих с отдельными компонентами ее объекта, но и для выяснения генезиса и развития этноса в целом. С этим исследовательским аспектом связано одно из важнейших направлений этнографической науки — этническая история; в рамках данного направления изучение отдельных компонентов этноса в конечном счете подчинено выяснению его динамики как целостной системы. Главная задача разработки проблем этнической истории — исследование всех видов этнических процессов, в том числе этносоциальных.

Особого внимания среди них заслуживает изучение самого процесса формирования отдельных этнических систем, т. е. этногенеза в узком значении слова. Это изучение имеет важное принципиальное значение. Оно позволяет показать, что все современные народы сложились из разных этнических компонентов, имеют смешанный состав, а следовательно, опровергают измышления о «расовой чистоте», «исконных предках», «национальной исключительности» отдельных народов.

Долгое время проблемы происхождения народов решались главным образом на основе лингвистических данных и сводились по существу к истории языков, их происхождению и распространению; определяющая роль при этом отводилась переселениям народов. Позднее под влиянием лингвистической теории Н. Я. Марра у нас были пересмотрены некоторые примитивно-миграционистские теории происхождения многих народов. Однако при этом были допущены крайности иного порядка — почти полное отрицание роли миграций. Дискуссия по вопросам языкознания (1950 г.) способствовала преодолению такого рода крайностей. Вместе с тем привлечение новых массовых археологических и особенно антропологических материалов предотвратило восстановление прежних миграционистских построений. В частности, была показана несостоятельность традиционного представления, будто подавляющее большинство переселений народов влекло за собой почти полное уничтожение или вытеснение местного аборигенного населения⁴.

Становится все более очевидной уже давно отмечавшаяся необходимость комплексного подхода к изучению проблем этногенеза — использование данных археологии, антропологии, этнографии, лингвистики и т. д. Именно благодаря комплексности современные представления о происхождении многих народов Советского Союза, несомненно, в значительно большей степени соответствуют исторической реальности, чем те, что существовали два-три десятилетия назад. Это

жны охватывать огромный хронологический период: от палеолита до конца XVIII — начала XIX в. (см.: М. Г. Рабинович. К проблеме картографирования палеоэтнографических явлений. «Тезисы докладов, сессионных и пленарных заседаний...». Тбилиси, 1971, стр. 109—112).

⁴ См.: В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2.

относится к народам, населяющим самые различные регионы нашей страны: Прибалтику, Поволжье, Кавказ, Среднюю Азию, Дальний Восток и т. д.⁵ Использование данных различных видов источников характерно и для многих работ советских исследователей, посвященных проблемам происхождения зарубежных народов, в частности народов Америки, Азии, Австралии и Океании⁶. Следует, впрочем, иметь в виду, что изучение этногенетических процессов не должно ограничиваться лишь отдаленным прошлым, ибо эти процессы, как уже говорилось, происходят и в новейшее время.

Что касается разделов этнической истории, выходящих за рамки этногенеза в прямом смысле этого слова, то при их изучении непременно должны учитываться данные, касающиеся эволюционных этнических процессов. Иначе наши представления об исторической динамике этносов как систем будут далеко не полными. Весьма важный аспект этнической истории составляет изучение таких разновидностей

⁵ См.: С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза.—СЭ, 1949, № 3; «Балтийский этнографический сборник».—ТИЭ, нов. серия, т. XXXII. М., 1956; сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики».—«Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I. М., 1959; сб. «Вопросы этнической истории мордовского народа».—ТИЭ, нов. серия, т. LXIII, 1960; «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I—IV. М., 1952—1959; «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I—IV. М., 1956—1960; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока.—ТИЭ, нов. серия, т. XXXVI. М., 1958; «Труды Тувинской комплексной археолого-этнической экспедиции», т. I—II. М.—Л., 1960—1966; В. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.—ТИЭ, нов. серия, т. LV, 1960; он же. Происхождение долган. «Сибирский этнографический сборник».—ТИЭ, нов. серия, т. LXXXIV. М., 1963; К. Г. Гуселистый. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма). Киев, 1963; И. С. Гурвич. Этническая история Северо-Востока Сибири.—ТИЭ, нов. серия, т. LXXXIX, 1966; «Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин». Орджоникидзе, 1967; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэльский могильник). М., 1969; И. С. Вдовин. К проблеме этногенеза ительменов.—СЭ, 1970, № 3; С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

⁶ В. В. Бунак, С. А. Токарев. Проблемы заселения Австралии и Океании. «Происхождение человека и древнее расселение человечества».—ТИЭ, нов. серия, т. XVI. М., 1951; М. Г. Левин, И. И. Чебоксаров. Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии.—Там же: Д. А. Ольдерогге. Происхождение народов Центрального Судана.—СЭ, 1952, № 2; С. А. Арутюнов. Этническая история Японии на рубеже нашей эры. «Востоковедный этнографический сборник», II.—ТИЭ, нов. серия, т. LXXIII. М., 1961; он же. Проблемы историко-культурных связей Тихоокеанского бассейна.—СЭ, 1964, № 4; И. А. Бугинов. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов».—ТИЭ, нов. серия, т. LXXX. М.—Л., 1962; И. Н. Чебоксаров. Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук). М., 1964; В. Р. Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969; Д. Д. Тумаркин. Тур Хейердал и проблема заселения Полинезии. «Австралия и Океания (история и современность)». М., 1970; Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971; Р. Ф. Итс. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972.

этнических процессов, как ассимиляция, внутриэтническая консолидация, межэтническая интеграция.

Этническая история, будучи важнейшим разделом этнографической науки, в то же время является существенным компонентом исторического знания. Фактически это общая исследовательская зона, равноправно и одновременно входящая в предметную область обеих наук. Показательно, что исследования по этнической истории принадлежат как этнографам, так и другим историкам⁷, включая археологов. При этом историков и этнографов объединяет применение стадияльного подхода в изучении динамики этнических процессов, в то время как во многих других случаях в исторических исследованиях применяется иной вариант исторического метода — хронологическо-описательный, например, в политической истории. В рассматриваемом случае в значительной мере обща и источниковедческая база. Но здесь у этнографов есть также своя специфика — применение материалов полевых наблюдений современных народов для ретроспективного изучения этнической истории. Правда, в таких случаях правомерность ретроспекции всегда нуждается в проверке на основе данных других видов источников: прежде всего свидетельств письменных памятников, а там, где они отсутствуют, показаний археологических и антропологических материалов.

Помимо этнической истории, интересы этнографии пересекаются с исторической наукой и при изучении истории культуры в широком смысле этого термина. Впрочем, как мы уже видели, в данной области этнография непосредственно контактирует прежде всего с рядом специальных исторических дисциплин (например, историей искусств, историей техники, историей литературы и т. д.), отличаясь от них, однако, своим подходом к предмету исследования.

Давние и прочные взаимосвязи сложились у этнографии с археологией. Их сближает, как уже говорилось, прежде всего определенная общность источниковедческой базы. Но различия в самом происхождении этих источников позволяют вместе с тем четко вычленить ту часть предметной зоны этнографии, которая лежит за пределами ар-

⁷ См., например: И. В. Арский. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе.—Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та, серия исторических наук. Л., 1941, вып. 12; В. В. Мавродин. Основные этапы этнического развития русского народа.—ВИ, 1950, № 4; М. Г. Вагабов. О формировании узбекской буржуазной нации.—ВИ, 1954, № 7; Н. Ф. Колесницкий. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI—XVI вв.).—«Средние века», вып. 23. М., 1963; В. Д. Королюк. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.—«История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968; А. П. Левандовский. Об этническом составе империи Каролингов.—ВИ, 1952, № 7; А. Д. Люблинская. К вопросу о развитии французской народности (IX—XV вв.).—ВИ, 1953, № 9; С. Т. Еремьян. К вопросу об этногенезе армян.—ВИ, 1952, № 7; С. А. Никитин. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале). «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968; В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

хеологии. Как известно, этнографы исследуют не только и не столько памятники, добытые в археологических раскопках, сколько те предметы материальной культуры, которые либо сохранились от прошлого в музейных и иных коллекциях, либо непосредственно бытуют в момент изучения. Археологи же ограничиваются преимущественно исследованием памятников, открытых в результате специальных раскопок. В силу этого археология имеет дело, как правило, с фрагментами некогда существовавшей культуры, этнография — в значительной мере с культурой, функционирующей как определенная целостность⁸.

Эти различия по существу однотипных источников этнографии и археологии во многом и предопределили их тесное сотрудничество. Исследуя вопросы этногенеза, этнографы постоянно обращаются к материалам археологии. Более того, привлекая археологические источники для решения своих задач, этнограф подчас выполняет функции археолога. В свою очередь археология для своих реконструкций, в том числе для определения этнической принадлежности археологических памятников, широко использует данные этнографии. Решая же проблемы этнической истории, археолог по существу выступает в качестве палеоэтнографа. Словом, особенности происхождения источников не создают непреходимой грани между этнографией и археологией. В то же время различия между ними не исчерпываются лишь источниковедческим аспектом. На основе своих источников археолог может решать разнообразные задачи в области истории культуры, социальной истории, этнической истории и т. д. Для археологии в целом — и это необходимо учитывать — ни одна из указанных областей исследования не имеет особого приоритета. Аналогичным образом обстоит дело и в отношении этнографии отставших в своем развитии народов. Однако применительно к этнографии народов промышленно развитых стран рассматриваемый вопрос решается несколько иначе. Будучи обычно вынужденной в силу своей монополии всесторонне исследовать традиционно-бытовые памятники таких народов, этнография способна тоже намечать на этой основе решение проблем, относящихся к предметной области смежных дисциплин. В частности, выступая в роли историка культуры, этнограф не только описывает и классифицирует вещественные памятники, но и нередко раскрывает общие тенденции в развитии материальной культуры. Однако свою непосредственную функцию этнограф выполнит лишь тогда, когда путем сравнительно-исторического анализа установит наличие (или отсутствие) в изучаемом виде материальной культуры тех или иных этнических свойств.

Важную сферу сопряжения этнографии с другими историческими дисциплинами, в первую очередь с археологией, представляет история первобытного общества. Разработка этой «особой» предметной области этнографии имеет, как известно, немалое значение для обоснова-

ния марксистской концепции общественного развития⁹. Не случайно советские этнографы с первых же своих шагов стали уделять ей особое внимание. В результате ими собран и введен в научный оборот обширный новый материал. В частности, было доказано широкое распространение такого характерного признака первоначального рода, как дуальная организация. Существенно продвинулось изучение поздних форм первобытнообщинного строя: установлена сложная структура патриархального рода, пачата типологизация большой семьи, выявлен и обобщен обширный материал о ее сегментированной форме, так называемой патронимии¹⁰.

Для раскрытия конкретных путей перехода от доклассового общества к классовому важное значение имело этнографическое изучение военной демократии и домашнего рабства¹¹.

⁹ См.: Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории.— «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972, стр. 7—35.

¹⁰ А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии.— «Известия Государственной академии истории материальной культуры», т. X. М.—Л., 1931, вып. 2—4; *он же*. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.—Л., 1936; А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; М. О. Косвен. Матриархат. История проблемы. М.—Л., 1948; *он же*. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957; *он же*. Семейная община и патронимия. М., 1963; Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к соседской общине. М., 1964; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966; М. В. Крюков. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967; А. И. Робакидзе. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи).— СЭ, 1968, № 5; J. Bromley. The archaic form of the communal family.— «VIII International congress of anthropological and ethnological sciences» (Tokyo, September, 1968). Moscow, 1968; «Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII — начало XX в.)». М., 1970.

Изучению истории первобытного общества посвящен также ряд сборников. «Вопросы истории доклассового общества». М.—Л., 1936; «Родовое общество».— ТИЭ, нов. серия, т. XIV, М., 1951; «Проблемы истории первобытного общества».— ТИЭ, нов. серия, т. LIV, М.—Л., 1960; «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972; «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе». Л., 1972.

¹¹ С. П. Толстов. Военная демократия и проблема «генетической революции».— «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л., 1935, № 7—8; Ю. П. Аверкиева. Рабство у индейцев Северной Америки. М.—Л., 1941; И. И. Погодин. Военная демократия матабеле. «Родовое общество».— ТИЭ, нов. серия, т. XIV, М., 1951; М. О. Косвен. К вопросу о военной демократии. «Проблемы истории первобытного общества».— ТИЭ, нов. серия, т. LIV, 1960; С. А. Токарев. Происхождение общественных классов на островах Тонга.— СЭ, 1958, № 1; Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки.— ТИЭ, нов. серия, т. LXX, М., 1961; «Разложение родového строя и формирование классового общества». М., 1968; Ю. П. Аверкиева. О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки.— СЭ, 1970, № 5; И. Л. Андреев. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу.— СЭ, 1971, № 2, и др.

⁸ Ср.: V. Podborský. Etnografie a archeologie. «Národopisné aktuality». Strážnici, 1966, roč. III, číslo 1.

В процессе развития и конкретизации материалистической концепции первобытной истории выяснилось, что некоторые частные положения, выдвинутые в свое время Л. Г. Морганом, устарели. Их уточнение, начавшееся еще в довоенные годы и особенно широко развернувшееся в последнее время, имеет тем большее значение, что попытки опровергнуть материалистическую концепцию первобытной истории чаще всего связаны с отнесением на счет марксизма отдельных неточных тезисов Л. Г. Моргана.

В свете данных современной этнографии значительно уточнена, в частности, схема развития семейно-брачных отношений первобытности, из которых исключены гипотетически реконструированные Л. Г. Морганом стадии кровнородственной семьи и семьи пуналуа¹². Следует также упомянуть и об отказе многих советских этнографов от мнения Моргана, что возникновение экзогамии обусловлено сознательным стремлением избежать вредных последствий кровосмешения¹³. Впрочем, у советских исследователей пока нет еще полного единства взглядов относительно этой проблемы, имеющей чрезвычайно важное значение для понимания причин и механизма превращения человеческого стада в родовую общину.

В свете новых этнографических и археологических материалов потребовалось уточнить, как это предвидел еще Ф. Энгельс, и предложенную Л. Г. Морганом периодизацию первобытной истории. В ходе развернувшихся в послевоенный период дискуссий было предложено несколько вариантов новой периодизации¹⁴. И хотя обсуждение еще не закончено, но главный его результат очевиден. Общеизвестно, что

¹² См.: С. А. Токарев. О системах родства у австралийцев. К вопросу о происхождении семьи.— «Этнография», 1929, № 1; А. М. Золотарев. К истории ранних форм группового брака.— «Уч. зап. истор. фак-та Московского обл. пед. ин-та», т. II, М., 1940; М. О. Косвен. К проблеме группового брака.— КСИЭ, 1946, № 1; Д. А. Ольдерогге. Малайская система родства. «Родовое общество».— ТИЭ, нов. серия, т. XIV, 1951; Д. Д. Тумаркин. К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX в.— СЭ, 1954, № 4, и др. Подробнее об этом см.: А. И. Першиц. Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки.— ВИ, 1967, № 2; Ю. В. Бромлей. Новое в изучении истории первобытного общества.— «Вестник АН СССР», 1971, № 9.

¹³ А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии; М. П. Жаков. К постановке генетических проблем истории доклассового общества.— «Известия ГАИМК». М.— Л., 1933, вып. 100; С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; Д. А. Ольдерогге. Из истории семьи и брака (Система лобода и различные формы кузенного брака в Южной Африке).— СЭ, 1947, № 1; Н. А. Бутинков. Проблема экзогамии (по австралийским материалам).— «Родовое общество». ТИЭ, нов. серия, т. XIV, М., 1951.

¹⁴ С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества.— СЭ, 1946, № 1; М. О. Косвен. О периодизации первобытной истории.— СЭ, 1952, № 3; А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. «Проблемы истории первобытного общества».— ТИЭ, нов. серия, т. LIV, М.— Л., 1960; Н. А. Бутинков. Разделение труда в первобытном обществе.— Там же. Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории.— СЭ, 1965, № 5; Ю. П. Аверкиева. Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества.— «Ог Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки». М., 1967.

эта периодизация должна в первую очередь основываться не на культурно-исторических, а на социологических показателях. Оживленно дебатуются и такие вопросы, как соотношение рода и родовой общины, распространенность и историческое место дислокального брака, характер ранних форм брачных отношений и т. д.¹⁵

Изучая первобытность, этнограф охватывает общество в целом, и в данном отношении его подход ничем по существу не отличается от подхода к изучению общества историком в узком смысле слова. Разница здесь в ином: в историковедческой базе. При изучении первобытности (в отличие от этнической истории) этнограф прежде всего базируется на материалах, собранных в ходе непосредственного наблюдения архаических явлений, а чаще их пережиточных форм; свидетельства письменных источников, как и данные археологии и антропологии, используются им обычно лишь в качестве дополнения.

Таким образом, у истории и этнографии есть немало общих исследовательских зон, в целом составляющих особый раздел — так называемую историческую этнографию. При ее разработке, однако, у истории и этнографии сохраняется свой специфический подход, обусловленный не только своеобразием источниковедческой базы, но и особым углом зрения, наглядно проявляющимся, в частности, в отношении к отдельному как единству единичного и общего¹⁶. Если, как уже говорилось, история обращается к единичному для реконструкции реального хода событий¹⁷, то этнография в этом плане не интересуется единичным; для нее единичное лишь основание для

¹⁵ См.: Д. А. Ольдерогге. Кольцевая связь родов, или трехродовой союз (Gens triplex).— КСИЭ, № 1; он же. Основные черты развития систем родства.— КСИЭ, 1960, № 6; Ю. М. Листенберг. Австралийские и меланезийские системы родства (турано-гопанского типа) и зависимость их от деления общества на группы.— «Проблемы истории первобытного общества». ТИЭ, нов. серия, т. XLIV, М.— Л., 1960; Н. А. Бутинков. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи.— «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов». М.— Л., 1962; Ю. И. Семенов. О некоторых вопросах становления человеческого общества.— ВФ, 1965, № 6; М. В. Крюков. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (К постановке вопроса).— СЭ, 1967, № 6; Н. А. Бутинков. Род на Новой Гвинее.— «Австралия и Океания. История и современность». М., 1970; А. И. Першиц. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности.— СЭ, 1970, № 2; Ю. И. Семенов. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому.— СЭ, 1970, № 5; Д. Д. Тумаркин. К вопросу о сущности рода.— СЭ, 1970, № 5; А. М. Рыболов. Некоторые наблюдения над системами родства.— «Охотники, собиратели, 1972, и др.

¹⁶ См.: А. П. Шенгелин. Единичное, особенное и общее.— «Категории диалектики как ступени познания». М., 1971, стр. 107—110.

¹⁷ В свою очередь эта реконструкция служит основанием для решения важнейших задач — раскрытия реального процесса исторического развития человечества в целом, или отдельных обществ, или отдельных сторон общественной жизни, как взаимосвязанных, причинно детерминированных и закономерных явлений. История призвана дать «научно верное познание не только необходимого, но и случайного, не только общего, существенного, закономерного, но и особенного, единичного, конкретного в общественной жизни — в их диалектическом единстве и в их развитии» (Н. Ирибаджак. Критика перед судом буржуазной философии. К критике современной идеалистической философии истории. М., 1972, стр. 204).

выявления типичного¹⁸. Соответственно историзм в этнографии заключается в стадийном подходе к динамике развития изучаемых объектов; ей не присущ хронологический-описательный подход. Поэтому реконструкция исторического образа в историко-этнографических исследованиях носит более абстрактный характер, чем в конкретно-исторических работах¹⁹.

Именно на этом основан постоянно применяемый в исторической этнографии и особенно в этнографическом изучении истории первобытности историко-сравнительный или историко-типологический метод²⁰, разработанный передовыми учеными прошлого века и широко использовавшийся основоположниками марксизма-ленинизма для выявления закономерностей всемирно-исторического процесса.

Будучи отраслью исторической науки, этнография, однако, имеет исследовательские зоны, которые выходят за рамки исторической науки. Историческая наука, в узком смысле слова, трактует данные о прошлом человеческого общества, хотя и доводит его изучение до современности²¹. Этнография же не ограничивается реконструкцией прошлого, она рассматривает современные народы как живую, существующую в настоящий момент действительность; к тому же, как уже говорилось, одной из ее задач является определение тенденций в развитии этнических общностей, прогнозы в области этнических отношений²².

В известном смысле предметная область этнографии всегда включала современность. Ведь в качестве ее основного метода издавна выступает метод непосредственного наблюдения существующих явлений. Однако долгое время при этом обычно внимание преимущественно или даже полностью сосредоточивалось на изучении традиционного, архаического, поскольку именно оно наиболее наглядно выражает этническую специфику. Даже в тех случаях, когда объектом исследований служили наиболее промышленно развитые страны, все же, как правило, практически эти исследования были обращены в прошлое и ограничены преимущественно селом. Правомочность такого сужения предметной области при этнографическом изучении современности, как мы видели, уже не раз ставилась под сомнение. При этом справедливо подчеркивалось, что, изучая только архаику в жизни народа, мы тем самым резко, хотя и невольно, искажаем весь облик данного народа. Не случайно поэтому в нашей с р не

¹⁸ К тому же в традиционно-бытовой культуре историческая информация базируется на коллективной памяти и потому, как правило, имеет относительный характер.

¹⁹ См.: Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан. О соотношении истории, этнографии и социологии.— СЭ, 1969, № 3, стр. 13—15.

²⁰ С. Н. Артановский. О сравнительно-историческом и структурном методе в этнографии.— «Методологические вопросы общественных наук». Л., 1968, вып. 1.

²¹ А. В. Гулыга. О предмете исторической науки.— ВИ, 1964, № 4; В. М. Лавровский. К вопросу о предмете и методе истории как науки.— ВИ, 1966, № 4.

²² См.: Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан. О соотношении истории, этнографии и социологии, стр. 13—15.

в конце 40-х — начале 50-х годов возобновляется этнографическое изучение современных культурно-бытовых процессов²³. Первые публикации, посвященные этой теме (по преимуществу журнальные статьи), содержали простое описание современного быта колхозников в сравнении с их дореволюционным бытом²⁴. Более глубокие исследования появляются в конце 50-х — первой половине 60-х годов, когда были опубликованы монографии о колхозном быте русского, таджикского, узбекского, украинского, латышского, киргизского и многих других народов нашей страны²⁵. Постепенно начали расширяться рамки исследований: была поставлена задача изучения быта рабочих, а затем и всего городского населения²⁶. И это тем более оправданно,

²³ Начало таким исследованиям было положено, как уже отмечалось, на рубеже 20—30-х годов.

²⁴ А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии.— СЭ, 1967, № 5, стр. 15.

²⁵ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства». — ТИЭ, нов. серия, т. XXIV. М.—Л., 1954; О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955; «Село Вирятино в прошлом и настоящем» (Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни). — ТИЭ, т. XLII. М., 1958; «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан». — ТИЭ, нов. серия, т. XXXVII, 1958; Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии. — ТИЭ, нов. серия, т. LIX. М., 1960; «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики». — ТИЭ, нов. серия, т. LXXVII. М., 1962; Д. С. Вардумян, Э. Т. Карапетян. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван, 1963 (на армянском языке); «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области». М.—Л., 1964; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. См. также: О. Ф. Кувеньова. Громадський побуд українського селянства. Київ, 1966; «Культура и быт казахского колхозного аула». Алма-Ата, 1967; «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани». М., 1967; «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968; Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969; «Преобразования в хозяйстве, культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970; А. Е. Тер-Саркисянц. Современная семья у армян. М., 1972, и др.

²⁶ В. Ю. Крупянская. К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса. — ВИ, 1960, № 11; Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. Ашхабад, 1961; В. Т. Зинич. Соціалістичні перетворення паростки нового комуністичного в культурі та побуті рабiтників Радянської України. Київ, 1963; В. Ю. Крупянская, М. Т. Рабинович. Этнография города и промышленного поселка. — СЭ, 1964, № 4; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города. — СЭ, 1964, № 5; В. А. Чыракзаде. О производственном быте рабочих шелковой промышленности г. Нухи. «Азербайджанский этнографический сборник», 2, Баку, 1965; Д. М. Коган. Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города. — СЭ, 1967, № 4; «Этнографическое изучение быта рабочих (По материалам отдельных промышленных районов СССР)». М., 1968; С. В. Рождественская. Жилище рабочих Горьковской области (XIX — XX вв.). Этнографический очерк. М., 1972. Возрастает внимание к изучению современных культурно-бытовых явлений и в этнографической науке ряда социалистических стран. См.: Д. Добровольская, В. Кавышев. Этнографические исследования современной культуры польского народа краковскими учеными. — СЭ, 1959, № 4; Д. Москва. За этнографическое изучение на рабочнический быт у нас. — «Известия на Етнографікскі институт и музеї», 8, 1965; L. Muresanu. Etnografia clasei muncitoare. Obiect și directii de cercetare. — «Revista muzeelor», 5, 1968; «Probleme und Methoden volkskundlicher Gegenwartsforschung». Berlin, 1969; O. Skalniková, K. Fojtik. K teorii etnografie současno-

что, как показали специальные исследования, в промышленно развитых странах быт городских жителей становится ныне определяющей общенациональной моделью, к которой быстро подтягивается сельский быт в результате все большей его урбанизации²⁷.

Появившиеся за последние годы публикации, отражающие результаты изучения быта городского населения нашей страны, представляют бесспорный научный интерес. Однако еще не продумано в достаточной мере своеобразие этнографического подхода к урбанизированному быту, и приходится согласиться с С. А. Токаревым, что «во многих случаях — особенно в тех, когда изучаются чисто русские рабочие центры, и вопросы о национальном составе рабочих, о национальных особенностях их быта не ставятся, — этнографическая специфика исследования не выявляется»²⁸.

На пути этнографического изучения современных промышленно развитых стран возникает немало трудностей. В значительной мере это относится к так называемой соционормативной культуре. Показательно, например, что разработка такой традиционно этнографической темы, как семейно-брачные отношения, применительно к высокоразвитым народам в последнее время все больше сводится к изучению национально-смешанных браков и семей. Между тем внимания этнографов заслуживают и некоторые другие аспекты изучения современной семьи и брака в промышленно развитых странах. В их числе, например, специфика повседневных отношений, порожденная характерными для данного народа конкретно-историческими условиями, особенностями социальных (классовых, профессиональных) различий в формах повседневной жизни того или иного народа²⁹. Однако на исследовании этнографами этих и подобных черт брачно-семейных отношений не может не сказываться все большая утрата ими (по мере индустриализации и урбанизации социальной жизни) этнической специфики. Что же касается таких традиционно-этнографических компонентов социальной жизни, как, скажем, сельская община, то они в большинстве высокоразвитых стран просто отсутствуют. Правда, при этом еще долго сохраняются различия в социальной структуре народов. Но изучение такого рода различий, на наш взгляд, уже не чисто этнографическая задача, ибо в таких случаях социальная структура мало показательна для характеристики «собственно» этнических свойств. Эта задача лежит на стыке этнографии и социологии, и к ее рассмотрению мы еще вернемся ниже.

Не менее трудные проблемы возникают и на пути этнографического изучения современных повседневных бытовых форм мате-

sti.— «Rozprávy Československé akademije věd. Řada společenských věd», Roč. 81, sešit 6, Praha, 1971.

²⁷ С. А. Арутюнов. Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре. Автореф. докт. дисс. М., 1970, стр. 25.

²⁸ С. А. Токарев. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, стр. 140.

²⁹ Там же, стр. 136.

риальной культуры в промышленно развитых странах. О проблемах, связанных с исследованием бытового уровня профессионального искусства, уже шла речь выше. Но, пожалуй, с особенно сложными вопросами этнографы сталкиваются при изучении современных стандартизированных, унифицированных изделий, главным образом орудий производства и предметов потребления. Ведь они все больше теряют этническую специфику. И тем не менее было бы излишней поспешностью полностью исключать эти явления из сферы внимания этнографов. Постепенно выкристаллизовываются некоторые этнографические аспекты их изучения. Этнографический характер сохраняет, в частности, такая проблема, как влияние индустриально-урбанизированных форм материальной культуры на этнический облик народа, соотношение этих форм с традиционными. Заслуживают внимания этнографов и видоизменения в стандартно-унифицированных вещах под влиянием этнической среды³⁰, а также сохранение этнической специфики в использовании тех видов промышленной продукции, которые заменили традиционные бытовые предметы.

И все же очевидно, что в ходе промышленного развития, ведущего ко все большему распространению международных стандартов, сфера этнографического изучения индустриально-унифицированных явлений неизбежно и далее будет сужаться. Как уже отмечалось, в современных промышленно развитых странах этническая специфика как бы перемещается в область духовной культуры. А этим в свою очередь обусловлена та настоятельная необходимость усиления внимания этнографов к культурно-психическим компонентам этноса, о которой говорилось выше.

Но и все компоненты духовной культуры в современных условиях подвержены интенсивным, притом взаимосвязанным, переменам, нередко влекущим за собой даже изменения этнического самосознания. Поэтому одной из центральных задач этнографической науки становится изучение динамики современных этнических систем в целом, т. е. современных этнических процессов. Не случайно данная проблематика начинает занимать центральное место в исследовательской деятельности советских этнографов. Особое внимание при этом, естественно, должно быть уделено этническим процессам, происходящим в нашей многонациональной стране: раскрытию этнических аспектов развития и сближения наций в СССР³¹. Вместе с тем совет-

³⁰ Там же, стр. 137.

³¹ В. К. Гарданов, В. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР.— СЭ, 1961, № 4; А. В. Смоляк. О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура.— СЭ, 1963, № 3; Т. А. Жданко. Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР.— СЭ, 1964, № 6; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике.— СЭ, 1965, № 5; Л. Ф. Моногарова. Современные этнические процессы на Западном Памире.— СЭ, 1965, № 6; Я. С. Смирнова. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии.— СЭ, 1967, № 4; И. С. Гурвич. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР.— СЭ, 1967, № 5; Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в националь-

ские этнографы не могут не реагировать и на то, что происшедшие в послевоенный период огромные экономические, социальные и политические сдвиги во всем мире, особенно в странах Африки, Азии и Латинской Америки, повлекли за собой, как известно, резкую активизацию национальных, этнических процессов. И сейчас уже можно констатировать определенные сдвиги в изучении этих процессов, прежде всего в Азии³² и Африке³³. Начата работа по исследованию современных этнических процессов в США, Канаде, странах Латинской Америки³⁴. Постепенно разворачивается работа по изучению современной этнической жизни народов Западной Европы³⁵.

Исследование современных этнических процессов предполагает не только фиксацию изменений, происходящих в том или ином компоненте этноса или с ним в целом, но и раскрытие причин этих изменений. При этом необходимо учитывать как взаимодействие этносов, межэтнические контакты, так и факторы «внеэтнического» характера, прежде всего социально-экономические явления, развитие которых в конечном счете и определяет этнические процессы.

Изучение современных этнических процессов, особенно их этносоциальной разновидности, находится на стыке двух наук — этнографии и социологии. А это в свою очередь выдвигает вопрос о соотношении в целом этнографических и конкретно-социологических ис-

но-смешанных семьях. — СЭ, 1969, № 3; *Г. П. Васильева*. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; *Ю. В. Бромлей*, *В. И. Козлов*. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. — СЭ, 1970, № 1; «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера», М., 1971.

³² *С. И. Брук*, *Н. Н. Чебоксаров*. Современный этап национального развития народов Азии и Африки. — СЭ, 1961, № 4; «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии». — ТИЭ, нов. серия, т. 83. М., 1963; *М. С. Иванов*. Современные национальные процессы в Иране. — СЭ, 1967, № 5; *Н. Н. Чебоксаров*. Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии. — СЭ, 1966, № 2; *П. И. Пучков*. Население Океании. Этнографический обзор. М., 1967.

³³ *И. И. Потехин*. Формирование национальной общности южноафриканских банту. — ТИЭ, нов. серия, т. XXIX, М., 1955; *он же*. Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы. — СЭ, 1957, № 4; *С. Р. Смирнов*. Образование и пути развития северосуданской народности. «Африканский этнографический сборник», 1. — ТИЭ, нов. серия, т. XXXIV. М., 1956; *Р. Н. Исмаилова*. Народы Нигерии. Этнический состав и краткая этнографическая характеристика. М., 1963; *Б. В. Андрианов*. Население Африки. Этностатистический обзор. М., 1964; *он же*. Проблема формирования народностей и наций в странах Африки. — ВИ, 1967, № 9; *Р. Н. Исмаилова*. Этнический фактор в современной Африке. — «Расы и народы», 1. М., 1971.

³⁴ «Нации Латинской Америки». М., 1964; *Ш. А. Богина*. Некоторые вопросы развития американской нации. — СЭ, 1968, № 4; *М. Я. Берзина*. Формирование этнического состава населения Канады (этностатистическое исследование). М., 1974; *Л. Н. Фурсова*. Этнический состав и расселение послевоенных иммигрантов Канады. — «Расы и народы», 1. М., 1971; *В. Н. Софинский*. Национальный вопрос в Гайане. — «Расы и народы», 1. М., 1971; «Национальные проблемы Канады». М., 1972.

³⁵ «Этнические процессы в странах зарубежной Европы». М., 1970; *Ю. В. Бромлей*, *М. С. Кашуба*. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии. — СЭ, 1969, № 1; *Г. И. Анохин*. Национальные проблемы Скандинавии. — «Расы и народы», 2. М., 1972.

следований. Данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с интенсивным развертыванием в последнее время в нашей стране конкретно-социологических исследований, претендующих на охват всех сфер общественной жизни. Под конкретной социологией (в отличие от общей социологической теории, т. е. исторического материализма, раскрывающего основные закономерности социальной истории в целом), на наш взгляд, следует понимать эмпирические исследования социальных явлений, проводимые для специальных типичных черт («внутренних» закономерностей) функционирования отдельных конкретных сфер социальной жизни, а также их взаимосвязи и связи со всем социальным организмом (обществом)³⁶.

О соотношении этнографии и конкретной социологии можно встретить примерно такие суждения: а) обе науки претендуют в значительной мере на один и тот же объект изучения и, следовательно, этнография (или этнология) и конкретная социология — лишь разные обозначения для одной и той же науки³⁷; б) социология изучает общество, этнография (этнология) — культуру³⁸; в) социология в процедурной части основывается на математике и статистике, а этнография — на научном описании и объяснении наблюдаемых явлений; г) социология присущ дедуктивный метод познания, этнологии — индуктивный³⁹.

Однако подобные попытки решения вопроса о соотношении этнографии и конкретной социологии явно упрощают его. В общей форме их разграничение, на наш взгляд, наиболее отчетливо выражает мысль, что этнография изучает «народ», социология — «общество». Точнее говоря, в первом случае объектом исследования является «этнонос», во втором — «социальный организм». Этим и обусловлена в первую очередь специфика присущих им способов познания. Как уже говорилось, этнографический подход к предмету исследования предполагает прежде всего рассмотрение единичного лишь в каче-

³⁶ Вопрос о предмете конкретной социологии до сих пор остается дискуссионным. См. по этому вопросу: *В. П. Рожин*. О предмете марксистской социологии. — Сб. «Вопросы марксистской социологии». Л., 1962; *Ф. Константинов*, *В. Келле*. Исторический материализм — марксистская социология. — «Коммунист», 1965, № 1; *В. А. Ядов*. К вопросу о марксистской социологии как науке. — «Философские науки», 1968, № 2; *Г. В. Осипов*. Социология как наука. — «Социальные исследования», вып. 2. М., 1968; *А. М. Румянцев*, *Г. В. Осипов*. Марксистская социология и конкретные социальные исследования. — ВФ, 1968, № 6; *А. Г. Здравомыслов*. Методология и процедуры социологических исследований. М., 1969; *Д. М. Угрюмович*. О предмете марксистской социологии. — «Очерки методологии познания социальных явлений». М., 1970.

³⁷ *С. А. Токарев*. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, стр. 141.

³⁸ *M. J. Herskovits*. Man and his works. The science of cultural anthropology. N. Y., 1949, p. 9; *A. L. Kroeber*. The nature of culture. Chicago, 1952, p. 162.

³⁹ На этом основании отдельными авторами делается вывод, что «этнология и социология на деле представляют два момента одного и того же исследования». См.: *R. Cresswell*. Ethnologie et sociologie. Problèmes de collaboration. «L'Homme. Revue française d'anthropologie». Paris, 1967, t. 7, N 1, p. 84. Ср.: *Ш. Кулишвиц*. Главни правци и нека основна теориска питања у етнологији. «Гласник Етнографског музеја у Београду», књ. 24. Београд, 1961, стр. 6.

стве базиса для выявления особенного, как носителя информации об этом особенном. В отличие от этнографов, социологи в своих выводах обычно абстрагируются не только от единичного, но и от этнически особенного, стремясь прежде всего раскрыть всеобщее, т. е. общие законы взаимосвязи различных сторон общественной жизни.

Поясним этот тезис. Возьмем для примера русское село Вирятино, которому советские этнографы посвятили специальную монографию⁴⁰. Это село, рассматриваемое само по себе, выступает как единичное явление; рассматриваемое же как тип русского села, оно выступает носителем этнически особенного, но в нем есть и общее, типичное для социалистического села. Очевидно, что этнограф абстрагируется от единичного, характерного только для данного села, скажем, от действий отдельных его жителей, конкретных событий и т. д., хотя все это важно для историко-монографического изучения того же села. Внимание этнографа прежде всего, естественно, привлекают этнические особенности, присущие жителям Вирятина, причем эти особенности могут быть характерными либо для всего русского народа, либо для его отдельной этнографической группы. Социологи тоже посвящают специальные монографии изучению отдельных сел. Таково, например, исследование советскими социологами молдавского села Копанки⁴¹. Авторы этого исследования интересовало прежде всего данное село как источник информации о процессе сложения того общего, что присуще всему крестьянству Советского Союза.

Конечно, нами предложена как бы идеальная модель соотношения этнографических и социологических исследований. На практике же мы обычно имеем дело с переплетением исследований, когда, как уже говорилось, один и тот же ученый или группа ученых одновременно осуществляют функции представителей разных дисциплин.

К тому же у этнографии и социологии есть общие объекты исследований — этносоциальные образования (прежде всего, этносоциальные организмы), обладающие, как мы знаем, и этническими и собственно социальными параметрами. Соответственно этнография и конкретная социология имеют общую исследовательскую зону, образуемую на пересечении этнических и социально-классовых явлений. Изучение их взаимодействия составляет задачи особой пограничной дисциплины — этнической социологии, которую можно рассматривать как подраздел, с одной стороны, этнографии, с другой — социологии. В свою очередь этносоциологические исследования можно расчленить на два взаимосвязанных направления: изучение социальных процессов в разных этнических средах и этнических процессов в отдельных социальных группах; одно, так сказать, социально-этническое, другое — этносоциальное. Оба направления, как мы видим, представляют пересечение процессов и структур. Конечная за-

дача исследований первого направления — выявление путем сравнительного анализа воздействия различных этнических сред на ход социальных процессов. Основная цель исследований второго направления — установить зависимость этнических изменений от социальных факторов.

Само собой разумеется, что разработка первого из названных направлений представляет особый интерес для социологов, а в исследованиях второго более заинтересованы этнографы. Но бесспорно, что в обоих случаях специалисты по одной из этих дисциплин не могут обойтись без помощи представителей другой дисциплины.

Особая близость наблюдается между конкретно-социологическими и полевыми этнографическими исследованиями современности⁴². Непосредственно на их стыке и складываются этносоциологические исследования, в развитии которых в нашей стране уже сделаны хотя и начальные, но довольно энергичные шаги⁴³. Они нацелены прежде всего на выявление зависимости современных этнических процессов в СССР от социальных факторов. Одна из характерных особенностей этих исследований — рассмотрение этнических отношений на межличностном уровне.

Так как этносоциология сосредоточивается на изучении современных промышленно развитых народов, она неизбежно стремится широко использовать методологию и технику исследований, разработанную в социологических и психологических науках для нужд анализа взаимоотношений людей в современном обществе. Объясняется это прежде всего явной недостаточностью непосредственных наблюдений для изучения этнической специфики современных народов, у которых они все более уходят в глубины этнической психологии, проявляясь на национальном самосознании, национальных стереотипах, национальном характере⁴⁴.

По тем же причинам методы, получившие распространение в конкретной социологии, начинают проникать и в «собственно» этнографические исследования современности. Наряду с проведением анкетных обследований, советские этнографы все шире используют статистические данные ЦСУ, загсов, милиции и т. д., машинные методы

⁴² Именно этим в значительной мере объясняется то, что на протяжении довольно длительного отрезка времени этнография в нашей стране фактически была единственной наукой, частично выполнявшей функции конкретной социологии, правда нередко довольствуясь при этом традиционными этнографическими методами.

⁴³ Ю. В. Арутюнян. Опыт социально-этнического исследования (По материалам Татарской АССР). — СЭ, 1968, № 4; он же. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений. — ВФ, 1969, № 12; О. И. Шкараган. Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР (По материалам социологического обследования). — СЭ, 1970, № 3; Л. М. Дробижева. Социально-культурные особенности личности и национальные установки (По материалам исследований в Татарской АССР). — СЭ, 1971, № 3; Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования). — СЭ, 1972, № 3.

⁴⁴ См.: Ю. В. Бромлей, О. И. Шкараган. О соотношении истории, этнографии и социологии, стр. 16—17.

⁴⁰ «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни». М., 1958.

⁴¹ «Копанка 25 лет спустя». М., 1965.

обработки материалов, применяют (а в необходимых случаях организуют разработку) новые математические приемы сопоставления количественных показателей⁴⁵. Такая методика, состоящая в тесном сочетании полевых и массовых статистических материалов, представляется весьма перспективной, поскольку она «дополняет непосредственные наблюдения необходимыми элементами любой науки — числом и мерой и тем самым исключает всякую субъективность в оценке наблюдаемых процессов»⁴⁶.

Было бы, однако, несомненным упрощением на основании всего сказанного заключать, что сопряженность этнографии и конкретной социологии ограничивается изучением современности. Конкретная социология, так же как этнография, имеет разделы, обращенные к историческому прошлому человечества. Это так называемая конкретно-историческая социология, которую не следует смешивать с социологией (философией) истории и социальной историей⁴⁷. Она является конкретной дисциплиной, выявляющей типичные черты исторического развития различных социальных сфер⁴⁸. Эта дисциплина аналогична конкретно-социологическим исследованиям современности с той лишь разницей, что базируется не на сборе информации от живых людей или в текущем делопроизводстве, а на информации, содержащейся в исторических источниках⁴⁹.

В целом же конкретно-историческая социология исследования равноправно входит как в историческую науку, так и в социологию⁵⁰. Вместе с тем они подчас тесно переплетаются с историко-этнографическими изысканиями. Особенно это относится к народам, находящимся на доклассовой и раннеклассовой стадиях общественного развития. В таких случаях нередко роль конкретно-исторической социологии почти полностью выполняется этнографией и археологией. В частности, в силу уже отмечавшихся причин этнографические исследования целиком охватывают совокупность социальных явлений у так назы-

⁴⁵ С. Б. Рождественская. Опыт обработки этнографических материалов при помощи счетных машин.— СЭ, 1964, № 3; О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебец. О графическом изображении результатов статистического обследования международных браков.— СЭ, 1966, № 3; Ю. И. Першиц. О методике сопоставления показателей одностациональной и смешанной брачности.— СЭ, 1967, № 4; Л. А. Аношина, М. Н. Шмелева. Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города.— СЭ, 1968, № 3; «Вопросы методики этнических и этносоциологических исследований». М., 1970.

⁴⁶ А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии, стр. 15—16.

⁴⁷ О соотношении истории и социологии см.: П. Н. Федосеев, Г. П. Францев. Социология и история.— «Социология в СССР», т. 1. М., 1966; В. Е. Полегаев, Ю. А. Поляков, В. А. Устинов. История, конкретные социальные исследования, кибернетика.— «История СССР», 1968, № 4; В. А. Дьяков. Роль социолого-статистических методов при изучении освободительных движений.— ВИ, 1970, № 12; Л. М. Дробизева. История и социология. М., 1971.

⁴⁸ Поэтому было бы неверно ограничивать ее задачу изучением только истории социально-экономических отношений.

⁴⁹ См.: Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратам. О соотношении истории, этнографии и социологии, стр. 9, 13.

⁵⁰ Эта мысль может быть пояснена сравнением с историей экономики, которая выступает частью и исторической и экономической науки.

ваемых отсталых народов. Так как цель этих исследований — раскрытие типичных черт не только этнической, но и социальной жизни первобытного и раннеклассового обществ, то они по существу имеют все основания именоваться этносоциологическими. Разумеется, их не следует смешивать с конкретным этносоциологическим изучением современности, для чего представляется целесообразным специально отмечать, что речь идет об исторической этносоциологии⁵¹, лежащей на стыке трех дисциплин — истории, социологии и этнографии.

При изучении методом непосредственного наблюдения бесписьменных народов историческая этносоциология охватывает все этнические и социальные аспекты их жизни. Следовательно, эта дисциплина при изучении таких народов фактически целиком включает и этнографию, и социологию. Однако по мере продвижения по ступеням общественного прогресса сфера этносоциологии все более сужается. Ее монополия сразу же исчезает при переходе к изучению народов, развитых классовых обществ, имеющих письменность, ибо здесь большинство социальных явлений теряет свою былую устойчивость, столь существенную для выполнения ими этнических функций. В результате основной задачей исторической этносоциологии (подобно этносоциологии современности) становится выявление типичных черт взаимодействия этнических и социальных аспектов этносоциальных процессов на протяжении всей истории классовых формаций.

Этой предметной зоной, однако, сопряженность этнографии и конкретной социологии при изучении исторической проблематики не исчерпывается. Прежде всего в известной мере сохраняется общность их интереса к истории отдельных социальных институтов. Дальше всего в поле зрения этнографии остаются те социальные институты, которые, отличаясь особой консервативностью, устойчиво сохраняют этническое своеобразие и к тому же представляют определенный интерес для реконструкции первобытности. Таковы, например, системы родства, общинные организации и т. п. Особенным постоянством отличается интерес этнографов к такой социальной ячейке, как семья, которая не только долго сохраняет специфические этнические черты, но и сама играет важнейшую роль в их воспроизводстве.

Наконец, есть еще одна общая предметная зона исторической этнографии и конкретно-исторической социологии. Основание для выделения этой зоны, обычно остающейся в тени, составляют уже не социальные институты и их взаимосвязь с этническими явлениями, а культура и ее социальные функции. Как известно, изучение таких функций культуры — одна из важнейших задач социологии (социология искусства, социология литературы и т. п.). В плане же гене-

⁵¹ Следует иметь в виду условность определения этого раздела этносоциологии как «исторического»: он в значительной мере базируется на непосредственном изучении отсталых народов, и, следовательно, в этой своей части «историзм» этносоциологии состоит в использовании материалов такого изучения для реконструкции ранних стадий развития человеческого общества.

РОЛЬ ДЕМОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ГЕОГРАФИИ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

тическом их исследовании также входит в предметную область исторической науки. Но так как социальные функции культуры на бытовом уровне имеют обычно определенную этническую окраску, этнография тоже не может находиться в стороне от их изучения. Более того, в тех случаях, когда историческая реконструкция социальных функций тех или иных компонентов культуры основана на непосредственных наблюдениях, этнографии практически принадлежит определяющая роль. Это обстоятельство, в частности, хорошо уловил С. А. Токарев, недавно подчеркнувший особое значение для этнографии выяснения социально-объединительных и социально-разделительных функций таких компонентов материальной культуры, как пища, одежда и жилище⁵². Нередко оказываются в поле зрения этнографов и социальные функции различных видов народного искусства⁵³.

Впрочем, представляется достаточно очевидным, что в таких случаях этнография выполняет прежде всего роль конкретно-исторической социологии. Однако на данном основании, разумеется, было бы неверно прекращать этнографические изыскания в области социологических проблем бытовой культуры. Важно лишь, чтобы из поля зрения исследователей полностью не ускользал их этнический аспект. К тому же, если не продолжать развития в рамках этнографии этого направления, то постепенно формирующееся изучение в историческом плане социальных функций культуры может оказаться в интердисциплинарном hiatusе.

Этнические общности, как мы знаем, отличаются друг от друга не только своими определенными свойствами, но и масштабами, количественными показателями. Поэтому для характеристики таких общностей весьма важное значение приобретает изучение соответствующих демографических показателей (в первую очередь численности) и их динамики. Такое изучение составляет предметную область этнической демографии — научной дисциплины, складывающейся на стыке этнографии и демографии¹.

При определении численности современных народов основным источником являются материалы переписей населения². В первую очередь это относится к тем переписям, в программу которых включается вопрос об этнической принадлежности; нередко переписи, кроме того, содержат данные о языке населения (родном языке, втором языке и т. п.), что позволяет выяснить соотношение языковой и национальной принадлежности, обычно проливающее дополнительный свет на тенденции этнических процессов. Однако часто исследователь располагает лишь материалами, косвенно указывающими на этническую принадлежность населения (например, данными о религиозном или расовом составе, подданстве и т. д.)³. В особенно трудном положении оказывается исследователь при выяснении численности народов в отдаленном прошлом: в его распоряжении, как правило, случайные, притом далеко не всегда достоверные, данные.

Само собой разумеется, что при изучении динамики численности этнических общностей должны приниматься во внимание все факторы, обуславливающие эти изменения, начиная от таких основных демографических показателей, как рождаемость, смертность, поло-воз-

⁵² С. А. Токарев. К методике этнографического изучения материальной культуры. СЭ, 1970, № 4, стр. 3—17.

⁵³ Сведение задач этнографии (этнологии) в области истории народного творчества именно к этому аспекту его изучения довольно характерно для работ зарубежных авторов (см., например: А. Ваš. Uz temu: etnologija i istorija umetnosti. — «Etnološki pregled». Beograd, 1965, str. 6—7).

¹ В нашей научной литературе можно встретить мнение, что этническая демография — отрасль этнической географии (см.: С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин. О предмете и задачах этногеографии. — СЭ, 1963, № 1, стр. 16). Однако совершенно очевидно, что с этим мнением можно согласиться лишь в том случае, если рассматривать демографию в качестве субдисциплины географии.

² Наиболее обстоятельную в нашей литературе этнодемографическую характеристику всего населения земного шара содержит обобщающий труд Института этнографии АН СССР «Численность и расселение народов мира», вышедший в свет в 1962 г. в серии «Народы мира».

³ С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин. О предмете и задачах этногеографии, стр. 21.

растной состав населения, и кончая данными медицинской географии, изучающей региональное распространение болезней.

Вместе с тем, одна из специальных задач этнодемографии заключается в определении связи динамики численности народов с этническими факторами⁴. В частности, для понимания различий в показателях рождаемости у народов мира важное значение имеет учет характерных для каждой этнической общности традиций, связанных с определением брачного возраста, с отношением к многодетности и т. п.⁵ Непосредственно сказываются на численности народов этнические процессы (в узком значении слова), в первую очередь ассимиляционные и консолидационные. Влияют на численность этнических общностей, особенно этносоциальных организмов, и миграционные процессы⁶. Учет всех этих факторов чрезвычайно важен для прогнозирования в области этнодемографии.

Сопряженность этнических общностей с популяциями предопределила установление давних контактов между этнографией и такой биологической дисциплиной, как антропология (физическая или соматическая).

Наиболее тесные связи между этнографией и антропологией установились у нас в области изучения древних этногенетических процессов. Это объясняется тем, что на ранних стадиях общественного развития этнические общности — племена были не только эндогамными, но сравнительно малочисленными, в силу чего для реализации в сопряженных с ними популяциях тенденций к антропологической однородности требовался относительно небольшой срок⁷. И такой срок этносы-племена и даже межплеменные общности, как правило, имели. В результате у образуемых ими популяций обычно складывались отдельные специфические антропологические черты. Необходимо, однако, учитывать и всегда существовавшую противоположную тенденцию: изоляция человеческих популяций никогда не была абсолютной, сочетаясь с той или иной степенью межпопуляционного смешения. К тому же ареалы этносов-племен могли не совпадать с ареалами соответствующих популяций и по той причине, что для распространения этнических свойств (этнической ассимиляции) «прорыв» племенной эндогамии совсем не обязателен. Иными словами, антропологические данные лишь приблизительно отражают

границы расселения того или иного племени. Притом специфические черты соответствующих популяций нередко были столь незначительными, что обнаружить их можно лишь путем специальных антропологических исследований. Сравнительно отчетливо такие черты проступают в тех случаях, когда то или иное племя (или группа «родственных» племен) в результате перемещения оказывалось в ареале расселения племен, принадлежавших к другой (большой или даже малой) расе. Вообще следует подчеркнуть, что для изучения переселения племен и их семей антропологические данные (прежде всего материалы палеоантропологии) тем более важны, что язык и культура могут распространяться и независимо от перемещения этнической общности⁸, но антропологические типы обычно не распространяются без ее перемещения⁹.

Антропологические данные могут быть использованы и при изучении процессов формирования народностей. В частности, они обычно помогают установить, на базе каких этнических «слоев» сложилась изучаемая народность¹⁰. Особенно отчетливо это удается выявить, когда формирование народности происходит в зоне соприкосновения больших рас (например, в Западной Сибири, Средней Азии, Южной Азии, Северной Африке и т. д.). Для популяций, сопряженных с длительно существовавшими народностями (особенно малочисленными), обычно удается выявить отдельные наиболее распространенные антропологические признаки. И это немало помогает уяснению тех периодов этнической истории народов мира, для которых ее исследователи располагают лишь отрывочными данными письменных источников¹¹.

Однако для исследования процессов формирования наций антропологический материал, как правило, полностью утрачивает свое значение. Дело в том, что, несмотря на сопровождающее эти процессы довольно интенсивное межэтническое смешение, в популяциях, сопряженных с многомиллионными нациями, тенденция к складыванию внутренней антропологической однородности нередко остается фактически нереализованной¹². Поэтому соседние нации часто почти не отличаются друг от друга в антропологическом отношении. Лишь

⁸ См.: Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза.— СЭ, 1952, № 1.

⁹ Поэтому же, когда масса населения, почти однородная по антропологическому составу, разделена на группы, говорящие на разных языках, причины такого разделения следует искать в прошлом тех или иных форм исторической общности этих групп (Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии. М., 1955, стр. 331).

¹⁰ См.: В. И. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1968, № 2.

¹¹ О методике использования антропологических данных для решения вопросов этногенеза см.: Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии, стр. 334—345; В. В. Гинзбург. Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза.— СЭ, 1968, № 4.

¹² См. выше, ч. I, гл. 5.

⁴ Решению этой задачи в значительной мере посвящена монография В. И. Козлова «Динамика численности народов» (М., 1969).

⁵ В. И. Козлов. Культурно-исторический процесс и динамика численности народов.— «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 1.

⁶ С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин. О предмете и задачах этногеографии, стр. 20—23.

⁷ В небольших изолированных демах заметные сдвиги в распределении отдельных признаков происходят на протяжении жизни примерно 50 поколений. Если считать для человека промежутки между поколениями равными 25 годам, то необходимо около 1250 лет для того, чтобы произошли существенные изменения в области антропологического облика небольшой изолированной группы (Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры. М., стр. 147).

в случаях, когда процесс формирования нации сопровождается смешением представителей больших рас (например, в странах Латинской Америки) и создание антропологической однородности приобретает определенную этническую значимость, антропологические материалы могут помочь пониманию хода этого процесса.

Изучение истории антропологического состава этносов и на этой основе этнических процессов у нас принято именовать «этнической антропологией». Однако решение этнографических проблем антропологическими методами — лишь одно, правда наиболее развитое, направление этнической антропологии¹³. Есть у нее еще и другое направление — изучение роли этнических факторов в антропологических процессах¹⁴.

Наконец, необходимо учитывать, что взаимосвязи этнографии с антропологией не исчерпываются этнической антропологией. Чрезвычайно важной исследовательской областью их взаимодействия является история первобытного общества, притом не только антропогенез, но и многие проблемы социогенеза. Плодотворность такого сотрудничества уже дает о себе знать¹⁵, однако его перспективы представляются еще более обещающими. Ведь на данные антропологии в значительной мере опирается изучение таких проблем, как роль труда в становлении человека, возникновение речи и мышления, расогенез и т. д.¹⁶; более того, антропологические материалы помогают даже несколько приподнять завесу над самыми ранними стадиями социальных отношений.

Для характеристики этнических общностей, помимо данных, раскрывающих их внутреннюю структуру и связи с соответствующими

¹³ Общую характеристику вклада советских антропологов в изучение этнической истории народов мира см., например, в статье: *В. П. Алексеев*. Изучение антропологического состава народов СССР за 50 лет. — СЭ, 1967, № 5.

¹⁴ Нередко этническую антропологию полностью отождествляют с расоведением. Однако такое отождествление, на наш взгляд, неправомерно. Ведь расоведение включает широкий круг проблем, далеко не все из которых имеют прямое отношение к этническим явлениям.

¹⁵ См., например: *Ю. И. Семенов*. Как возникло человечество. М., 1966.

¹⁶ См., например: *Я. Я. Рогинский*. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения человека и его рас. М., 1949; *В. П. Якимов*. Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов. — СЭ, 1954, № 3; *В. И. Кочеткова*. Метод реконструкции основных долей мозга ископаемых гоминид по их эндокрамам. — «Вопросы антропологии», 1960, №1; *М. С. Войно*. Речь как одна из важнейших специфических человеческих особенностей. — Сб. «У истоков человечества». М., 1964; *Я. Я. Рогинский*. Проблема природы человека современного типа. — Сб. «Наука и человечество». М., 1964; *В. И. Кочеткова*. Эволюция мозга в связи с прогрессом материальной культуры. — Сб. «У истоков человечества». М., 1964; *В. В. Бунак*. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. В кн.: «Ископаемые гоминиды и происхождение человека». — ТИЭ, нов. серия, т. 92. М., 1966; *И. И. Гогман*. Ископаемые неантропы. — Там же, *В. И. Кочеткова*. Сравнительная характеристика эндокрамов гоминид в палеоневрологическом аспекте. — Кн. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека». М., 1966; *Я. Я. Рогинский*. Проблемы антропогенеза. М., 1969; *В. П. Алексеев*. Антропологические аспекты проблемы происхождения и становления человеческого общества. — «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972.

популяциями, весьма важное значение имеют показатели, относящиеся к их пространственным параметрам, а также взаимодействию с природной средой. Этим и обусловлены давние контакты этнографии и географии, восходящие к глубокой древности, когда описание особенностей жизни народов и элементов природной среды не мыслились друг без друга. Такая слитность этнографических и географических знаний в значительной мере объясняется тем, что фактический материал о народах и странах поступал из одного и того же источника — из описаний путешественников. Хотя в середине XIX в. намечается тенденция к обособлению этнографии, однако она в большинстве стран еще довольно долгое время рассматривалась как субдисциплина географии. Этому способствовало и опережающее развитие естественных наук вообще по сравнению с развитием наук об обществе, получивших надежную методологическую базу лишь с разработкой К. Марксом и Ф. Энгельсом основ исторического материализма. Отсюда и восходящие еще к античности попытки объяснения различий в общественном строе, культуре и психическом складе народов особенностями природной среды их обитания. На первых порах взгляды были прогрессивными, носили элементы материалистического подхода к природе и обществу. Но тем самым создавались предпосылки для возникновения концепции географического детерминизма, отчетливо сформулированной уже в XVII в. в работах Ш. Монтескье. Отрицательные стороны этой концепции особенно наглядно проявились в XIX в. в так называемой школе антропогеографии (Ф. Рагцеля и др.). Стремясь доказать определяющую роль природной среды в развитии общества, антропогеографы, как уже говорилось, явно недооценивали значения в этом производства материальных благ. В частности, касаясь хозяйственного развития народов, они ограничивались преимущественно изучением его примитивных форм, на которые природные факторы, как известно, оказывают наиболее заметное воздействие. В конечном счете антропогеография послужила фундаментом для обоснования реакционной доктрины геополитики, оправдывавшей империалистические войны ссылками на несоответствие государственных границ так называемому жизненному пространству наций¹⁷.

Процесс размежевания этнографии и географии как особых наук начался еще в середине XIX в. Но заметный перелом в этом отношении произошел в нашей стране лишь на рубеже 20—30-х годов. В ходе развернувшихся в это время дискуссий этнография, как уже говорилось, была определена как историческая дисциплина. И это немало способствовало окончательному утверждению в советской этнографии принципа историзма. Вместе с тем размежевание этнографии и географии имело и некоторые негативные последствия. Было, в частности, ослаблено внимание к вопросам взаимосвязи этногенеза и природной среды.

¹⁷ См.: *С. И. Брук*, *В. И. Козлов*, *М. Г. Левин*. О предмете и задачах этногеографии, стр. 11—15; *V. Koslov*, *V. Pokschischewski*. Ethnographie und Geographie. S. 139—140.

Вообще представляется весьма важным подчеркнуть принципиальную ошибочность взаимоизоляции этнографии и географии. Такую изоляцию по существу предполагает восходящее к неокантианской концепции немецкого географа А. Геттнера противопоставление так называемых хорологических наук (т. е. наук, изучающих пространственные взаимоотношения, в том числе географию) хронологическим (т. е. наукам, изучающим явления, изменяющиеся во времени, в первую очередь истории). Диалектический материализм считает обязательным генетико-исторический подход и в «пространственных» науках, равно как и необходимость анализа пространственных взаимоотношений при исторических исследованиях. Это неизбежно ведет к возникновению у географических и исторических дисциплин «общих предметных зон»¹⁸.

В данном отношении весьма показателен процесс восстановления связей между этнографией и географией, начавшийся у нас в послевоенные годы. Этот процесс одновременно развернулся как бы в двух «встречных» направлениях, проявившись, с одной стороны, в создании географии населения¹⁹, с другой — в этнической географии. Предметные области этих дисциплин, имея определенную общность (изучение пространственного размещения людей), однако, далеко не тождественны. «В географии населения как части экономической географии человек рассматривается абстрактно, прежде всего как производитель и потребитель материальных благ; в этнической географии — прежде всего как носитель «этноса», как член определенной этнической общности»²⁰.

Один из разделов этнической географии представляет картографирование пространственного размещения этнических общностей — этническая картография. Имея общую с этнографией предметную зону, этническая картография в то же время широко пользуется методами, разработанными географами²¹.

Этнические карты позволяют наглядно показать пространственные взаимоотношения различных этнических общностей, отражающие их историю. Вместе с тем карты этого рода служат важным источником для освещения вопросов национально-территориальных преобразований, помогают лучше понять сущность межнациональных трений, подоплеку многих международных политических событий. Из всех разделов этногеографии этническое картографирование получило у нас в послевоенные годы, пожалуй, наиболее заметное развитие²². С этническим картографированием тесно связан анализ простран-

ственного размещения отдельных компонентов этноса — составление историко-этнографических атласов²³.

Важной задачей этнической географии является исследование влияния природной среды на этнос и его компоненты. Разумеется, такие исследования ни в коей мере не означают возврата к концепциям географического детерминизма. В отличие от последнего исторический материализм рассматривает не природную среду, а развитие производительных сил в качестве детерминирующего фактора общественного развития. Вместе с тем марксизм-ленинизм отнюдь не отрицает определенного воздействия географической среды на общественную жизнь, в том числе на ее этнические аспекты. Природная среда не только накладывает свой отпечаток на культуру народов и на особенности их расселения, но и, оказывая определенное воздействие на развитие производства, тем самым опосредованно влияет на ход этнических процессов. Однако, как известно, это влияние было наиболее заметным на ранних стадиях общественного развития; по мере же социального прогресса оно все более ослабевает. Поэтому хотя воздействие географических факторов на этнические явления необходимо учитывать на протяжении всех эпох, все же его изучение особенно перспективно применительно к этническим общностям докапиталистических формаций.

Приходится, однако, констатировать, что в целом рассматриваемый аспект этногеографии до последнего времени не получил у нас столь заметного развития, как, скажем, этническая картография (очевидно, сказывается опасение оказаться под влиянием идей географического детерминизма). В этой связи заслуживает внимания проведенная недавно журналом «Природа» дискуссия на тему «Этнос и этносфера»²⁴. К сожалению, как уже отмечалось, в дискуссии не обошлось без упрощения проблемы, связанного с переоценкой роли географической среды (выступление Л. Н. Гумилева)²⁵. Вместе с тем дискуссия выдвинула целый ряд нуждающихся в дальнейшей разработке вопросов воздействия на этнос природной среды. И, видимо, не случайно освещение одного из таких вопросов — влияния отдельных географических факторов на различные компоненты этноса — несколько продвинулось сразу же после дискуссии²⁶.

Наконец, следует упомянуть тот раздел этнической географии, который, пожалуй, в большей мере представляет интерес для географии, чем для этнографии. Мы имеем в виду опосредованное влияние этнических факторов на природу.

Воздействие человека на природные явления и процессы привлекает в настоящее время, как известно, пристальное внимание представителей различных научных дисциплин. Особенно это относится к вопросам, связанным с охраной природы. Между тем большинство

¹⁸ В. И. Козлов, В. В. Покишишевский. Этнография и география (рукопись), стр. 5.

¹⁹ См.: В. В. Покишишевский. Предмет, состояние и задачи географии населения. «Материалы I Межведомственного совещания по географии населения», вып. 1, М.—Л., 1961.

²⁰ С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин. О предмете и задачах этногеографии, стр. 15.

²¹ С. И. Брук, В. И. Козлов. Основные проблемы этнической картографии.— СЭ, 1961, № 5.

²² См.: «Атлас народов мира». М., 1964.

²³ См. об этом выше, стр. 218.

²⁴ «Природа», 1970, №№ 1, 2, 8, 10; 1971, № 2.

²⁵ Эта переоценка в значительной мере обусловлена тем, что Л. Н. Гумилев принял сопряженную с этносом популяцию за сам этнос.

²⁶ См.: В. И. Козлов. Этнос и территория.— СЭ, 1971, № 6, стр. 95—96.

видов человеческой деятельности в той или иной степени обладает определенной этнической спецификой. Накопленные исторически в этносе трудовые навыки, сформировавшиеся в его рамках традиции производства и хозяйственного быта налагают свою печать на культурные ландшафты соответствующих регионов. Поэтому изучение культурных ландшафтов невозможно вне понимания этнических особенностей традиционных форм хозяйства. Специфика воздействия этноса на природу зависит, однако, не только от своеобразия хозяйственной деятельности, но и от характера расселения, абсолютной численности и даже от некоторых особенностей его социальной и духовной жизни²⁷.

Анализируя воздействие этноса на природу, исследователь подчас оказывается вынужденным выйти за рамки этногеографии, точнее говоря, тех двух наук, «общей зоной» которых она является, т. е. за рамки этнографии и географии. Мы имеем в виду те случаи, когда речь идет о пространственной распространенности характерных для того или иного этноса видов культурных растений или домашних животных. В связи с рассмотрением такого рода вопросов, как известно, сформировались две специальные пограничные дисциплины — этноботаника и этнозоология²⁸. Эти исследовательские направления вряд ли правомерно рассматривать как обычные подразделения этнографии; они не являются и «чисто» этнобиологическими, ибо фактически лежат на стыке трех наук: этнографии, биологии и географии.

Не исключено, что в ходе дальнейшего развертывания работ по углубленному изучению этнических явлений появятся новые пограничные с этнографией дисциплины, помогающие всестороннему изучению ее чрезвычайно сложного объекта.

* * *

Таким образом, хотя ядро предметной области этнографии составляет традиционно-бытовая культура, познавательные задачи этой дисциплины требуют исследования всех сфер жизни народа, в которых проявляется этническая специфика. В силу этого этнографии присущ комплексный подход к объекту своего изучения, ведущий к тесному переплетению со многими смежными отраслями знаний. Более того, когда изучение той или иной сферы жизни народа, несущей этническую нагрузку, оказывается несоблюдением специальной научной дисциплиной, этнография нередко вынуждена принимать на себя функции такой дисциплины. Иначе говоря, этнография не терпит вакуума в изучении любой грани своего многопланового объекта.

Все это настоятельно требует тесной кооперации этнографии не только с обществоведческими, но и с естественными науками. Но,

чтобы такая кооперация была действительно прочной, необходимо развитие на стыках этнографии с пограничными науками таких «синтетических» дисциплин, как этнолингвистика, этносоциология, этнопсихология, этнодемография, этническая антропология, этногеография и т. п. Конечно, исследование соответствующих пограничных зон должно вестись на «встречных курсах». Однако не приходится забывать, что в целостной характеристике этноса заинтересованы прежде всего этнографы.

Многоплановость объекта этнографии во многом предопределила чрезвычайное разнообразие ее исследовательских методов и источниковедческой базы. Традиционно доминирующими в ней исследовательскими приемами являются сравнительно-исторический метод и метод ретроспективных реконструкций («перекитков»), а основным способом получения первичной информации — метод непосредственных полевых наблюдений. Наряду с полученными таким образом данными этнография широко использует и свидетельства письменных источников, и материалы археологии, и сведения, почерпнутые из статистики, и данные, собранные путем анкетирования, и т. д.²⁹ Если же иметь в виду привлечение для характеристики объекта этнографии материалов тех дисциплин, которые выступают в роли ее «спутников», то окажется, что эти материалы включают не только данные демографии, географии, ботаники, зоологии и т. п., но даже информацию, полученную в результате биохимических анализов. Следует особо подчеркнуть, что методика этнографических исследований не остается неизменной. И ее дальнейшее совершенствование — одна из важнейших задач советских этнографов.

²⁷ См.: Т. А. Жданко, В. Ю. Крупянская, Л. Н. Терентьева. Об организации и методике полевых этнографических исследований.— СЭ, 1956, № 3; Г. Г. Громов. Методика этнографических экспедиций. М., 1966; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения.— СЭ, 1966, № 6; Ю. И. Першиц. О методике сопоставления показателей однопациональной и смешанной брачности.— СЭ, 1967, № 4; С. Н. Артановский. О сравнительно-историческом и структурном методе в этнографии.— «Методологические вопросы общественных наук». Л., 1968; «Вопросы методики этнических и этносоциологических исследований». М., 1970; Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования).— СЭ, 1970, № 2; В. С. Кондратьев. Эксперимент «ex post facto» в этносоциологическом исследовании.— СЭ, 1970, № 2; Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования).— СЭ, 1972, № 3.

²⁷ См.: V. Koslov, V. Pokschischewski. Ethnographic und Geographie, S. 141—143.

²⁸ См.: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 5, секция 10. «Этноботаника и этнозоология». М., 1970.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Все еще довольно распространено мнение, что этнография изучает лишь архаические явления¹ и ее объект представляют только отставшие в своем развитии главным образом бесписьменные народы. Однако это мнение безнадежно устарело. Среди специалистов все большее признание получает понимание этнографии как науки об этносах. А это значит, что объектом ее исследований являются как отставшие в культурном отношении, так и высокоразвитые, как малочисленные, так и многомиллионные народы-этноты. Охватывая в пространственном отношении все народы земного шара, этнография в хронологическом плане простирается от древних времен до наших дней. В поле ее зрения находятся все когда-либо существовавшие этносы, однако преимущественное внимание она уделяет современным народам, доступным непосредственному изучению.

Понимание этнографии как науки о народах предполагает, что основная ее функция — исследование этого своего главного объекта во всем его многообразии. Так как этносы представляют собой отличающиеся друг от друга динамические системы, этнография прежде всего исследует сходство и различия между народами, а также изменение их характерных черт во времени, т. е. этнические процессы.

Представляется особенно важным подчеркнуть, что хотя отправным ориентиром для выделения предметной области этнографических исследований, на наш взгляд, является этническая специфика, однако в задачи этих исследований входит изучение не только особенного, но и того общего в образе жизни, культуре и психологии народов, которое определяется их принадлежностью к одной социально-экономической формации, одному хозяйственно-культурному типу, одной историко-этнографической области, подобласти и т. д. Это принципиальное, методологическое требование марксистской теории этноса противостоит господствующему в современной буржуазной науке гипертрофированию этнически особенного, что в свою очередь тесно связано с пониманием этноса как внеформационной, внеисторической, вечной категории. Как мы могли убедиться выше, в ходе исторического развития не только коренным образом меняются свой-

ства этносоциальных организмов — эсо, но и существенно трансформируются характеристики собственно этнических общностей — этникозов.

Предметная область этнографии не остается неизменной для всех этапов этнической истории человечества. В этносах, находящихся на ранних ступенях социально-экономического развития, она охватывает всю их деятельность, ибо таковая целиком имеет традиционнорытовой характер и в значительной мере пронизана этнической спецификой. Именно поэтому этнография исследует все стороны жизни народов, отставших в своем развитии. С этим связана и особая роль этнографии в изучении первобытного общества — использование этнографических материалов для его ретроспективной реконструкции.

С переходом к классовым обществам, сопровождавшимся выделением профессиональной культуры, этническая специфика сосредоточивается преимущественно в традиционнорытовой сфере. Традиционнорытовая культура и выступает для этносов таких обществ как своеобразное ядро предметной области этнографических исследований. Но и само это ядро подвержено определенным изменениям. Такого рода изменения особенно наглядно проявляются у народов промышленно развитых стран. В эпоху научно-технической революции у этих народов в результате распространения массовой стандартизированной продукции этническая специфика все более перемещается из сферы материальной культуры в сферу духовной жизни.

Ослабление этнической специфики в традиционных для этнографии исследовательских зонах подчас принимается за постепенное исчезновение вообще ее предмета. Такого рода представления можно подчас встретить в зарубежной этнографической литературе².

Однако понимание этнографии как науки об этносах не оставляет места для подобных пессимистических взглядов на ее перспективы. До тех пор пока существуют этносы-народы, этнография сохраняет свой исследовательский объект, притом не только как историческое прошлое, но и как живую действительность. Меняется лишь значимость различных зон предметной области этнографических исследований в соответствии с перемещением внутри нее этнической специфики.

Задача характеристики каждого этноса в целом может быть реализована лишь на основе специального исследования его отдельных компонентов. Поэтому их изучению в этнографии уделяется особенно значительное внимание. В первую очередь это относится к тем компонентам этноса, что входят в ядро ее предметной области — традиционнорытовую культуру. Правда, последняя выступает также в качестве отдельных зон предметной области многих специальных культуроведческих дисциплин. Однако этнографию от них отличает

¹ В этом отношении, в частности, весьма показательно нередко встречающееся в работах наших литературоведов определение пережитков как «этнографизмов».

² U. Jeggli. Beharrung oder Wandel (Fragen an eine kulturanthropologisch ausgerichtete Ethnologie). — «Zeitschrift für Volkskunde». Stuttgart, Jg. 67, N 1, 1971, S. 29.

свой угол зрения, связанный с выполнением культурой наряду с эстетическими этническими функций.

Этнические явления теснейшим образом переплетены с собственно социальными, составляющими одну из важнейших сторон этносов в широком смысле слова (этносоциальных организмов). Этим и обусловлены взаимосвязи этнографии с конкретной социологией, возникновение на их стыке такой пограничной дисциплины, как этносоциология.

Перемещение этнической специфики у этносов высокоразвитых стран в сферу духовной жизни настоятельно выдвигает задачу развёртывания этнопсихологических исследований.

Обширную «периферию» предметной области этнографических исследований составляют демографические свойства этноса, параметры сопряженной с ним популяции, а также его взаимодействие с окружающей природной средой. Этим и предопределено сотрудничество этнографии с демографией, антропологией и географией, возникновение на их стыке «пограничных» дисциплин. Характерное для современной эпохи взаимодействие общественных и естественных наук привело также к появлению у этнографии общих исследовательских зон с ботаникой, зоологией, океанологией и т. д.

Значение всестороннего изучения этносов как целостных систем обусловило возникновение такой формы исследований, как историко-этнографическая монография, посвященная комплексной характеристике отдельного народа. Первые исследования такого рода в советской этнографической науке появились еще в середине 1920-х годов³, а в послевоенные годы становятся весьма распространенным явлением.

Но этнография как наука не может ограничиться характеристикой лишь отдельных народов. Из сказанного выше ясно, что всестороннее исследование каждого народа неизбежно предполагает выяснение как его специфических черт, так и черт, общих с другими народами.

Изучение общности этносов важно уже потому, что обыденное сознание склонно абсолютизировать соотношения между этносом и отдельными компонентами культуры, создавая иллюзию ограниченности их распространения лишь его пределами. Эта абсолютизация находит выражение, например, в таких стереотипах, как «русский орнамент», «узбекская тюбетейка», «украинская хата» и т. д. Между тем специфичность почти всех подобных компонентов культуры имеет не абсолютный, а относительный характер: наряду с этносом, для которого они наиболее типичны, эти компоненты обычно в той или иной мере распространены и у некоторых других, прежде всего соседних, народов. И если этнограф не ограничивается изучением лишь собственного народа, он неизбежно обнаружит, что те явления культуры, которые принято считать принадлежащими только данному эт-

носу, обычно в большей или меньшей мере присущи и некоторым другим народам. Тем самым этнографическое изучение позволяет устанавливать культурную общность соседних народов, что в конечном итоге приводит к всестороннему раскрытию своеобразной культурной непрерывности между всеми народами мира.

Следует также иметь в виду, что для тех, кто ограничивает предмет этнографической науки изучением одного, как правило, своего собственного народа, естественно теряется сравнительно-этнографическая перспектива исследования. Несколько большие возможности открывает довольно часто практикующееся изучение всей совокупности оставших в своем развитии неевропейских народов. Такое изучение позволяет, в частности, применить историко-сравнительный метод и выявить многие важные закономерности. Однако очевидно, что даже в этом случае этнография, не выходя за рамки исследования доклассовых и раннеклассовых обществ, останется лишеной общеперспективной исторической перспективы.

В силу всего этого этнографическая наука дает несравненно больше тогда, когда она не ограничивается изучением какого-нибудь одного (например, своего собственного) или определенной категории (например, наименее развитых) народов, а стремится к исследованию всей совокупности народов мира. Это хорошо видно хотя бы при сравнении советского этнографического издания «Народы мира» с аналогичными трудами, вышедшими ранее за рубежом, — от двухтомника Ф. Ратцеля до четырехтомника Р. Бьясютти. Как известно, эти зарубежные обобщающие сводки ставили своей целью дать этнографическую характеристику либо наименее развитых в культурном отношении народов, либо не столько современной, сколько архаической, в основном уже ставшей уделом исторического прошлого культуры высокоразвитых народов. В противоположность этому в серии «Народы мира» в соответствии с общими методологическими принципами советской этнографической школы исследуется этническое и культурное развитие всех народов — как больших, так и малых, как высокоразвитых, так и отставших в своем развитии⁴. Значение такого «глобального» подхода определяется прежде всего тем, что только изучение всех народов-этносов на всех стадиях их исторического развития, включая наши дни, способно вскрыть общие закономерности этнокультурного развития человечества⁵.

Понимание этнографии как науки, изучающей все этносы на всех этапах их исторического пути, делает ее ответственной за разработку общей этнографической характеристики народов мира, включающей в себя их историческую этнографию и современное положение, их возникновение и развитие, их синхронную и диахронную классификацию по собственно этническим и сопряженным с ними другим

⁴ Подробнее об этом издании см.: В. Покшишевский. Этнографическая картина мира. — «Коммунист», 1965, № 17.

⁵ См.: С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной этнографической науки. — ВИ, 1961, № 11; С. Н. Артановский. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967.

³ С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. II. Быт башкира. — «Записки Гос. русск. геогр. об-ва по отд. этнографии», т. XLIII. Вып. II, 1925.

специальным признакам. Вместе с тем необходимость выявления общего и особенного в этнографической картине мира предполагает исследование не только основных этнических единиц — самих народов, но и этнических общностей высшего порядка, а также таких межэтнических комплексов, как хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. Существенным представляется тот аспект этой задачи, который непосредственно связан с теорией социально-экономических формаций, а именно: исследование специфических черт, сообщаемых этническим общностям их принадлежностью к той или иной узловой стадии развития человечества. Этнография вносит весомый вклад и в разработку культурной истории человечества. Сосредоточивая свое внимание на традиционно-бытовой культуре, она тем самым немало способствует разработке одного из существенных аспектов всей культурной истории человечества, без учета которого наши представления об этом историко-культурном процессе неизбежно будут односторонними. Особое значение этнографические исследования имеют для понимания истории культуры на ранних ступенях общественного развития, поскольку в таком случае эти исследования охватывают культуру в целом.

Разработка с марксистских позиций историко-этнографической проблематики имеет не только познавательное, но и идейное, мировоззренческое значение. В частности, этногенетические исследования позволяют видеть, что человеческая история всегда была историей контактов и смешения различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности групп, что в мире нет ни одного «чистого», не впитавшего мезожество инородных элементов, сохранившего некие имманентные свойства народа. Не менее значимы в этом отношении этнографические историко-культурные исследования, показывающие, что все народы в равной степени способны к культурному прогрессу и внесли свой вклад в общечеловеческую сокровищницу; культурное развитие человечества неравномерно, но существующие различия вызваны не имманентными свойствами этносов, а локальными особенностями всемирно-исторического процесса.

Ареной острой идеологической борьбы остается тот раздел исторической этнографии, который нацелен на разработку проблем истории первобытного общества. Как произошел скачок от биологического к социальному: спонтанно, самопроизвольно, в результате внутренней эволюции или же благодаря некоей внешней, высшей силе? Как образовались основные институты классового общества: частная собственность, моногамная семья, классы и государство, являются ли они изначальными и непреходящими или же, возникнув на определенной ступени исторического развития, отомрут вместе с породившими их условиями? Совершенно очевидно, что ответ на все эти вопросы имеет первостепенное мировоззренческое значение. Не случайно история первобытного общества уже столетие назад привлекла к себе пристальное внимание основоположников научного коммунизма.

В то же время понимание этнографии как науки, изучающей все этносы и доводящей их исследование до современности, ставит ее в ряд тех обществоведческих дисциплин, которые призваны разрабатывать научные основы руководства развитием общества, непосредственно участвовать в решении практических задач строительства социализма и коммунизма, словом, не только реконструировать прошлое народов, но и совершенствовать их настоящее и будущее. Связанные с этим задачи этнографии, решаемые ею в одних случаях самостоятельно, в других — совместно со смежными научными дисциплинами, очень многочисленны, но среди них могут быть выделены две основные: дальнейшее совершенствование культурного строительства и дальнейшая оптимизация межнациональных отношений.

Хорошо известно, что сложение у народов СССР единой по своему содержанию социалистической культуры не ведет к ликвидации ее национальных форм. Напротив, в современной культуре народов нашей страны общесоветское гармонически сочетается с национальным, с теми прогрессивными национальными традициями, которые получили новое развитие в условиях советской действительности и постепенно становятся достоянием всех советских народов. Этот процесс в той или иной степени охватывает все виды и ярусы культуры в широком значении этого слова: материальный быт и духовную жизнь, общественный и семейный быт, традиционно-бытовую и профессиональную культуру. Естественно, что процесс этот очень сложен и для того, чтобы детально разобраться в его механизмах, а тем более прогнозировать и совершенствовать его различные аспекты, нужны специальные этнографические исследования. Так, в частности, изучение материальной культуры народов СССР может помочь и в создании таких типовых проектов жилищ и поселений, которые бы полнее учитывали рациональные черты местного народного зодчества, и в конструировании приспособленных к местным условиям моделей одежды, и в народнохозяйственном планировании производства домашней утвари, пищевых продуктов и т. п. Еще большее практическое значение имеет изучение духовной культуры, так как с перемещением этнической специфики из сферы опредмеченной деятельности в сферу сознания именно духовная культура постепенно становится главным этнодифференциалом. Здесь этнографические исследования могут помочь, например, в уточнении языковой политики органов народного образования и деятельности книжных издательств, в популяризации и приобщении к общесоветскому культурному достоянию лучших образцов устного, музыкального и изобразительного народного творчества всех национальностей нашей страны. Немалую помощь в дальнейшем совершенствовании культурного строительства могут оказать также этнографические исследования общественного и семейного быта, позволяющие выявить как положительные, так и отрицательные обычаи и обряды и найти наиболее действенные методы их изменения последних.

Не менее важен тесно связанный с первым второй комплекс практических задач этнографии — исследование национальных или же,

шире говоря, этнических процессов в целях дальнейшей оптимизации межэтнических отношений. Значение этой проблематики для такого многонационального государства, каким является наша страна, невозможно переоценить. За более чем полувековое существование Советской власти и полувековое существование СССР произошли невиданный расцвет социалистических наций и народностей, их тесное сближение между собой, сопровождающееся возникновением новой исторической общности людей — советского народа. Отношения между народами нашей страны представляют собой образец межнационального сотрудничества и дружбы, однако нельзя забывать, что эти отношения сложились не стихийно, а как результат ленинской национальной политики КПСС и что партия и впредь будет руководствоваться объективными законами развития общества, создавать наиболее благоприятные условия для развития и сближения народов нашей страны. «Национальные отношения и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи»⁶. А это в свою очередь создает необходимость в углубленном исследовании различных типов современных этнических процессов в СССР, их тенденций и перспектив, их особенностей и темпов, факторов их оптимизации и факторов, тормозящих отдельные аспекты развития и сближения социалистических наций и народностей.

Одним из основных аспектов этнографического изучения советского общества является анализ современных этнокультурных традиций. Традиции играют важнейшую роль в поддержании межпоколенных инфосвязей, обеспечении культурной преемственности, интеграции общественной жизни. Однако традиции — категория историческая: в ходе развития общества та или иная их часть постепенно устаревает и заменяется инновациями, которые сами со временем становятся традициями. В то же время в силу своей относительной стабильности многие из устаревших традиций сохраняются в виде пережитков. Поэтому в каждом этнокультурном комплексе всегда имеются как прогрессивные, так и изжившие себя негативные традиции. Между тем обыденное сознание зачастую относит все без исключения традиционные формы деятельности к числу национальных культурных ценностей и соответственно компонентов этноса. Все это ставит перед этнографией задачу, с одной стороны, выявлять положительные этнокультурные традиции и тем самым способствовать их дальнейшему развитию, с другой — показывать недопустимость идеализации отрицательных, псевдонациональных традиций и тем самым помогать их скорейшему преодолению.

Большие задачи стоят перед советской этнографией также и в области изучения современных этнических и культурных процессов в зарубежных, в первую очередь новоразвивающихся, странах. Соци-

ально-политические условия в десятках стран Африки, Азии, Латинской Америки, Океании — сплочение антиимпериалистических сил, завоевание политической независимости, подъем экономической и культурной жизни — привели к небывалой активизации здесь этнических процессов, причем вопрос об их направлении приобрел не только теоретическое, но и практическое значение. Исследуя их ход и перспективы, марксистская этнография реально помогает прогрессивным силам новоразвивающихся стран в их борьбе против триализма и феодально-областнической разобщенности. Немалые практические результаты может дать и этнографическое исследование особенностей общественного развития этих стран, в частности возможностей использования общинных традиций на некапиталистическом пути развития. Наконец, не последнее значение в этом же плане имеет изучение процессов возрождения самобытной культуры неевропейских народов, развитие которых на протяжении десятков и сотен лет тормозилось колониальным гнетом.

Еще одно важное поле деятельности марксистской этнографии — изучение этнокультурной ситуации в развитых капиталистических странах, выявление характерной для многих из них национальной, языковой, религиозной, расовой дискриминации значительных групп населения.

Особо следует сказать о тех большой политической важности задачах, которые продолжают стоять перед этнографией в области борьбы с человеконенавистническими идеями расизма и шовинизма⁷. Хотя откровенно расистская идеология полностью дискредитировала себя еще в годы фашистского «третьего рейха» и в настоящее время на Западе распространен не столько «научный», сколько политический и бытовой расизм, сама концепция элитарности, избранности, исключительности тех или иных этнорасовых общностей все еще имеет широкое хождение в реакционной буржуазной науке. При этом в послевоенные годы здесь, пожалуй, наблюдается известный пересмотр теоретических позиций, а именно: выдвижение на первый план идеи не биологической, а культурно-психической элитарности рас. По существу именно эта идея была развита некоторыми адептами психологического направления в этнографии США в их концепции равенности «моделей культуры» различных рас и народов мира. Таким образом, если еще в недалеком прошлом разоблачение империалистической идеологии этнорасовой элитарности было делом главным образом физической антропологии, то теперь эта задача стоит в первую очередь перед этнографической наукой.

⁶ Подучив заметное развитие еще в предвоенный период, деятельность советских этнографов в данной области в последнее время вновь активизировалась; вместе с антропологами ими опубликованы коллективные труды «Против расизма» (1966), «Нет расизму» (1968), «Народы против расизма» (1970), ежегодники «Расы и народы», вып. 1 (1971) и вып. 2 (1972), а также сборник материалов «Документы обличают расизм» (1968). См. также «Against racialism. Problems of the contemporary World», N 1, 2, 1969, 1971.

⁶ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. «Правда», 22 декабря 1972 г., стр. 3.

Как наука о народах этнография призвана сыграть свою роль не только в борьбе против шовинистических концепций, но и в укреплении дружбы и сотрудничества между народами мира. Обладая обширными данными о культурных ценностях, образе жизни, психологии и других этнических параметрах различных групп человечества и имея в своем распоряжении строго научные методы доказательства этнография учит уважать этнические особенности всех без исключения народов нашей планеты, тем самым немалое содействуя интернационалистическому воспитанию масс⁸.

При всей широте своего предметного и хронологического диапазона этнографические исследования, базирующиеся на марксистско-ленинской методологии, в конечном счете всегда нацелены на решение актуальных мировоззренческих и практически значимых вопросов. Как партийная наука, не оставляющая места объективизму и аполитичности, советская этнография в системе других марксистских обществоведческих наук борется за достижение высшей цели передового человечества — коммунизма.

⁸ Поэтому нельзя не согласиться с мнением о необходимости преподавания основ этнографических знаний в средней школе. (См.: «О преподавании этнографии и антропологии в высшей и средней школе». СЭ, 1963, № 1.)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВИ — Вопросы истории
ВФ — Вопросы философии
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР, новая серия

- Агроэтнография 66
Адаптация 117, 159
Адаптация 114, 130, 134
Антиэтнос 133
Антропогенез 258
Антропогеографическая школа 184, 259
Антропологическая классификация 19
Антропологические особенности (признаки, различия) 29, 30, 122, 123, 256, 257
Антропологические группы 101, типы 19, 28, 30, 88, 103, 122, 257
Антропологический состав этноса 101; национальностей 103
Антропология 11, 19, 89, 180, 190, 193, 195, 237, 241; «культурная» 67, 180, 188—192, 194, 215, 216; «социальная» 180, 190—192; физическая (или «соматическая») 185, 190, 256—258, 271; этническая 238, 258, 263
Антропонимика 175
Архаические (пережиточные) явления 5, 243
Археология 181
Археология 181, 191, 201, 216, 218, 237, 239, 240, 242, 252, 263, 266
Ассимиляция 39, 118, 143, 157—159, 162, 194, 239, 240
Биология 262
Биосфера 36
Бихевиоризм 67, 78
Брак 20, 114, 115, 117, 120, 121, 242 групповой 242; дислокальный 136, 243; межплеменной 114; межрасовый 117; межэтнический 99, 115, 116, 118, 246, 247; национально-смешанный 115, 116, 117, 252; одноплеменный 115, 252; одноэтнический 116; полнандрический 269; полигамный 269; смешанный 115—118, 121, 252
Брачная непрерывность 20, 120, 121
Буржуазия 18, 109, 145, 170, 172, 183
Быт (семейно-бытовые отношения) 49, 50, 61, 62, 70, 72—75, 94, 119, 123, 145, 158, 164, 201, 212, 215, 217, 224, 226, 227, 236, 254, 262, 269; дореволюционный 245; как предметная область этнографо-этнологических исследований 192; колхозного крестьянства (сельский) 199, 245; материальный 195, 217, 269; народа (народов) 74, 123, 162, 165, 178, 182, 200, 202, 228; обрядовый 196; племен 182; рабочих и городского населения 245, 246, 263; социалистические формы 49, 203; этноса 228
Варварство 184
Военная демократия 200, 241
Генетика 10, 19, 205
Генетическая информация 10, 124
Генетическая однородность 20
Генетический барьер 120, 122
Генетический фонд 124
Географические условия (природная среда) 18, 19, 33, 38, 63, 84, 90, 118, 123, 130, 162—166, 184, 213, 220, 223, 235, 259, 261, 266
Географический детерминизм 259, 261
География 163, 164, 178, 181, 184, 190, 255, 259, 260, 262, 263, 266 населения 260; экономическая 260; этническая (этногеография) 29, 255, 256, 259—263
Геология 181
Государственная принадлежность (гражданство) 26, 41, 106—108, 119
Государственность 147, 172 национальная 61, 174
Государственные образования 15, 16, 42, 107, 108, 139, 141, 142, 144, 150, 167
Государство 13, 15, 24, 38, 39, 41—43, 45, 104, 108, 117, 139, 142, 148, 149, 168, 171, 178, 182, 185, 268 многонациональное 109, 123, 143, 148, 158, 169, 194, 270; капиталистическое 150; социалистическое 150, 151, 173; национальное 159, 172; одноплеменное 169; раннеклассовое 139
Границы 63, 118, 119 антропологические 29; гидрографические 130; государственные (политические) 15, 44, 45, 119, 139, 143, 151, 157, 259; лингвистические 57;

- междомные 122; орографические 130; феодальных владений 120; эндогамные 119, 121; этнические 23, 26, 65, 96, 118, 162
- Двуязычие 54, 118, 147, 158, 161, 223 и многоязычие 56
- Дем 20, 103, 256, 263
- Демография 137, 255, 263, 266 этническая 255, 256, 263
- Демос 137
- Диалект (областной) 141, 222
- Диалектология 216, 219, 222
- Динамические стереотипы 90
- Дискриминация 271
- Диффузионизм 186, 191, 193
- Донациональные образования 25
- Дуальная организация 242
- Естественные науки (естествознание) 35, 76, 183, 184, 195, 213, 214, 221, 234, 259, 262, 266, 269, 272
- Законодательство, законы 19, 119
- Зоология 263, 266
- Идеология 61, 95, 122, 172, 185
- Изоляты 121
- Индетерминизм 186
- Инициации 232
- Инстинкт 64, 87, 231
- Интеграция 52, 54, 65, 77, 105, 111, 133, 139, 144, 146, 157, 158, 167, 174, 175, 204, 221, 239
- Интернационализм 96, 109, 146, 171, 175, 270
- Искусство 30, 50, 52, 62, 63, 65, 77, 85, 170, 193—196, 199, 217, 219, 223, 224, 227, 230, 254
- Искусствоведение 207, 223, 224, 227, 265
- Историзм 16, 17, 185, 259
- Историко-географическая школа 226
- Историко-культурные регионы 33
- Историко-этнографические атласы 63, 218, 219, 236, 264, 268
- Историко-этнографические области 18, 33, 64, 144, 130, 167, 215, 264
- Исторические категории 18
- Исторические эпохи (периоды) 13, 202
- Исторический материализм 12, 54, 77, 80
- Исторический процесс 11, 27, 188, 215
- История 11—15, 35, 37, 84, 86, 91, 94, 113, 178, 184, 186, 188, 189, 191, 199—202, 206, 207, 211, 214, 217—219, 227, 233, 234, 236, 237, 239, 240, 243, 244, 249—254, 258, 268 этническая (этноистория) 23, 88, 159, 163, 165, 206, 238—240, 243, 257, 258, 265
- Каменный век 34, 35, 63
- Капитализм 146, 148, 150, 152, 154, 157, 159, 160, 168—170, 172—174, 185, 211
- Классификация (система, систематика) наук 178, 186, 198
- Классовая борьба 170
- Классовая структура 11, 45, 46, 170
- Классовые интересы 13, 17, 32, 44—46, 62, 91, 93, 95, 108—110, 124, 127, 146, 170—172
- Классы 61, 62, 211, 241, 268
- Антагонистические (противоположные) 20, 45, 46, 61, 62, 109, 142, 145, 170, 172; господствующие 13, 61, 100, 109, 146, 170, 171
- Коллективность 83
- Коммунистическая (марксистско-ленинская) партия 109, 171, 172, 270
- Консолидация 143, 150, 157, 159, 160, 168, 170, 171, 173, 174, 222, 239
- Кочевники 76
- Крестьянство (колхозное) 110, 147, 192, 199, 250
- Культура 6, 11, 12, 16—19, 24, 29, 30, 32—34, 37, 38, 47—52, 54, 58, 59, 61—65, 67—70, 75—78, 86, 91, 99, 106, 109, 128, 129, 146, 161, 167, 180, 183, 184, 186—189, 191, 196, 197, 201, 202, 210, 211, 214, 215, 217, 220, 222, 223, 230, 232, 233, 238, 245, 256, 266, 268—271
- археологическая 63, 156; бесписьменная 72, 202; бронзы 27; в узком значении (определенные ее) 58, 59, 78, 190—192; виды 90; внутренняя структура (строение) 47, 49, 51, 75; городская 62, 263; господствующих классов 146; групповая 60; духовная 50, 62, 63, 66, 75—77, 85, 86, 146, 153, 162, 170, 175, 193, 199, 212, 215, 217, 218, 221, 225, 226, 228, 231, 247, 269; индивидов (индивидуальная) 66; индивидуально-профессиональная (производственная) 74; как изначально коллективное достояние 192; как квазиэтнический признак 101; как носитель этнических свойств 31, 106; как объект (исследования) этнографии 186, 189, 191, 249; как объективное основание этноса 48; как признак этноса 26; как самостоятельная субстанция 186; капиталистическая 17; компоненты 18, 30, 38, 49, 53, 59, 61, 63—68, 72, 74, 75, 77, 105, 161, 167, 175, 206, 209, 212, 213, 226; крестьянская 71; локальная 18; массовая 71, 72; материальная 16, 50, 62, 63, 66, 75, 76, 85, 122, 131, 162, 164, 166, 167, 193, 199, 212, 216—220, 222—224, 235, 240, 246, 247, 254, 258, 265, 269; межсоциальная диффузия 62; народная 61, 67, 69, 71, 123, 165, 206, 207, 215, 223; народностей, народов 77, 91, 157, 179, 187, 191, 192, 196, 201, 202, 212, 226, 259, 261, 264, 267, 270; национальная 61, 91, 146, 198; национальных меньшинств 157; неолитическая 27; «низкие» и «высокие» слои 73, 182, 193; общесоветская, советская 175; общества (как единое целое) 186, 187; общечеловеческая 175; общезнаковая 71; объективированная 48, 59, 74; определенная 48, 93; «открытая» 52; первобытная (первобытнообщинная) 17, 183, 199, 241; «письменная» 72; племена (племен) 131, 135, 139, 257; пространственное единство 63; пространственное перемещение 186; профессиональная 73, 74, 212, 227, 265, 269; рабовладельческая 17; сельская традиционная 62; «скрытая» 52; социалистическая 17, 203; «соционормативная» 64, 70, 210, 229, 246; сферы 51, 52, 70, 75, 120, 126, 188, 216; типы 191, 192; традиционная (традиционно-бытовая) 70, 72, 75, 193, 210—212, 214—216, 223, 225, 227, 236, 244, 262, 265, 268, 269; феодальная 17; «фольклорная» 72; элементы 50, 64—67, 69, 76, 77, 119, 146, 191; этнические функции 47, 62, 67, 71, 77, 214—216, 266; этнических образований 63; этнических общностей 75, 223; этническое ядро 75; этнической группы 101; этнической единицы 100, 157; этнографических групп 157; этноса 75, 126; этнофорный слой 75; приемственность (наследство, наследие) 54, 64, 65, 68, 71, 119, 201, 213, 215, 267, 270; целостность (единство, однородность) 31, 61, 64, 75, 76, 129, 136, 142, 145, 146
- Культурная дифференциация 131, 146
- Культурная информация 53, 65, 119, 142, 156
- Культурно-бытовые особенности 18, 62 65, 74, 75, 100, 105, 126, 141, 143, 186, 202, 208
- Культурные ареалы 18, 130, 191
- Культурные комплексы 18, 59, 63, 66, 76
- Культурный ландшафт (среда) 36, 88, 136, 262
- Культурология (культуроведческие дисциплины) 17, 18, 207, 214—216, 265
- Ландшафтно-климатические зоны 130
- Лаография 179
- Лексикология 222
- Ленинизм см. марксизм-ленинизм
- Лингвистика 188, 190, 191, 206, 216, 221, 222, 223
- этническая (этнолингвистика) 223, 263
- Лингвистическая единица 57
- Лингвистическая непрерывность 57
- Лингвистические процессы 160
- Литературоведение 227, 228
- Логика 204, 205
- Макросоциальные единицы (макросдница социального развития; социальная макроединица) 12—15, 21, 150, 206
- Макроструктурные единицы (культуры) 18
- Марксизм-ленинизм (марксизм; ленинизм) 23, 37, 39, 42, 43, 45, 76, 77, 80, 87, 88, 90, 91, 94—97, 109, 146, 151, 184, 185, 195, 198—200, 242, 248, 261
- Математика 205, 221, 249
- Материализм 164, 184, 185, 198, 249, 259, 260, 261
- Матриархат 200, 241
- Межплеменной обмен 167 (см. племя)
- Мезолит 128
- Метисация 29
- Миграции (переселения) 35—37, 104, 130, 139, 156, 164, 171, 175, 237, 257
- Мифологическая школа 195
- Мифология 127, 133, 241
- Монизм материалистический 76
- Моногамия 148
- Мышление 48, 193, 258
- Народ 6, 13, 15—18, 21—27, 29, 32, 33, 37, 43—45, 50, 54—56, 61, 63, 71, 74, 77, 78, 80, 84, 87—90, 92—96, 100, 101, 104, 106, 109—112, 115, 117, 123—125, 134, 138—141, 143, 153, 156, 157, 160—165, 171—176, 178—183, 185—189, 191—197, 199, 201, 203, 205—208, 210, 211, 214, 215, 217, 219—223, 225—230, 232, 233, 237—240, 244, 246—251, 253, 255—259, 262, 264—272
- как объект исследования этнографии 189, 193, 205, 249; как этнос 6, 25, 28—30, 32, 66, 67, 189, 193, 205, 264, 265, 267

Народности 21, 23, 25, 27, 37, 40, 46, 58, 89, 92, 96, 115, 117, 129, 134, 138, 139, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 151, 157, 158, 167, 171, 189, 201, 239, 248, 257, 269
буржуазные 146, 147; вторичные 147, 148, 152; дисперсные 150; первичные 147, 148; рабовладельческие 138; социалистические 146, 147, 270; средневековые (феодальные) 138, 143, 147, 148, 152; этникосы 138—143, 150, 152; этносоциальные организмы (эсо) 137, 138, 140—146, 159; этносы 110, 111
Народные массы 72, 100, 141, 170, 171, 192, 196
Народоведение 179, 185, 191, 192, 193
Натурализация 158
Национализм (националистические установки; шовинизм) 102, 109, 171, 172, 176
Национальная автономия 198, 202
Национальная «апперцепция» 93, 94
Национальная принадлежность 116, 138, 145, 153, 174, 175, 247, 255
Национально-освободительные движения 172, 178
Национальное развитие 23, 25, 171, 174, 248
Национальное своеобразие 65, 94, 109, 197, 203, 227
Национальность 27, 37, 39, 42, 95, 98, 102, 103, 108, 111, 116, 138, 139, 146, 171, 175, 184, 194, 196, 197, 201, 239, 269; этникос 144—146, 148, 149, 150, 152; этнос 42
Национальные интересы 109, 110, 171
Национальные меньшинства 13
Национальные отношения 70, 108, 169, 171, 174
Национальные процессы 23, 154, 155, 157, 159, 172, 173, 247, 248
Национальные связи 168, 169
Национальный вопрос 24, 39, 41, 61, 94, 96, 98, 110, 112, 145, 146, 151, 155, 159, 171—173, 198, 248
Нация 21, 23—25, 27, 30—32, 37, 41—46, 53, 55, 58, 61, 69, 78—80, 85—89, 109, 111, 112, 129, 138, 141—143, 146, 147, 150, 151, 157—159, 168—176, 198, 233, 239, 247, 248, 257—259; буржуазная 40, 45, 61, 91—93, 138, 145, 146, 151, 152, 155, 239; европейская 171; как социальная общность 91, 233; как этническая общность 80, 87, 166; развивающаяся 151; советская 49, 175; социалистическая 23, 24, 40, 45, 46, 138, 145, 146, 151, 152, 155, 173, 247, 270; этносоциальный организм (эсо) 42, 45, 90, 112, 137, 144—146, 148—150, 152, 168; этнос 110, 115
Неокантианство 185, 186
Неолит 130
Неопозитивизм 186
Права 30, 50, 86, 178, 179
Обряды (обрядность, ритуалы) 30, 48, 63, 68, 70, 119, 127, 162, 163, 170, 179, 193, 226, 230, 231, 269
религиозные 62
Общественная жизнь (общественно-политическая) 11, 68—70, 114, 119, 155, 167, 195, 200, 106, 210, 211, 243, 249, 250, 261, 270
Общественная практика (общественно-историческая) 12, 35
Общественно-исторический процесс 112, 184
Общественное развитие 11, 39, 69, 77, 112, 152, 164, 165, 170, 205, 210, 230, 241, 252, 256, 261, 268, 271
Общественное разделение труда 130
Общественные (гуманитарные) науки 5, 17, 35, 199, 214, 259, 262, 266, 271
Общественные связи и отношения 11, 12, 79
Общественные явления 180, 184
Общественный прогресс 18, 188
Общество 12, 15—18, 32, 39, 49, 60, 62, 69, 70, 72, 76, 77, 119, 123, 154, 159, 162, 164, 165, 170, 182, 183, 185, 186, 189, 190, 206, 212, 243, 244, 249, 251, 253, 258, 259, 269
антагонистическое 61; архаическое 72, 75; бесклассовое 139; буржуазное 146; доземледельческое 58, 241; доклассовое 53, 111, 136, 156, 210, 241, 242; как объект (исследования) этнографии 187, 189; капиталистическое 12, 91, 109, 138, 144; классовое 39, 40, 53, 58, 61, 62, 91, 92, 108, 111, 112, 134, 137—139, 142, 144, 159, 210, 234, 241, 253, 265, 267, 268; коммунистическое 175; рабовладельческое 137; раннеклассовое 70, 114, 167, 168, 190; социалистическое 68, 110, 111, 138, 144, 172, 173, 202; средневековое (феодальное) 12, 168
Общественно-экономический процесс 16, 185
Община 14, 15, 24, 53, 131, 167, 168
родовая 129, 136, 241—243; семейная (ее архаические формы) 137, 241; соседская 241
Общинные институты 190
Общность 6, 10, 11, 17—21, 24, 27, 29, 31—33, 38, 60, 68, 91, 98, 100, 108, 114, 120, 121, 126, 129, 138, 139, 142, 160, 163, 193, 207,

ассоциированная 147—149; биологическая (антропологическая) 19, 21, 26; генетическая (популяция) 120; донациональная 138; интернациональная 37, 42, 43, 45, 80, 88, 90, 91, 95—97; историко-этнографическая 32—34, 64; историческая 24, 27, 129, 175, 257, 276; исторических судеб 75, 104, 105—197, 232; кастовая 123; конфессиональная 120; культурная (культуры) 16—19, 31, 32, 37, 38, 57, 60, 61—64, 75, 79, 91, 95, 111, 125, 130, 132, 135, 144, 153, 206, 207; лингвистическая 57, 167; лингвоэтнографическая 143; замкнутая в брачном отношении 120; национальная 87, 95, 108, 112, 138, 145, 146, 248; областная (локальная) 17, 141; племенная (племен; как племя) 112, 127, 133, 139, 140; политарная 15, 21, 40, 167; потестарная (социально-потестарная) 15, 127, 134; происхождения (признак этнической общности) 24, 26, 31, 37, 96, 102, 103—106, 108, 113, 150, 222, 232; психики (психическая) 31, 79, 80, 91—93, 95; родовая 150; религиозная 123; родоплеменная 39; социальная (ее компоненты) 10, 11, 14, 21, 24, 38, 40, 62, 70, 76, 91, 120, 123, 128, 164, 187; социально-политическая 15, 32, 39, 41, 148; социально-экономического развития 18, 96; социально-этническая 155, 233; стереотипов (значений) 95; территориальная (территории) 13, 21, 32, 38, 40, 42, 62, 107, 145; территориально-экономическая 144; устойчивая 10, 128; хозяйственно-культурная 34; экзогамная 121; экономическая (экономики; хозяйственной, экономической жизни; внутренних экономических связей) 11, 21, 24, 32, 38, 40, 42—46, 145, 166, 168
Общность этническая 6, 11, 18, 22—37, 40—44, 54—58, 61—63, 65—67, 70, 75, 76, 80, 84—90, 92—97, 99, 100, 102—104, 110, 111, 115—118, 123, 125—129, 131—139, 142—144, 149, 151—157, 159, 161, 163, 164, 166, 168, 170, 171, 177, 178, 206, 213, 215, 221, 223, 226, 228, 230, 232—234, 244, 255—258, 260, 261, 265, 267, 268
виды 23—26, 28, 31, 32, 40, 41, 53, 55, 56, 95, 96, 102, 125, 137; национальная (нация) 82, 87, 135, 166; межгрупповая 133; межплеменная 134
Общность этнографическая 33, 111, 126, 132, 206, 213

Общность этнокультурная (этнокультурных черт) 53, 107
Общность этнолингвистическая 25, 134, 139, 141, 143, 150, 152, 157
Общность этнополитическая 112, 144, 150—152, 158
Общность этнорасовая 150, 271
Общность этносоциальная 127, 129, 137, 141, 143, 146
Общность — этносоциальный организм (эсо) 140, 143
Общность — этнос 21, 121, 266
Общность этнотерриториальная 112
Общность языка 11, 38, 55—58, 106, 143, 193
Объект и предмет научного познания 204, 205, 207
Обычай (обычай) 21, 26, 30, 50, 63, 68—71, 85, 95, 119, 122, 132, 141, 162, 163, 179, 193, 221, 232, 269

Палеолит 15, 128—130
Палеоэтнографические карты 236
Первобытность, первобытнообщинный строй, первобытное общество 13, 15, 16, 33, 37, 39, 57, 58, 60, 70, 75, 103, 114, 125—128, 130—136, 142, 157, 166, 170, 185, 198—200, 202, 233, 241—243, 253, 265
Племя (племена) 15, 21—23, 25, 27, 40, 46, 57, 88, 114, 115, 127—135, 138—140, 142, 145, 152, 156—159, 167, 182, 201, 257
как основное этническое подразделение первобытности 126, 127; как потестарная общность 127, 134; как социальная единица первобытности 127; как этническая общность 103, 127; как этносоциальная ячейка 114; племенная организация (структура) 128, 134; племенные и межплеменные образования (коллективы, группы) 60, 134, 150; семья племен 134, 135, 140, 142, 144, 257; совокупность (союз) племен 15, 22, 127, 133—135, 139—141; соплеменность 131—133; этникос 128—131, 152; этносоциальный организм (эсо) 127, 128, 131, 132, 135, 137, 152
Политическая власть (господство) 15, 171
Политическая надстройка 41, 147
Популяция 6, 10, 14, 19, 20, 26, 120—124, 163, 213, 256, 257, 259, 261, 266
Потестарные единицы 128, 135
Право (правовые отношения) 70, 141, 195, 206
Предание 69, 113, 132
Производство 11, 16, 43, 49, 50, 53,

60, 68, 74, 76, 91, 109, 164, 166, 167, 172, 211, 222, 228, 261
способ производства 45, 76, 167, 170
Производительные силы 11, 38, 49, 63, 76, 95, 164, 166—168, 174, 211, 261
Производственная ячейка 15
Производственные связи 187
Производственные (производственно-экономические отношения) 11, 12, 38, 39, 43—45, 76, 155, 167, 170
Пролетариат 109, 110, 145, 171
Психика 6, 31, 37, 47, 48, 52, 54, 78—80, 84, 87—90, 94, 163, 183
этнических общностей 92, 94; этноса 92, 98, 164
Психическая жизнь 80, 81
Психические свойства 79, 81, 84, 86, 91—93
Психические явления 78, 79, 82
Психический склад 26, 79—81, 83, 86—89, 90—94, 163, 233, 234, 259
наций 80, 85, 91—93; этнических единиц 91; этнических образований 90; этнических общностей 87, 90, 92—94; этноса 163
Психический стереотип 86, 187
Психологические черты 81, 84, 86, 91—93, 161
Психология 10, 47, 78, 80—83, 85, 87, 90, 161, 187, 188, 228, 233, 234, 264
национальная 85, 87, 91, 233, 271; социальная 20, 21, 79—81, 83, 84, 88, 92, 187, 233; этническая (этнопсихология) 78, 79, 88, 94, 123, 165, 187, 193, 227, 232—234, 251, 263, 266
Психологическая или этнопсихологическая школа 187
Рабовладельческий строй (рабовладение) 137, 138, 152, 241
Рабочие 43, 45, 46, 110, 146, 147, 171, 172, 176, 185, 192, 245
Расизм (расистские взгляды, теории) 30, 88, 89, 105, 150, 161, 196, 233, 237, 271, 272
Расовые отличия (особенности) 29, 30, 419
Расовые признаки (черты) 28, 29, 105
Расовый состав 28
Расовый тип 29, 103
Расогеиз 20, 257, 258
Расы 16—19, 25, 28—30, 33, 50, 89, 103, 184, 193, 203, 233, 256, 258, 271, 272
Религиозная принадлежность 105, 108
Религиозные верования 108, 120
Религиозные секты 120
Религия 48, 62, 63, 66, 76, 119, 120, 123, 161, 210, 230, 241

как компонент культуры (духовной) 31, 50, 58, 75, 105; как эндогамный барьер 119; как этноразграничительный барьер 66, 119
Род 15, 21, 127, 129, 135, 136, 241, 243
как социально-этническая микро-единица 136; материнский 200, 241, 243; патриархальный 241; экзогамный 15, 127
Родство (родственные связи) 19, 103, 105, 134, 143, 190, 242, 243, 253
биологическое (кровное) 103, 105, 222; языковое 134
Самоопределение 111, 119
Самосознание 10, 33, 97, 239
нации (национальности) 23, 43, 95, 96—98, 106, 108, 109, 111, 112, 172, 233, 251; племен (племенной принадлежности) 112, 134; предплемен 130, 131; социально-этнической микроединицы 136; этническое (этнической принадлежности) 26, 37, 66, 85, 95—100, 102—108, 110—112, 118, 122, 126, 133, 142, 149, 152, 155, 159—161, 163, 223, 226, 232, 235, 247; этнополитической принадлежности 112; этноса 104, 111
Семнотика 52, 66, 231
этническая (этносемнотика) 231
Семья (семейные отношения) 11, 14, 24, 36, 38, 49, 53, 70, 89, 119, 185, 195, 241, 242, 245, 246, 253
большая 137, 148, 241; малая 148; многогамная 21, 150, 268; национально-смешанная (смешанная) 99, 116, 120, 247, 248; однопородного этнического состава 119, 120; языковая 57
Сознание 12, 16, 37, 47, 48, 50, 69, 70, 71, 82, 95, 97, 110, 133, 135, 143, 229, 230, 269
интерпородное 48; классовое 95, 108; национальное (нации) 98, 108, 109, 227; общего происхождения (общности) 123, 131, 133; общественное 48, 49, 60, 68, 69, 78, 94, 95, 100, 155, 163, 188; объективированное 48; обиденное 59, 60, 75, 93, 95, 98—105, 113, 207, 228—230, 266, 270; опредмеченное 69; племенное (принадлежности к племен) 95, 131; распределенное 69; религиозное 108; этническое (этнической принадлежности) 55, 96, 98—102, 107, 109, 119, 153, 173, 228, 232; этносов 94, 95, 97, 215, 220, 226
Социализм 110, 139, 145, 146, 148, 150, 152, 154, 160, 172, 173, 174, 201, 202, 269

Социальная единица (ячейка, группа) 14, 21, 53, 65, 73, 84, 88, 91, 109, 110, 120, 167, 250, 253
Социальная жизнь 11, 32, 246, 249, 253, 262
Социальная организация 126, 241, 243
Социальная система 12, 14, 21
Социальная среда 12, 38, 76, 87, 88
Социальная структура 90, 128, 142, 146, 174, 191, 211
Социальная сфера 14
Социально-политические организмы (образования, организации, единицы) 13, 15, 16, 39, 41, 107, 108, 123, 143, 149
Социально-потестарные организмы 15, 16, 39
Социально-психологические явления (категории) 80, 83, 84, 89, 93
Социально-экономические отношения (явления, связи, процессы) 58, 149, 154, 248, 252
Социальные институты 39, 126, 253
Социальные науки (исследования) 68, 87
Социальные организмы 13—16, 39, 40, 41, 127, 139, 143, 146, 206, 229
Социальные отношения (процессы) 108, 165, 190, 258
Социогенез 258
Социологическая школа 187, 190
Социологические законы 10
Социологические категории 80
Социология 47, 51, 60, 190, 204, 206, 234, 236, 248—254, 266
буржуазная (западная) 16, 84, 87, 233; этническая 250, 253, 263, 266
Статистика 189, 205, 249, 263
Структурализм 187, 188
Субэтнос 227
Темперамент 87—89, 163
как компонент психического склада 163; национальный (в национальной среде) 88; типы его 87, 88; этноса (как свойство его) 88
Территория этническая 23, 26, 96, 107, 118, 123, 161, 163
Типологизация (типология) культурных общностей 19; этнических общностей 23, 24, 26; этносов 23
Топонимика 132, 163, 221, 223
Традиции 26, 68—72, 74, 99, 123, 131, 143, 156, 175, 180, 188, 193, 220, 230, 256, 262, 271
бытовые 68; исторические 70; как признак нации 30, 69; культурные 69, 93, 199, 202; научные 5; национальные 69, 70, 269; нейтральные 69; обрядовые 68; отрицательные (пе-

режитки) 69, 229, 230, 264, 270; первобытного общества 75; политические 108; производства и хозяйственного быта 68, 164; революционные 68, 110; религиозные 69; семейные 68; фольклорные 69, 106, 226; этнические, этноса 66, 105, 132; этнографических исследований 194

Феодализм 130, 137, 141, 152, 171, 238
Физика 205
Физические признаки 19, 195
Философия 18, 77, 185, 205, 234, 243
Фольклор 62, 72, 74, 95, 199, 225, 226, 231
Фольклористика 179, 180, 191, 195, 207, 214, 225, 226
Формация 11, 12, 15, 16, 21, 61, 90, 95, 126, 133, 170, 171, 173, 211, 253
докапиталистическая 92, 138, 139, 143, 144, 155, 156, 201, 261; доклассовая 80; кашталитическая 92, 160; первобытнообщинная (первобытная) 92, 127, 131, 133, 134, 137, 142, * 211; рабовладельческая 92; социалистическая (коммунистическая) 46, 92, 169; социально-экономическая 17, 27, 45, 46, 103, 126, 133, 154, 264, 268; феодальная 92, 141
Фрейдизм 82, 187
Функционализм 186, 188

Характер 80—82, 84—87, 89, 91, 187, 233
нации 80, 86, 94; национальный 83, 84, 86, 90, 91, 93, 94, 100, 227, 233, 234, 251; этнических единиц 91, 220; этнической общности (этнический) 84—86, 92, 93, 233; этноса 85, 86
Хозяйственно-культурные типы 18, 33, 34, 64, 77, 130, 132, 163, 167, 215, 264, 268
Хозяйство 18, 76, 163, 165, 168, 175, 217, 245, 262

Чувства патриотизма 108; племенной принадлежности 112; этнические (национальные) 55, 98, 108—110; этнополитической принадлежности 112

Школа «культурных кругов» 186, 198

Эволюционистское направление в этнографии (эволюционизм, неозволюционизм) 183—185, 188—190, 195
Экзогамия (экзогамность) 129, 136, 200, 241, 242

Экологическая среда 163
Экономика (экономические связи) 24, 36, 42—44, 77, 109, 145, 149, 155, 166—170, 174, 175, 206, 211, 252
Эндогамия (эндогамность) 24, 103, 114—122, 129, 132, 136, 256
границы эндогамии (барьер эндогамный) 118, 119
Эстетика марксистско-ленинская 48, 66
Этика 48, 49, 222, 229
Этникос 39, 40, 41, 43, 44, 95, 107, 123, 128, 129, 131, 132, 136, 138—150, 154, 155, 206, 213, 249, 265
Этническая группа (образование, подразделение) 30, 31, 33, 42, 54, 58, 65, 91—93, 95, 97—100, 102, 104, 105, 107, 108, 111, 112, 116, 120, 121, 124—127, 131, 133, 134, 136, 138, 139, 143, 144, 147—149, 157, 159, 161, 167, 171, 176, 193, 267, 268
Этническая дифференциация (размежевание, деление, отличие) 13, 29—31, 52, 77
Этническая иерархия 125, 126, 128—129
Этническая информация 52, 54, 64, 136, 170
Этническая номенклатура 26, 126
Этническая педагогика 232
Этническая преемственность 166
Этническая принадлежность 28, 29, 54, 63, 98, 99, 104, 105, 107, 111, 116, 117, 119, 138, 144, 152, 153, 158, 163, 222, 234, 240, 255
Этническая среда (окружение) 247, 251
Этническая структура 23, 99, 112, 125, 152
Этнические анклавны 149
Этнические интересы 110, 171
Этнические компоненты (компоненты этноса) 114, 152, 155, 160, 162, 164, 166, 170, 207, 208, 237
Этнические макро- и микроединицы (формирования) 125, 132, 136, 143, 148, 150, 152, 155
Этнические меньшинства 99
Этнические подразделения (основные) 126, 128, 129, 131, 136, 141, 142
Этнические процессы 13, 15, 23, 24, 33, 125, 126, 127, 133, 134, 150, 152, 156, 158—163, 165—173, 198, 213, 227, 239, 245, 247—251, 270
объединительные 154, 157, 158; этногенетические 153, 154, 158; этносоциальные 154, 155; этноэволюционные 153—155
Этнические свойства 28, 31, 35, 36, 39, 54, 57—60, 65, 73—75, 85, 88, 90, 94, 100—102, 105—107, 110, 111,

118, 121, 125—127, 136, 142, 144, 147, 151, 152, 155, 156, 158, 160, 165, 173, 202, 207—209, 222, 226, 228, 240
Этнические связи (национальные контакты) 23, 58, 66, 73, 99, 100, 109, 110, 133, 213, 226, 269
Этнические символы 55, 56, 59, 60, 66, 101, 107
Этнические (авто) стереотипы 97, 100, 101, 105, 161, 232
Этнический определитель 23, 55—57, 59, 98, 102
Этнический признак 26, 29, 54, 56—60, 63, 72, 96, 98, 105, 108, 122, 172
Этнический состав 23, 197, 201
Этническое развитие 29, 132, 157, 189, 239
Этническое самоназвание (этноним) 31, 98, 99, 133, 162
Этногенез (этногенетические процессы) 23, 47, 163—165, 217, 222, 238—240, 256—258, 268
Этнографические группы (образования, подразделения) 25, 32, 33, 111, 121, 132, 142, 143, 157, 222, 250
Этнография (этнографическое изучение, исследование; этнографическая наука) 6—8, 15, 18, 21—24, 28, 33, 54, 58, 73, 88, 126, 178, 180—199, 201—205, 207—209, 212, 214—219, 221—232, 234, 236—241, 245—256, 258—268
буржуазная 186, 187; дореволюционная (отечественная) 182, 190, 196, 197; ее задачи и цели 182, 184, 189, 193, 196, 199, 202, 207, 213, 215, 218, 226—229, 231, 232, 235, 247, 264, 269—271; зарубежная (Западной Европы) 188, 189; историческая 268; как наука об этнических общностях 177; как наука об этносах 182, 265; как один из разделов этнологии 179; как описательная (региональная дисциплина) 21, 181; как субдисциплина географии 184, 259; как марксистская, советская 54, 196, 198—203, 206—209, 211—213, 216, 242, 245, 252, 270, 271; общая 33; объект (исследований) 11, 21, 22, 183—185, 187, 189, 193, 204, 206, 209, 211, 213, 236, 237, 249, 263—265; основы 60; предмет (исследований) 11, 24, 189, 192, 193, 196, 198, 200—207, 209—211, 213, 215, 216, 221, 223, 240, 244, 249, 253, 260, 263—267; в России (русская) 195, 196, 217

Этнокультурная информация 52—54, 156, 167, 169
Этнокультурное единство 170
Этнокультурные контакты 149, 168
Этнокультурные области 34, 130
Этнокультурные процессы (явления) 136, 154
Этнокультурные различия 122, 141
Этнология 178—181, 189—192, 199, 249
западноевропейская 194; как наука о человечестве 189; как история национальностей 184; как наука об этносе 182; как субдисциплина общей антропологии 190; как теоретическая дисциплина 21, 181; общая (глобальная) 183
Этнологические (географические) общества 179, 182, 184, 194, 195
Этнорасовые смешения 117
Этнос 13, 21—33, 35—48, 52—55, 57—60, 62, 70, 71, 73, 74, 84—86, 88, 90—99, 101—111, 113—126, 137, 147, 149, 152—154, 156—170, 178, 180, 182, 193, 206—213, 216, 221, 223, 227—229, 231, 232, 234—237, 247, 248, 260—266, 268, 270
дисперсный 53; доклассовых обществ 111; как динамическая система 238; как народ 25, 28—30, 32, 65, 66, 87, 189, 193, 206; как народность 58, 110, 111; как национальность (нация) 58, 110, 115; как объект этнографических исследований 22, 205—207, 249; как племя 256; как целостная система 64; как этникос (в узком значении) 107, 125, 126; как этносоциальный организм (эсо) 13, 35, 120, 126; классово антагонистических формаций

(обществ) 95, 111; механизм и формы его существования 124, 125; модели этносов 102; первоначальное значение 21, 22; родоплеменной эпохи 63; типы 125
Этносоциальные процессы 194, 253, 255, 256, 258, 261, 264, 270
Этносоциальный организм, этносоциальное образование (эсо) 39—46, 64, 108, 110, 112, 127, 131, 135, 140—142, 147—150, 154, 157, 168, 170, 212, 218, 250, 256, 264, 266
как народность 137, 138, 140—145, 159; как нация 42, 45, 90, 137, 144, 146, 149—151, 168; как объект этнографии 206; как племя 127, 128, 131, 132, 137; как род 129; как этнос 120; типы 154
Этнофор 136, 150

Язык 18, 25, 26, 30, 31, 48, 53, 55—60, 63—66, 75—77, 85, 105, 109, 122, 126, 135, 145, 147, 158, 160, 167, 190, 198, 202, 203, 221—223, 232
как признак этноса 26, 29, 37, 38, 170, 221; как эндогамный барьер 118; как этноизолирующий фактор 118; народностей 157; народов 161; национальностей (нации) 30, 55, 184; национальных меньшинств 157; обиходный 75; племен 135, 139, 257; русский как компонент общесоветской культуры 175; этнических единиц (групп) 157; этноса 54, 56, 59, 160
Языкознание (языковедение) 58, 237
Языковое деление (размежевание) 31, 57, 161
Языковые группы 139, 143, 171

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Часть первая

Этнос как динамическая система

Глава первая О месте этноса в системе человеческих общностей (предварительные замечания)	10
Глава вторая Этнос и этносоциальный организм	35
Глава третья Культура и ее этнические функции	47
Глава четвертая К вопросу об этнических аспектах психики	78
Глава пятая Эндогамия как «стабилизатор» этноса. Этнос и популяция	114
Глава шестая Опыт типологизации этнических общностей	125
Глава седьмая Этнические процессы	153

Часть вторая

Этнография как наука об этнических общностях

Глава первая Некоторые традиции науки о народах	178
Глава вторая К вопросу об объекте и предмете этнографических исследований	204
Глава третья Размежевание и кооперация этнографии с другими научными дисциплинами при изучении основных компонентов этноса	214
Глава четвертая Этнографическое изучение прошлого и современности. Этнография, история и социология	236
Глава пятая Роль демографии, антропологии и географии в изучении этнических общностей	255
Вместо заключения	264
Приятые сокращения	272
Предметно-терминологический указатель	273

CONTENTS

Introduction	5
------------------------	---

Part one

Ethnos as a Dynamic System.

Chapter one.	The Position of Ethnos in the System of Human Entities (preliminary remarks)	10
Chapter two.	Ethnos and Ethnosocial Organism	35
Chapter three.	Culture and its Ethnic Functions	47
Chapter four.	On the Ethnic Aspects of Psychic Features	78
Chapter five.	Endogamy as a «Stabilizer» of Ethnos. Ethnos and Populations	114
Chapter six.	An Attempt on a Typology of Ethnic Entities	125
Chapter seven.	Ethnic Processes	153

Part two

Ethnography as a Discipline Studying Ethnic Entities.

Chapter one.	Some Traditions of the Study of Peoples	178
Chapter two.	On the Object and Subject of an Ethnographic Study	204
Chapter three.	Delimitation from and Co-operation with other Scientific Disciplines in Studying Main Components of an Ethnos	214
Chapter four.	Ethnographic Studies of the Past and of the Modern Situation. Ethnography, History and Sociology	236
Chapter five.	The Role of Demography, Physical Anthropology and Geography in the Studies of Ethnic Entities	255
	Instead of a Conclusion	264
	Abbreviations Used	272
	Index	273

Глав

Глав

Глав

Глав

Глав

Глав

Глав

Глав

Глав

Глав

Глав

Глав

Юлиан Владимирович Бромлей

Этнос и этнография

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Художественный редактор *В. Н. Тихунов*
Технический редактор *И. А. Макогонова*

Сдано в набор 27/IX 1972 г. Подписано к печати 8/I 1973 г.
Формат 60 × 90^{1/16}. Усл. печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 21,4
Тираж 4500 экз. Т-04206. Тип. зак. 1222. Бумага № 2
Цена 1 р. 44 коп.

Издательство «Наука», 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099
Москва, Г-98, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
17	2 сл.	В. М. Междев	В. М. Межуев
87	16 сл.	Дж. Горер	Дж. Горер
129	9 сл.	В. П. Алексеев	В. В. Алексеев
272	21 сл.	этропологии	антропологии

Ю. В. Бромлей